Бермудский треугольник любви

Игорь Маркович Ефимов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новый Декамерон. Рассказы в диалогах о знаменитых американцах XX века.

- Игорь Ефимов
  - Франклин Делано Рузвельт (1882–1945)
  - Элеанор Рузвельт (1884–1962)
  - Эрнест Хемингуэй (1899–1961)
  - Айн Рэнд (1905–1982)
  - Джон Чивер (1912–1982)
  - Джером Сэлинджер (1919–2010)
  - Ричард Бартон (1925–1984)
  - Филип Рот (1933-)
  - Вуди Аллен (1935-)
  - Билл Клинтон (1946-)
  - Библиография
  - Указатель имён

Игорь Ефимов
БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК ЛЮБВИ

Франклин Делано Рузвельт (1882–1945)

Двое, которых мы будем называть БАС и ТЕНОР, сидят друг перед другом за столом. Перед каждым — книги с закладками, газетные вырезки, фотографии. Иногда они произносят свои мини-монологи, глядя друг на друга, иногда — глядя в камеру. Время от времени их изображение сменяется портретами тех, о ком они говорят, изображениями упоминаемых зданий, кораблей, уличными сценами, кадрами кинохроники.

БАС: Приступая к разговору о фигуре такого масштаба, мы должны сделать что-то простое и наглядное, чтобы показать зрителю наше бесконечное уважение к 32-му президенту Соединённых Штатов. Например, повесить на стене его большой портрет и перед каждым перерывом на рекламу поворачиваться к нему лицом и застывать в молитвенной позе. Не должно возникнуть и мысли, будто мы принадлежим к той хищной породе журналистов, расплодившейся в последние десятилетия, которая жадно ищет тёмные провалы в жизни знаменитых людей, скелеты в шкафу, дохлых кисок в подвале.

ТЕНОР: Боюсь, поклонение портрету может быть воспринято как пародия на иконопочитание. Зачем? Наша роль, мне кажется вполне ясной, вырастающей из почётных традиций греческого театра. Там, как вы помните, кроме главных персонажей на сцене, рядом присутствовал хор, который комментировал происходящее, восхищался, ужасался, предостерегал. Философ Шеллинг так объясняет назначение хора: "Оно стало заключаться в том, чтобы отнять у зрителя его переживания — движения души, участие, думы, не предоставлять его самому себе… и таким образом, при помощи искусства, всего приковать к драме". Жизненная драма под названием "Франклин Делано Рузвельт" закончилась в апреле 1945 года. Книги, фильмы, биографии, воссоздающие эту жизнь, могут быть интерпретированы как хоровые составляющие огромного театрального действа. И наша программа представляет собой просто два новых голоса, вливающихся в могучий хор.

БАС: Хорошо, что мы не биографы и нам нет нужды начинать с детства героев, с описания их предков до пятого колена, с исторической эпохи, на фоне которой они появились на свет. Первые кадры кинофильма теперь пускают прямо на ползущих титрах — так поступим и мы: поезд Нью-Йорк-Покипси дымит по левому берегу Гудзона; в углу экрана дата — 1902; в вагоне по

проходу идёт молодой человек — высокий, красивый, полный живого любопытства ко всему, на что падает его взор. Вот он замечает знакомое лицо. Девушка отворачивается от окна, смотрит на него. Ну, конечно, они встречались и раньше. Где? На какой-то из вечеринок, балов, пикников, которые бесчисленные нью-йоркские Рузвельты и Делано устраивают чуть не каждую неделю. Да, они оба Рузвельты. Элеанор — ни много, ни мало — родная племянница нынешнего президента, Теодора Рузвельта. Родство Франклина с президентом гораздо более дальнее. Зато покойный отец Элеанор, родной брат президента, был его крёстным отцом.

ТЕНОР: Но родственные связи и клановые сплетни недолго остаются темой их разговоров. Впоследствии друзья и близкие будут ломать голову: что свело вместе двух таких непохожих людей? Почему красавец, круживший голову десяткам прелестных девушек и дам, предпочёл проводить время с некрасивой, неловкой, лишённой дара светской беседы Элеанор? Похоже, она и сама не верила своему счастью. Однажды в разговоре с кузиной разрыдалась и воскликнула: "Нет, мне не удержать его! Он ведь просто неотразим!".

БАС: В другой раз она призналась кому-то из близких, что полюбила Франклина за то, что он прочёл не меньше книг, чем она. В 1903 году они встречались уже регулярно, и в их общении и разговорах никогда не случалось тягостных пауз. Наслаждение беседой, выплёскивавшейся далеко за круг обычных тем светской болтовни, было для Франклина новым и волнующим в отношениях с девушкой. В его дневнике всё чаще упоминаются встречи с Элеанор, и одна короткая запись ясно говорит о его чувствах к ней: "Э. — ангел!". Впоследствии их сын Элиот написал: "Отцу, похоже, доставляло удовольствие освобождать свою невесту из раковины, в которой она жила. С ним она впервые научилась получать удовольствие от вечеринок и других сборищ". Не напоминает ли это нам легенду о Пигмалионе и Галатее?

ТЕНОР: А раковина была выкована прочная, уже с детских лет. Мать роняла в адрес дочери едкие замечания: "Не знаю, что с тобой будет. Ты такая непривлекательная, что у тебя нет иного выхода, как стать очень-очень хорошей". Или: "Если девушка некрасива, нужно, чтобы она хотя бы имела приличные манеры". Сверстники называли Элеанор "granny" — бабулька. После смерти матери — унылое отрочество в доме бабушки, где игры не поощрялись, развлечения осуждались, а за столом было положено сидеть молча.

БАС: Просвет наступил лишь тогда, когда пятнадцатилетнюю

Элеанор отправили за океан, в школу-пансион для богатых девочек под Лондоном. Директрисса, мадмуазель Сувестр, сразу разглядела в юной американке клад душевных богатств и писала впоследствии её родным, что в жизни не сталкивалась с такой сердечной теплотой. Элеанор, в свою очередь, была поражена смелостью, с которой директриса нарушала каноны общепринятого. В войне между англичанами и бурами она была на стороне буров. Выступала в защиту Дрейфуса. Отстаивала права профсоюзов. Почти не скрывала своего лесбиянства. "Шоковая терапия мадмуазель Сувестр заставила меня думать самостоятельно", вспоминала потом Элеанор.

ТЕНОР: Очень важно, что школа Алленсвуд избавила её от многих страхов, в том числе и физических. Она даже вступила в школьную команду травяного хоккея и очень гордилась победами. У школьниц было принято выражать свои чувства друг к другу, оставляя по субботам букетики фиалок в комнате той, которая была им по сердцу, и комната Элеанор часто оказывалась заполненной цветами. Так что девушка, встреченная молодым Франклином в поезде, была уже не той испуганной замухрышкой, с которой он встречался у родственников три года назад.

БАС: По отзывам современников, в юной Элеанор жила благодарная отзывчивость на внимание и любовь, которая должна была поразить и привлечь молодого Франклина. Само отсутствие светскости оборачивалось достоинством, ибо в общении с нею оставалось место только для самых искренних чувств. Когда юноша подсознательно отыскивает, на кого из мелькающих перед ним красавиц обратить накопленный заряд любви, его выбор может быть определён не внешностью, а смутным предчувствием: "Вот эта будет осчастливлена моей любовью сильнее всех остальных".

ТЕНОР: Но прежде, чем предлагать девушке руку и сердце, нужно было получить согласие матери. А Сара Делано Рузвельт была женщиной властной, решительной, обожавшей своего сына так, что никакая невеста не могла показаться ей достойной его. Да, Элеанор была племянницей президента, да, имела достаточное состояние, вела себя достойно, радостно кидалась выполнять любую просьбу и пожелание. Но где блеск, где красота, искромётность, остроумие? Когда Франклин сообщил матери о своём намерении жениться, мать была в полном шоке. И ведь не просил совета или благословения, а объявил как о деле решённом!

БАС: И какую изобретательность она проявляла в попытках расстроить этот брак! Потребовала — выпросила — уговорила отсрочить оглашение помолвки на год, испытать свои чувства

временем. Настаивала, чтобы Франклин и Элеанор в эти месяцы как можно реже появлялись вместе на людях, не давали пищи сплетням и светской хронике. Поддаваясь её нажиму, сын согласился отправиться вместе с ней в шестинедельное плавание по Карибскому морю и во время путешествия флиртовал и танцевал с другими дамами так, что у матери зародились надежды на успех её плана. Но нет: по истечении года жених заявил, что отступать не намерен. Саре пришлось смириться. Помолвка была оглашена, и начались приготовления к свадьбе.

ТЕНОР: Недоброжелатели потом намекали, что среди мотивов, двигавших Франклином, было и желание породниться с президентом, которого он боготворил. Кроме того, многие молодые люди той эпохи женились рано просто ради того, чтобы спастись от дракона сладострастия. Проституция была запрещена, мастурбация объявлялась ведущей к неизбежному безумию или слепоте, незаконные связи грозили утратой положения в обществе. Женитьба представлялась единственным приемлемым выходом. Делая предложение Элеанор, Франклин сознался, что у него нет своего состояния, всеми деньгами распоряжается мать, а он всего лишь студент Колумбийского университета без гроша за душой. Но Элеанор заверила его, что ощущает в нём огромный запас творческих сил и верит в его блестящее будущее. Думаю, именно эта её непоколебимая вера в его талант и предстоящие свершения была главным магнитом, предопределившим выбор молодого Франклина.

БАС: В марте 1905 года только что избранный на второй срок Теодор Рузвельт сумел принять участие в бракосочетании своей любимой племянницы. Именно он, явившись прямо с парада, посвящённого Дню Святого Патрика, гремевшего за окнами на Пятой авеню в Нью-Йорке, повёл её к алтарю. Медовый месяц решено было провести в Европе. Франклин поспешно сдал экзамены на юридическом факультете, и молодожёны взошли на борт корабля.

ТЕНОР: В первые же недели путешествия Элеанор с болью осознала, как трудно ей будет поспевать — равняться — с этим вулканом энергии и энтузиазма. В Италии Франклин рвался вставать рано и начинать восхождения на горы высотой в несколько километров. Утомлённая путешествием Элеонор предпочитала оставаться в отеле. Молодой муж немедленно нашёл себе другую компаньонку, и они исчезли на три часа, а потом возбуждённо описывали увиденные красоты. Уязвлённая ревностью жена отказалась идти вечером на танцы — глазом не моргнув муж спустился в бальный зал отеля и веселился без неё.

БАС: Не следует забывать, что викторианская традиция

держала молодых девушек в полном неведеньи относительно плотских аспектов любовных отношений. Одна кузина Элеанор вспоминала, что пришла в ужас, когда знакомый мальчик поцеловал её за амбаром. Она была уверена, что тут же забеременеет от этого рокового поцелуя. Другая кузина, дерзкая и хорошо осведомлённая дочь президента Элис, пыталась просветить Элеанор относительно анатомических деталей брачной жизни. Та неблагодарно отказалась слушать и обрушила на просветительницу град ударов подушкой.

ТЕНОР: Впоследствии, давая инструкции своей дочери Анне перед её бракосочетанием, Элеанор произнесла знаменитую фразу: "Секс, моя дорогая, это то, что замужняя женщина должна научиться терпеть". Ещё одна кузина в своих воспоминаниях написала: "Хорошо воспитанная американка из Новой Англии знала, что после бракосочетания её долг был лечь в кровать и бормотать про себя при виде приближающегося мужа: "Во имя Господа, во имя страны, во имя Йельского университета!"".

БАС: Тем не менее, невежество молодой жены в брачных делах не помешало ей забеременеть в свадебном путешествии. Они вернулись в Америку, и здесь ей пришлось овладевать другой, ещё более трудной наукой: как ужиться с властной свекровью, продолжавшей считать себя главной фигурой в жизни своего сына? В фамильном имении Гайд Парк, на восточном берегу Гудзона, Сара Делано усаживалась во главе обеденного стола, Франклин — напротив неё, а его молодая супруга должна была отыскивать себе место где-нибудь посредине. То же самое и у камина: два больших кресла для матери и сына, а невестка устраивалась на полу. При гостях хозяйка дома могла сказать Элеанор: "Дорогая, если бы ты провела гребнем по волосам, ты бы выглядела гораздо лучше". Или: "Как насчёт того, чтобы одеться поприличнее?".

ТЕНОР: Но в собственных глазах Сара выглядела ангелом доброты, спасающим неопытную молодую женщину от ошибок, сделанных в жизни ею самой. Она поучала её по любому поводу, объясняла, кого следует приглашать, а кого — нет, какие слова употреблять в тех или иных ситуациях, в каких магазинах делать покупки, как выбирать одежду. Если у Элеанор собирались гости на чай, Сара не колебалась войти в комнату и занять место хозяйки у чайного столика. Ни в нью-йоркском доме, ни в загородном поместье у Элеанор не было уголка, который она могла бы считать своим.

БАС: Так или иначе, она терпеливо сносила всё. Ей хотелось быть любимой, принятой, заслужить одобрение. Жизнь молодых супругов вошла в колею, дети рождались один за другим.

Франклин получил место в адвокатской конторе, но эта работа не увлекала его. Поэтому, когда активный член демократической партии штата Нью-Йорк предложил ему принять участие в политической жизни, он откликнулся с интересом. Правда, заявил, что ему сначала надо посоветоваться с матерью. "Это не понравится избирателям", — заметил опытный политик. "Хорошо, я согласен", — сказал Франклин.

ТЕНОР: Судьба втянула его в политическую борьбу в возрасте двадцати восьми лет, но сразу с довольно высоким прицелом. Бороться за место сенатора в штатной легислатуре было нелегко, однако предвыборная кампания увлекла молодого кандидата. Используя автомобиль, поезд, бричку, он носился взад-вперёд по территории своего избирательного участка, выступал с речами в школах, спортивных залах, пожарных депо, пожимал руки фермерам, машинистам, каменщикам. Однажды произнёс прекрасную речь перед толпой, собравшейся у городской мэрии, и только после того как стихли аплодисменты, обнаружил, что его занесло в соседний штат — Коннектикут.

БАС: Звезда молодого штатного сенатора начала быстро подниматься. Его красноречие, уверенность, оптимизм заражали. На съезде демократической партии в 1912 году, выдвинувшем кандидатом на кресло в Белом доме принстонского профессора Вудро Вильсона, он совершенно очаровал пресс-секретаря будущего президента, Джозефа Дэниэлса. После победы демократов на выборах, Дэниэлс получил пост военно-морского министра и немедленно пригласил Франклина Рузвельта стать его помощником.

ТЕНОР: Для Рузвельта, обожавшего море и корабли с детства, зачитывавшегося описаниями морских сражений, это предложение было неодолимым соблазном. Оставив пост сенатора, в 1913 году он вместе с семьёй переезжает из Олбани в Вашингтон. И хотя Элеанор радовалась его успехам на политическом поприще (не она ли предсказывала их десять лет назад!), переезд в столицу наполнял её страхом. При её застенчивости и неумении сходиться с новыми людьми, переселение в кипящий мир вашингтонских интриг и скрытого противоборства представлялось мучительным. Этикет требовал, чтобы жена вновьприбывшего нанесла визиты жёнам всех мало-мальски заметных фигур. Каждый день Элеанор выходила из дома, имея в сумочке список из двадцати-тридцати адресов. За шесть первых недель она посетила дома президента, вице-президента, всех министров, верховных судей, послов, конгрессменов, но до конца списка было ещё далеко.

БАС: Очень скоро стало ясно, что справляться одновременно

со светскими обязанностями, с воспитанием детей и ведением дома ей будет совершенно невозможно. Кроме слуг, необходима была помощница, способная принять на себя хотя бы половину светских забот и хлопот. Так в доме Рузвельтов появилась прелестная молодая женщина, которую звали Люси Мерсер.

ТЕНОР: Вы заметили, что в воспоминаниях современников — а среди них было немало людей безжалостных — почти невозможно найти отрицательных отзывов об этой женщине? Красивая, добрая, отзывчивая, весёлая, с прекрасными манерами — вот обычные эпитеты. Её предки, и по матери, и по отцу, были среди тех, кто подписывал Декларацию независимости и принимал участие в революционной войне 1776-83 годов. В середине 19-го века по богатству и известности Мерсеры превосходили Рузвельтов. Но пьянство отца Люси и искусство матери транжирить доставшееся ей богатство привели к полному разорению семьи. И матери, и обеим дочерям пришлось искать работу. Поэтому, когда по цепочке старинных знакомств в 1913 году пришло предложение занять место секретарши у Элеанор Рузвельт, двадцатидвухлетняя Люси Мерсер с радостью согласилась.

БАС: Элеанор и Люси с первой же встречи нашли общий язык. Важным моментом оказалось то, что новая секретарша хорошо знала высший свет Вашингтона и могла уверенно поддерживать контакты своей хозяйки с ним. В её обязанности входило рассылать и получать приглашения и поздравления, устраивать встречи, планировать посещение спектаклей и выставок. Но она не уклонялась и от чисто домашних забот. Дети Рузвельтов полюбили её и часто искали помощи и совета у неё, а не у матери.

ТЕНОР: Обе женщины, Элеанор и Люси, росли в разрушенных семьях, обе принадлежали к высшему кругу, обе были высокими, голубоглазыми и имели пышную волну светлокаштановых волос. Но на этом сходство кончалось. Профиль Элеанор был испорчен выступающими зубами и отсутствием подбородка, в то время как лицо Люси напоминало греческую камею. Элеанор сутулилась, Люси держалась прямо и гордо. Её голос был мягким и мелодичным, а в голосе Элеанор часто прорывались скрипучие ноты. Люси была, по большей части, оживлена, Элеанор — серьёзна и неотзывчива на иронию. Насколько ей позволяли её средства, Люси одевалась изящно и по моде, Элеанор же мало обращала внимания на то, как она одета. Конечно, глава семейства не мог не заметить очаровательную молодую женщину, появившуюся в доме. Отправляясь утром на службу, он часто сталкивался с ней в прихожей и всегда приветствовал её

возгласом: "А вот и прелестная Люси!".

БАС: В 1916 году у Рузвельтов родился последний ребёнок, сын Джон. Шесть беременностей за десять лет (один ребёнок умер) — Элеанор решила, что её долг жены и матери исполнен и пора подвести черту. Использование противозачаточных средств осуждалось церковью, а во многих штатах было просто запрещено законом. В новом большом доме Рузвельты могли иметь отдельные спальни. Их брачные отношения прекратились. Тридцатичетырёхлетний мужчина, полный сил и энергии, был снова, как в студенческие годы, брошен во власть неутолённого сладострастия. Мог ли он остаться равнодушным к чарам молодой женщины, постоянно находившейся в его доме и, судя по всему, смотревшей на него с плохо скрываемым обожанием?

ТЕНОР: От вашингтонской жары семейство Рузвельтов обычно спасалось в своём поместье на острове Кампобелло, неподалёку от берегов штата Мэн. Именно там молодой Франклин полюбил морскую стихию, именно там отец учил его управлять парусной яхтой, а потом и подарил одну в собственное пользование. Обычно он рвался уехать туда в отпуск вместе с семьёй. Но летом 1916 года жена и дети уехали без него. Франклин остался в столице, ссылаясь на горы работы в военно-морском министерстве. На восточном берегу тогда началась эпидемия полиомелита, и он умолял жену не возвращаться в столицу, пока опасность не ослабеет. Сам съездил на остров всего на десять дней. Три месяца он оставался в Вашингтоне один.

БАС: Строгие моралисты утверждают, что нравы тех времён не позволили бы женатому человеку, видному члену общества, вступить в связь с молодой девушкой, находящейся у него на службе. Они не хотят видеть того, что творилось за плотной завесой соблюдения приличий. Эскапады отца Элеанор в какой-то момент привели к рождению незаконорожденного сына и были многие годы предметом сплетен в Вашингтоне. Её брат Холл пьянствовал и содержал в качестве любовницы русскую белоэмигрантку. Кузина Элис и её муж, конгрессмен Лонгворт, будто состязались в нарушении всех писаных и неписаных правил. Мать Люси развелась с одним мужем, оставила другого и вела весьма вольный образ жизни. Столичные шутники говорили, что, кроме седьмой заповеди — "не прелюбодействуй", есть ещё более важная — одиннадцатая: "не попадайся". Даже в самой Великобритании, этом оплоте викторианской морали, Вильям Гладстон однажды признался другу: "Я был знаком с девятью премьер-министрами, и семь из них были прелюбодеями".

ТЕНОР: Когда Люси принимала участие в обедах в доме Рузвельтов, в пикниках и прогулках, обычно приглашался и

молодой английский дипломат, предположительно считавшийся её ухажёром. Но облако взаимного обожания невидимо висело над Франклином и Люси — скрыть его было невозможно. И летом 1917 года, после морской прогулки на яхте "Сильф", где контуры их отношений проступили под ветром и солнцем, как проступают очертания фотоснимка, брошенного в проявитель, Элеанор уволила Люси.

БАС: Конечно, она мотивировала это тем, что, с вступлением Америки в европейскую войну, светская жизнь в столице резко сократилась и в помощи секретарши она больше не нуждалась. Однако изобретательный Франклин тут же устроил Люси на работу к себе, в военно-морское министерство. Ей даже был присвоен чин "йомен 3-го класса". Сохранились данные её медосмотра: "возраст — 25 лет (на самом деле её уже было 26), рост 5 футов 9 дюймов, глаза голубые, волосы каштановые, цвет кожи — красноватый" (видимо, после морской прогулки).

ТЕНОР: В это лето Элеанор опять уехала в Кампобелло только с детьми. Франклин слал ей нежные послания. Но вдруг она получила пакет с письмами, пришедшими на её имя во время её отсутствия. Имя отправителя: Люси Мерсер. Значит, несмотря на увольнение, бывшая серетарша появлялась в их доме и продолжала разбирать почту своей бывшей хозяйки?

БАС: Другим приютом для влюблённых стал особняк на Эйч-стрит, принадлежавший богатой супружеской паре Юстисов. Эта пара также имела поместье в Вирджинии, где Франклин и Люси часто проводили викенды. К сожалению, одиннадцатую заповедь соблюсти не удалось — сплетни об их романе докатились до начальника Франклина.

ТЕНОР: Военно-морской министр США Джозефус Дэниэлс был убеждённым изоляционистом и часто спорил со своим подчинённым, который считал вступление Америки в войну неизбежным. Кроме того, он был человеком старого закала, глубоко верующим христианином. Он запретил алкоголь на флоте ещё до введения сухого закона в стране, отменил раздачу презервативов морякам, находившимся в дальнем плавании, ибо верил, что воздержание — лучший способ решения сексуальных проблем. Мог ли он терпеть любовный роман в стенах своего министерства? Люси Мерсер была уволена без объяснения причин, прослужив всего четыре месяца.

БАС: Тем временем война в Европе полыхала не ослабевая. Франклин мечтал последовать примеру Теодора Рузвельта, принявшего в своё время участие в войне с Испанией 1898 года, рвался попасть на фронт. Летом 1918 года ему удалось получить командировку в Европу для инспекции военно-морских

подразделений США в Англии и Франции. Он также давно носился с планом перегородить Северное море минными полями, чтобы преградить путь немецким подводным лодкам, запереть их в прибрежных базах. Реальную осуществимость этого плана можно было оценить только на месте.

ТЕНОР: Но и наземные боевые действия вызывали его горячий интерес. Германия всё ещё отчаянно сопротивлялась. Рузвельт, одетый в какой-то полувоенный френч и солдатские ботинки, попал в зону боёв, когда немцы отбили очередное наступление французов. Он видел окопы, заваленные трупами, слышал свист снарядов над своей головой, разговаривал в госпиталях с ранеными, обожжёнными, искалеченными, контуженными, отравленными газами. Эти впечатления наверняка всплывали в его душе, когда ему довелось стать главнокомандующим вооружёнными силами США и он делал попытки избежать вступления Америки в очередную всемирную мясорубку.

БАС: Пересечение Атлантического океана в те месяцы было делом опасным. Но не немецкая торпеда чуть не прервала жизнь будущего президента на обратном пути. На страны Европы и Америки, вдобавок к бедствиям войны, началось страшное нашествие невидимого врага, получившего название *испанка.* Пассажиры и моряки корабля "Левиафан" умирали один за другим, и их хоронили в морской пучине. 12 сентября мать и жена Франклина Рузвельта получили телеграмму, рекомендовавшую им встречать возвращающееся судно в Нью-Йоркском порту, вызвав одновременно машину скорой помощи. Инфлуэнца и воспаление лёгких — таков был диагноз врачей. Больного несли по сходням на носилках, он был без сознания.

ТЕНОР: Его доставили в нью-йоркский дом Рузвельтов, переодели в чистое бельё, присланная врачом медсестра делала предписанные инъекции. Пока Франклин не пришёл в себя, Элеанор разбирала его багаж, сортировала корреспонденцию и путевые заметки. Среди бумаг ей попалась пачка писем, аккуратно перевязанных красной ленточкой. Она начала просматривать их, и, по её собственному выражению, "земля ушла у неё из-под ног". Это были любовные письма от Люси Мерсер, которые та посылала Франклину в течение двух месяцев его пребывания в Европе.

БАС: Тучи открывшейся лжи нависли над Элеанор, как облако ядовитого газа нависает над полем боя. Значит, все нежные послания, которые он отправлял ей в Кампобелло из Вашингтона, оказались обманом. И в письмах из Европы были только уверения "скучаю без тебя", "тоскую". Её обманывали за её спиной, но на

глазах у всего света. Сколько людей среди близких знакомых и родственников знало о романе и покрывало любовников? Включая, конечно, и слуг, которые обычно всё знают раньше хозяев. Какую унизительную и жалкую роль она играла, сама того не подозревая!

ТЕНОР: В конце месяца выздоравливающего Франклина перевезли в Гайд Парк. И здесь Элеанор предстала перед ним с роковой пачкой писем в руках. Отпираться было бесполезно, нарушение одиннадцатой заповеди безнадёжно усугубило нарушение седьмой. Элеанор заявила, что готова дать ему развод. Но просила обдумать всё хорошенько и особенно задуматься о судьбе детей. Каково им будет потерять любимого отца, на которого они привыкли смотреть как на образец честности и порядочности?

БАС: Когда мать Франклина узнала о происходящем, она восстала страстно и непреклонно. В кланах Рузвельтов и Делано развод был чем-то асболютно немыслимым. Измены и шалости на стороне можно было скрывать, но развод представлялся скандально недопустимым. Сара поставила сына перед выбором: если он решится оставить Элеанор и жениться на Люси, она лишит его всякой финансовой поддержки. Его строгий начальник, Джозефус Дэниэлс, несомненно уволит его. Он останется без денег и без работы. Политическая карьера тоже будет кончена для него, ибо разведённый политик в те годы не имел никаких шансов на успех.

ТЕНОР: Жил ли когда-нибудь человек, который на месте Франклина Рузвельта, будучи поставлен перед таким выбором, остался верным своей любви? Сильно сомневаюсь. Мы не знаем, сколько времени ушло у него на раздумья, каких душевных мук оно стоило, в каких словах он сообщил Люси о необходимости расстаться. Знаем только, что год спустя она вышла замуж за богатого вдовца с пятью детьми и стала миссис Разерфорд. Пасынки были покорены золотым характером молодой красивой мачехи, а вскоре она родила и свою дочку. Обсуждая условия примирения, Элеанор выдвинула требование: *эта женщина* должна исчезнуть из жизни Франклина. Он подчинился и этому. Или только сделал вид, что подчинился?

БАС: Состояние Элеанор в последовавшие месяцы внушало серьёзную тревогу окружающим. Она сильно исхудала, осунулась. Её часто тошнило, организм будто отказывался принять съеденный обед. Кислота, поднимавшаяся вместе с рвотой, разрушала дёсны, зубы шатались и выпирали вперёд сильнее обычного.

ТЕНОР: Физические недомогания сопровождались

приступами душевной боли. Её разочарование в муже было глубоким и горьким. Его уверенность в себе теперь выглядела в её глазах эгоизмом, общительность — пустотой, дар привлекать людей — манипуляторством. В какой-то момент она сожгла все его письма — они казались ей пронизанными обманом.

БАС: Тем не менее жизнь семейства Рузвельтов по виду вернулась в обычную колею. Но ненадолго. Три года спустя на них обрушилось новое потрясение. Молодой блистательный член демократической партии уже поднимался по ступенькам политической иерархии, на выборах 1920 года он был номинирован на пост вице-президента, как вдруг, в августе 1921 года, страшная болезнь сразила его и, казалось бы, изменила всю его жизнь навсегда.

ТЕНОР: Несмотря на свою физическую энергию и любовь к спорту, Франклин болел часто и порой — тяжело. В списке перенесённых им недугов были скарлатина, воспаление лёгких, инфлуэнца, прострелы, аппендицит, тиф, крапивница, частые простуды. Но его метод борьбы с болезнями всегда был один: "Не поддаваться!". И в этот раз, свалившись в ледяную воду залива во время морской рыбалки, он и не подумал дать себе отдых в тёплой постели. Несмотря на начавшуюся боль в ногах и усталость, на следующий день он взял троих детей, и они отправились в новую морскую прогулку. Вдруг заметили, что в одном месте на берегу загорелась трава. Все четверо высадились и несколько часов тушили пожар, хлеща его пучками веток, топча ногами. Потом совершили двухмильный пробег к озеру, чтобы искупаться. Наутро Франклин с трудом мог подняться с кровати, дойти до ванной, побриться. И это было последнее бритьё, которое он совершил, стоя на своих ногах.

БАС: В безмятежном приюте на острове Кампобелло начался настоящий ад. Дикая боль в ногах и позвоночнике не давала больному заснуть. Прикосновение одеяла вызывало стоны. Температура поднялась до 102º F, он начал бредить. Желудок и почки отказывались работать. Героическая Элеанор должна была день за днём очищать его кишечник при помощи клизм, мочевой пузырь — при помощи катетера. Сменявшиеся врачи не сразу смогли поставить правильный диагноз. Ведь полиомелит — это болезнь детей?! Каким образом она могла поразить здорового сорокалетнего мужчину?

ТЕНОР: Современная медицина считает, что проникновение полиовируса в клетки нервной системы оказывается возможным в случае ослабления иммунной системы организма. Одной из причин такого ослабления считают нервный стресс. Наверное, найдутся романтики, которые будут утверждать, что после

вынужденной разлуки с Люси Мерсер Франклин жил в постоянном стрессе. Такая красивая модель: *чуть не погиб от любовной тоски!*

БАС: Но им будут возражать строгие моралисты и христианские ортодоксы. По их схеме всё объясняется очень просто: совершил грех прелюбодеяния — и наказание не заставило себя ждать.

ТЕНОР: Через несколько месяцев состояние больного стабилизировалось. К нему вернулся аппетит, весёлость, энергия, живой интерес к политике. Только ноги отказывались подчиняться, лежали на кровати бесполезным придатком. Но Франклин не терял надежды на полное излечение, жадно интересовался всеми способами борьбы с параличом. Самогипноз, горячие ванны, холодные ванны, солёная вода, пресная вода, упражнения на параллельных брусьях, электрический ток, ультрафиолетовый свет — чего только он не пробовал.

БАС: Между тем он стал причиной очередной войны между женой и матерью. Сара считала, что в нынешнем состоянии он должен удалиться в Гайд Парк и начать тихую жизнь сельского джентльмена, окружённого заботой, наслаждающегося покоем и безмятежностью. Элеанор была уверена, что уход от активной жизни для такого человека, как её муж, будет равносилен духовной смерти. Она охотно беседовала с ним о злободневных политических вопросах, вырезала для него соответствующие статьи из газет и журналов, приглашала активных членов демократической партии навещать его в Нью-Йорке и Гайд Парке. Сара обвиняла её в том, что она эгоистично толкает мужа-инвалида в сферу деятельности, на которую у него нет уже сил. Элеанор упрямо противостояла тому, что виделось ей как слепота любящей матери, пытающейся вернуть сына под своё крыло, неспособной понять его потребность в полной и активной жизни.

ТЕНОР: Возможно, именно это скрытое противоборство двух близких ему женщин заставило Франклина искать себе какой-то приют вдали от обеих. Дом-корабль — что может быть лучше! И в мае 1924 года он покупает за 4000 долларов семидесятифутовое судно, пришвартованное на реке Форт Лодердэйл во Флориде. На палубе располагалась застеклённая гостиная, над ней — площадка для загорающих с натянутым тентом. Внизу имелись три каюты, ванная, машинное отделение, помещения для капитана, его жены, исполнявшей роль кухарки, и механика. Корма представляла собой идеальное место для страстного рыбака, каковым Франклин был с детства.

БАС: Элеанор, всегда боявшаяся воды, вовсе не горела желанием проводить время на борту корабля — даже

неподвижного. Зато нашлась женщина, поселившаяся в нём с радостью. Маргарита Лехэнд впервые начала работать с Рузвельтом в качестве секретарши в те месяцы, когда он балотировался на пост вице-президента в 1920 году. Она оказалась надёжной, умелой, приветливой, энергичной, а главное — обладала таким же чувством юмора, как её наниматель. Красивой её нельзя было назвать, но, как писал один современник, "у неё был приятный горловой голос, и когда она вскидывала вам навстречу своё миловидное лицо, губы её раскрывались чуть загадочной, приводящей в растерянность улыбкой".

ТЕНОР: Окружающие недоумевали, каким образом дочь пьяницы-садовника из Бостонского предместья, не учившаяся в колледже, смогла обрести такое изящество манер, такт в отношениях с людьми, сметливость в выполнении своих обязанностей. Дети Рузвельтов тоже полюбили её. Но им трудно было произносить её имя полностью, поэтому они называли её просто "Мисси". Это обращение прицепилось, и для всех остальных она тоже стала Мисси. В плавучем доме ей была предоставлена каюта напротив каюты Франклина, а ванная у них была общая. Во время визитов гостей она играла за столом роль приветливой хозяйки, каждого умела увлечь разговором на интересную для него тему. Погружалась вместе с Франклином в тёплую воду реки, когда он проделывал там предписанные упражнения, и утешала, когда он впадал в депрессию из-за отсутствия заметных улучшений в ногах. Но во время визитов Элеанор Мисси тактично исчезала.

БАС: Осенью того же 1924 года забрезжили новые надежды на излечение. По совету нью-йоркского друга, Франклин приехал в небольшой курорт к юго-западу от Атланты, где были горячие минеральные источники. Погружаясь в бассейн с водой, имевшей температуру 88º по Фаренгейту, он испытывал огромное облегчение, мог передвигаться в ней так, будто ноги снова начали служить ему. Курорт Ворм Спрингс стал вторым прибежищем для Рузвельта, где он мог уединяться с Мисси и отдыхать от ненужных посетителей и просителей.

ТЕНОР: Наверное, пришло время для нас признаться телезрителям в том, что наши взгляды на отношения между мужчинами и женщинами не вполне совпадают с требованиями строгой морали. Мы оставляем пуристам тешить себя иллюзией, что какая-то пара способна прожить двадцать лет практически под одной крышей, испытывать друг к другу нежные чувства и при этом соблюдать седьмую заповедь. В наши дни супружество многих пар остаётся неоформленным. То, что произошло между

Франклином и Элеанор после 1918 года можно назвать "неоформленный развод". Совершенно очевидно, что сама Элеанор не имела ничего против того, что посторонняя молодая женщина проводит столько времени рядом с её мужем-инвалидом. Это снимало с неё чувство вины и позволяло погружаться в собственную жизнь, о которой у нас будет отдельная передача.

БАС: Биографы Рузвельта провели подсчёты: между 1924 и 1928 годами Франклин провёл вне дома 116 недель; из них две — с матерью, четыре — с Элеанор, остальные 110 — с Мисси Лехэнд. Существуют воспоминания очевидцев и современников о том, что Мисси была влюблена в него самозабвенно. Многие мужчины ухаживали за ней, включая такого известного ловеласа, как Вильям Буллит, американский посол в СССР и Франции, но она всех отвергла. Когда её спросили, каковы её планы на личную жизнь и не собирается ли она выйти замуж, она воскликнула: "Да кто же может сравниться с Эф-Ди?!" (Интимное обращение, которое только она позволяла себе использовать.) Существует медицинский рапорт о здоровье президента, утверждающий, что его мужские способности не пострадали из-за болезни. Вообразить, что в таких обстоятельствах эти двое выбрали бы сохранить свои отношения целомудренными, — для этого надо представлять их какими-то аскетами-столпниками, каковыми ни он, ни она не являлись.

ТЕНОР: У наших телезрителей должен был созреть вопрос: а что же Люси Мерсер-Разерфорд? Неужели она была совсем забыта?

БАС: О, нет! Это стало документально доказано, когда её внучки в 2005 году отыскали в старых бумагах письма от Рузвельта, которые он, нарушая обещание, данное Элеанор, посылал ей в 1926-28-ом годах. Видимо, наученный горьким опытом, он не доверял бумаге прямых выражений нежных чувств. Но письма имеют одну любопытную особенность: они переполнены точными указаниями, где и когда он будет находиться и сколько дней — недель — пробудет там-то и там-то. А также вопросами, где и когда будет она. Два письма от Люси Франклину, датированные 1927 годом и хранящиеся в Рузвельтовской библиотеке, подтверждают, что они находились в постоянном письменном контакте, а, может быть, и встречались. Кроме писем, был найден буклет с отпечатанной речью Рузвельта, датированный 1926 годом, с надписью: "Этот скромный труд, первый в моей жизни, я посвящаю тебе".

ТЕНОР: Не может ли это быть связано со странным событием, случившемся в Ворм Спрингс в июне 1927 года?

Двадцатидевятилетняя Мисси, по виду вполне здоровая, вдруг рухнула на пол коттеджа, в котором они жили с Франклином. У неё началась лихорадка, дизентирия, приступы бреда и депрессии. Приехавший врач настоял на госпитализации и почему-то потребовал, чтобы из палаты были убраны все колющие и режущие предметы, которыми бы больная могла повредить себе. Не может ли оказаться, что Мисси — так же, как Элеанор за девять лет до неё, — наткнулась на пачку писем, перевязанную ленточкой? И что её недомогание было результатом попытки самоубийства?

БАС: Вполне возможно. Однако она оправилась и с новой энергией вернулась к своим обязанностям хозяйки курорта Ворм Спрингс. Бассейн с горячей водой был расширен, строились новые коттеджи. Франклину хотелось, чтобы любой человек, изуродованный полиомелитом, мог иметь доступ к целебному источнику. Но ветры большой политики постоянно врывались в это тихое убежище. В 1928 году соратники по партии уговорили Рузвельта выступить с речью на большом съезде в Хьюстоне в поддержку кандидатуры Альфреда Смита на пост президента.

ТЕНОР: Многих изумило возвращение Рузвельта в политику. Калека, инвалид, неспособный без посторонней помощи подняться по лестнице, одеться, войти в автомобиль? Но вот он появился перед делегатами съезда, медленно прошёл по проходу, опираясь одной рукой на трость, другой — на плечо восемнадцатилетнего сына Элиота, встал за трибуной — и преобразился. Широкоплечий, уверенный, громкоголосый он восхвалял кандидата словами, которые слушатели мысленно могли бы отнести и к нему самому: "Этот счастливый воитель обладает душевной силой, позволяющей избежать падения в пропасть грубого материализма, погубившего многие цивилизации прошлого".

БАС: Когда соратники по партии в том же году уговорили Рузвельта баллотироваться на пост губернатора штата Нью-Йорк, про-республиканская пресса попыталась раздуть факт его инвалидности и дискредитировать его кандидатуру. Отбивая эти нападки Альфред Смит писал: "Выбирая губернатора, мы не требуем, чтобы он умел делать обратное сальто или ходить на руках. 95 % его работы делается за письменным столом. Нужен человек с умом и сердцем, а не мастер акробатики".

ТЕНОР: Победа Рузвельта на выборах привела Мисси в отчаяние. Она боялась, что для неё это будет означать разлуку с любимым. Но опасения её не оправдались — Рузвельт сохранил её в роли своей секретарши. Элеанор тоже не была обрадована победой своего мужа. Она провела с ним в Олбани только неделю

и вернулась в Нью-Йорк, к своей бурной преподавательской и журналистской деятельности. Однако перед отъездом ей нужно было выполнить одну обязанность: распределить девять спален губернаторского особняка между новыми обитателями. Франклину была отведена самая большая. Рядом была спальня поменьше — обе соединялись дверью с окном, задёрнутым занавеской. В ней Элеанор поместила Мисси. Себе выделила небольшую комнату за углом коридора. После её отъезда Мисси взяла на себя роль хозяйки на губернаторских приёмах и выполняла её с таким же тактом и любезностью, как в Ворм Спрингс или в плавучем доме.

БАС: Губернаторское правление Рузвельта началось в атмосфере экономического процветания и лихорадочной погони всех и каждого за "американской мечтой". Встречая новый 1929 год, мог ли кто-нибудь вообразить, что он закончится страшным биржевым крахом? Великая Депрессия не пощадила никого. В начале 1930-х около пяти тысяч банков разорились и должны были закрыться. Индустриальный показатель Дау Джонса упал на 90 %. Каждый день около тысячи семей лишались своих домов. Длинные очереди за бесплатным супом тянулись по улицам. Прилично одетые люди рылись на свалках в поисках съестного. Страна страстно искала нового лидера, который смог бы вывести её из тупика. И губернатор Нью-Йорка, Франклин Делано Рузвельт, многим казался тем человеком, которому по силам осуществить этот подвиг Геракла.

ТЕНОР: Съезд демократической партии в Чикаго в 1932 году номинировал кандидатуру Рузвельта на пост президента. В ответной речи он сказал: "На фермах, в больших и малых городах, в деревнях, миллионы наших граждан лелеют надежду на то, что их прежняя жизнь возродится для них. Эти надежды не должны быть обмануты. Я призываю вас, я призываю себя создать Новый договор для американского народа. Пусть все, собравшиеся в этом зале, призовут на помощь свои знания и мужество. Это не просто политическая кампания; это призыв к оружию. Протяните мне руку помощи не только для того, чтобы завоевать голоса избирателей, но для того чтобы вернуть возрождённую Америку её народу".

БАС: На выборах 1932 года Рузвельт победил в сорока двух штатах. Только шесть проголосовали за Герберта Гувера.

ТЕНОР: Немецкие снаряды и торпеды миновали Рузвельта в 1918 году. Но пятнадцать лет спустя, став президентом, он чуть не погиб от пули итальянского иммигранта, борца с мировым капитализмом. Находясь вместе с мэром Чикаго в Майами, новоизбранный президент собирался произнести речь, стоя в

открытом автомобиле, как вдруг раздались выстрелы. Одна пуля попала в мэра, и он умер через несколько дней, ещё четверо были ранены. Убийцу схватили, он признал себя виновным и обещал убивать капиталистов и дальше. Американская Фемида в те дни не затрудняла себя долгими аппеляциями. Убийца провёл в камере смертников всего десять дней и был казнён на электрическом стуле.

БАС: В день инагурации нового президента, 4 марта 1933 года, черный правительственный автомобиль подъехал к дому 2238 по улице Кью-стрит в Вашингтоне. Высокая женщина, придерживая меховой воротник рукой, вышла из дома. Шофёр распахнул перед ней дверь автомобиля и вручил конверт с билетом на имя миссис Разерфорд. Машина двинулась к Белому дому, с трудом продвигаясь через толпу, рвавшуюся взглянуть на нового лидера страны.

ТЕНОР: Для Элеанор победа мужа на выборах была событием, не сулившим никакой радости. Оказаться пленницей в Белом доме, погрузиться в череду официальных приёмов, визитов, банкетов, чаепитий — эта перспектива нагоняла на неё только тоску. Их отношения с Франклином к этому времени сводились к уважительному партнёрству. Они никогда не оставались наедине, всегда кто-то присутствовал. Если президент пытался приобнять жену, она уклонялась, чуть ли не отшатывалась.

БАС: Зато Мисси чувствовала себя в Вашингтоне такой же незаменимой, как и в Олбани. Её рабочий день практически длился двадцать четыре часа. На третьем этаже Белого дома ей была отведена спальня, гостиная и ванная. Когда кресло с президентом въезжало утром в Овальный кабинет, Мисси уже была там, готовая стенографировать очередное заседание главных сотрудников различных министерств или беседу с приглашённым дипломатом. Сортировка почты, оплата счетов, раздача заданий слугам, устройство званых обедов — всё входило в её обязанности. Если президент хотел рассеяться автомобильной прогулкой, Мисси безотказно присоединялась к нему, хотя это было делом небезопасным: свой "форд" с ручным управлением Рузвельт гонял, как заправский лихач. Иногда случался пустой вечер, и президент просил свою секретаршу скрасить ему одиночество. Она немедленно отменяла свои планы и присоединялась к нему за ужином или находила партнёров для партии в бридж, неизменно играя с ним в паре.

ТЕНОР: Слуги в Белом доме любили её и считали второй хозяйкой. Но, в отличие от Элеанор, она всегда была весела, приветлива, умела расположить к себе каждого. По выражению одного журналиста, она "безошибочно различала, когда

президент слушает собеседника, а когда просто делает вид… Раньше него самого она улавливала момент, когда ему делалось скучно". Кроме того, она с энтузиастом участвовала во всём, что Рузвельт делал для забавы. Коллекционирование марок Элеанор считала пустой тратой времени и денег. Мисси же знала содержание альбомов не хуже самого Рузвельта и часто помогала ему отыскивать марку, затерявшуюся в их недрах.

БАС: Должны ли мы снова поднимать сакральный вопрос о том, продолжалась ли интимная связь между этими двумя и в Вашингтоне? Нет никакого сомнения в том, что Маргарет Лехэнд, Мисси, была горячо влюблена во Франклина Рузвельта с момента их встречи и до конца жизни, даже пыталась кончать с собой, когда любовь оказывалась под угрозой. Нет никакого сомнения в том, что в течение двадцати лет она была для Франклина постоянным источником радости и отдохновения. Слуги потом вспоминали, что Мисси видели входящей в спальню президента в любое время дня, одетую только в халат, наброшенный поверх рубашки. Думать, что эти двое в течение стольких лет отказывали себе в счастье дарения себя друг другу, могут только пуристы, считающие своим долгом охранять нимб над головой великого человека. Перед нами такая задача не стоит — и слава Богу.

ТЕНОР: Безоглядная преданность такой сотрудницы была особенно важна для Рузвельта в первый год его президентства. Именно в эти месяцы, в течение знаменитых "ста дней", ему приходилось отдавать все силы на проведение огромного пакета реформ, нацеленных на преодоление Великой депрессии. Пакет этот, получивший название "Новый договор", включал в себя реформу финансовой системы, отмену сухого закона, реформу государственного бюджета, создание администрации общественных работ, комиссии социального страхования, помощи безработным и многое другое. Не все законы удалось провести через конгресс, какие-то впоследствии Верховный суд отменил как неконституционные, но большинство было принято и действуют до сих пор.

БАС: Кажется, мы снова потеряли след Люси Разерфорд. Неужели заваленный важными делами президент забыл о ней?

ТЕНОР: Ни в коем случае. Даже в самые напряжённые, судьбоносные дни Рузвельт не порывал связи с ней. Телефонным операторам в Белом доме был дан приказ немедленно соединять президента, где бы он ни находился, если раздастся звонок от миссис Пол Джонсон — это имя маскировало звонки Люси. Каждый раз когда она приезжала в Вашингтон навестить сестру, её племянница знала, что вскоре случится волнующее событие: к их дому номер 2238 подъедет президентский автомобиль, и тётя

Люси незаметно скользнёт в него. Но девочке было строго приказано никому не говорить об этих визитах.

БАС: Когда Рузвельт был переизбран на второй срок, в день его инагурации, в президентский автомобиль, подъехавший к дому 2238, вошла не только сама Люси, но также её сестра и племянница. Франклин и Люси постоянно обменивались семейными новостями, были в курсе того, что происходило с детьми друг друга. Их свидания часто устраивались так, что даже охрана президента ничего не знала заранее. Однажды во время автомобильной прогулки в окрестностях Вашингтона, Рузвельт сказал своему водителю: "Остановись около той женщины, стоящей на тротуаре, — она явно хочет, чтобы её подвезли". В другой раз Люси ждала его в отпаркованном автомобиле. Был случай, когда поезд, вёзший президента из Вашингтона в Гайд Парк, оставил обычный маршрут и простоял шестнадцать часов на запасных путях около небольшого городка в Нью-Джерси, пока Рузвельт наносил визит Люси в её поместье, расположенном неподалёку.

ТЕНОР: Реформы "Нового договора" начинали приносить плоды, экономическое состояние Америки улучшалось. Но вести, приходившие из Европы, делались всё более тревожными. Германия наращивала свой военный потенциал, готовилась развязать новую войну. Однако американцы продолжали лелеять надежду, что их страна останется в стороне. Настроения пацифизма и изоляционизма преобладали. Даже когда Гитлер вторгся в Польшу, оккупировал Бельгию, Голландию, Данию, Норвегию, Францию, Рузвельт в своей предвыборной кампании 1940 года счёл необходимым обещать избирателям, что он не пошлёт американских солдат умирать на полях Европы. Однако, победив в очередной раз на выборах, он делал всё возможное, чтобы помогать сражающейся Англии, и сумел провести через Конгресс закон о ленд-лизе, позволявший посылать ей вооружения и сырьё. Пятьдесят американских эсминцев были переданы под команду Британского адмиралтейства.

БАС: А потом грянул Перл Харбор. И с мечтами о мире пришлось расстаться. Один японский адмирал печально заметил: "Нет, мы не победили американцев. Мы только разбудили спавшего гиганта". И действительно, разбуженный гигант начал подниматься во всю свою мощь. Заводы наращивали производство танков и самолётов, верфи строили боевые суда, сотни тысяч молодых людей надели военную форму. Были среди них и сыновья Рузвельтов и Разерфордов. Франклин лично помог двум пасынкам Люси получить назначение в военно-морской флот, куда они рвались.

ТЕНОР: Ещё до начала войны с Японией, летом 1941 года, Люси впервые посетила Белый дом. Визит был обставлен обычными предосторожностями: выбрано время, когда Элеанор уехала на Западный берег, пропуск был выписан на имя "миссис Пол Джонсон". Но появление Люси не могло остаться тайной для ближайшей помощницы Рузвельта — Мисси Лехэнд. Видимо, это переживание оказалось выше её сил. Накануне назначенного дня владелец вашингтонского отеля "Вилард" устраивал традиционный банкет для ближайших сотрудников президента. И посреди банкета Мисси вдруг со стоном упала на пол. У неё диагнозировали инсульт. Две недели спустя приступ повторился, теперь в ещё более тяжёлой форме: она почти утратила речь, правая рука и правая нога были парализованы. Её пришлось отправить на лечение в Ворм Спрингс, а потом в Массачузетс, где у неё была сестра. Она умерла в возрасте сорока шести лет. По приказу президента её имя впоследствии было присвоено грузовому кораблю, только что сошедшему со стапелей в штате Миссисипи.

БАС: С этого момента визиты миссис Пол Джонсон в Белый дом становятся регулярными. Журнал посещений сохранил не только даты, но и точные отметки времени прихода и ухода гостьи. Президент оставался с ней наедине несколько часов, потом дворецкий провожал её к автомобилю, ждавшему у бокового выхода. Сын Рузвельта, отпущенный из армии в незапланированный отпуск, без предупреждения явился в Вашингтон навестить отца и был крайне удивлён, застав в его кабинете незнакомую женщину, массировавшую ему ноги. Она была представлена как старый друг, миссис Винтроп Разерфорд. Дочь Люси, девятнадцатилетняя Барбара, тоже была приглашена нанести визит президенту, и он потом в письме её матери описал удовольствие, доставленное ему этим посещением.

ТЕНОР: Элеанор была слишком занята своими делами и не могла заменить Мисси. Роль хозяйки Белого дома всё чаще стала выполнять дочь Анна. Она планировала встречи с посетителями, распоряжалась подготовкой званых обедов, очаровывала гостей, всеми силами старалась облегчить отцу бремя его забот и тревог. Но однажды он обратился к ней с просьбой, которая привела её в растерянность. "Ты не будешь возражать, если мы устроим обед в узком кругу и я приглашу на него старинную приятельницу?" Анна сразу догадалась, кого он имел в виду. И хотя отец просил её придти с мужем, майором, служившим в Пентагоне, он одновременно хотел, чтобы визит Люси не был зарегистрирован в журнале посетителей.

БАС: Анна понимала, что, соглашаясь выполнить просьбу

отца, она рискует причинить боль матери и вынуждена будет покрывать ложью или умолчанием происходящее в Белом доме. И всё же она сказала "да". Закончив встречу с Де Голлем, приезжавшим в Америку обсудить военную ситуацию после высадки союзников в Нормандии, Рузвельт приказал отвезти себя к дому 2238 на Кью-стрит. Анна сделала всё необходимое, чтобы проникновение президента и его "старинной приятельницы" в личные аппартаменты прошло незаметно.

ТЕНОР: Перед ней предстала высокая красивая женщина, которую она смутно помнила с детских лет как секретаршу матери. Женщина была полна очарования, её речь и манеры завораживали. Но особенно Анну поразило то, как преобразился её отец в присутствии Люси. Лицо его посветлело, озорные искры мелькали в глазах, заразительный смех звучал так, будто ему удалось сбросить с плеч десяток прожитых лет.

БАС: На самом же деле труды президентства и бури войны расшатали здоровье Рузвельта. Хотя американцы теснили врага и в Европе, и на Тихом океане, было ясно, что победа и там, и там, потребует ещё многих жертв. В этих обстоятельствах президент считал своим долгом работать без отдыха, хотя врачи требовали, чтобы он чаще давал себе передышку.

ТЕНОР: Летом 1944 года его давление поднялось до критического уровня: 218 на 120. Тяжёлый артериосклероз мешал нормальному снабжению мозга кислородом. У него случались провалы памяти, иногда он путал имена. Принимались меры, чтобы эти сведения не просочились в прессу. Также под покровом тайны оставалось число сигарет, выкуриваемых Рузвельтом ежедневно.

БАС: Несмотря на ухудшение здоровья, Рузвельт согласился на требование Сталина провести очередную встречу лидеров трёх стран на территории СССР. Советский диктатор заявил, что он не может покинуть свою страну в такой ответственный момент. Американскому президенту-инвалиду пришлось проделать путешествие в семь тысяч миль — на поезде, на корабле, в самолёте, в автомобиле — по кошмарным крымским дорогам зимой. Многие потом осуждали его за то, что на конференции в Ялте он не занял более жёсткую позицию, что, например, согласился на включение Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза. Но у Рузвельта была одна главная цель: добиться от Сталина обещания, что после победы над Гитлером он двинет свои армии на Дальний Восток. В феврале 1945 года разработка атомной бомбы ещё не была завершена, японцы отбивались отчаянно. Военные аналитики подсчитали, что вторжение на территорию Японии будет стоить жизни

полумиллиону американских солдат. Вступление России в войну могло бы заметно приблизить победу.

ТЕНОР: Дочь Анна сопровождала отца в Ялту и по мере сил старалась оберегать его от лишних забот и огорчений. Но по возвращении в Америку их встретила Элеанор, у которой накопилась гора благородных дел и проектов, требовавших немедленного президентского решения. Каждый день она вела свою битву против нищеты, неравноправия, расизма, эксплуатации, трущоб — неужели Франклин откажется поддержать её? В какой-то момент за очередным семейным обедом Анна сказала: "Мама, ты разве не видишь, что у папы силы на исходе? Он нуждается в отдыхе как никогда". Дочь понимала, как важны были для постаревшего больного просветы полного расслабления, беззаботности, веселья. И она знала, *кто* мог внести в его жизнь эти просветы. Поэтому сразу после отъезда Элеанор в турне по южным штатам, Люси Разерфорд начала появляться в Белом доме чуть не каждый день.

БАС: Её муж умер год назад, забота об умирающем больше не лежала на ней тяжёлым бременем. Теперь она могла отдавать всё внимание человеку, которого любила двадцать восемь лет. С ней Рузвельт не только расслаблялся и отвлекался, но мог и, не боясь критического брюзжания, делиться своими заветными политическими планами: создание Организации объединённых наций, вовлечение России в войну с Японией, помощь послевоенной Европе. Весной 1945 года Люси уговорила Франклина разрешить её приятельнице, русской художнице Шуматовой, написать его портрет. Было решено, что обе дамы приедут в Ворм Спрингс в начале апреля, когда президент прибудет туда на отдых. Предназначенный для них коттедж накануне их приезда мыли и чистили два дня, в каждой комнате стояли вазы со свежими цветами.

ТЕНОР: Люси нашла президента сильно исхудавшим. Кожа лица и шеи имела сероватый оттенок, пальцы дрожали, когда он пытался, как всегда, готовить коктейли для гостей. Тем не менее он встретил приехавших радушно, вечерами веселил их рассказами о встречах с Черчиллем, де Голлем, Эйзенхауэром. Послушно позволял художнице накидывать на его плечи то мантию, то пелерину, поворачивался лицом к свету, переезжал в кресле на то место, которое она указывала. Одновременно диктовал своему помощнику планы своих поездок на ближайшие дни: "Через неделю еду в Вашингтон, там 19-го апреля устраиваем обед для губернатора Ирака… На следующий день — поездом в Чикаго, оттуда — в Сан-Франциско, где мне предстоит сказать речь перед ООН… Потом — навещаю внуков в Сан-Диего…".

Помощнику запомнился отрывок из чернового наброска речи: "Наш труд, друзья, не должен закончиться с концом войны. Строительство мира без войн — вот наша главная задача".

БАС: Утро 12 апреля началось как обычно: завтрак в кровати, просмотр свежих газет, потом — подписывание документов и писем, принесённых помощником. В полдень пришла Шуматова с мольбертом, начался очередной сеанс позирования. Художница запомнила, что президент выглядел гораздо лучше, чем накануне. Вдруг голова его упала вперёд, он схватился за виски. Пытался улыбнуться подбежавшей секретарше, еле слышно произнёс: "У меня дикая боль в затылке". Его перенесли в спальню, положили на кровать, расстегнули ворот рубашки. Вбежавшая Люси пыталась подносить к его лицу нюхательную соль — он не реагировал. Примчавшийся врач тоже ничем не смог помочь. Он зарегистрировал смерть от кровоизлияния в мозг в 3 часа 35 минут пополудни.

ТЕНОР: Известие о смерти президента мгновенно разнеслось по стране и по всему миру. Элеанор была на концерте известной пианистки, когда её вызвали срочным звонком в Белый дом. Там главный врач Рузвельта сообщил ей печальную весть, полученную из Ворм Спрингс. Вскоре появился и вице-президент Труман. Он спросил у Элеанор: "Что я могу сделать для вас?". "Что *мы* можем сделать для *вас,* Гарри? — ответила Элеанор. — Главная тяжесть теперь ляжет на ваши плечи".

БАС: В семь часов состоялась церемония вступления Трумана в должность президента. Элеанор послала телеграмму своим четырём сыновьям, находившимся на разных фронтах: "Дорогие, папа скончался сегодня в полдень. Он завершил свой труд так, как хотел бы, чтобы вы завершили свой. Благославляю вас и люблю". После этого она вылетела самолётом в Ворм Спрингс.

ТЕНОР: Понимая неловкость сложившейся ситуации, Люси и Шуматова поспешили уехать. Помощник президента, Билл Хассет, давая интервью корреспондентам, не упомянул об их присутствии в доме в момент смерти президента. Впоследствии, публикуя свои дневники, он также вычеркнул их имена. Но родственница Рузвельтов, гостившая в те дни в Ворм Спрингс, созналась Элеанор, что президент умер во время позирования перед художницей, привезённой Люси Разерфорд. Элеанор едва могла сдержать свои чувства. Каким образом *эта женщина* могла снова войти в жизнь Франклина?

БАС: Продолжая расспрашивать родственницу, она узнала, что и раньше эти двое встречались в Белом доме. И что визиты устраивались с помощью Анны. Годы научили Элеанор сохранять внешнюю невозмутимость, даже когда боль сжимала сердце. Но

после похорон она вызвала дочь в свой кабинет в Белом доме и горько упрекала в предательстве.

ТЕНОР: Пронырливым журналистам удалось разыскать художницу Шуматову. Та охотно отвечала на вопросы, показывала неоконченый портрет Рузвельта, но ухитрилась не упомянуть имя Люси Разерфорд. Впервые это имя просочилось в печать лишь двадцать лет спустя, когда никого из участников драмы не было в живых. Но в летние месяцы 1945 года Анна и Люси регулярно обменивались письмами и телефонными звонками. "Дорогая Анна, я знаю, как много ты значила для твоего отца, — писала Люси. — Он так гордился тобой. Много раз он рассказывал мне, сколько радости ты доставила ему во время поездки в Ялту. Твой такт и обаяние покоряли всех участников. Я надеюсь, он говорил тебе об этом, но иногда люди забывают." Тем же летом, встретившись с Шуматовой в Нью-Йорке, она — рыдая — созналась, что сожгла все письма Рузвельта к ней.

БАС: Вскоре новые несчастья обрушились на Люси. В 1947 году умерла её мать. Муж любимой сестры объявил, что его сердце покорено другой женщиной, и потребовал развода. Сестра была в отчаянии. Люси ободряла её как могла, но та была безутешна. Холодным ноябрьским днём в доме N 2238 по Кью-стрит прозвучал выстрел — сестра покончила с собой. А восемь месяцев спустя сама Люси была доставлена в нью-йоркскую больницу. Диагноз — лейкемия. Болезнь развивалась стремительно, врачам оставалось только глушить боль морфием. Её похоронили рядом с мужем, в семейном поместье. Ей было 57 лет.

ТЕНОР: Франклин и Элеанор оставались связанными брачными узами в течение сорока лет. Пятеро их отпрысков ухитрились пройти через брачную церемонию в общей сложности девятнадцать раз. Стремительные изменения норм поведения в 20-ом веке приводят людей в растерянность, создают путаницу нравственных оценок. История любви Франклина и Люси до сих пор вызывает противоречивые толки и комментарии. Одно совершенно ясно: Люси знала масштаб человека, которого ей выпало полюбить. В письме Анне она писала: "Мир потерял одного из величайших людей, когда-либо живших на Земле. Для меня — величайшего. Без видимых усилий он высится над всеми". И, как заметил историк Артур Шлезинджер, "если Люси в какой-то мере помогала Франклину Рузвельту вынести тяжкое бремя командования во Второй мировой войне, страна имеет все основания быть ей благодарной за это".

Элеанор Рузвельт (1884–1962)

БАС: Рассказывая о Франклине Делано Рузвельте, мы в какой-то момент позволили его жене удалиться в тень. Пришла пора перевести софиты и объективы наших телекамер непосредственно на неё.

ТЕНОР: Лучше всего будет вернуться к 1924 году. Именно тогда Элеанор Рузвельт начала искать и находить контакты с людьми близкими ей по духу за пределами семейного клана. В 1925 году она подружилась с двумя лесбиянками, жившими в тесном союзе уже тринадцать лет. Нэнси Кук и Марион Дикерман навещали её в Гайд Парке, все трое любили устраивать пикники на речушке Вал-Килл, усыпанной мелкими порогами и водопадами, протекавшей неподалёку. Франклин Рузвельт не только не возражал против этой дружбы, но даже помог им построить каменный коттедж на берегу речушки, который стал их постоянным прибежищем.

БАС: Новые приятельницы были полны энергии и предприимчивости. Они уговорили Элеанор вступить с ними в партнёрство и купить в Нью-Йорке школу Тодхантер, где учились девочки из состоятельных семей. Марион стала директрисой, Элеанор — её помощницей. Она также преподавала американскую историю и литературу. Приют на берегу Вал-Килла недолго оставался только местом для отдыха. Он тоже вскоре был превращён в деловое предприятие. Неподалёку от каменного коттеджа выросло здание, в котором разместилась небольшая фабрика, изготавливавшая мебель в старо-американском стиле из различных пород дерева: орех, вишня, красное дерево. Фабрика давала работу окрестным фермерам и членам их семей. Свою нью-йоркскую квартиру Элеанор превратила в выставочный зал, где покупатели могли знакомиться с образцами изделий. Конечно, курорт Ворм Спрингс и школа Тодхантер сделались первыми заказчиками нестандартной мебели.

ТЕНОР: Следуя примеру своих энергичных подруг, Элеанор преодолела страх перед водой и научилась плавать. Во время горных прогулок шагала решительно, часто опережая остальных. После двух-трёх столкновений с уличными столбами и деревьями стала уверенно водить машину. Однажды все трое гостили у родственников Элеанор, и её племянница была разбужена посреди ночи громким хохотом в соседней комнате. Каково же было её изумление, когда в приоткрывшуюся дверь она увидела свою обычно серьёзную и сдержанную тетушку вовлечённой в беспощадную битву подушками!

БАС: Гости, ночевавшие в каменном коттедже не без удивления замечали, что простыни в нём были украшены вышитыми вензелями из трёх букв: Э.М.Н. Элеанор ощущала обеих женщин настолько близкими, что рассказала им об измене мужа, закончив свою исповедь словами: "Я смогла простить, но забыть не могу".

ТЕНОР: В то время как отношения с новыми друзьями были источником радости для Элеанор, атмосфера в собственной семье всё больше тяготила. Свекровь Сара продолжала изводить её критическими замечаниями, упрёками за неправильное воспитание детей, уверенными политическими суждениями. Однажды, жалуясь на неё в письме мужу, Элеанор закончила описание очередного семейного обеда фразой: "Я готова была то ли завизжать, то ли убежать и вступить в большевистскую партию".

БАС: Двадцатилетняя дочь Анна так страдала от раздоров между матерью, бабкой и отцом, что согласилась выйти замуж за нелюбимого ею человека, старше неё на десять лет. Однако и это событие привело к очередной ссоре. Добрая бабушка решила подарить молодожёнам дорогую квартиру, но просила Анну ни в коем случае не извещать об этом мать заранее. Элеанор, узнав о происходящем, пришла в ярость. "Предлагать что-то моей дочери, не предупредив меня и требуя от неё сохранения тайны, — на что это похоже?! Она что — боялась, что я буду возражать и вмешаюсь?".

ТЕНОР: В те же годы, незаметно для себя, Элеанор начала превращаться в политическую фигуру заметного масштаба. Её участие в предвыборной кампании кандидата на президентский пост Альфреда Смита сыграло немалую роль в его номинировании в 1928 году. Но в кампании своего мужа, боровшегося за кресло губернатора штата Нью-Йорк, она предпочла не участвовать. Смит потерпел поражение, а Рузвельт был избран значительным большинством голосов. Журналист спросил Элеанор, гордится ли она победой мужа, и услышал в ответ: "Мне это безразлично. Я буду проводить в Олбани несколько дней, а утром в понедельник уезжать в Нью-Йорк — преподавать в Тодхантере".

БАС: Конечно, отвечая так, она не могла предвидеть, что вскоре ей суждено было встретить в Олбани человека, который станет для неё даже ближе, чем Нэнси и Марион. Эрл Миллер служил в охране бывшего губернатора, но Рузвельт встречался с ним ещё в годы работы в Вашингтоне. Он ценил в нём надёжность, смелость, прямоту и попросил его принять на себя обязанности телохранителя "первой леди штата Нью-Йорк". И

Миллер согласился.

ТЕНОР: Это был человек причудливой судьбы и самых неожиданных дарований. В четырнадцать лет он оставил дом, чтобы работать акробатом в странствующем цирке и помогать больным родителям. Он также выступал в роли каскадёра и трюкового мотоциклиста. В войну Миллер служил на флоте, стал капралом, а также чемпионом Среднеатлантического побережья по боксу в полутяжёлом весе. Стрельба, плавание, верховая езда — любой спорт, требовавший силы и координации, был ему доступен. Внешность его заставляла вспомнить героев немого кино, с их широкими плечами, ясным взглядом, квадратным подбородком. Он также играл на пианино, неплохо пел, участвовал в любительских кинофильмах.

БАС: Приступив к обязанностям телохранителя, он прежде всего занялся спортивной подготовкой Элеанор. Выбрал для неё каштановую кобылу по имени Дот, и они стали регулярно совершать верховые прогулки в окрестностях Гайд Парка. Научил её стрелять из пистолета по мишеням. Играл с ней в теннис и даже выстроил тренировочный корт рядом с каменным коттеджем в Вал-Килле. Труднее всего ей было научиться нырять. Но Миллер не отступал. Положение рук, ног, спины — снова и снова он заставлял её нащупывать правильные движения, и она, наконец, научилась уверенно отталкиваться от доски и входить в воду головой, а не шлёпаться животом.

ТЕНОР: В доме появился сторожевой пёс — грозного вида, но хорошо выдрессированный в полиции. Миллер уговорил Элеанор постоянно иметь в сумочке балончик со слезоточивым газом. Друзья замечали, что, присутствуя на публичных выступлениях мужа, Элеанор часто вертела головой, внимательно оглядывая помещение. "Вы опасаетесь покушений?", — спросили они. "Нет, я высматриваю кратчайший путь к запасному выходу, — ответила она. — Если случится пожар и начнётся паника, Франклину придётся нелегко. Эти железные каркасы на ногах помогают ему стоять, но делают всё тело крайне неповоротливым. Охранникам будет трудно вынести его".

БАС: Миллер учил её быть начеку не только против злоумышленников, но и против жуликов всех мастей, пытавшихся поживиться за счёт Рузвельтов. Летом 1929 года семья уезжала на каникулы, в губернаторском особняке оставалось только три человека. Но по счетам от мясника можно было подумать, что эти трое съели тонну филе-миньонов. То же самое и со счетами на бензин: 1400 галлонов вместо обычных 300. Когда Миллер представил результаты своих проверок, Элеанор была возмущена поведением поставщиков и запомнила урок, что впоследствии

помогло ей строго контролировать средства, проходившие через её руки на благотворительные цели.

ТЕНОР: Имея опыт выступлений в цирке, Миллер знал, как важен внешний вид и повадка человека в отношениях с публикой. Портреты Элеанор, появлявшиеся в газетах, огорчали его. Она выглядела на них так, будто испытывала ненависть к фотографу. Миллер уговаривал её улыбаться под дулом фотокамер. Элеанор отмахивалась: "Если у женщины нет подбородка, а зубы торчат, это останется на плёнке что ты ни делай". Тогда Миллер пустился на хитрость: стал за спиной фотографа и начал гримасничать. Элеанор невольно рассмеялась, и снимок получился очень удачный. Кстати, известная фотография Франклина Рузвельта верхом на лошади тоже была сделана по совету Миллера. А тот факт, что лошадь никуда не повезла своего всадника и два телохранителя просто сняли его с седла, остался неизвестным читателям газет.

БАС: Элеанор и Эрл Миллер всё чаще проводили вместе викенды, устраивали поездки в горы, пикники у костра, купанья в озере. Возраставшая интимность их отношений огорчала и тревожила Нэнси и Марион. Миллер уже позволял себе приобнимать Элеанор за талию. Сохранились фотографии, на которых они сидят рядом в купальных костюмах, её рука — на его колене, его рука — на её плече. На другой — сидят на краю бассейна, держась за руки. Обращался он к ней почтительно, за глаза называл только "моя леди", но мог иногда и сорваться, даже прикрикнуть. Он был моложе неё на двенадцать лет, но возложенная на него роль защитника постоянно заставляла его обращаться к ней в интонациях повелительных. Нэнси и Марион также коробило его позирование, явное самолюбование, щегольство мускулатурой.

ТЕНОР: Примечательно, что среди новых друзей Элеанор не было людей высокопоставленных и богатых. В свои сорок четыре года она будто вырвалась из привычного круга, где соблюдение приличий лежало на ней, как тяжёлые вериги. С Нэнси, Марион, Эрлом она могла расслабляться, дурачиться и получать удовольствие от непринуждённого общения. Иерархия, престиж, почести не играли никакой роли для её новых друзей. Кроме того, они разделяли её любовь к литературе и с благодарностью слушали стихи и прозу, которые она им читала при свете костра.

БАС: Когда Миллер затеял снимать домашний фильм "Пират и леди", Элеанор с готовностью согласилась. Можно представить себе, как веселилась вся компания, глядя на экран, на котором пират Миллер, с наклеенными усами и бородкой, с повязкой на глазу, затыкал кляпом рот Элеанор и привязывал её к

прибрежным скалам. Но в жизни он часто выступал в обратной роли: заступника, всегда умевшего вызволить свою хозяйку из трудных ситуаций. Если её автомобиль слетал в канаву, Миллер заявлял, что причиной было не превышение скорости, а неправильно спрофилированный поворот дороги. Если её брат Холл в очередной раз напивался за обедом в Гайд Парке, Миллер умел незаметно увести его. Даже много лет спустя он категорически отказывался откровенничать с журналистами и биографами Элеанор.

ТЕНОР: А попыток приподнять завесу над их отношениями делалось немало. Похоже, оба умели молчать перед чужими, но природная искренность мешала им успешно прятать свои чувства за подобающей маской. Интимные касания, радость при виде друг друга, вспышки беспричинного смеха посреди серьёзного разговора — всё это давало окружающим повод подозревать разгорающийся роман. Первый брак Миллера кончился разводом, Элеанор тоже чувствовала себя свободной от брачных обязательств. Но при этом жажда любви с юности окрашивала жизнь обоих.

БАС: Сохранилось свидетельство человека, имевшего возможность наблюдать расцвет отношений довольно близко. Сын Элеанор, Джеймс, рассказывал впоследствии: "Я полагаю, что при жизни отца у матери был один роман — с Эрлом Миллером. Разница в возрасте им не помешала. Эрл научил её быть собой и гордиться этим, не бояться вставать лицом к лицу с окружающим миром. Много хорошего он сделал для неё. Когда он был рядом, она черпала в нём душевные силы, всегда могла положиться на него. Он стал как бы частью семьи и давал ей то, чего ни отец, ни мы, её сыновья, дать не смогли. Главное — он дал ей почувствовать себя женщиной. Биографы, пытающиеся подрумянивать её образ, на самом деле обедняют его, лишают женственности. Если отец знал об их отношениях, он, похоже, не имел ничего против".

ТЕНОР: Нэнси и Марион считали, что Элеанор избаловала Миллера, потакала ему во всём, не принимала никакой критики, никаких упрёков в его адрес. Телохранитель должен был всюду следовать за "первой леди штата", и, куда бы она ни приезжала — в Вал-Килл, в нью-йоркскую квартиру, в Вашингтон, — всегда устраивалось так, что у Эрла была своя комната неподалёку. Однажды Элеанор застали там за тем, что она, опустившись на четвереньки, мыла пол.

БАС: Согласие Рузвельта балотироваться на пост президента в 1932 году привело Элеанор в отчаяние. Она хорошо помнила, что это такое: быть женой политического лидера в Вашингтоне. В

письме Нэнси Кук она писала, что ни за что не согласится на роль пленницы в Белом доме, не станет участвовать в бесконечной череде банкетов и приёмов. Нет, она дождётся конца выборов и после этого убежит с Эрлом Миллером, который любит и уважает её так, как Франклин никогда не смог. Теперь, четырнадцать лет спустя после истории с Люси Мерсер, пришла её очередь потребовать развода.

ТЕНОР: Нэнси и Марион решили показать это письмо главному менеджеру предвыборной компании Рузвельта. Тот пришёл в ужас. Порвал письмо на клочки и потребовал, чтобы обе женщины никому — "слышите? никому и никогда!" — не рассказывали о нём. Только много-много лет спустя, в 1970-е годы, Марион пересказала его содержание биографу Рузвельта.

БАС: Чтобы заглушить сплетни и слухи, бывший цирковой каскадёр придумал смелый трюк: решил жениться. Элеанор поддерживала его в этом, даже предоставила каменный дом в Вал-Килле для свадьбы, преодолев гневное сопротивление свекрови. Эллиот Рузвельт был шафером, дочь Анна — посажёной матерью. В качестве свадебного подарка молодожёны получили участок земли в Гайд Парке. Но брак продержался едва ли год. Родители невесты подали в суд, заявив, что их дочери не было восемнадцати лет и она вышла замуж без их согласия. Впоследствии Эрл сознавался, что женился без любви, только ради того чтобы пресечь слухи о его романе с Элеанор.

ТЕНОР: Через два месяца после свадьбы Миллера "первая леди штата" превратилась в "первую леди страны" и вынуждена была переехать в Вашингтон. Миллер остался в Олбани, вознаграждённый чином сержанта полиции и постом начальника отдела кадров всех штатных тюрем. Элеанор поддерживала дружбу с ним до конца своей жизни. Но сердце её, жаждавшее любви, в ту же осень начало приоткрываться другой родственной душе — на этот раз душе, упрятанной в женскую оболочку.

БАС: Лорена Хикок вошла в жизнь Элеанор как репортёр, посланный Агентством Ассошиэйтед Пресс брать регулярные интервью у жены кандидата в президенты. К своим сорока годам Лорена сделала карьеру невероятную для женщины-журналистки в те годы. Агентство поручало ей описывать самые выигрышные новости, самые громкие скандалы, самые сенсационные события, включая похищение ребёнка Линдбергов. Коллеги-репортёры обращались с ней как с полноправным членом их братства, потому что она пила с ними бутлегерское виски, играла в покер, курила сигары, болела на футбольных матчах, отпускала солёные шутки и при этом всегда была готова открыть кошелёк тому, кто оказывался на мели.

ТЕНОР: Загадочны нити, притягивающие людей друг к другу. Никто из биографов ещё не сумел объяснить, какие струны в сердце Элеанор могла задеть эта громкоголосая безаппеляционная женщина столь далёкая от круга Рузвельтов и Делано. Да, она была прямодушна, остроумна, полна жизни и энергии. Свои мнения о политике, музыке, спорте, характерах окружающих высказывала решительно и страстно. Внешней привлекательностью не отличалась: весила больше двухсот фунтов, одевалась броско, красила ногти, носила серьги и яркую косметику. Про неё ходила шутка: достаточно прострочить шов посредине её юбки, и она превратится в мужчину в брюках. Почему же Элеонор начала уделять ей такое внимание, обедала с ней наедине, гуляла, делилась сокровенными мыслями?

БАС: Вы заметили, что у Элеанор знаком особого доверия человеку был всегда обмен рассказами о детстве. И когда их сближение достигло этого момента, когда они обменялись детскими воспоминаниями, сердце "первой леди" должно было сжаться от сострадания. Отец Лорены был настоящим чудовищем. Жену бил нещадно, дочь порол до крови. Когда ей было два года, у неё появилась привычка грызть ногти. Чтобы отучить её, отец засовывал ей пальцы в рот и сдавливал её челюсти сильными руками. Мать умерла, когда Лорене было тринадцать, и она поспешила удрать от ненавистного отца. Работала бесплатной служанкой в мебилированых номерах за еду и крышу над головой. От зари до зари она крутилась на кухне, варила, жарила, пекла, таскала воду. Наконец, нашлась добрая тётушка в Мичигане, которая взяла её к себе и дала возможность закончить школу. Но в колледже Лорена проучилась только два года — поступила работать в газету.

ТЕНОР: Видимо, она довольно рано осознала свои сексуальные предпочтения. До переезда в Нью-Йорк она восемь лет прожила в союзе с изящной женственной подругой, которая потом вдруг бросила её ради мальчика, любившего её со школьных времён. Элеанор уже в юные годы могла узнать о том, что женщины тоже влюбляются друг в друга — её любимая учительница, директриса школы под Лондоном, была лесбиянкой. Да и дружба с Нэнси и Марион должна была рассеять туман строгого викторианского воспитания. Зимой 1933 года Элеанор и Лорена уже писали и звонили друг другу чуть не каждый день.

БАС: Рано утром, накануне дня инагурации президента Рузвельта, у бокового входа в отель "Мэйфлауэр" в Вашингтоне, остановилось такси. Жена новоизбранного президента прошла мимо дежуривших телохранителей и скользнула на заднее сиденье рядом с Лореной Хикок. Такси доставило пассажирок на

кладбище Рок Крик. Там Элеанор привела свою подругу к статуе, изображавшей женщину, укрывшуюся под плащом с капюшоном. Называлась статуя "Горе". Впоследствии Лорена рассказывала о впечатлении, произведённом на неё склонившейся фигурой: "Казалось, все страдания человечества запечатлелись на этом лице. Я почти ощущала горячие невыплаканные слёзы за опущенными веками. И, в то же время, в выражении лица было что-то победное. Передо мной была женщина, пережившая все возможные виды душевной боли, но вышедшая из горнила испытаний умиротворённой и полной сострадания".

ТЕНОР: Видимо, именно тогда, около этой статуи, Элеанор поделилась с Лореной воспоминаниями о горестных днях осени 1918 года. Она призналась, что приходила сюда много-много раз, чтобы утишить боль от раны, нанесённой изменой мужа, и что каждый раз статуя приносила ей утешение. Но стало ли ей известно — догадывалась ли она, — что в этот же день шофёр президентского автомобиля получил распоряжение на утро следующего дня: подъехать к дому 2238 по Кью-стрит и привезти на церемонию инагурации Люси Мерсер?

БАС: Об этом мы никогда не узнаем. Зато мы точно знаем, что в марте роман между "первой леди" и журналисткой уже полыхал неудержимо. Лорена должна была вернуться в Нью-Йорк, и началась переписка, которая не оставляет сомнений о характере их отношений: "Хик, дорогая, в день твоего рождения я всё думала о тебе и о том, что в следующий раз мы отпразднуем его вместе. Но сегодня вечером твой голос по телефону звучал так холодно. О, как я мечтаю обнять тебя! Прижать к себе крепко-крепко. Твоё кольцо служит мне утешением. Я смотрю на него и думаю: "Она любит меня! Иначе этого кольца не было бы на моём пальце"".

ТЕНОР: Тысячи подобных писем длиной в десять и больше страниц были сохранены Лореной: "Хик, дорогая! Как чудно было услышать твой голос… Сын Джимми стоял рядом, и я не могла произнести слова, которые хотела: "люблю, обожаю". Но помни, что мысленно я всегда говорю их и засыпаю с мыслью о тебе"; "Лучшее время дня — когда я пишу тебе… Как бы я хотела обнять тебя наяву, а не в мечтах… Твой портрет висит у меня в комнате, и я целую его каждое утро и каждый вечер".

БАС: Лорена не оставалась в долгу: "Только восемь дней осталось до нашей встречи. Сегодня я пыталась воскресить в памяти твоё лицо… Яснее всего я помню твои глаза, с отблеском озорной улыбки в них. И ещё — ощущение этой мягкой ямки к северо-востоку от угла твоего рта, к которой я прижимаюсь губами. Пытаюсь вообразить, что мы скажем друг другу при

встрече, что будем делать друг с другом. Я даже как-то горжусь нами. А ты?".

ТЕНОР: Элеанор писала не только о своих чувствах, но и о повседневных событиях прошедшего дня. Глаз профессиональной журналистки разглядел талантливость этих зарисовок, и впоследствии Лорена уговорила Элеанор использовать бытовые фрагменты писем для газетных публикаций. Так родилась колонка "Мой день", которая печаталась во многих газетах два десятилетия и необычайно подняла статус Элеанор в мире журналистики.

БАС: Другой полезный совет, данный Лореной: устраивать время от времени в Белом доме пресс-конференции, на которые приглашались бы только женщины-журналистки. Идеи женского равноправия всегда находили отклик в сердце Элеанор. Она последовала совету, и одна из участниц этих пресс-конференций потом вспоминала, какой манной с небес они были для журналисток в годы депрессии.

ТЕНОР: Зато сама Лорена оказалась в крайне трудном положении. Близость с Элеанор сделала для неё этически невозможным превращать "первую леди" в объект газетных публикаций. К удивлению и недовольству своего начальства, Лорена отказывалась от всех заданий, связанных с семьёй президента. Дети Рузвельтов в те месяцы стали предметом скандальной хроники из-за своих разводов, это был лакомый кусок для прессы. Лорена находилась так близко к Белому дому, она могла бы поставлять горячий материал из первоисточника. Но нет — на такое предательство она была неспособна. В наказание за строптивость её гонорар был срезан вдвое. Карьера её оказалась под угрозой.

БАС: Однако тяга двух женщин друг к другу заслоняла для них всё остальное. "Я хотела бы сжать тебя в своих объятиях досмерти… Люблю тебя и тоскую так, что не выразить словами. У нас впереди много счастливых лет, и печальные годы будут забыты… Я вышла замуж девятнадцатилетней и только много-много лет спустя узнала, что значит любить и быть влюблённой." Летом 1933 года им удалось вырваться в совместное путешествие. Без друзей, без газетчиков, без телохранителей они колесили в автомобиле по дорогам Мэна, Вермонта, Квебека. В одном маленьком мотеле хозяева, извиняясь, сказали, что горячей воды из-за ремонта в номере хватит только на одну ванну. "Ты первая леди, поэтому полезай первая", сказала Лорена. Элеанор спорила и грозила защекотать подругу до истерики, чего та очень боялась. Потом сделала вид, что уступила, залезла в ванну первой. Но когда Лорена последовала её примеру, оказалось, что горячая

вода — в избытке. Видимо, "первая леди" помылась холодной.

ТЕНОР: Эллиот Рузвельт однажды сказал: "Матери всегда было нужно быть кому-нибудь нужной". О том же говорила сама Элеанор: "Каждая женщина хочет быть главной для кого-нибудь, и в этом причина многих странных поступков, совершаемых женщинами". С начала 1933 года Элеанор и Лорена стали главными друг для друга, и жить в разлуке было для них больше невозможно. Необходимо было что-то предпринять. Чувство долга никогда не позволило бы Элеанор открыто покинуть Белый дом. Для Лорены же увольнение из Агентства АП и отъезд из Нью-Йорка, при общей безработице, означало бы конец журналистской карьеры, которой она так гордилась. И всё же она решилась.

БАС: В те месяцы, в рамках программы "Нового договора", в Вашингтоне было создано "Бюро оказания срочной помощи населению", распределявшее пособия для малоимущих. При поддержке Элеанор Лорена получила в нём должность инспектора. В её обязанности входило разъезжать по стране и проверять на местах, как использовались деньги, выделяемые Бюро. Положенная ей зарплата не могла покрыть аренду квартиры в Вашингтоне. Элеанор и тут пришла на помощь — выделила ей комнату в жилой части Белого дома. И ещё она купила ей автомобиль для поездок — голубой "бьюик", который Лорена окрестила "блюэт".

ТЕНОР: То, что Лорене довелось увидеть во время разъездов по стране, охваченной депрессией, наполнило её сердце горечью и состраданием. Она писала в одном из своих отчётов из Западной Вирджинии: "Моргантаун — самое страшное из того, что я видела. Вдоль главной улицы, пересекающей город, проложена канава, заполненная грязной стоячей водой, которую жители используют для питья, стирки, готовки, мытья. По обеим сторонам улицы — полуразвалившиеся дома, покрытые угольной пылью. Большинство американцев сочли бы их непригодными даже для содержания свиней. В этих домах каждую ночь дети отправляются спать голодными, ложаться на расстеленное на полу тряпьё, кишащее насекомыми. В соседнем городе началась эпидемия дифтерита, но свободных мест в больницах не осталось".

БАС: Доклады Лорены Хикок не всегда нравились энтузиастам "Нового договора". Из Техаса, Нью-Мексико, Аризоны она сообщала, что помощь Бюро, нацеленная на беднейшие слои, доставалась в основном неграм и мексиканцам, половина которых были незаконными иммигрантами. Это оставляло белую бедноту в крайне тяжёлом положении. Кроме того, для людей, имевших хоть какие-то заработки, становилось выгодно отказаться от них,

чтобы упасть на дно нищеты и начать жить на пособие от государства. Сталелитейные заводы в Охайо работали на полную мощность, но безработица в штате только усиливалась, потому что модернизация производства позволяла уменьшать число рабочих в несколько раз. То же самое происходило и в сельском хозяйстве: механизая, электрификация, доильные аппараты; огромный комбайн убирает поле, на которое раньше потребовалось бы полдюжины жаток.

ТЕНОР: Другая программа "Нового договора" — Комиссия по общественным работам — начала приносить заметные результаты уже в первый год существования. Было построено или отремонтировано 40 тысяч школ, 469 аэропортов, 255 тысяч миль шоссейных дорог, 3700 спортивных площадок и стадионов. Государство выступало в роли нанимателя и платило работникам в среднем 12 долларов в неделю, что было заметно выше существовавших цен на труд во многих штатах. Это вызывало недовольство местных предпринимателей, которые лишались рабочей силы и вынуждены были либо повышать плату своим служащим, либо выходить из бизнеса.

БАС: Постоянные разъезды Лорены держали её подолгу вдали от Вашингтона, и пустота разлуки снова заполнялась страстными письмами: "Чего бы я не дала, чтобы услышать сейчас твой голос, прикоснуться к твоим волосам, — писала Элеанор. — Когда мы вместе, ты даришь мне столько счастья, что не выразить словами… Каждая минута с тобой для меня драгоценна… Люблю тебя нежно и всем сердцем… Пишу это и смотрю на твою фотографию, где ты улыбаешься так шаловливо… Каждая разлука даётся всё труднее… Даже теперь, когда твой труд так важен для страны и мы не должны жаловаться на расставания, это не помогает мне ослабить тоску по тебе".

ТЕНОР: В марте 1934 года Элеанор отправилась в поездку по островам Карибского моря в сопровождении группы журналистов. Деловым предлогом для путешествия была проверка выполнения реформ "Нового договора" в Пуэрто-Рико и на Вирджинских островах. Поэтому в группу удалось включить и Лорену как инспектора Бюро экстренной помощи. Но пронырливые репортёры из журнала "Тайм", узнав об этом, напечатали ядовитую заметку о неожиданной дружбе двух женщин. Лорена была представлена как "пухлая безапеляционная дама с хриплым голосом и в мешковатой одежде… Она путешествует с первой леди повсюду, от Нью-Брунсвика до Ворм-Спрингс… Теперь они отправляются в Пуэрто-Рико, где мисс Хикок будет разнюхивать своим журналистским носом, как осуществляется программа срочной помощи". Лорена была больно уязвлена заметкой,

особенно намёками на то, что она получила свою работу только благодаря вмешательству "первой леди".

БАС: Но ещё сильнее её ранили ситуации, когда вихрь общественных и семейных обязанностей уносил Элеанор прочь от неё, лишал порой даже коротких обещанных свиданий. Один раз она провела чуть ли не весь отпуск в Западном крыле Белого дома, ожидая, когда Элеанор сумеет выделить время для неё. Ей был обещан один вечер, она ждала его с волнением. Однако в последний момент в семье Анны Рузвельт произошёл очередной кризис, и Элеанор умчалась утешать дочь. Уязвлённая Лорена уехала в Нью-Йорк в слезах. В другой раз предполагавшееся свидание должно было быть ещё более коротким. Элеанор, оправдываясь, писала: "Хик, дорогая, я сожалею, что причинила тебе боль. Но не проявила ли и ты излишнюю поспешность, уйдя не дожидаясь меня? Потом я лежала на кушетке и читала с 7:15 до 7:45 — это и было время, запланированное мною для тебя". Полчаса! Согласитесь — не густо для главного человека в твоей жизни.

ТЕНОР: И всё же время от времени им удавалось убежать от всех забот хоть на несколько дней. В июле 1934 года они совершили путешествие по Западным штатам. Агент секретной службы помогал им прятаться от репортёров. Он заменил Вашингтонский номер на машине Лорены калифорнийским, а также спрятал под сиденьем номера Невады и Орегона. Если бы случайный полицейский остановил путешественниц за какое-нибудь нарушение, он, наверное, очень удивился бы, найдя в машине двух благообразных дам фальшивые номера и заряженный пистолет. В конце путешествия у Элеанор был припасён сюрприз для подруги: четыре дня в Йосемитском парке. Они натянули палатку на берегу озера, окружённого гранитными скалами, читали стихи у костра и любовались луной, всходящей над вершиной горы.

БАС: Элеанор, похоже, не представляла себе, как тяжело дался Лорене отказ от журналистики. Новая работа не приносила ей радости, бесконечные картины бедности и лишений не улучшали настроения. Хотя начальство хвалило её доклады, и они влияли на ход реформ, их нигде не публиковали. Столь важный для пишущего контакт с читающей публикой был потерян. Прирождённый газетчик остался без газеты. Зато сама Элеанор сделалась звездой в мире массовой информации. Она вела регулярную колонку в журнале "Космополитен", выступала по радио, два газетных синдиката рассылали её статьи по всей стране, её мемуары печатались в журнале "Лэдис Хом Джорнел".

ТЕНОР: Чтобы иметь возможность уединяться и писать без

помех, Элеанор в 1935 году арендовала квартиру в Нью-Йорке. Для жены американского президента это был поступок беспрецедентный. Он разрушал привычный образ послушной матери семейства, погружённой в заботы о доме и детях. В предвыборной борьбе 1936 года вызывающая независимость Элеанор Рузвельт могла очень навредить её мужу. С другой стороны, энергия, с которой она пропагандировала политику демократической партии и реформы "Нового договора", была невероятной. Разъезжая по стране с выступлениями, она покрыла 38 тысяч миль в 1933 году, 42 тысячи в 1934, 35 тысяч в 1935. Она получала десятки тысяч писем, прочитывала кучу газет и журналов и наиболее интересные вырезки складывала в конце дня в корзинку, стоявшую у кровати президента. Не она выбрала общественную жизнь — общественная жизнь выбрала её и полностью затянула в свой водоворот. Да, она по-прежнему любила быть нужной своим детям и друзьям. Но теперь к этому добавилось и ощущение, что она нужна и американскому народу тоже.

БАС: Время от времени Элеанор приглашала Лорену в свою Нью-Йоркскую квартиру. Но создаётся впечатление, что, в какой-то мере, квартира служила убежищем и от Лорены тоже, от её постоянной мольбы о встречах. Элеанор могла бы взять своим девизом строчку из знаменитой песни Эллы Фитцджеральд "Don't fence me in" ("Не запирай меня в ограде"). В письмах она любила фантазировать о том, как они с Лореной когда-нибудь уединятся на покой в тихом прелестном уголке Новой Англии. Но в реальной жизни она проводила Рождество, День благодарения и другие праздники в шумном кругу друзей и родных, а Лорена часто оставалась совсем одна. "У меня нет никаких прав на тебя, — жаловалась она, — я появилась в твоей жизни позже всех остальных. Чувствую себя посторонней… Порой даже не понимаю, что ты нашла во мне, чем я могла привлечь такую личность, как ты…"

ТЕНОР: Но каждый раз, когда Лорена пыталась вырваться из ситуации столь болезненной для неё, Элеанор кидалась замазывать возникшие трещины, наводить мосты, осыпала уверениями в любви и преданности. Она даже взяла на себя контроль за финансами Лорены, следила, чтобы та не тратила больше того, что у неё имелось на банковском счету. Советовала посылать бельё для стирки в бесплатную для них прачечную Белого дома, и Лорена с благодарностью приняла совет. Когда у неё случилось обострение диабета, Элеанор настояла на медицинских тестах, на строгом следовании предписаниям диеты.

БАС: Между тем отголоски европейских политических бурь достигли американских берегов. Начавшаяся гражданская война в Испании расколола страну на два лагеря. Либеральная часть населения выступала за поддержку республиканцев, молодёжь отправлялась за океан воевать в интернациональных бригадах. Трагедия Герники потрясла всех не только количеством убитых. Мир впервые увидел, что может натворить за один день это чудесное создание цивилизации — самолёт. Но Франклин Рузвельт выбрал позицию строгого нейтралитета и наложил эмбарго на отправку любых стратегических материалов в Испанию, кому бы они ни предназначались — республиканцам или фалангистам. Элеанор была в отчаянии. Она пыталась доказывать мужу, что американская сталь, медь, нефть, хлопок, идущие в якобы нейтральную Германию, усиливают немецкую мощь и помогают "люфт-ваффе" засыпать бомбами испанские города. Никогда ещё политические расхождения между супругами не были такими глубокими и болезненными.

ТЕНОР: Летом 1937 года из Испании вернулся Эрнест Хемингуэй со своей подругой Мартой Геллхорн. Они привезли документальный фильм о гражданской войне. Элеанор пригласила их в Гайд Парк и уговорила мужа посмотреть фильм. Рузвельт был под сильным впечатлением, выражал сочувствие страданиям испанского народа, но от политики нейтралитета не отказался. И его можно понять. Память о погибших в Первой мировой войне была ещё слишком свежа в Америке. Кроме того, на примере России президент уже знал, *что* способны натворить пришедшие к власти коммунисты. Чего можно было ждать от них в Испании? То, что нацисты будут ещё страшнее, предвидеть тогда было очень трудно. А убедить в этом американского избирателя — попросту невозможно.

БАС: В эти же месяцы Элеанор дорабатывала свою автобиографию "Рассказ о моей жизни". Ей хотелось, чтобы в тексте не было ничего, что могло бы задеть тех, кого она любила. Она давала рукопись на прочтение мужу, дочери, Миллеру, Лорене и многим другим. Каждый предлагал свои купюры, и книга постепенно бледнела. Среди фраз, вычеркнутых Франклином Рузвельтом, была такая: "Если вы любите кого-то, вы можете многое простить ему. При определённых обстоятельствах неверность не должна непременно вести к разрыву отношений". В какой-то момент Лорена написала ей: "Ты в этой работе дошла до той стадии, когда полная правдивость сделалась невозможной. И это отражается на повествовании. Беда с этими автобиографиями. Наверное, их следует выпускать анонимно".

ТЕНОР: Лорена всё чаще впадала в мрачность и

мизантропию. Все приглашения посетить Вал-Килл она отклоняла, часто отменяла намеченные свидания с Элеанор. Служба тяготила её, характер портился, отношение к людям окрашивалось презрением. Не исключено, что это было результатом усилившегося диабета. Элеанор она ревновала не к кому-то одному, но ко всему кругу её близких друзей.

БАС: В какой-то момент Элеанор не выдержала и написала ей — впервые! — гневное письмо: "Ты даже представить себе не можешь, в каком я состоянии сегодня… На радиостудии ты прошла мимо меня, не сказав ни слова. Потом объявила, что в Вашингтоне найдёшь чем развлечься, не узнав, буду я занята или нет. В театре ты едва сказала два слова Эрлу и его жене, которые были моими гостями и ничем не провинились перед тобой. За ужином я предложила тебе сесть рядом со мной — ты уселась как можно дальше… Мне иногда начинает казаться, что лучше было бы вовсе не иметь близких друзей. Простые знакомые, по крайней мере, сохраняют внешнюю приветливость и не могут ранить так глубоко… В субботу и воскресенье, прошу тебя, постарайся быть вежливой и приветливой и не портить настроения остальным".

БАС: Не только старинные нити дружбы и родства отвлекали Элеанор от Лорены Хикок. При столь активных контактах с окружающим миром в жизнь "первой леди" неизбежно входили новые люди, привлекавшие её внимание. Одним из таких людей стал Джозеф Лэш — сын русско-еврейских иммигрантов, выпускник Колумбийского университета, член Американского союза студентов, горячий сторонник идей социализма. Когда началась гражданская война в Испании, многие молодые американцы поддерживали Мадридское правительство, осуждали Рузвельта за отказ помогать ему оружием в войне с франкистами. Элеанор тоже горячо возражала против политики нейтралитета, называла её ошибкой и позором. Общность взглядов сблизила её с Лэшем, и, несмотря на разницу в 25 лет, отношения начали укрепляться с годами.

ТЕНОР: Мы пристально всматриваемся в судьбы наших героев, стараемся быть честными в рассказе о них, но неизбежно это занятие выносит нас к "замочной скважине". Как далеко зашли отношения? Легли в постель или нет? В истории с Джозефом Лэшем наше положение оказывается особенно щекотливым. Он сделался одним из ближайших друзей Элеанор, а после её смерти стал первым и главным её биографом. Его перу принадлежат огромные, превосходно документированные тома: "Элеанор Рузвельт: воспоминания друга", "Элеанор и Франклин", "Элеанор: годы наедине с собой", "Мир любви: Элеанор и её друзья". Долг друга и джентльмена накладывал на него

обязанность бережно отсеивать информацию, которая могла бы шокировать его современников. И уж тем более он не стал бы откровенничать с читателем о себе самом.

БАС: Он и не откровенничал. Но в наш век на любого маломальски заметного человека направлены тысячи глаз. Джозеф Лэш был видной фигурой в левых молодёжных кругах, возглавлял Союз американских студентов. В своих речах и статьях он доказывал, что капитализм провалился, исчерпал себя. От коммунизма он отшатнулся в 1939 году, после пакта Риббентроп-Молотов. Тем не менее в какой-то момент был вызван давать показания перед Комиссией по антиамериканской деятельности. Конечно, слежка за таким человеком была постоянной. И вот в марте 1943 года в его досье добавилось сообщение чикагского агента Си-Ай-Си (Бюро контрразведки), в котором сообщалось, что мистер Лэш прибыл из городка Рантул (100 миль к югу от Чикаго) в отель "Блэкстон", где миссис Рузвельт сняла для него номер рядом со своим. В этом номере было установлено подслушивающее устройство, которое произвело магнитофонную запись, не оставляющую сомнений в том, что между этими двумя имел место сексуальный акт.

ТЕНОР: Бюро контрразведки перлюстрировало и почту Лэша. В письмах от Элеанор часто звучали те же ноты, что и в её письмах к Лорене: "Побыть с тобой было для меня счастьем… Иногда забываешь, с какой любовью вглядывалась в движения рук, в сияние глаз и как хорошо было оказаться вдруг вдвоём в одной комнате". Вскоре Лэш женился, и супруги вошли в тесный кружок ближайших друзей Элеанор Рузвельт. Зимой 1958 года она послала ему записку: "Была в Сан-Франциско и не могла не написать тебе несколько строчек, потому что никогда не забуду последнюю ночь, которую мы провели с тобой здесь перед твоей отправкой на Тихоокеанский фронт". Впоследствии Лэш признавался, что никогда не мог понять, чем он, бедный еврейский иммигрант, мог привлечь жену американского президента. Он замечал, что в ней жила постоянная потребность окружать себя близкими людьми, на которых она могла бы излить заботу, внимание, нежность. И ещё писал, что — в отличие от всех остальных — он находил её привлекательной и внешне.

БАС: Нет — не только он. Мне запомнились слова писателя Говарда Фаста об Элеанор Рузвельт: "Высокая, целеустремлённая и абсолютно обворожительная в своём уродстве". Но, конечно, слежка, которую вели за Элеанор Рузвельт различные секретные организации, — это отдельная тема. Многие ненавидели президента Рузвельта, считали его реформы внедрением социализма в жизнь Америки. Статьи и выступления его жены

представлялись консерваторам ещё более опасным радикализмом. К концу её жизни Эдгар Гувер имел в архивах ФБР досье на неё объёмом в три тысячи страниц. Можно было подумать, что он следил за крупным вражеским агентом, а не за женщиной, вызывавшей восхищение миллионов американцев.

ТЕНОР: Со вступлением Америки во Вторую мировую войну политические разногласия отошли на задний план, страна сплотилась против общего врага. И в личной жизни Элеанор настали перемены. Сводки с фронтов, выступления перед солдатами и моряками, посещения госпиталей, вести от четырёх сыновей, воевавших за океаном, — вот что стало главным, что переполняло сердце тревогой и надеждой. Радость победы над Германией была омрачена для неё не только смертью мужа в апреле 1945 года. Конечно, ей больно было узнать, что Люси Мерсер, а не она, была у постели умирающего. Но более того: разбирая бумаги покойного, она нашла акварельный портрет Рузвельта, сделанный в 1943 году той самой художницей Шуматовой, которую Люси привезла в Ворм Спрингс за неделю до его смерти. Не было ли это ясным указанием на то, что Франклин и Люси всё это время регулярно встречались за её спиной? И какой душевной щедростью надо было обладать, чтобы не сжечь акварель, а послать её сопернице!

БАС: Смерть Рузвельта ничуть не ослабила влияния, которым Элеанор пользовалась в политических и журналистских кругах. Её жизнь в послевоенной Америке ещё больше заполнилась лекционными турне, выступлениями по радио, писанием статей и книг. Президент Труман уговорил её стать американским делегатом на первой сессии Организации объединённых наций, а потом возглавить Комиссию по правам человека.

ТЕНОР: Лорена нашла приют в Вал-Килле, и Элеанор относилась к ней как к старинному больному другу, нуждающемуся в постоянной заботе. Но сердце шестидесятидвухлетней женщины не остыло, не умерло для любви. Однажды она навещала жену Джозефа Лэша и познакомилась там с её лечащим врачом, Дэвидом Гуревичем. Видимо, облик, манера, голубые глаза сорокачетырёхлетнего врача чем-то задели её, потому что через несколько дней она позвонила ему и спросила, не согласится ли он включить её в число своих пациентов. Он дал согласие и в декабре 1945 года получил из госпиталя в Бефезде ящик с медицинской историей Элеанор.

БАС: На здоровье она не жаловалась, лечиться не любила, посещала врача лишь тогда, когда нужно было сделать какую-то прививку перед поездкой за границу. Только в августе 1946 года

случилось что-то серьёзное. Элеанор, заснув за рулём, попала в аварию. Ей пришлось удалять разбитые зубы и заменять их искусственными, что, по общему мнению, сильно улучшило её внешность.

ТЕНОР: Сближение врача и пациентки происходило медленно, но в какой-то момент судьба вмешалась, избрав своим орудием нелётную погоду. Доктор Гуревич должен был пройти курс лечения от туберкулёза в горном курорте в Швейцарии. Но возникли трудности с покупкой билета на самолёт. Узнав об этом, Элеанор, которой предстояло лететь в Женеву на конференцию по правам человека, устроила ему место на тот же рейс. Однако из-за дождей, туманов и неполадок в моторе полёт растянулся на четыре дня, с приземлениями в Ньюфаундленде и Ирландии. Именно в эти дни вынужденного ожидания два пассажира смогли многое рассказать и много узнать друг о друге.

БАС: Как всегда у Элеанор, рассказы о детстве были важным знаком сближения с человеком. Выяснилось, что Дэвид Гуревич тоже рано остался без отца, тоже воспитывался у бабушки. К семи годам он, с братом и матерью, успел сменить три страны проживания: Россия, Германия, Швейцария. Закончив медицинское образование, жил и работал некоторое время в Палестине, в Америку переселился в 1936 году.

ТЕНОР: Элеанор была заинтригована и очарована противоречивыми чертами характера своего врача. В нём уживались проницательность и наивность, страстность и хладнокровие, критичность и снисходительность к людям и к себе, открытость и уклончивость, уверенность и застенчивость. Его жена и дочь жили в Лондоне, и он рассказывал Элеанор о сложностях брачных отношений и о своей неспособности принять какое-то решение: расходиться окончательно или попытаться наладить семейную жизнь?

БАС: Вернувшись в Америку из Швейцарии весной 1948 года, Элеанор Рузвельт отдавала много сил борьбе за признание Израиля. Она пригрозила оставить свой пост в ООН, если президент Труман изменит своему обещанию поддержать создание нового государства. Дипломатические задачи снова потребовали её присутствия в Европе в апреле, и по этому поводу у них с Дэвидом шла оживлённая переписка. Дэвид надеялся, что врачи отпустят его из санатория на несколько дней и им удастся повидаться в Цюрихе.

ТЕНОР: Элеанор писала: "Думаю о тебе каждый день, особенно когда снег глубок, воздух чист, небо синеет, и мне хочется, чтобы ты оказался в Вал-Килле, в доме для гостей, чтобы я могла прибежать туда и увидеться с тобой… Предвкушаю нашу

встречу 15-го числа, не могу выразить своё нетерпение… Это будет единственное счастливое пятно во всей поездке… Просто увидеться с тобой значит для меня так много…".

БАС: Встреча состоялась и не только не разочаровала, но ещё больше сблизила обоих. Это видно из письма, отправленного Элеанор по дороге домой, из Брюсселя: "Дэвид, дорогой! Уже поздно, но я не могу пойти спать, не сказав тебе "спокойной ночи". Невозможно выразить, каким счастьем было для меня увидеть тебя в аэропорту… Мне хотелось забыть всех вокруг и тут же обнять тебя. Можешь сделать мне одолжение? Пришли мне свою фотографию. Я хочу иметь в руках что-то ощутимое, чтобы глядеть на тебя постоянно. Провести два дня с тобой было для меня островком чистого счастья, и я так благодарна, что ты вырвался из санатория и приехал в Цюрих ради этого".

ТЕНОР: Наверное, пришла пора объяснить нашим телезрителям, через какую "замочную скважину" приоткрылась для нас история этого романа. Сорок лет спустя после смерти Элеанор Рузвельт в Америке была опубликована книга "Родственные души". Написала её вдова Дэвида, Эдна Гуревич. С Элеанор она познакомилась в 1956 году. Обо всём, что происходило до этого, она знала из рассказов мужа, из сохранившихся писем и дневников, из расспросов родственников и знакомых. Понятно, что нам, читателям, было приоткрыто только то, что миссис Гуревич считала нужным и возможным приоткрыть. Оба главных персонажа книги описаны с любовью и пониманием. Но на сакраментальный вопрос ответ даётся однозначный: нет, любовниками они никогда не были. А все нежности в письмах отражают лишь необычайное родство душ, привязанность, уважение.

БАС: Должны ли мы этому верить? Какие у нас основания сомневаться в свидетельстве миссис Гуревич? Начнём с самого простого: стал бы Дэвид откровенничать с новой женой, моложе его на двадцать пять лет, о своём прошлом, особенно об одиннадцати годах близких отношений с Элеанор Рузвельт? Конечно, нет. Эдна Гуревич получила рассказ, сильно отредактированный мужем, и потом принялась редактировать его сама. Воспитанная в представлениях и правилах допропорядочной американской семьи 1930-х годов она явно относится к эротике как к чему-то принижающему человека и уж точно разрушительному для всяких нимбов. Она даже отрицает лесбийский опыт Элеанор Рузвельт, хотя переписка "первой леди" с Лореной Хикок стала достоянием гласности уже в 1978 году и подавляющее большинство комментаторов сошлись на том, что эти шестнадцать тысяч страниц не оставляют никаких сомнений в

характере их связи.

ТЕНОР: Мы знаем, что разрушить человеческие верования не могут никакие факты. Древние персы верили, что сын никогда не может убить своего отца, а когда такое случалось, они заявляли, что, видимо, отец был не настоящий, что мать, конечно, согрешила и родила сына от другого. Так и миссис Гуревич. Её ошибка в том, что она, скорее всего, не дала прочесть рукопись опытному адвокату, знающему опасности перекрёстного допроса. Он бы посоветовал ей убрать десятки мелких эпизодов и деталей, опровергающих её тезис.

БАС: Чего стоит например история о том, как, посетив Дэвида в его квартире, будущая миссис Гуревич обнаружила в полупустом холодильнике засохший мясной рулет. "А, это, видимо, оставила в своё время кухарка миссис Рузвельт, — объяснил Дэвид. — У неё есть свой ключ от квартиры." Ключ у кухарки? Для чего? Чтобы снабжать голодающего Дэвида продовольствием? Или приносить заранее приготовленный ужин на двоих? И уж если ключ был у кухарки, значит и у миссис Рузвельт тоже? Степень интимности, достигнутая ими уже в 1948 году, была такова, что в одном из писем она просит прислать ей книгу профессора Кинси — скандальный бестселлер, впервые открывший американцам глаза на безграничный спектр вариаций сексуальных отношений.

ТЕНОР: Желая выглядеть объективным рассказчиком, Эдна Гуревич щедро цитирует письма Элеанор и в какой-то момент перестаёт замечать опасность, которую они представлют для версии "платоническая любовь". "Как бы я хотела пересечь океан и оказаться на одном берегу с тобой. Я рада, что ты любишь меня. Я люблю тебя всей душой, и все мои мысли — о тебе". Или: "Мне нет нужды говорить тебе, ты и так знаешь, что я люблю тебя так, как никогда не любила кого-нибудь другого". Или: "Ты не станешь сердиться, если я время от времени буду говорить тебе, как много ты значишь для меня? Я люблю тебя глубоко, я уважаю и восхищаюсь тобой, но любовь всё же важнее всего остального, потому что она сохранится во мне, как бы ты ни повёл себя, что бы ни сделал".

БАС: В книге почти нет писем Дэвида к Элеанор. Правда, в маленькой сноске говорится, что дочь Анна, после смерти матери, сожгла все его письма, хранившиеся в комнате покойной. Если там были только дружеские излияния, нужно ли было их сжигать? Другая лакуна: в книге обойдён вниманием аспект отношений врач-пациентка. Когда влюблённые впервые снимают с себя одежду, чтобы слиться друг с другом, это переживается обоими как некое священнодействие, как жест предельного доверия, на

который нужна немалая решимость. У Элеанор и Дэвида этот момент был пройден легко и незаметно. Сколько раз пальцы доктора Гуревича должны были прикасаться к обнажённому телу миссис Рузвельт во время медицинских осмотров!

ТЕНОР: Про это — ни слова, зато много внимания уделено роману Дэвида с Мартой Геллхорн, бывшей (третьей) женой Эрнеста Хемингуэя. Он загорелся в 1950 году, но с самого начала наткнулся на препятствия географического порядка. Марта к тому времени поселилась в Мехико, потому что возненавидела всё американское и особенно — Нью-Йорк. Дэвид летал к ней на свидания почти каждый викенд. Они всерьёз обсуждали женитьбу, Дэвид даже открыл счёт в Мексиканском банке и договорился о преподавательской работе в медицинском колледже. Но его развод с первой женой ещё не был оформлен, да и Марта начала колебаться, потому что больше всего дорожила своей независимостью.

БАС: В этой истории умудрённая жизнью Элеанор проявила необычайный такт и понимание. Её письма Дэвиду этого периода окрашены почти материнской заботливостью: "Из того, что ты рассказывал мне о себе, у меня возникло впечатление, что чаще женщины добивались тебя, чем ты — их. Это избаловало тебя и ослабило готовность проявлять инициативу самому… Хотя в твоём возрасте утоление физического желания является крайне важным, тебе следует прежде всего искать душевной близости и взаимопонимания, если ты хочешь создать прочный и счастливый союз".

ТЕНОР: Но всё же страх потерять Дэвида насовсем, страх, что он уедет в Мексику навсегда, точил сердце Элеанор. В октябре 1951 года она писала: "Я буду глубоко опечалена твоим отъездом, но если он сделает тебя счастливым, я буду рада за тебя. Пожалуйста, помни, что, где бы я ни была, мои объятия всегда открыты для тебя. Мой дом — всегда твой дом, когда тебе захочется посетить его одному или с кем-то, кого ты любишь. Я дорожу каждой минутой с тобой в эти последние дни и чувствую, что их осталось немного. Благодарю судьбу за то, что она дала мне возможность узнать тебя, и надеюсь, что мы сохраним нашу близость, даже если ты начнёшь новую жизнь вдалеке. Каждый день молю Бога, чтобы он хранил тебя и дал счастье в жизни. Моя любовь с тобой, Дэвид, бесценный друг, и пусть у тебя будет много счастливых дней впереди".

БАС: И вдруг случилось нечто непредвиденное: проведя свой отпуск с Мартой в Мексике в декабре 1951 года, Дэвид вдруг оставил планы переезда туда и принял пост главного врача в детской больнице под Нью-Йорком. Мы никогда не узнаем, что

привело к разрыву отношений с Мартой. Но по январским письмам Элеанор из Парижа можно почувствовать, с каким счастьем и облегчением она приняла это известие. Ещё осенью она пригласила Дэвида и Марту присоединиться к ней в длинном путешествии, конечным пунктом которого была Индия. А тут всё обернулось таким образом, что Дэвид полетит с ней один!

ТЕНОР: Еврей Гуревич не мог сопровождать миссис Рузвельт, когда она посещала арабские страны в начале своего маршрута: Ливан, Сирию, Иорданию. Он присоединился к ней в Израиле. За семнадцать лет его отсутствия страна изменилась неузнаваемо. Бывшие посёлки превратились в бурлящие жизнью города с каменными домами и тенистыми улицами, усаженными деревьями. На месте болот и песков тянулись масличные сады и виноградники. Ирригация произвела революцию в сельском хозяйстве. Из окна самолёта легко было различить границу между зеленеющими полями израильтян и желтеющими — палестинцев.

БАС: Элеанор была счастлива увидеть расцвет страны, за создание которой она сражалась так долго и самоотверженно. Встреча с премьер-министром Бен-Гурионом произвела на неё сильное впечатление, он показался ей человеком необычайной целеустремлённости, способным охватить зараз огромный спектр проблем, стоящих перед государством. Также для неё была устроена встреча с арабским шейхом, дружественно настроенным к израильтянам. Высокий красивый араб уже в самом начале беседы предложил вдове президента Рузвельта присоединиться к его гарему. Она поинтересовалась, какой порядковый номер ей достанется. Услышав двузначное число, отказалась.

ТЕНОР: В Индии Элеанор встречалась с Неру, произнесла речь перед парламентом. Дэвид подробно описал в путевом журнале, как проходило выступление. Аудитория была настроена враждебно, антиамериканские настроения были очень сильны. Миссис Рузвельт, как всегда, говорила без бумажки, она не поучала, а делилась своими мыслями. Сказала, что американцы хорошо понимают тягу народа к независимости, потому что помнят, какой крови и лишений им стоило освободиться от той же Великобритании два века назад. Индийские парламентарии были покорены, речь вызвала бурные овации.

БАС: За первым совместным путешествием вскоре последовали другие. Летом 1952 года они посещают Грецию и Югославию, где знакомятся с президентом Тито. Весной 1955 года через Японию и Гонг-Конг летят в Таиланд. Весной 1957 отправляются в Марокко. Султан Мохаммед Пятый в годы войны встречался с Франклином Рузвельтом и был покорён им. В благодарность за полученные при встрече советы он

благосклонно отнёсся к просьбе Элеанор облегчить положение евреев, застрявших в его стране. Десять тысяч еврейских беженцев вскоре были отпущены в Израиль.

ТЕНОР: В Америке общение Дэвида и Элеанор было постоянным. Дочь Дэвида, Граня, полюбила гостить летом в Гайд Парке, и для него это было стимулом тоже приезжать туда на викенды. Каждый день Дэвида начинался с короткого звонка его матери, день Элеанор — с короткого звонка Дэвиду. В середине 1955 года секретарша Элеанор была поражена переменой, произошедшей с её хозяйкой. После очередной зарубежной поездки она вошла в квартиру радостно оживлённая, похудевшая, одетая в элегантный парижский костюм, увенчанная модной шляпой. Что могло быть причиной этого преображения? Секретарша знала только одно недавнее событие, которое могло порадовать Элеанор: Дэвид наконец-то оформил развод со своей первой женой.

БАС: С первой женой разошёлся, но пыла к молодым красавицам Нью-Йорка не потерял. Осенью 1956 года произошло знакомство с молодой заведующей картинной галереи Зильберманов на Мэдисон-авеню. Стены её кабинета были украшены картинами Сассеты, Босха, Кранаха Старшего, а в запасниках хранились работы Франса Гальса, Гойи, Рубенса, Моне, Ренуара. Общие друзья пригласили Эдну Перкель и Дэвида полететь на открытие большой выставки картин в Торонто, и по дороге — опять в полёте! — Дэвид сумел заинтриговать и обворожить свою спутницу, которая была на два десятка лет моложе него.

ТЕНОР: Джозеф Лэш так объяснял загадку обаяния Дэвида: *он принимал женщин всерьёз.* Держал их руку в своей, подносил к губам и целовал, проникновенно глядел в глаза, застенчиво улыбался и всем своим видом и тоном показывал, что понимает и принимает близко к сердцу каждое их душевное движение.

БАС: Дэвид оплетал Эдну рассказами о своей жизни, как лианами, переносился из детства в Швейцарии к учёбе в Берлине, от работы в больнице в Палестине ко встречам с маршалом Тито. На следующий день она спросила, не хотел ли бы он узнать что-нибудь и про неё. "О, про вас я всё знаю", сказал Дэвид и тут же набросал довольно убедительный психологический портрет своей новой знакомой, который показался Эдне не только близким к действительности, но и лестным. Потом раздвинул указательный палец и большой на расстояние дюйма и добавил: "Ещё я знаю, что у нас есть вот такой шанс пожениться".

ТЕНОР: Да, поначалу шанс был невелик. Дэвид дорожил отношениями с Элеанор и не знал, как она отнесётся к появлению

новой женщины в его жизни. Он решил представить их друг другу в непринуждённой атмосфере — привёл Элеанор в галерею в день открытия очередной выставки, когда шум голосов и бокалы с шампанским помогали размыть возможную неловкость. Затем последовал интимный обед втроём, во время которого Эдна могла получить представление о том, *насколько* эти двое повязаны общими интересами, общими друзьями и воспоминаниями.

БАС: Именно в этом месте своего повествования миссис Гуревич вставляет текст письма Элеанор, отправленного за несколько месяцев до знакомства будущих супругов: "Дэвид, дорогой мой, сижу сейчас, думаю о тебе и пытаюсь понять, чем вызвана твоя сдержанность. Мне бы хотелось, чтобы ты чувствовал себя со мной непринуждённо, как если бы я была членом твоей семьи… Но у меня не получается. Что-то неладно со мной! Мне бы хотелось, чтобы ты обращался ко мне по имени, но ты не можешь. Наверное, виной тому мой возраст. Я люблю тебя, ты всегда в моих мыслях, но если это тяготит тебя, я спрячу свои чувства. В этом я большой мастер. Ты прочёл мне лекцию, и я постараюсь быть осторожной. Ты же люби меня хоть немножко и показывай это, если сможешь".

ТЕНОР: Нужно признать — текст выбран умело. Элеанор выглядит наседающей, Дэвид — уклоняющимся. Нет сноски о том, что "прочёл лекцию" не о поведении по отношению к нему, а о пренебрежении собственным здоровьем. Но ведь было много и других писем весной и летом 1956 года. Например, мартовское письмо, которое цитирует Джо Лэш в своей книге "Мир любви: Элеанор Рузвельт и её друзья, 1943–1962": "Если тебе придётся снова отправиться на лечение, я не могу смириться с тем, чтобы ты ехал один. Хочу всегда быть рядом с тобой. Может быть, испугавшись этой угрозы, ты станешь лучше заботиться о своём здоровье? Дэвид, дорогой, я не глупа и никогда не забываю… что ты любишь молодость и красоту и независимость, и я ни в коем случае не хочу становится между тобой и этими радостями, только помогать… Моё сердце принадлежит тебе на все оставшиеся годы".

БАС: Из рассказа самой Эдны Гуревич мы узнаём, что ей тоже довелось хлебнуть уклончивости Дэвида полной мерой. Они уже встречались регулярно несколько месяцев, и вдруг однажды он не позвонил в обещанное время. Она набрала его номер в больнице и оставила сообщение у дежурной. Прошло несколько часов — молчание. Она позвонила снова и спросила, было ли её сообщение передано доктору Гуревичу. Да, он получил его. Эдна была в растерянности, в тревоге, в гневе. На следующий день — опять ничего. Гордость не позволила ей продолжать попытки.

Исчезновение — или побег? — длилось шесть недель. Он появился так же внезапно, как исчез. И принялся упрекать Эдну за то, что *она не звонила ему всё это время.*

ТЕНОР: Дальше последовала чехарда сближений — нежность, разговоры о будущем — и беспричинных отдалений. В марте-апреле 1957 года Элеанор с семьёй сына Эллиота отправляется в Марокко — Дэвид берёт дочь Граню и летит вместе с нею. На лето Элеанор пригласила Граню жить в Вал-Килле, устроила ей работу в местном клубе. Дэвид регулярно навещал дочь там, всегда ездил один. В августе он сообщил Эдне, что миссис Рузвельт пригласила его присоединиться к ней в намеченной поездке в Россию. На Эдну приглашение не распространялось.

БАС: Похоже, в этот момент расстояние между указательным пальцем и большим уменьшилось с дюйма до миллиметра.

ТЕНОР: Мать Дэвида, известный врач, знавшая советские порядки, умоляла его не ездить в СССР, боялась, что его не выпустят обратно. Ведь столько наивных репатриантов, поспешивших вернуться на родину после войны, сгинуло в Гулаге. Но Дэвид уверял её, что времена изменились и что миссис Рузвельт не допустит такого самоуправства. Эдна была уязвлена тем, что её не берут в такую увлекательную поездку, и Дэвид, чтобы загладить свою вину, обещал ей по возвращении назначить дату их свадьбы.

БАС: По пути в СССР путешественники сделали короткую остановку в Берлине. Дэвид отыскал развалины синагоги, разрушенной нацистами в 1938 году, во время "Кристал Нахт". Место не было помечено никакой памятной доской — просто окружено деревянной оградой. Элеанор согласилась сфотографироваться на фоне развалин, снимок был потом опубликован в американских газетах вместе с очередным очерком Элеанор, и после этого немецкие власти зашевелились — пообщали выстроить клуб и повесить на нём соответствующий текст для туристов.

ТЕНОР: Поездка по СССР заняла весь сентябрь. Элеанор Рузвельт интересовалась в первую очередь образованием — от детских садов до университетов, Дэвид — больницами и медицинскими исследованиями. Знание русского языка позволяло ему общаться с хирургами и профессорами напрямую. Сотрудники Интуриста пытались вести визитёров по проторенным тропинкам — музей, балет, мавзолей, но те проявляли злостную строптивость, настаивали на посещении тех мест и учреждений, знакомство с которыми могло быть интересным для американских читателей. Дэвид фотографировал без разрешения и настолько испортил свою репутацию, что год

спустя у него были большие трудности с получением советской визы для нового путешествия.

БАС: С самого начала миссис Рузвельт просила о возможности взять интервью у премьера Хрущёва. Ответы давались уклончивые, а срок отъезда приближался. В последние дни они с Дэвидом вернулись из Сочи и собирались наносить прощальные визиты, как вдруг переводчица объявила: "Да, забыла вам сказать: завтра мы летим в Ялту для встречи с товарищем Хрущёвым". С трудом сдерживая себя, Элеанор сказала: "Спасибо, что вспомнили". Наутро им пришлось лететь обратно на берег Чёрного моря. Тысяча миль — такой пустяк!

ТЕНОР: Встреча состоялась на вилле Хрущёва. Радушный хозяин не возражал ни против магнитофона, поставленного Дэвидом на стол во время беседы, ни против щёлкающей фотокамеры. Но когда в процессе интервью начали всплывать вопросы о причинах холодной войны, о гонке вооружений, о нарушении ялтинских соглашений, о напряжённости на Ближнем востоке, он разгорячился, стал повышать голос, раскраснелся. Всё же в конце трёхчасового интервью, взял себя в руки и спросил: "Могу я сообщить нашим газетам, что беседа имела дружеский характер?". "Да, — ответила Элеанор, — дружеский, но с расхождениями по многим вопросам." "По крайней мере, мы не стреляли друг в друга", — усмехнулся Хрущёв.

БАС: То ли перед отъездом в СССР, то ли по возвращении Дэвид сообщил Элеанор о своём намерении жениться. "Если я не сделаю этого сейчас, — сказал он, — мне уже никогда не обзавестись семьёй." О реакции Элеанор мы знаем только со слов самого Дэвида, как они долетают до нас со страниц книги миссис Гуревич: "Миссис Рузвельт одобрила моё намерение. И добавила: "Ведь я не буду жить вечно"."

ТЕНОР: Всё же у неё оставались надежды, что брачные планы развалятся, как они развалились в случае с Мартой Геллхорн. В январе 1958 года Дэвид возвращался из Парижа, и в аэрпорту его встречала не Эдна, а Элеанор. Она заранее украсила его квартиру цветами и оставила письмо, на случай если они разминутся, начинавшееся словом "дорогой" и кончавшееся: "скучаю, люблю нежно". Но опасность витала в воздухе, и секретарша Элеанор потом рассказывала, что все эти дни она была подавлена, молчалива, замкнута, хотя ни в семейной жизни, ни в политической не было никаких тревожных событий. А когда пришла телеграмма, извещавшая, что свадьба назначена на февраль, она побледнела и впала в депрессию на несколько дней.

БАС: Но совладала с собой. Более того: как и в случае с Эрлом Миллером, она уговорила брачующихся отпраздновать

свадьбу в её квартире. Родители Эдны не были счастливы тем, что их дочь выходит замуж за разведённого, старше неё на два десятка лет, имеющего взрослую дочь, но постарались не портить праздник. Обряд совершил раввин — старинный друг Дэвида по берлинским временам. Элеанор подарила Эдне ожерелье — дымчатые кристаллы на золотой цепочке, но, считая подарок недостаточно дорогим, пообещала поднести им билеты на самолёт, куда бы они ни решили лететь: в Россию, Китай, Японию. По свидетельству секретарши, на людях она сумела владеть собой, но, когда все разошлись, опустилась на стул изнеможённая и подавленная.

ТЕНОР: Эта поразительная женщина сумела подавить ревность, окружила Эдну дружеским вниманием, приглашала её вместе с Дэвидом на праздники в Гайд Парке, на официальные приёмы, на концерты. Главное для неё было: чтобы Дэвид Гуревич не ушёл из её жизни. Она даже попросила у Эдны разрешения не нарушать сложившуюся традицию — начинать свой день с короткого звонка её мужу. Разрешение было дано. Начались совместные путешествия втроём: в 1958 году — Россия, в следующем — отпуск в Пуэрто-Рико. Рождество 1958 года все трое праздновали в Вал-Килле, вместе с другими близкими друзьями и родственниками Элеанор.

БАС: Горы заготовленных подарков и звон бокалов на время праздника скрыли глубокий разлад, возникший в обширном семействе Рузвельтов к тому времени. Сын Эллиот всё время требовал денег и по этому поводу ссорился с матерью и братьями. Джон Рузвельт и Анна — оба республиканцы — обосновались в каменном коттедже и собирали у себя друзей близких им по духу и склонных к шумному веселью. Этот лагерь с подозрением и неприязнью смотрел на гостей, собиравшихся в сотне метров от них, в доме миссис Рузвельт — демократы, интеллектуалы, художники, артисты, всегда устремлённые к возвышенным, но, как правило, недостижимым целям и идеалам. Немудрено, что Элеанор в окружении своих многочисленных потомков так часто чувствовала себя одинокой.

ТЕНОР: Видимо, именно чувство одиночества было главной причиной того, что она с такой радостью откликнулась на внезапно возникшую ситуацию. Владелец её квартиры известил её, что собирается существенно поднять арендную плату. Супруги Гуревич в это же время поняли, что квартира Дэвида маловата для них. "А почему бы нам не купить вместе дом в Манхеттене и не поселиться в нём втроём?" Эдна Гуревич утверждает, что именно она была автором этой идеи. Однако тут же добавляет, что задолго до её появления на сцене идею жизни под одной

крышей выдвигала Элеанор, но Дэвид уклонился.

БАС: После долгих поисков подходящее здание было найдено на Ист-74-стрит. Финансовые переговоры о покупке, ремонт и внутренние переделки растянулись чуть ли не на год. Гуревичи получили в своё распоряжение четвёртый и пятый этаж, миссис Рузвельт — второй и третий. (Первый был оставлен врачам, арендовавшим там кабинеты раньше.) Аппартаменты Элеанор были достаточны для приёма высокопоставленных гостей и их свит. Телефон и дверной звонок не умолкали. Письма, телеграммы, цветы, пакеты, продукты, важные и случайные визитёры, дети и внуки, дипломаты и адвокаты, актёры и певцы, писатели и журналисты — семидесятишестилетняя женщина едва ли имела минуту покоя в течение дня. Но только так она и могла существовать и утолять свою главную страсть: быть кому-то нужной.

ТЕНОР: Эдна сумела расположить к себе Элеанор, и жизнь под одной крышей окрасилась тёплыми чувствами всех троих друг к другу. Вскоре у Гуревичей родилась дочь Мария, и Элеанор устроила праздник в честь новорожденной. В 1962 году Эдна и Элеанор совершили совместную поездку в Израиль.

БАС: Гораздо труднее были для миссис Рузвельт отношения с детьми. Переживая за их семейные драмы, она не могла отказаться от материнской привычки направлять и упрекать. Для взрослых сыновей это было особенно тягостно, когда они видели отношение матери к Дэвиду Гуревичу — "безупречному" всегда и во всём. Он впоследствии вспоминал, что однажды Элеанор даже затронула тему самоубийства. "Я заслоняю своих детей, — сказала она. — Когда меня не станет, мир отнесётся к ним с большим вниманием."

ТЕНОР: Дэвид рассказывал впоследствии, что пациентом она была нелёгким. На предложение проделать те или иные тесты отвечала "У меня нет времени". Летом 1962 года Дэвид был в отъезде, когда она почувствовала серьёзное недомогание и слабость. Заменявший Дэвида врач обнаружил сильное падение гемоглобина и настоял на переливании крови. Оно привело к невероятному подскоку температуры, бреду, потере сознания. С этого момента начал набирать силу недуг, который врачам не удавалось диагнозировать.

БАС: Больная была окружена толпой влиятельных докторов, мнения которых часто расходились с мнением вернувшегося Дэвида. Но всем было ясно, что конец приближался неумолимо. Элеанор Рузвельт не был дарован такой быстрый и лёгкий уход из жизни, какой был дарован судьбой её мужу. Мучительные лечебные процедуры в больнице и дома тянулись четыре месяца.

Но и у её смертного ложа до последнего момента находился тот, кого она любила сильнее всех остальных.

ТЕНОР: Только после её смерти 7-го ноября 1962 года результаты вскрытия позволили врачам поставить единодушный диагноз: проснувшийся застарелый туберкулёз достиг костного мозга и прервал нормальное производство кровяных телец. На её похороны в Гайд Парке приехали бывшие президенты Труман и Эйзенхауэр, действующий президент Кеннеди в сопровождении вице-президента Линдона Джонсона, генеральный секретарь ООН У-Тан и множество других видных фигур американской и мировой политики.

БАС: Один из биографов впоследствии так обрисовал в коротком скетче жизненный путь Элеанор Рузвельт: "Шаг за шагом она побеждала себя и поднималась на следующую ступень: от юношеской нерешительности — к ясному осознанию своих сил; от тенет викторианской морали — к щедрой терпимости к человеческим слабостям; от сословного снобизма — к защите расового и религиозного равноправия; от роли скромной матери семейства в тени блестящего мужа — к власти над умами и сердцами миллионов американцев". Невероятная душевная теплота и щедрость, замеченные когда-то в пятнадцатилетней Элеанор её любимой учительницей, излились на тысячи людей, встреченных ею в жизни. Президент Труман назвал её "первой леди мира".

Эрнест Хемингуэй (1899–1961)

БАС (*обращаясь к собеседнику*): Я знаю, что вы уже с юности были покорены и заворожены этим писателем. Не могли бы вы вкратце обрисовать свои чувства тех лет? Секрет невероятного успеха и мировой славы Хемингуэя пытались разгадать многие исследователи. Но мне до сих пор не довелось прочесть какое-нибудь убедительное объяснение. Что оказалось самым захватывающим для вас?

ТЕНОР: Мне было лет пятнадцать, когда кто-то из приятелей дал мне "Прощай, оружие". С первых же страниц я был подхвачен, унесён, вырван из своей повседневной жизни, как какая-нибудь Дороти в "Волшебнике изумрудного города". Простые понятные слова, простые короткие фразы. Облетевшие деревья, грязь на дорогах, стены домов со следами шрапнели. Верхушки гор срезаны туманом. У водителя скорой помощи узкое и очень загорелое лицо, фуражка на голове. Этот водитель уйдёт из повествования и никогда больше не появится. Но сама случайность, необязательность его появления создаёт ощущение, что автор напряжённо вглядывается в череду событий и сцен, проносящихся перед его глазами, пытаясь разглядеть за ними какую-то главную таинственную суть бытия, которая струится под поверхностью зримого мира, как кровь струится под кожей. Вот-вот разглядит, вот-вот тайна откроется.

БАС: Не похоже ли это на приём паузы, которым пользуются режиссёры театра и кино? Например, в фильме Бергмана "Персона" героиня умолкает, отказывается говорить с окружающими. И мы вглядываемся в её лицо, в движения руки, берущей стакан с водой, в скольжение гребня по волосам, но при этом всеми силами пытаемся понять, *о чём она молчит.* Тайна, столь необходимая всякому искусству, рождается сама собой и маняще светит за поверхностью экрана.

ТЕНОР: Да, именно тайна. В рассказе "Что-то кончилось" юноша и девушка плывут в лодке на ночную рыбалку. Подробно описаны берега залива, заброшенные здания лесопилки, силуэты холмов на темнеющем небе. Из коротких реплик, роняемых героями у разведённого на берегу костра, мы понимаем, что они знают друг друга давно, что рыбачат вместе не первый раз. Ничто не предвещает беды, но напряжение нарастает. Что-то должно случиться. Медведь выйдет из тёмного леса? Пьяный индеец с ружьём? О, нет, только не у Хемингуэя. Случится что-то в тайниках души. Невинный обмен репликами: "Скоро взойдёт луна" — "Я знаю" — "Всё-то ты знаешь" — "О, Ник, перестань!

Пожалуйста, пожалуйста, не начинай это". И мы так и не узнаем, что и в какой момент оборвало ниточку, связывавшую этих двоих. Но мы вспомним все беспричинные разрывы, которые довелось пережить нам самим, и поверим с волнением в то, что Ник не смог объяснить девушке, что произошло, а только повторял: "Всё это больше не в радость". "И любовь не в радость?" — "И любовь". И она уплывёт на лодке, а он останется сидеть, уронив лицо в ладони.

БАС: Может быть, мне просто не повезло, потому что для меня первой книгой оказалась какая-то из его африканских эпопей. Не могу передать, какое отвращение у меня вызвали и продолжают вызывать эти бессмысленные убийства львов, носорогов, буйволов, слонов, леопардов. Кровавый спорт богатых бездельников! Да ещё с попытками придать своей забаве какой-то высший смысл, будто это, действительно, состязание в мужестве. Да ещё заставлял, затягивал своих женщин участвовать в бойне — такой стыд!

ТЕНОР: Но у поколения, входившего в жизнь после Первой мировой войны, сострадание животным было сильно притуплено пережитым ужасом всемирного четырёхлетнего пожара. Стыдились они другого — высокопарного краснобайства. Ведь именно оно оправдывало кровавое извержение высокими понятиями чести, патриотизма, исторической справедливости. Хемингуэй очищал человеческую речь от шелухи и мути и тем возвращал ей правдивость и достоинство. Диалог у него строится из пустот, часто из повторов, но при этом слова бережно огибают нечто главное, невыразимое. Словам возвращалась их изначальная ценность, как краскам на картинах Сезанна, Ван Гога, Сёра, Гогена, Ренуара. Кажущаяся пустота как бы создаёт плодотворный вакуум, который извлекает эмоциональное бурление из души самого читателя.

БАС: Действительно, Первая мировая война вынесла наверх целую плеяду писателей, пытавшихся литературными средствами осмыслить произошедшее. Ремарк в Германии, Олдингтон в Англии, Барбюс во Франции, Шолохов в России. Да и Толстой в своё время, после боёв на Кавказе и в Севастополе продолжал вглядываться в феномен войны до конца жизни. Начал с "Казаков", закончил "Хаджи-Муратом".

ТЕНОР: Вот ещё какое сравнение пришло мне в голову: стиль Хемингуэя отличается от прозы его современников так же, как витраж отличается от живописного полотна. Многоцветье картины мы воспринимаем через отражённый свет, а многоцветье витража — через свет, идущий как бы изнутри. И это появилось уже в самых первых рассказах. Что меня поражает: каким чутьём

обладал Шервуд Андерсен, чтобы уже по первым зарисовкам начинающего автора — демобилизованного солдата без университетского образования — разглядеть большой талант, начать поддерживать его, снабдить рекомендательными письмами к парижским друзьям — Гертруде Стайн, Эзре Паунду и другим. Может быть, это связано с тем, что Андерсен расслышал в рассказах Хемингуэя продолжение собственных исканий. Для всего литературного поколения, входившего в американскую литературу в 1920-е годы, творчество Андерсена открыло новые горизонты, оказалось маяком, камертоном. Но для Хемингуэя — в особенности.

БАС: Вы упомянули Париж — не пора ли нам отправиться туда вслед за нашим героем и его первой женой? Если Андерсена можно считать стартовой площадкой космического корабля "Папа Хем", то на долю Хедли Ричардсон выпала роль ракеты-носителя. Её горячая вера в талант мужа, её готовность отказаться от карьеры пианистки и отдать все силы на то, чтобы обеспечить ему возможность посвятить себя литературе, конечно, были бесценной поддержкой. Скромный ежегодный процент с полученного ею наследства, составивший две с половиной тысячи долларов, в послевоенном Париже позволил молодожёнам иметь самое необходимое — а большего в те годы они и не ожидали. Плюс журналистские заработки самого Хемингуэя. Хватало даже на то, чтобы угощать в своей квартирке новых друзей.

ТЕНОР: Первая серьёзная ссора с женой произошла, когда она умоляла его осенью 1922 года не ездить на греко-турецкую войну. Но Хемингуэй был послан туда его нанимателем, канадской газетой "Стар", и не чувствовал себя вправе отказаться. Снова страшные сцены войны, горящие дома, обозы с беженцами. В прозу потом попадёт женщина с мёртвым младенцем на руках, которого она не отдавала несколько суток. Воспоминания об этих днях всплывут в памяти героя рассказа "В снегах Килиманджара". Так как Хемингуэй не любил и не умел выдумывать, мы должны поверить тому, что в Стамбуле он впервые изменил жене с какой-то армянской шлюхой — "перезрелой, грудастой, сиропно сладкой, гладкокожей и не нуждавшейся в подушке под ягодицами".

БАС: А в следующем году супруги совершили поездку в Испанию. И тут Хемингуэй был на всю жизнь захвачен — покорён — заворожен древним испанским варварством — боем быков. Это не просто спорт, объяснял он жене, а высокая трагедия, требующая невероятного искусства и мужества. Всё равно как если бы война проходила на арене, а ты получил место на трибунах и смотрел на неё, не подвергаясь никакому риску.

Оказалось, что Хедли могла спокойно взирать на сизые кишки, вывалившиеся из распоротого живота лошади, и продолжать вышивать распашонку для ожидавшегося младенца.

ТЕНОР: Эрнест не только отсиживался на трибунах. Перед началом главного зрелища быка выпускают на арену и разрешают матодорам-любителям дразнить его для потехи. Наверное, тут уж сердце у Хедли сжималось, когда она видела своего отчаянного мужа, скачущим в метре от острых рогов. Но она уже знала, что опасность была для него как наркотик, без которого жизнь теряла блеск и пряность.

БАС: Сын Джон Никанор родился, когда супруги гостили в Торонто, но крещение произошло уже по возвращении в Париж. Чтобы спастись от плача ребёнка в тесной квартирке, Хемингуэй уходил писать в соседнее кафе. Здесь были написаны рассказы, вошедшие в сборник "В наши времена", действие которых происходит по большей части в местах, где прошла юность автора, — в Мичигане и Иллинойсе. Когда сборник выйдет из печати, родители будут возмущены его содержанием. Отец вернёт издателю все заказанные экземпляры, написав, что он не желает иметь в христианском доме "подобную грязь". Знакомым даже заявит, что предпочёл бы видеть сына мёртвым, чем пишущим произведения, подрывающие основы религии и морали.

ТЕНОР: Мать писателя, Грейс Хемингуэй, умоляла сохранить хоть один сборник — отец остался непреклонен. Эрнест с детства был любимцем матери. Именно она привила ему отношение к искусству как высочайшей ценности. Грейс пела, музицировала, готовилась стать профессиональной певицей. Энтони Бёрджес считал, что ритмичность прозы Хемингуэя берёт своё начало из музыкальных впечатлений детства. Когда стать певицей не удалось, Грейс увлеклась живописью и достигла определённых успехов: её пейзажи выставлялись и покупались. Почему во взрослом Хемингуэе созрела такая острая антипатия к ней, мне всегда оставалось неясным. Некоторые биографы считают, что он обладал теми же свойствами, что его мать: тяга к творчеству, стремление к совершенству, умение привлекать к себе внимание и доминировать над людьми. Но качества, ценимые им в мужчине, в женщинах он ненавидел. К отцу же, скромному провинциальному врачу, пристрастившему его к охоте и рыбалке, он сохранил уважение до конца жизни.

БАС: Отец его тепло описан в рассказе "Лагерь индейцев". Помните, это там, где индианка тяжело рожает и приехавший врач делает кесарево сечение перочинным ножом без анестезии. Сначала я был очень удивлён тем, что и мать, и ребёнок остались живы. Я уже привык, что смерть маячит во всех произведениях

Хемингуэя, что большинство его героев погибает в конце. Но через несколько строчек всё разъяснилось, всё стало на свои места: оказывается, муж рожавшей, лежавший в той же хижине на подвесной койке, перерезал себе горло, так сказать, принёс себя в жертву, чтобы умилостивить злых духов и дать ребёнку родиться.

ТЕНОР: Да, многие замечали, что в глазах Хемингуэя только близость смерти придавала серьёзность тому, что происходит с человеком. Но я могу указать на десятки тончайших рассказов, в которых ключом сюжета оказывается не смерть человека, а смерть чувства, чаще всего — любви. Таковы "Что-то кончилось", "Три дня под ветром", "Очень короткая история", "Солдат дома", "Кошка под дождём", "Конец сезона", "Десять индейцев", "Канарейка в подарок". И во всех них автор целомудренно избегает произносить обесцененное слово "любовь".

БАС: Если бы он оставил эти рассказы так, как они были написаны, это была бы коллекция жемчужин, которые мало кто мог бы оценить. Но к моменту издания сборника он уже заразился страстью к корриде. И видел, в какой экстаз приходит толпа при виде крови. Пикадоры и бандерильеры разжигают зрителей перед началом главного боя. Почему бы не применить такой же приём в литературе? И он решает вставить перед каждым рассказом миниатюру, не имеющую никакого отношения к содержанию, но насыщенную кровью и ужасом. Перед нежным "Что-то кончилось" мы должны узнать, как одного за другим подстреливали немецких солдат, перелезавших через ограду. Перед другим рассказом встречаемся с двумя ранеными, валяющимися у стены под горячим солнцем. Далее: упавшую на арене лошадь бьют палками по ногам, заставляя подняться. Далее: солдат в траншее под градом снарядов взывает к Христу. Далее: измученного быка, упавшего на песок, приканчивают кинжалом. Возможно, эти миниатюры сильно увеличили цифры продаж. Но у меня этот ход вызвал только отвращение.

ТЕНОР: Всё же в кругу парижских друзей нашлись люди, способные по достоинству оценить эти ранние рассказы даже без вставных ужастиков. Начинающий американский писатель Гарольд Лойб послал их своему издателю, и зимой 1925 года из Нью-Йорка пришла радостная весть: Хемингуэю предлагали заключить договор на публикацию сборника "В наши времена" под маркой издательства "Бони и Ливрайт". Бедность отступала, парижская жизнь оживилась с приходом весны, компания кочевников по барам и ресторанам росла. И в какой-то момент из этой толпы вынырнула прелестная английская аристократка, которой было суждено пленить сердца миллионов читателей во всём мире под именем Бретт Эшли в романе Хемингуэя "Фиеста".

БАС: Реальная леди Дафф Твисден мало отличалась от героини романа. Она тоже развелась с первым мужем, чтобы выйти за баронета, служившего в военном флоте, тоже прожила с ним несколько лет, родила ребёнка и потом удрала с беспутным, но очаровательным шалопаем, тоже легко заводила романы с его ведома и согласия. Хемингуэй был очарован ею, как и десятки других мужчин в их кругу. Но в свои двадцать шесть лет он ещё оставался добродетельным юношей с американского Среднего Запада, считавшим измену жене делом постыдным и невозможным. Себя он вывел в романе под именем журналиста Джейка Барнса, давно и безнадёжно влюблённого в леди Эшли. Она отвечает ему взаимностью, летит к нему по первому зову — а иногда и без зова, — счастлива гулять с ним по ночному Парижу. Откуда же безнадёжность? Оказывается, ранение, полученное Барнсом на фронте, сделало его импотентом. Хирург в итальянском госпитале сказал ему: "Вы пожертвовали больше, чем жизнью!"

ТЕНОР: Реальная Дафф сдружилась с семьёй Хемингуэя, часто бывала у них, любила играть с сыном. Хедли потом вспоминала её заразительный смех, её очаровательные манеры. После нескольких бокалов вина в её речи могли проскакивать крепкие словечки, но даже они произносились тем лёгким тоном, который снимал налёт грубости. Кроме того, она придерживалась своих правил поведения и на чужих мужей не покушалась. Хемингуэй был за рамками кода — она выбрала для нового романа Гарольда Лойба и уехала с ним на две недели в Испанию.

БАС: Бедный Лойб! Думал ли он, что эта поездка вызовет такую бешеную ревность в обожаемом им писателе и что на него обрушится месть длиною в двести страниц! В "Фиесте" он выведен под именем Роберта Кона. За ним оставлены все реальные черты: высокий, миловидный, отличный боксёр и теннисист, выпускник Принстона, трезвенник, чувствительный мечтатель. Но при этом он изображён невыносимым занудой, не умеющим ни пошутить, ни поддержать интересный разговор, ни блеснуть оригинальным парадоксом. "Чего ты лезешь туда, где тебя не хотят видеть?", говорят ему другие персонажи. За глаза называют жидом. Все нормальные люди уже примирились, что в новые времена мужчины и женщины легко меняют партнёров. А этот из-за ревности пускает в ход кулаки, а потом льёт слёзы раскаяния и просит прощения. Наконец, самый страшный грех: равнодушен к корриде, которой остальная компания упивается в Испании день за днём.

ТЕНОР: Видимо, вся история с леди Твисден и Лойбом задела Хемингуэя так глубоко, что он был не в силах дать ей время

отлежаться — начал делать наброски романа тут же, ещё до возвращения в Париж. Он мало заботился о том, что друзья узнают себя в его персонажах и могут возмутиться. Их образы вставали перед ним так ярко и драматично, что он не видел нужды напрягать воображение, наполнять роман выдуманными людьми и событиями.

БАС: Конечно, в начале 20-го века наличие сюжета в романе перестало считаться обязательным условием. Свободное скольжение в толпе персонажей, произвольные перелёты во времени и географическом пространстве применяли Пруст, Музиль, Кафка, Джойс. Хемингуэй не остался в стороне от этого поветрия. В середине "Фиесты" он теряет Роберта Кона и заставляет нас таскаться за Джейком и его приятелями по злачным местам, отправляет в Испанию на рыбалку, потом на корриду в Памплоне. Их диалоги должны быть очищены от сентиментальности, поэтому идут бесконечно повторяющиеся "что будем пить?", "не знаю", "какая завтра погода?", "сколько форелей ты поймал вчера?" и так далее. В какой-то момент я так устал от описаний жареной зайчатины и устриц под соусом, что начал просто пролистывать страницы в поисках имён Кона и Бретт.

ТЕНОР: Гарольд Лойб был огорчён своим портретом в романе. Он воображал себя другом замечательного писателя, а тут вдруг такие чёрные краски и ушаты презрения. "Что ты таскаешься за нею как упрямый вол?! — кричит Роберту Кону жених Бретт Эшли. — Что с того, что она спала с тобой? Она спала с многими получше тебя!" Но у меня есть одна догадка. Мне кажется, в Гарольде Хемингуэй разглядел того чувствительного романтика, которого он выжигал в себе с ранней юности, и попытался добить его литературными средствами. Играла свою роль и ревность. То, что Дафф Твисден ездила в Сан-Себастьян с Лойбом, а не с ним, должно было точить самолюбие. Её нежелание причинить боль Хедли могло выглядеть просто отговоркой в его глазах. Правда, он взял одну строчку из её письма и вложил её в уста Бретт: "Мы не должны ранить других. Это у нас вместо веры в Бога".

БАС: Роман "Фиеста" вышел в 1926 году и имел большой успех, хотя и с привкусом скандала. Критики хвалили, читатели раскупали, а родители опять были возмущены. "Стоило ли тратить свой талант на описание таких дегенератов? — писала мать. — Не много чести — опубликовать самую грязную книгу года." Оправдываясь, Хемингуэй объяснял, что невозможно изображать правду жизни, обходя всё уродливое, жестокое и подлое, что в ней есть.

ТЕНОР: С выходом к широкому читателю неизбежно умножились шипы сарказмов, отталкивания, насмешек. Обострённое самолюбие писателя также больно задевали сравнения его с другими авторами. Дружественно настроенному критику Эдмунду Вилсону Хемингуэй писал: "Нет, я не считаю, что рассказ "Мой старик" вырастает из рассказа Андерсена "Хотел бы я знать — зачем?" Мой — о мальчике, его отце и скаковых лошадях. Шервуд написал о мальчиках и лошадях. Тут нет ничего общего. Я хорошо знал Андерсена. Он писал хорошие рассказы… Но ньюйоркские критики развратили его похвалами, и его творчество заваливается к чертям".

БАС: Видимо, эта затаённая ревность подвигла Хемингуэя на нелепую затею — написать пародию на новый роман Андерсена "Тёмный смех". Название для пародии он заимствовал у Тургенева — "Вешние воды", а в качестве эпиграфа взял цитату из Филдинга: "Единственный источник по-настоящему смешного — чувствительность". Пародия писалась параллельно с "Фиестой", в которой, как мы помним, чувствительность свойственна только отрицательному персонажу — Роберту Кону.

ТЕНОР: Сам Андерсен отнёсся к публикации "Вешних вод" довольно снисходительно. Даже написал Эрнесту, что эта пародия сыграла роль рекламы для его книги. В ответном письме Хемингуэй утверждал, что писатели обязаны честно говорить собрату по перу, когда ему случится написать барахло, и что он веселился все шесть дней, пока писал свою пародию, а потом получил ещё 500 долларов гонорара впридачу. В конце всё же признавал, что чувствует себя паршиво и что, по всей вероятности, потеряет многих друзей из-за этой истории.

БАС: Хедли, Скотт Фитцджеральд, Гертруда Стайн, Дос Пассос и многие другие, кому Хемингуэй читал рукопись, уговаривали его не печатать её. Но нашлась! — нашлась одна слушательница, которая только хохотала и хлопала в ладоши. А много ли надо покорителю слов и сердец? И новая любовь запылала осенью 1925 года, как стог пересохшего сена.

ТЕНОР: Полина Пфайфер приехла в Париж в качестве корреспондентки журнала "Вог". Ей было поручено описывать новости французской моды. Она быстро стала своей в кругу друзей Хемингуэя. Дружеские чувства, которые она испытывала к нему самому и к Хедли, порой окрашивались вспышками экзальтации. Проведя вместе с ними Рождество на лыжном курорте в Австрии, она писала им из Парижа: "Я скучаю по вам почти до неприличия и буду изо всех сил стараться заманить вас сюда. Подумайте об этом серьёзно. Я не такая женщина, с которой можно обращаться небрежно и могу повести себя очень

скверно, если мною пренебрегают".

БАС: Хемингуэй откликнулся на этот призыв, остановился в Париже по пути в Америку в январе 1926 года и провёл несколько дней, регулярно встречаясь с Полиной. То же самое — на обратном пути. Летом того же года все трое оказались вместе на Средиземноморском курорте. Хедли не могла не видеть того, что происходит между её мужем и Полиной. Не в силах выдержать болезненного напряжения, она спросила его напрямую: "Вы влюблены друг в друга?". Он не стал отрицать или оправдываться, а, наоборот, набросился на неё с упрёками: "Зачем ты произнесла это? Ты сказала вслух и всё разрушила. Нужно было оставить это под покровом, и тогда бы мы все уцелели".

ТЕНОР: Ситуация казалась безвыходной для всех троих. Хедли любила мужа, и ей было невыносимо видеть его искренние страдания. Хемингуэй всё ещё любил жену и сына, и ему страшно было потерять их. Если бы даже он развёлся с Хедли, Полина — верующая католичка — не могла бы выйти замуж за разведённого. Кроме того, заповедь Дафф Твисден "не причинять боли другим" не была для неё пустым звуком. В письмах Эрнесту, после горячих излияний, она всё время возвращалась к теме их вины перед Хедли. "Мы должны сделать всё, о чём она попросит, абсолютно всё — ты ведь понимаешь это?".

БАС: Как всегда, сильное жизненное переживание у Хемингуэя должно было искать исхода в литературе. Неизвестно, когда он начал писать роман "Сады Эдема", но очень важно, что он так и не смог закончить его. После его смерти вдова и сыновья подготовили рукопись к печати и опубликовали со значительными сокращениями. В версии доступной нам сегодня всё выглядит как фантазия автора на тему "лето втроём на берегу Средиземного моря". Герой, молодой американский писатель, окрылённый успехом своей первой книги (кто бы это мог быть?), приезжает с женой на курорт, чтобы писать новое произведение. Тема — охота и отношения с отцом. К ним присоединяется молодая прелестная женщина Марита, про которую жена говорит: "Она влюблена в нас обоих". Драма в любовном треугольнике движется извилисто и непредсказуемо, но в конце писатель успешно завершает новую книгу и уходит от жены к Марите. Кажется, это единственный роман Хемингуэя, в котором никто не гибнет в конце. Может быть, именно поэтому он казался ему незавершённым?

ТЕНОР: Однако в романе есть и важные отступления от автобиографической канвы. Дело представлено так, будто жена, Кэтрин, сама — из прихоти — пригласила Мариту пожить с ними в одном отеле, сама подталкивала её и мужа друг к другу.

Опущена немаловажная деталь: супруги Хемингуэй приехали на курорт с сыном Джоном в надежде, что солнце и море вылечат его затянувшийся коклюш. Хедли в это несчастное лето находилась под двойным прессом: больной ребёнок и разваливающийся брак. В романе же она представлена загадочно капризной, непредсказуемой, постоянно провоцирующей мужа на расширение сложившегося треугольника.

БАС: В этих экспериментах она доходит до того, что изменяет мужу с Маритой. Но не делает из этого тайны, а говорит, что да, любит их обоих. Муж тоже должен признать, что влюблён в обеих женщин, но он хотя бы полон чувства вины, считает это ненормальным. Образ жены постепенно чернеет. При Марите она начинает издеваться над мужем-писателем за то, что он постоянно перечитывает вырезки из газет с хвалебными статьями о нём. "Их сотни, и он постоянно таскает их с собой. Это хуже, чем носить порнографические открытки. Он изменяет мне с этими вырезками. Наверное тут же, в мусорную корзину."

ТЕНОР: И как же далеки эти образы от того, что происходило в действительности! В сохранившихся письмах мы можем разглядеть трёх людей, ошеломлённых тем, что с ними происходит, страдающих, ищущих спасения, стремящихся вовсе не к тому, чтобы сохранить маску невозмутимости (так — в романе), а к тому, чтобы не причинять друг другу лишних страданий.

БАС: Чтобы окончательно опустить образ жены, прокурор Хемингуэй извлекает историю, случившуюся в начале его супружества с Хедли. Она ехала к нему из Парижа в Швейцарию и везла чемодан с его рукописями, которые в то время ещё не были опубликованы. Он просил её привезти ту, над которой собирался работать, но она, в порыве чрезмерной обязательности, упаковала в отдельный чемодан весь его архив до последнего листочка. И на вокзале этот чемодан украли. От ужаса случившегося Хедли лишилась речи. Когда Хемингуэй встретил её на перроне, она могла только рыдать и умолять о прощении. Реальный Хемингуэй мужественно принял удар и как мог успокаивал жену. Но в романе "Сады Эдема" история повёрнута по-другому: жена Кэтрин *намеренно* сжигает все рукописи мужа-писателя. Естественно, после такого его уход к Марите получает моральное оправдание.

ТЕНОР: На самом же деле страдания всех троих растянулись чуть ли не на год. Измученная Хедли обратилась к Эрнесту и Полине с последней просьбой: "Расстаньтесь на сто дней. Если после этого ваша любовь будет пылать с той же силой, я соглашусь на развод". И влюблённые немедленно согласились. Полина уплыла в Америку к своим богатым родителям и писала

оттуда страстные письма: "Мы с тобой одно, один человек… Люблю тебя сильнее, чем когда-нибудь… Смотрю на окружающих и недоумеваю, как они могут жить без Эрнеста. Уверена, что им очень худо без него… Люблю тебя и через два месяца сойду с парохода в Булони… Главное помни, что мы с тобой — единое целое… Сама по себе я только половинка… Время без тебя течёт пусто и бесполезно…"

БАС: Хемингуэй отвечал ей в том же духе: "До тех пор пока у меня есть ты, я могу вынести что угодно, пройти через любые невзгоды… Но ты покинула меня, потому что считала это самопожертвование правильным и справедливым, и я чувствую себя ужасно, Пфиф, невыносимо несчастным… Похоже, единственное, что я могу сделать, чтобы избавить тебя от чувства греховности, а Хедли — от тягот развода, это покончить с собой. Но я не святой, не создан таким и обещал себе не делать ничего отчаянного, пока ты не вернёшься и мы не поймём, что нам делать дальше".

ТЕНОР: Нет, не мог подобный чувствительный романтик появиться в качестве героя на страницах книг писателя Хемингуэя. Но каким-то витражным чудом он просвечивал сквозь образы всех этих суровых мужчин, скупых на слова, закалённых жизнью, полных непоказной отваги, мужественно принимающих каждое новое поражение. И судьба смилостивилась над Эрнестом. Хедли убедилась, что любовь этих двоих неизлечима, дала согласие на развод. Нашёлся священник, который объяснил, что первый брак Хемингуэя не был освящён католической церковью, он не считается, поэтому Полина имеет право не считать себя грешницей, выходя замуж за Эрнеста. Хемингуэй передал в пользу Хедли и сына все свои гонорары за будущие издания "Фиесты". Он заверил священника, что был крещён по католическому обряду, когда лежал в госпитале в Италии во время войны. Бракосочетание состоялось в мае 1927 года, а год спустя молодожёны вернулись в Америку.

БАС: По совету Дос Пасоса они выбрали местом проживания самую южную точку страны: маленький островок Ки-Уэст, завершающий цепочку островов к югу от Флориды. Здесь Хемингуэй получил возможность спокойно и с увлечением работать над новым романом, начатым ещё во Франции. Как всегда, события, темы и образы он черпал из собственной биографии. Но на этот раз ему пришлось спуститься в кладовые памяти на десять лет назад, и в результате он смог увидеть себя как бы со стороны — яснее и глубже. В отличие от "Фиесты" роман "Прощай, оружие" оказался очищен от сведения счётов с окружающими, от всего сиюминутного и преходящего. В нём

слышен голос зрелого художника — и критики сразу отметили подъём Хемингуэя на новую творческую ступень.

ТЕНОР: Считается, что прототипом главной героини, Кэтрин Брэдли, была медсестра Агнес фон Куровски, с которой у Эрнеста запылал роман, когда он раненый оказался в госпитале в Милане. Но, может быть, ближе к истине те исследователи, которые считают Кэтрин Брэдли просто идеализированным женским образом — воплощённой мечтой Хемингуэя. Искренняя, бескорыстная, любящая, а главное — умеющая вести себя с благородной сдержанностью, исключающей всякую аффектацию.

БАС: На самом деле общее у Кэтрин и Агнес только то, что обе были медсёстрами и обе покорили сердце раненного американца. Реальная Агнес запомнилась друзьям и коллегам весёлой, переменчивой, склонной к флирту, легко забывавшей о своей помолвке с ньюйоркским доктором. Она была старше Эрнеста на семь лет, так что её любовь к нему сильно окрашивалась материнскими интонациями. В письмах часто мелькают обращения "дорогой мальчик", "малыш". Она охотно поддерживала разговоры о женитьбе, о планах на будущее в Америке, но в душе не была готова расстаться ни с Италией, ни со своей работой, которая ей нравилась. В строгой атмосфере военного госпиталя им вряд ли удалось пойти дальше переплетения пальцев под простынёй. Но, видимо, и это было замечено, потому что вскоре Агнес была отправлена в другой город.

ТЕНОР: Эрнест же отдался своей первой любви всей душой. Он писал о ней матери, специально отметив, что в кадрах кинохроники, которую его родственники с ликованием смотрели в Чикаго, медсестра, выкатывающая его в кресле на балкон, — не Агнес. Агнес гораздо красивее. В письме другу он сообщал, как Агнес отреагировала на его злоупотребление алкоголем: "Малыш, — сказала она, — нам предстоит стать партнёрами. Если ты будешь выпивать, я последую твоему примеру. И выпью рюмку за рюмкой столько же, сколько выпьешь ты". Слов на ветер не бросала, тут же опрокинула вслед за ним стаканчик джина. "Ох, Билл, как мне повезло, что я встретил эту девушку! — писал дальше Эрнест. — Не знаю, что её могло привлечь в таком неотёсанном увальне, но, благодаря какому-то астигматизму, она любит меня. Так что, вернувшись в Америку, я поступаю работать в фирму. Готовься сыграть роль шафера!".

БАС: Как только Эрнесту разрешили покидать госпиталь после операции, он отправился к новому месту работы Агнес и поразил её, появившись внезапно в палате, опираясь на трость. Ему удалось пробыть только один день, и она писала ему потом:

"Не могу поверить в то, что нам удалось повидаться… Сможешь ли ты вырваться снова?.. Я написала матери, что собираюсь выйти замуж за человека моложе меня… Так как это не будет ньюйоркский доктор, она, наверное, в отчаянии махнёт на меня рукой и объявит легкомысленной".

ТЕНОР: Эрнест отплыл в Америку в феврале 1919 года. Однако в родном доме он не мог найти себя — слонялся целыми днями без дела или лежал на кровати и ждал появления почтальона. Письма из Италии приходили всё реже, а он писал чуть не каждый день. И вдруг в марте пришло убийственное известие: Агнес полюбила другого — итальянского лейтенанта знатного происхождения, — и они собираются пожениться. Горю и гневу Эрнеста не было предела. Возлюбленная отбросила его, не дав ему шанса вступить в схватку с соперником! Конечно — он был слишком молод, слишком беден, слишком далеко. О, сердце женщины! Он лежал в своей комнате, отказывался есть, его лихорадило. Встревоженным родителям ничего не объяснял, но подруге Агнес написал гневное письмо, заканчивавшееся проклятьем в адрес неверной: пусть она споткнётся на лестнице, упадёт и выбьет все передние зубы!

БАС: Ничто из этих переживаний не попало в роман "Прощай, оружие". Как можно! Подобная чувствительность пристала слабаку, но не смелому мужчине, опалённому войной, умеющему с достоинством принимать удары судьбы. Однако в рассказе "Снега Килиманджаро" умирающий писатель вспоминает свою жизнь и ту первую возлюбленную, которая оставила его и которую он так и не мог забыть. Помолвка Агнес с лейтенантом распалась под давлением аристократической семьи жениха. Впоследствии она дважды была замужем, а в разговорах с биографами знаменитого писателя говорила о нём с нежностью и иначе как "Эрни" не называла.

ТЕНОР: Публикация "Прощай, оружие" в 1929 году превратила Хемингуэя в фигуру мирового масштаба. Кроме литературных достоинств, роман привлекал пафосом разочарования в цивилизации, которая могла допустить кошмар Первой мировой войны. А знаете, у кого Хемингуэй подслушал этот волнующий ритм прозы с бесконечными "и", который доминирует в романе? У Экклезиаста! "И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их, и вот, всё — суета и томление духа". Недаром второе название романа "Фиеста" — строчка из Экклезиаста: "И восходит солнце".

БАС: Дом Эрнеста и Полины в Ки-Уэсте сделался местом паломничества поклонников и друзей. Полина была совсем не

похожа на Кэтрин Брэдли, но любовные признания героини романа взяты почти дословно из её письма: "О, дорогой, я так хочу тебя, хочу стать тобой, хочу, чтобы мы растворились друг в друге… Не хочу, чтобы ты уезжал, без тебя я просто не живу". Полина сумела стать верной спутницей и партнёром в главных страстях мужа: рыбалке и охоте. Они бороздили воды Карибского моря и возвращались гордые добычей. На фотографии оба стоят сияя, рука Эрнеста вздымает меч-рыбу в человеческий рост. Один за другим родились сыновья, Патрик и Грегори. А в 1933 году богатый дядюшка Полины предложил им огромную по тем временам сумму — 25 тысяч долларов, — чтобы они могли осуществить давнишнюю мечту Эрнеста — отправиться на охоту в Африку.

ТЕНОР: Вы уже говорили, что "Зелёные холмы Африки" и другие охотничьи эпосы Хемингуэя не увлекли вас. А что вы скажете о двух коротких вещах, использующих африканскую саванну в качестве фона: "В снегах Килиманджаро" и "Недолгое счастье Френсиса Макомбера"?

БАС: Первый рассказ — безусловный шедевр, пронизанный настоящей душевной болью и глубиной. Мне кажется, он восходит к знаменитой повести Льва Толстого "Смерть Ивана Ильича". Писатель Гарри мог бы с таким же успехом умирать на каком-нибудь необитаемом острове в озере Мичиган или в снегах Аппалачей рядом с разбившимся самолётом. Исчезла бы экзотика, но осталось бы главное: предсмертный взгляд на прожитую жизнь, горестное подведение итогов и тщетные — последние — попытки перестать терзать преданную жену зрелищем своей умершей любви.

ТЕНОР: Мне кажется, Хемингуэй до конца жизни так и не мог смириться с тем, что любовь не живёт вечно, что она такое же смертное существо, как и всё живое. Нет, если любовь умерла, значит кто-то или что-то убило её. Кто-то должен быть виноват. Это мелькает уже в "Фиесте": "А потом пришли богатые и всё испортили". Обвинения золотому тельцу мелькают и в этом рассказе. "Ты и твои деньги", — с презрением говорит герой своей жене.

БАС: Воображаю, как тяжело было Полине читать "Снега Килиманджаро". Особенно тот отрывок, где герой называет любовь кучей навоза, а себя — петухом, распевающим на этой куче и постоянно лгущим. "Неужели тебе нужно разрушить всё, что ты оставляешь после себя? И коня, и седло, и жену, и доспехи?" — "Твои проклятые деньги были моими доспехами", — отвечает он. Герой вспоминает, что, оказавшись среди богатых, он воображал себя шпионом в чужой среде, которому предстоит

описать её. А потом в мыслях обзывает жену доброй заботливой сукой, разрушившей его талант.

ТЕНОР: Но ведь тут же он переходит от осуждения к самообвинениям — и каким безжалостным! "Вздор. Ты сам разрушил свой талант. Зачем обвинять женщину, которая поддерживала тебя? Ты разрушил талант тем, что не использовал его, пьянствовал так, что терял остроту зрения, разрушил ленью, разгильдяйством, снобизмом, гордыней… А не странно ли, что каждый раз, когда ты влюблялся в новую женщину, оказывалось, что у неё больше денег, чем у предыдущей?"

БАС: Но к теме "женщина — губительница" Хемингуэй возвращается много раз. В рассказе "Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера" жена просто убивает мужа — якобы случайно — на охоте, когда в нём воскресла смелость и уверенность в своих силах. В рассказе "Три дня под ветром" герои говорят о том, что женатые — люди пропащие и что нельзя позволять женщине затоптать себя. Жену Скотта Фитцджеральда, Зельду, он обвинял в том, что своими нападками она разрушает уверенность мужа в его творческих силах. Про родную мать в разговорах с приятелями говорил, что она желала его гибели на войне — тогда бы ей досталась слава матери героя. В 1928 году застрелился отец Хемингуэя, и он утверждал, что это его мать довела мужа до депрессии, своим расточительством, своими долгими отлучками, своим пренебрежительным отношением к человеку, который видите ли не воспарял вместе с ней к вершинам прекрасного. Хотя на самом деле больной диабетом доктор Хемингуэй сам диагнозировал закупорку вены в ноге и, скорее всего, застрелился, чтобы избежать мучительной смерти от гангрены.

ТЕНОР: Любовь к матери умерла у Эрнеста довольно рано и точно таким образом, каким она умирает у молодых людей, когда родители не поспевают за их взрослением, когда продолжают поучать или сюсюкать над ними. Эрнест попытался описать это в рассказе "Дом солдата". "Ты ведь любишь свою мать, дорогой мальчик?" — говорит там миссис Кребс вернувшемуся с войны ветерану. "Нет, не люблю", — отвечает тот. Мать начинает плакать. Слёзы срабатывают, Кребс начинает уверять, что он просто в плохом настроении, что слова вылетели случайно. Немедленно верёвка ласкового принуждения делает новый виток: "Давай станем на колени и вместе помолимся". Героя рассказа при этом чуть не стошнило. Но не будем забывать, что реальный Хемингуэй после смерти отца немедленно пришёл матери на помощь и обеспечил её и сестёр, передав в их пользу почти весь гонорар за "Прощай, оружие".

БАС: Только восемь лет спустя Хемингуэй завершил и

опубликовал новое большое художественное произведение. Мне не хочется называть "Иметь и не иметь" романом. В середине 1930-х он написал два великолепных рассказа о владельце рыболовного катера, Гарри Моргане, который в тяжёлые годы депрессии вынужден заниматься опасной контрабандой, курсируя между Кубой и Флоридой. Рассказ "Через пролив" написан от первого лица, поэтому в нём герой не мог погибнуть — вместо этого он сам совершает убийство. Второй рассказ, "Возвращение торговца", написан от третьего лица, и там писатель держит нас в напряжении: погибнет герой от ран, полученных в перестрелке с береговой охраной, или выживет? Оставить героя в живых, соединить два рассказа и добавить к ним заключительную историю о перевозке кубинских бандитов-революционеров в Гавану было бы правомочным ходом. Но зачем было пристёгивать в середине шестьдесят страниц про компанию богатых туристов, не имеющих никакого отношения к Гарри Моргану? Только для того, чтобы лишний раз врезать богачам? Или всё же хотел дотянуть компактную повесть до размера романа?

ТЕНОР: Согласен, что сюжетное построение этой вещи выглядит неоправданным. Видимо, Хемингуэй начал работу над семейной драмой писателя Ричарда Гордона отдельно, увяз в автобиографических коллизиях, не знал, как выбраться, и решил просто погрузить её на катер Гарри Моргана. Но если Ричард Гордон — автопортрет, нам придётся снова сострадать Полине. Взаимная усталость на грани ненависти между супругами, обвинения, контробвинения, пощёчины изображены так ярко, что невозможно отделаться от впечатления: писалось кровью сердца. Тем более, что в эти годы у Хемингуэя загорелся роман с Джейн Мэйсон — прелестной женой директора кубинского отдела авиакомпании Пан-Американ. "У тебя след губной помады на рубашке, — говорит жена писателю Гордону. — И на лбу тоже". Когда это писалось, не витал ли над головой писателя запах помады Джейн Мэйсон?

БАС: Другая туристка в романе, лёжа рядом со своим заснувшим любовником в каюте его дорогой яхты, произносит мысленно целый монолог на тему мужского непостоянства: "Они устроены по-другому. Им хочется новую, или какую-нибудь помоложе, или ту, которую нельзя… Если ты брюнетка, они захотят блондинку. Если ты блондинка, они захотят рыженькую. Или еврейку, или китаянку, или лесбиянку, или Бог знает кого… А может, они просто устают… Чем лучше ты обращаешься с мужчиной и чем больше ты выражаешь ему свою любовь, тем скорее он устаёт от тебя… Видимо, лучшие из них устроены так, чтобы иметь множество жён… Но это так утомительно —

пытаться жить внутри этого множества".

ТЕНОР: Моё внимание привлёк мелкий эпизод, не имеющий никакого отношения к главному действию. Писатель Гордон видит, как у входа в бар один пьяница избивает другого, уже бьёт его лицом о тротуар. Полицейский пытается разнять дерущихся, но избиваемый кричит ему, чтобы он оставил их в покое и убирался. Через какое-то время Гордон оказывается у стойки бара рядом с драчунами, и избитый объясняет ему с гордостью, что он может принять любую порцию побоев. Избивавший с усмешкой подтверждает: "Вчера бил его бутылкой по голове, как по барабану — и ничего". "А хочешь, я открою тебе секрет? — говорит избитый Гордону, еле шевеля распухшим губами. — Иногда получаешь от этого удовольствие".

БАС: Чем вас заинтересовала эта сцена?

ТЕНОР: Она как-то перекликается со случаем, произошедшим с Хемингуэем на морской рыбалке. Он взял с собой Дос Пасоса и его жену, и они отправились на катере "Пилар" из Ки-Уэста в сторону островов Бимини ловить акул. Ловля была азартная, Эрнесту попалась хорошая акула, он подтягивал её к борту и достал свой кольт, чтобы пристрелить, прежде чем вытаскивать из воды. Его спутники, занятые своими удочками, услышали выстрелы, обернулись и увидели, что Эрнест упал, обливаясь кровью. Каким-то образом он ухитрился ранить себя в обе ноги. Как это могло случиться? Стрелял в акулу, катер качнуло, и пуля попала в ногу — это я ещё могу представить. Но в обе ноги? Какую позу надо было принять для этого? И ещё деталь: жена Дос Пасоса, как пишут биографы, не сострадала раненому, а была в гневе, отказалась разговаривать с ним.

БАС: Не могло ли это ранение быть преднамеренным? Ван Гог, например, что-то явно хотел доказать Гогену, когда послал ему своё отрезанное ухо. Не следует забывать, что в молодости жену Дос Пасоса звали Кэйт Смит и она была в романтических отношениях с Эрнестом, когда он начал ухаживать за своей первой женой. Может быть, накануне инцидента, в разговоре, Кэйт или её муж поставили под сомнение мужество Эрнеста, и он хотел продемонстрировать им свою стойкость?

ТЕНОР: Перечень травм и ранений, полученных Хемингуэем в течение жизни, просто удручает. Причём, больше в мирное время, чем во время тех войн, в которых он участвовал. В парижской квартире ухитрился ночью обрушить себе на голову оконную раму, вделанную в потолок, в результате — двухдюймовая рана и последующий шрам над левой бровью. На ночной дороге в Вайоминге слетел в канаву, сломал руку, двое пассажиров вылетели из автомобиля, но уцелели. Глубокие порезы ножом или

гарпуном во время рыбалки, с последующим воспалением — без счёта. В июне 1945 года он повезёт свою четвёртую жену, Мэри, в гаванский аэропорт, не удержит "линкольн" на скользкой дороге, и опять — канава, удар о дерево, оба покрыты кровью, у Эрнеста сломано пять рёбер и опасное кровоизлияние в колене. Описание самолётных и автомобильных аварий, в которые он попадал не по своей вине, могло бы составить отдельный том в его биографии.

БАС: Получать удовлетворение от причиняемой себе боли — мало изученный синдром. В массовом виде мы сталкиваемся с ним в процессиях религиозных флагеллантов, в индивидуальном — на примере так называемых "саморезов", которые спокойно и с упоением наносят себе порезы бритвой, аккуратно убирают кровь заготовленной ватой и режут дальше. Вспоминаю, что один психиатр в 1930-е годы провёл психоанализ типичного героя Хемингуэя. Это человек, который смотрит на женщину с презрением и постоянно должен доказывать себе, что не боится её. Для этого ему необходимо всё время самоутверждаться. И тут просто смело встречать опасности — недостаточно. Нужно искать их, идти на риск, спешить навстречу смертельной угрозе — только так проявляется настоящее мужество.

ТЕНОР: И надо же, чтобы судьба устроила Хемингуэю встречу с женщиной, которая — по его собственному признанию — не уступала ему в смелости. К моменту их знакомства в Ки-Уэсте в начале 1937 года Марта Геллхорн была известной журналисткой, только что опубликовавшей нашумевшую книгу "Беда, увиденная мною". Её талант восхваляли Герберт Уэллс и Грэм Грин, газеты были полны восторженными рецензиями, Элеанор Рузвельт многократно упоминала её в своей колонке "Мой день". Темой книги были жизненные тяготы простого американца, пытающегося выжить под гнётом Великой депрессии. Марта имела возможность встречаться с сотнями людей, работая инспектором в том же "Бюро оказания срочной помощи", в котором работала подруга Элеанор Рузвельт, Лорена Хикок. Один из критиков писал о книге: "Эта проза жжёт. В воссоздании подлинной американской речи Марта Геллхорн не уступает Хемингуэю. Да и умению экономить слова он вряд ли может научить её".

БАС: Я не верю, что их встреча произошла случайно. Со студенческих лет Марта восхищалась книгами Хемингуэя. Пусть её биографы рассказывают кому-нибудь другому, будто она вот так просто, увезла мать и брата на отдых во Флориду, просто им не понравилось в Майами, они сели в автобус, поехали дальше на юг неизвестно куда, доехали до крошечного Ки-Уэста, пришли в бар "Неряха Джо", а там как раз сидит в грязной рубахе и шортах

— кто? Надо же такое совпадение — любимый писатель! И они знакомятся, и вот он уже катает её по островку, приводит домой, знакомит с женой. Как удачно!

ТЕНОР: Поначалу Полина не почувствовала опасности. К тому времени она уже пять лет с тревогой и терпением следила за романом мужа с Джейн Мэйсон. Каждая его поездка на Кубу наполняла сердце тоской. Кроме того, она должна была чувствовать себя без вины виноватой, потому что после двух кесаревых сечений врачи объявили, что новая беременность может окончиться для неё смертельным исходом. При таких обстоятельствах может ли католичка, не применяющая противозачаточные средства, много требовать от мужа, оставленного во власти дракона сладострастия?

БАС: Но похоже, что к тому моменту Эрнест начинал уставать от неустойчивого характера и нервных срывов красавицы Джейн. Она не раз покушалась на самоубийство, боялась сойти с ума. Оказывается, рассказ "Какими вы не будете" был написан в утешение ей. Хемингуэй описал там контуженного солдата, у которого случаются припадки полного затмения, дикого страха, утраты ориентации. Более правильный перевод на русский был бы: "Какою ты не будешь".

ТЕНОР: Кроме того, Джейн была замужем, а Марта — свободна. Полину должно было бы насторожить то, что на следующий день после отъезда гостьи её муж тоже вдруг сорвался и объявил, что срочно едет в Нью-Йорк. Но вряд ли она могла узнать в те дни, что он догнал Марту в Джексонвиле и вскоре они уже мчались на север вместе, глядя на пролетающие пейзажи из окна вагона-ресторана.

БАС: Марта рассказывала ему о гражданской войне в Испании. О героических защитниках Мадрида, о детях, гибнущих под бомбами и снарядами, об оружии, получаемом фалангистами от Гитлера и Муссолини, о бойцах интернациональных бригад. Новая женщина, новая война — можно ли было устоять перед таким соблазном? И в апреле 1937 года они оба уже в осаждённой столице Испании. Ужинают в подвале отеля для журналистов водянистой пшённой кашей и сильно припахивающей рыбёшкой. Лифт не работает, горячая вода — редкость, свежий апельсин — праздник. В таких условиях сохранить в тайне интимные отношения нелегко. Ночью сняряд угодил в отопительный бак, обитатели отеля начали выскакивать из номеров — тут и обнаружилось, кто с кем спит в перерывах между поездками на фронт.

ТЕНОР: Любовь под бомбами была описана Хемингуэем в пьесе "Пятая колонна". Марта и Эрнест часто выезжали на

передовую и потом посылали отчёты о боях в американские газеты. Летом они вернулись в Америку и привезли документальный фильм о войне, который произвёл сильное впечатление на обитателей Белого дома и на делегатов литературного конгресса в Нью-Йорке. Впоследствии Марта вспоминала, что в Испании Эрнест покорил её своим мужеством и бескорыстной преданностью делу республики. Он учил её искусству выживания во время обстрелов и прочим премудростям военного дела. Она всегда могла опереться на него в опасных ситуациях и в сложных переплетениях политической борьбы между различными группами лоялистов. Но главное: во влюблённом Хемингуэе просыпался юношеский жар, он делался неотразим, он покорял женщину яркостью и искренностью своего чувства.

БАС: Зато возвращение в семью снова наполнило его такой же тоской, какую он пережил уже раньше, одиннадцать лет назад. Как и тогда, в Париже, он оказался в невыносимой для него ситуации: женат на одной женщине, успевшей родить ему двух сыновей, влюблён в другую и всё надеется, что какое-нибудь непредсказуемое чудо вырвет его из этого мучительного тупика. Участились запои, вспышки слепого бешенства. Кто-то повесил замок на дверь его рабочей кабинки, он не мог найти ключ, схватил пистолет, чтобы отстрелить замок, но сначала в ярости выстрелил в потолок. Испуганная Полина одна уехала на костюмированную вечеринку в клубе. Через час Эрнест совладал с собой, приехал в клуб, танцевал с женой. Но когда кто-то из ряженых попытался увести её от него на танец, накинулся с кулаками на дерзкого, избил.

ТЕНОР: Тягостный процесс расставания со второй женой занял ещё больше времени, чем расставание с первой. Втайне от Полины Эрнест и Марта поселились на Кубе, купили дом в окрестностях Гаваны, ездили вместе на охоту в Монтану. И всё это время Хемингуэй плодотворно работал над романом о гражданской войне в Испании. Марте пришлось несколько раз надолго расставаться с возлюбленным. Летом 1938 года журнал "Кольер Уикли" посылает её вести репортаж из Чехословакии, которой грозит вторжение Гитлера, осенью 1939 — в Финляндию, которая доблестно отбивается от сталинских полчищ. Только в ноябре 1940 года Полина дала мужу развод, и он смог жениться на новой избраннице.

БАС: Условия развода были нелёгкими. Эрнест жаловался друзьям, что жена совершенно разорила его. На этот раз на роль виноватой в развале брака была выбрана сестра Полины, Вирджиния, которая якобы чернила его в глазах жены и

родственников. Также обвинения предъявлялись католическим предрассудкам Полины, из-за которых сексуальная жизнь Хемингуэя была сведена к выпрашиванию подачек. Тот факт, что в течение двенадцати лет благополучие семьи держалось, главным образом, на деньгах семейства Пфайфер, замалчивался.

ТЕНОР: Но финансовым трудностям не суждено было долго отравлять жизнь Хемингуэя. Роман "По ком звонит колокол", посвящённый Марте Геллхорн, вышел летом 1940 года и вскоре разошёлся тиражом 200 тысяч, а Голливуд предложил 100 тысяч долларов за право экранизации. Газеты были переполнены восторженными рецензиями. Скотт Фитцджеральд незадолго до смерти благодарил за надписанный экземпляр, писал, что это лучшее из читанного им за многие годы, и сознавался, что умирает от зависти.

БАС: Диссонансом к хвалебному хору звучала реакция левой прессы. Коммунистическая "Дэйли Уоркер" опубликовала коллективное письмо участников войны, обвинявшее Хемингуэя в том, что он дал искажённую картину борьбы, в которой столько достойных людей отдали свои жизни, что очернил Долорес Ибарури и Андре Марти, что неправильно представил роль Советского Союза. Но Эрнест не принимал близко к сердцу эти нападки. Закончив большой труд, он чувствовал себя вправе вернуться к любимым развлечениям: охотился на дичь в окрестностях Гаваны, рыбачил, засиживался допоздна в барах и даже купил несколько боевых петухов и стал членом клуба любителей петушиных боёв.

ТЕНОР: Выбор Кубы в качестве местожительства помогал защитить обрушившееся богатство от налогов: американским гражданам, проживавшим за границей больше шести месяцев в год, полагались значительные послабления. Сыновья, часто навещавшие отца в его кубинском поместье Финка Вегио, были покорены новой мачехой. Но сама она всем сердцем рвалась в охваченную войной Европу. Там решалась судьба мировой цивилизации, и журналистка Геллхорн считала своим долгом быть в центре событий.

БАС: Надежды американцев на то, что их стране удастся сохранить нейтралитет, рухнули 7 декабря 1941 года. В начавшейся войне Хемингуэй пытался найти себе роль, которая оставляла бы его свободным от армейской дисциплины. По договорённости с американским послом в Гаване, он организовал тайный кружок, в задачу которого входило собирать информацию о прогерманском движении на Кубе, а оно было весьма заметным в те годы. (Один из примеров: молодой студент университета по имени Фидель Кастро был горячим поклонником Гитлера.)

Хемингуэй также убедил американскую контрразведку снабдить его гранатами и пулемётом, чтобы он мог, вместе с небольшой командой, патрулировать на своём катере "Пилар" прибрежные воды в поисках немецких подводных лодок.

ТЕНОР: Пока Эрнест неделями пропадал в океане, Марта оставалась дома одна — вела хозяйство, писала рассказы, заботилась о саде и домашнем зверинце, разраставшемся на глазах. В какой-то момент у них собралось девять кошек, полдюжины собак, три утки, павлин и четыре десятка голубей. Периоды одиночества также давали ей возможность задуматься о трудностях отношений с таким сложным человеком, как Эрнест. В письме подруге она писала: "Двум людям нелегко создать упорядоченную жизнь, если оба они — ад на колёсах. Они должны постоянно укрощать себя, но каждый при этом теряет какую-то часть своей личности. Что с этим делать — не знаю. Эрнест и я — мы оба взрываемся так легко, что начинаем побаиваться друг друга".

БАС: Друзья и родственники часто бывали смущены и подавлены, когда им доводилось быть свидетелями ссор между супругами. Однажды на вечеринке в Гаване Эрнест вдруг прилюдно набросился на жену, упрекая её в том, что их рождественские подарки слугам были слишком дешёвыми. Накричал, выбежал из дома, уехал один, оставив её добираться с помощью знакомых. В другой раз он так набрался, что Марта потребовала ключи от машины. Он уступил, но по дороге снова взъярился и дал ей пощёчину. Она в ответ нажала на тормоз, съехала в канаву и разбила его любимый "линкольн" о дерево. Её также выводила из себя его привычка расхаживать в грязной пропотевшей одежде, не мыться неделями, собирать в доме собутыльников и сидеть с ними далеко заполночь, привирать без нужды о своих подвигах и охотничьих успехах. Патрулирование на катере она считала пустой затеей нужной Эрнесту только для того, чтобы получать лишние талоны на лимитированный в те годы бензин и отправляться на рыбалку.

ТЕНОР: Только осенью 1943 года Марте удалось получить визу для полёта в Англию. Она уговаривала Эрнеста лететь вместе, но он сердился и доказывал, что место жены — сидеть дома и заботиться о муже. Она уехала опечаленная, но в письмах пыталась заделать трещину, прошедшую по их отношениям: "Пожалуйста, помни, что я люблю тебя… Как человек ты лучше меня, но я надеюсь, что могу быть неплохой женой… Мне стыдно быть счастливой, если ты несчастен. Но сейчас, направляясь навстречу неведомому, я счастлива, как пожарная лошадь, несущаяся на пожар… Ведь это только временная отлучка, как и

твои отлучки… Мы оба вернёмся в наш славный дом и будем писать книжки и вместе встречать осень и гулять вдоль полей кукурузы, ожидая прилёта фазанов".

БАС: Не следует забывать, что свои финансы супруги вели раздельно. Для гордой Марты попасть в денежную зависимость от мужа было бы мучительно. В долгие журналистские экспедиции она отправлялась не только потому, что чувствовала в этом своё призвание, но и из-за нужды в заработках. Она пробыла в Англии несколько месяцев, регулярно посылая репортажи в "Кольер", и в марте 1944 года вернулась на Кубу, намереваясь уговорить мужа присоединиться к ней в Лондоне. Но он встретил её поношениями, обзывал эгоисткой, думающей только о себе, неспособной понять важность его морского патрулирования, которое было его формой участия в войне.

ТЕНОР: За время её отсутствия дом пришёл в запустенье, ураган повредил крышу, повалил деревья. Мыши, купленные для подкормки кошек, нагло бегали по полу, а кошки прятались от них в своих загаженных углах. В гостевом доме и в столовой часто толпились собутыльники, которых Эрнест развлекал приукрашенными историями о своих подвигах на море и на суше. Порой даже нетрезвые слушатели приходили в смущение от его безудержного и неправдоподобного хвастовства. Но один из них объяснил приятелям, что писатель по своей профессии есть выдумщик, то есть сочинитель, то есть враль. Он не может включать свою фантазию только в часы работы, а потом отключать её для обыденной жизни. Такое объяснение всех устроило, и гулянки продолжались.

БАС: Марте, наконец, удалось уговорить мужа отправиться в Европу в качестве военного корреспондента. Военный атташе в британском посольстве в Вашингтоне обещал преодолеть все трудности и устроить Эрнесту место в самолёте, перевозившем военных, если он возьмётся писать статьи о Королевском военно-воздушном флоте. Марта надеялась, что муж попросит о месте и для неё, но он заявил — солгал, — что эти самолёты перевозят только мужчин. Другое предательство: имея возможность заключить договор с любым журналом, Хемингуэй выбрал именно "Кольер" — издание, с которым Марта сотрудничала уже семь лет. А по законам военного времени каждый журнал имел право посылать только одного корреспондента во фронтовую зону. Марта потеряла свою аккредитацию, осталась без нужных документов и с трудом устроилась на торговое судно, вёзшее в Англию груз динамита.

ТЕНОР: Пока грузовоз с динамитом зигзагами пересекал Атлантику, в Лондоне Хемингуэя с восторгом встречали

старинные друзья. Писатель Ирвин Шоу познакомил его с американской журналисткой Мэри Уэлш, муж которой, тоже корреспондент, находился в это время в Северной Африке. На следующий день Эрнест и Мэри уже ланчевали вместе, а ещё через пару дней он явился в её номер и долго рассказывал ей и её соседке о своём детстве в пригороде Чикаго. Уходя, задержался в дверях и объявил: "Мэри, я совсем не знаю вас, но я хочу на вас жениться". Она решила, что это просто пьяная шутка и обратила его внимание на то, что они едва знакомы и оба состоят в браке. "Война разлучит нас на какое-то время, — сказал Эрнест. — Но помните, что я хочу на вас жениться".

БАС: Попойки с друзьями продолжались, несмотря на бомбёжки Лондона. После одной из них сильно набравшийся собутыльник вёз Эрнеста в отель по затемнённым улицам и врезался в стоявшую у тротуара цистерну с водой. Результат: сотрясение мозга, разбитые колени и голова, изрезанная осколками разлетевшегося стекла. Хемингуэй уверял, что операция длилась два с половиной часа и потребовала наложения пятидесяти семи швов.

ТЕНОР: Прибывшая в Лондон Марта застала его в больничной палате, с тюрбаном бинтов на голове. Он уже был окружён слушателями, под кроватью валялись пустые бутылки из-под шампанского и виски. Вместо сочувствия раненый получил поток упрёков за недостойное поведение во время войны. Марта заявила, что за семнадцать дней плавания в трюме рядом с грузом динамита у неё было достаточно времени всё обдумать, и она поняла, что с неё довольно. Его пьянство, его грубые и несправедливые нападки, его предательство с журналистской аккредитацией, его безудержное хвастовство — довольно! Впоследствии она сознавалась, что в эти дни умерла не только её любовь к Эрнесту — она утратила уважение к нему.

БАС: Можно сказать, что главной страстью Эрнеста Хемингуэя с юности была потребность состязаться, побеждать, покорять. Даже в литературном ремесле ему важно было *написать лучше всех.* Мы уже упоминали его увлечение корридой, охотой, рыбной ловлей, петушиными боями, теннисом и другими видами состязаний. Но мы ещё ни слова не сказали о том, как много места в его жизни занимал бокс. Он ходил на матчи, знал по именам сотни боксёров, со многими дружил. В бедные годы в Париже подрабатывал, участвуя в тренировках профессионалов на ринге. Почти всех своих знакомых мужчин он уговаривал побоксировать и нередко, войдя в раж, сбивал их с ног неожиданным ударом. Возможно, и Гарольда Лойба он так невзлюбил за то, что в боксе тот был сильнее.

ТЕНОР: Поводы для состязаний могли быть самыми нелепыми. В Лондонском баре писатель О'Хара показал ему роговую трость, подаренную ему Стейнбеком. Хемингуэй уговорил его побиться об заклад на 50 долларов, что сможет сломать эту трость о собственный череп. О'Хара не выдержал эмоционального напора, согласился. Эрнест положил трость на голову, нажал обеими руками и сломал. Бедный О'Хара остался без трости и без пятидесяти долларов. Какая вмятина образовалась на черепе Эрнеста остаётся только гадать.

БАС: Побеждать, покорять — от этого адреналин безотказно вскипал в крови. Но Марту покорить ему так и не удалось. После высадки союзников в Нормандии она сумела пробраться близко к линии фронта, однако была арестована военной полицией за отсутствие необходимых журналистских документов. Это её не остановило. На второй день она сбежала из-под стражи, добралась до военного аэродрома. Молодой пилот транспортного самолёта поверил её истории — "должна встретиться с женихом, ждущим её в Неаполе", — и доставил в Италию. Там она следовала за наступающими частями англичан, поляков, французов, американцев и слала репортажи в "Кольер". Всё это время разъярённый Хемингуэй в разговорах с общими знакомыми поливал непокорную грязью, чернил со свойственным ему искусством перемешивать полуправду с полувраньём.

ТЕНОР: Марта вырвалась на волю — теперь пришла очередь Мэри Уэлш стать объектом покорения. Оказавшись в районе боёв в северной Франции, Хемингуэй вскоре нашёл себе роль по душе: используя своё знание французского, создал разведовательную группу из местных партизан и шнырял вместе с ними вдоль рыхлой линии фронта, собирая сведения о скоплении немецкой пехоты и бронетехники. Его письма к Мэри переполнены описаниями военных эпизодов и многократными упоминаниями радостного возбуждения, которое вызывала в нём близость опасности. Он в гуще схватки, он в своей стихии! "У нас тут жизнь весёлая, полно трупов, немецкие трофеи, стрельба, пыльные дороги, холмы, поля пшеницы, мёртвые коровы, лошади, танки, фургоны, убитые американцы, есть порой нечего, спим под дождём, на земле, в амбарах, на телегах и я не скучаю ни по чему — только по вам".

БАС: Поначалу он обращается к Мэри "мой маленький друг" и довольно сдержан в выражении интимных чувств. "Хотел бы снова увидеть вас. Очень скучаю по вам, хотел бы говорить и шутить, предпочтительно — в постели. Наверное, мне не следует произносить слова "я вас люблю", потому что я не знаю вас. Но мне очень одиноко и очень недостаёт вас — и никого другого".

Однако в освобождённом от немцев Париже им удалось встретиться вновь, и в номере отеля "Ритц" военная любовь запылала так же горячо, как семь лет назад она пылала в мадридском отеле с Мартой Геллхорн.

ТЕНОР: Похоже, Эрнест и Мэри легко подхватывали мячики иронии друг друга и с азартом перебрасывались ими в разговорном теннисе. Сидя в летнем парижском кафе, они беседовали с призраками знаменитых французов и других гостей, удостоивших присоединиться к ним. "Маршал Ней, как вам удавалось поддерживать моральный дух армии при отступлении из Москвы?" — "Мораль? Это слово не употреблялось в армии императора." — "Месье Сезанн, нравится ли вам Париж?" — "Свет здесь какой-то блеклый, не сравнить с радужным светом Прованса." — "Месье Нобель, что бы вы хотели сказать нашим современникам?" — "Если бы мне удалось вернуться в Европу, я бы вынул из банка свой капитал, с которого выплачивается Премия мира, названная моим именем. Европейцы двадцатого века не заслужили её".

БАС: Войска союзников продолжали наступление на восток, Хемингуэй следовал за линией фронта, и теперь его письма к Мэри были полны признаниями в любви и обещаниями счастливой совместной жизни впереди. "Я просто счастлив и мурлычу, как какой-нибудь старый зверь в джунглях, потому что люблю тебя, а ты любишь меня. Надеюсь, огурчик, ты настроена так же серьёзно, как я, а моя решимость сравнима с целеустремлённостью танковой колонны на узком шоссе, с которого свернуть некуда, а параллельных дорог нет."

ТЕНОР: Желая подготовить сына Патрика к возможному появлению новой мачехи, Эрнест писал ему: "В Лондоне встретил женщину по имени Мэри Уэлш. Потом мы снова свиделись в Париже и славно провели время. Думаю, она тебе понравится. Дал ей прозвище "Папин карманный Рубенс". Если она похудеет, повышу в ранге до "Карманного Тинторенто". Чтобы получить верное представление, тебе придётся сходить в музей Метрополитен. Славная девушка. Заботилась обо мне в тяжкое для меня время. Если мы продержимся вместе ещё две недели, перед нами откроется чудная жизнь впереди".

БАС: Чтобы достичь "чудной жизни" оставался сущий пустяк — разгромить гитлеровскую Германию. Хемингуэй и его разведгруппа продвигались вперёд вместе с бригадой полковника Лэнхема. В какой-то момент им удалось захватить трофей — мотоцикл с коляской. Они разъезжали на этом мотоцикле, до тех пор пока не заблудились и не напоролись на немецкие позиции. Противотанковое орудие выстрелило по ним, расчёт открыл огонь

из автоматов. Американцы едва успели попрыгать в придорожные канавы. Эрнест сильно ударился головой о булыжник, спиной — о другой. Почти два часа они лежали затаясь и слышали переговоры немецких патрульных. Только с наступлением темноты им удалось уползти и добраться до своих.

ТЕНОР: После победы в Европе Мэри появилась в поместье Финка Вегиа под Гаваной. К её приезду Эрнест постарался ликвидировать разрушения, причинённые дому и саду осенним ураганом. Мэри пришла в восторг от цветущих деревьев, от бассейна, от гостевого домика, где ей был приготовлен ночлег. Видимо, для соблюдения приличий, Эрнест не хотел афишировать их отношения до официального развода с Мартой. Мэри решительно настроилась стать своей в этом новом для неё мире, приспособиться к привычкам хозяина дома, сделаться настоящим партнёром и спутницей жизни.

БАС: А это было ох как нелегко! Дом обслуживался дюжиной слуг — дворецкий, шофёр, садовники, повар, плотник, горничная, — и для того чтобы объясняться с ними, новой хозяйке пришлось срочно учить испанский. Выезжая в океан на катере "Пилар", она осваивала секреты рыбной ловли и делала неплохие успехи. Хуже обстояло дело с ружьём. В охотничьем клубе устраивались состязания в стрельбе по летящим голубям, и Мэри поначалу только тратила патроны впустую. Сыновья Эрнеста приехали на каникулы, и ей понадобилось много такта и обаяния, чтобы дать им возможность привыкнуть к новой женщине в жизни отца. И, может быть, самое трудное: когда в доме собирались кубинские друзья Эрнеста и разгвор заходил о политике, ей недвусмысленно давали понять, что своё мнение она может оставить при себе. Политика — дело мужчин, а женщина должна знать своё место.

ТЕНОР: В отличие от других жён Хемингуэя, Мэри оставила подробные воспоминания — заинтересованный читатель может снять с библиотечной полки пятисотстраничный том под названием "Как это было". В нём честно рассказывается, что трудности в отношениях начались уже с первых дней супружеской жизни. Запись в дневнике Мэри от 7-го июня 1945 года: "У него есть его дом, его писанье, его дети, его кошки… Мне не принадлежит ничего… Не умея увлечься погоней за рыбами, птицами, зверьми, я чувствую себя страшно одинокой". Как и с другими жёнами, Эрнест, впадая в гнев, приобретал образ злого мистера Хайда. Но наутро после ссоры появлялся в образе доброго доктора Джейкила — нежный, заботливый, любящий, и туча улетала.

БАС: Трудный характер Эрнеста безжалостно обрисовала

потом Марта Геллхорн в письме другу: "Мужественному нет нужды быть жёстким и жестоким, мужество может быть чутким. Я ненавидела его жёсткость, потому что понимала, *что* пряталось за ней. Это была поза, позволявшая ему делать мерзости, быть нещедрым, насмехаться над всем и всеми… Он никогда не был добр ко мне, потому что я была женщиной, которую он желал, а это означало, что меня следовало подмять, подчинить, съесть заживо. У него была теория, что женщина понимает только язык грубости, а если она проявляет непокорность (как я), это означает, что нужно бить её сильнее". В другой раз, комментируя судьбы жён Хемингуэя, она писала: "Удивляюсь, как ни одна из нас не пристрелила его". Иногда возникает впечатление, что ссоры с жёнами нужны были Эрнесту для той же цели, что и боксирование с друзьями: разгонять атмосферу миролюбивого общения, нагонявшую на него скуку.

ТЕНОР: И конечно, положение Мэри не улучшилось, когда пятидесятилетний Хемингуэй влюбился в юную итальянскую аристократку, Адриану Иванчич. Восемнадцатилетняя девушка только что закончила лицей и вернулась в Венецию из Швейцарии, где она провела полгода, улучшая свой французский язык. В её классе было несколько американок, и знакомство с ними открыло Адриане глаза на мир, о котором она не имела представления. Эти девушки красили ногти, курили, имели свои деньги, а главное, в результате разводов родителей — неслыханное дело в её кругу! — могли иметь несколько отцов и матерей. Хотя она не прочла ни одной книги Хемингуэя, он сумел привлечь её внимание, и они проводили вместе много часов, к великой тревоге матери девушки. Позднее Адриана напишет в мемуарах, что в этом крупном и мужественном человеке ей чудился большой ребёнок и ей хотелось защитить его от него самого.

БАС: Как всегда, новая любовь окрылила Хемингуэя, и он немедленно начал писать следующий роман, который вскоре будет опубликован под названием "За рекой в тени деревьев". Себя он вывел под именем полковника американской армии, Ричарда Кантвела, а Адриану — под именем венецианской графини Ренаты. "Рената вошла в комнату, уверенно неся сияние молодости и красоты, высокая, в ореоле растрёпанных ветром волос. Кожа её была бледно-оливковой, а профиль мог разбить ваше — и любое другое — сердце".

ТЕНОР: Незадолго до отплытия Эрнеста в Америку он сидел рядом с Адрианой в открытом кафе и ронял саркастические замечания в адрес спешивших по своим делам прохожих. В какой-то момент, не поворачивая головы в её сторону, сказал: "Любой

мужчина, если он не глупец, увидев вас, захочет на вас жениться. Так как я не глупец, я испытываю такое желание". "Но у вас есть Мэри", — испуганно сказала Адриана. "Люди проходят какую-то часть жизненного пути вместе, потом расстаются. Со мной это уже бывало. Но у нас с вами такого не случится. Я люблю вас всем сердцем и знаю, как сделать вас счастливой."

БАС: Перед отплытием Эрнест и Мэри пригласили Адриану и её мать посетить их на Кубе. Письма начали летать через океан чуть ли не ежедневно. "Ваш корабль отплыл семь часов назад, — писала Адриана, — и я осталась в глубокой печали. Мне так много хочется сказать вам, но все темы кажутся запретными. Даже благодарить вас за всё я не могу, потому что благодарность вас раздражает. Однако я так привыкла к нашим долгим разговорам, что буду писать вам снова и снова." — "Ах, если бы только ты оказалась рядом, — писал в ответ Эрнест. — Больше всего мне недостаёт твоего голоса. Он несравним ни с каким другим."

ТЕНОР: Примечательно, что именно этим летом Хемингуэй возобновил работу над романом "Сады Эдема". Судьба в третий раз втянула его в мучительный треугольник, как когда-то с Хедли и Полиной, потом — с Полиной и Мартой. Доверенным друзьям он говорил, что любить одновременно Мэри и Адриану — это просто несчастье, обрушившееся на него в очередной раз, а не какой-то его личный грех. Нежные письма отправлял в Италию, а своему издателю написал, что новый роман должен выйти с посвящением Мэри Уэлш.

БАС: Роман посвятил жене, но в быту стал унижать её сильнее обычного. Обещал пообедать с ней и приехавшей к ней кузиной, а сам опоздал в ресторан на два часа и явился под руку с известной гаванской проституткой, которой он дал прозвище Ксенофобия. В другой раз обругал домашний обед и поставил свою тарелку с едой на пол — для кошки. Обзывал жену "маркитанткой, таскающейся за военным лагерем", "трупоедом", говорил, что у неё "лицо Торквемады".

ТЕНОР: Супруги выработали своеобразную тактику: после ссор вести переговоры в письменной форме. Тем летом Мэри совсем было решилась оставить мужа и написала ему подробную "объяснительную записку": "Главная беда в том, что тебе стали безразличны мои чувства. Наедине и на людях ты оскорблял меня, унижал моё достоинство… Если бы хоть раз после устраиваемых грубых сцен ты выразил раскаяние, я бы могла поверить, что стоит пытаться перетерпеть, исправить случившееся. Но в течение долгого времени твоей единственной реакцией было возмущение: кто-то посмел поставить под

сомнение твою непогрешимость, кто-то пытается нанести ущерб твоему самомнению, закованному в броню… Мы оба должны признать, что наш брак пришёл к печальной развязке".

БАС: Но Эрнест-Джейкил опять сумел уговорить Мэри остаться. Тем временем роман "За рекой в тени деревьев" вышел в свет. Обложку к нему сделала Адриана Иванчич. Критики обрушились на роман безжалостно. Мелькали слова: "банально, затянуто, неловкость, разочарование, угнетает, болтливость, ограниченный талант". Марта Геллхорн делилась своими впечатлениями в письме другу: "Там нет даже хорошей прозы. Всё — ужасающая грязь, от начала до конца. Автопортрет самовлюблённого маньяка".

ТЕНОР: Хемингуэй не ждал такой реакции, был очень подавлен. В какой-то момент даже заигрывал с идеей самоубийства: купаясь в океане, нырнул и оставался под водой долго-долго. Биографу потом рассказывал, что ему было хорошо в этот момент. Соблазн был велик, но он не захотел подавать такой плохой пример сыновьям. Только в конце года пришло утешение: Адриана с матерью приехали в гости и поселились в Финка Вегиа на несколько месяцев. На Кубе их всё восхищало. Им отвели дом для гостей, и Эрнест вёл себя подчёкнуто благопристойно, ни взглядом, ни голосом не выдавал своих подлинных чувств, к Адриане, в разговорах использовал обращение "дочка".

БАС: Однако новый роман Адриане тоже не понравился. После некоторого колебания она призналась Эрнесту, что нашла героиню скучной. Как мог полковник Кантвел влюбиться в такую скучную женщину? И кроме того, добро-нравная итальянская девушка из хорошей семьи, посещающая церковь, не станет выпивать каждый день и не ляжет в номере отеля в постель с чужим мужчиной. Может быть, такое случается в Америке, но в Италии это абсолютно невозможно.

ТЕНОР: Эрнест был опечален её реакцией и пообещал написать для неё произведение, которое будет лучше всего, написанного им до сих пор. И действительно, именно в дни, когда Адриана с матерью гостили в его доме, он начал писать свой шедевр — "Старик и море". Историю старого рыбака Сантъяго, два дня сражавшегося с огромной меч-рыбой, попавшей ему на крючок, он услышал ещё в 1935 году, но пятнадцать лет не решался взяться за этот сюжет. А тут, окрылённый любовью, написал повесть за несколько недель.

БАС: Мы опять сталкиваемся с феноменом, поучительным для каждого пишущего. Когда темы и картины произведения отстоялись в душе писателя, очистились от бытовой шелухи, получаются шедевры — ранние рассказы Хемингуэя, "Прощай,

оружие", "Старик и море". Когда же он кидается описывать события по пятам, как бы гонясь за пролетающими днями, чувства персонажей мельчают, проза наполняется шелухой быта, как в романе "Вешние воды", как в "За рекой в тени деревьев". "Старик и море" представляется мне героическим гимном главному кумиру писателя — Состязанию. Мысленно разговаривая с меч-рыбой, влекущей его хлипкую лодку в открытый океан, Сантъяго объясняет ей, что таково его предназначение в этом мире — сражаться с ней. А потом почтительно смотрит на звёздное небо и добавляет уже для себя: "Хорошо, что нам не надо сражаться со звёздами и солнцем".

ТЕНОР: Недаром такое восхищение рыбака вызывает другой воин и жрец культа Состязания — знаменитый бейсболист Джо ДиМаджио.

БАС: Адриана вдохновила Хемингуэя на написание "Старика и моря". Но, к сожалению, дружба с писателем обернулась для неё тяжёлыми переживаниями. Прочитав рукопись романа "За рекой в тени деревьев", Мэри сказала мужу, что не следовало так точно воссоздавать в образе героини внешность и детали биографии Адрианы. Почему бы не сделать её хотя бы рыжеволосой и не переселить из Венеции, скажем, в Милан? Эрнест отмахнулся, объявив эти замечания покушением на свободу творчества. Но, как и следовало ожидать, слухи и сплетни поползли среди венецианских знакомых, создавая вакуум вокруг семейства Иванчич. А одна французская газета опубликовала фотографию Адрианы с подписью: "Рената, новая любовь Хемингуэя". После этого мать Адрианы отменила намеченное совместное путешествие по Америке и увезла дочь в Италию.

ТЕНОР: В письмах Эрнест призывал девушку не обращать внимания на сплетни, жаловался на грусть и одиночество. Кроме того, у него началась новая полоса несчастных случаев, снова и снова валивших его на больничную койку. Во время очередного плавания на "Пилар" он поскользнулся, упал и так разбил себе голову, что порвал артерию, а на спине получил шишку размером с теннисный мяч. После падения мелкие осколки, остававшиеся в ноге после ранения 1918 года, сдвинулись с места и начали больно давить на нервы и вены. Испытывая новое ружьё, так опалил лицо выхлопными газами, что началось тяжёлое воспаление кожи. Сафари в Африке началось с двух — одна за другой — самолётных аварий. В первой Эрнест отделался вывихнутым плечом. Во второй самолёт загорелся, не успев взлететь. Эрнесту, чтобы выбраться, пришлось выбивать головой стекло кабины. Опять — сотрясение мозга, плюс повреждённая печень, селезёнка и почка, левый глаз не видит, левое ухо не

слышит, травма позвоночника, растяжение сухожилия в ноге, ожоги лица и рук.

БАС: Но признать себя больным, остаться надолго в кровати — это не для Хемингуэя. Через несколько дней после второй аварии, рядом с лагерем, в котором он приходил в себя, загорелся кустарник. Писатель выбежал из палатки, бросился помогать тушившим, но был так слаб, что не удержался на ногах, упал в огонь и получил ожоги по всему телу. После первой аварии разбившийся самолёт долго не могли найти, и по миру разлетелась весть о гибели знаменитого писателя. Лёжа потом в больничной палате, он мог почитывать некрологи о себе, успевшие появиться в печати. Не повлияло ли это на решение Нобелевского комитета — присудить ему в том же 1954 году премию по литературе, пока жив? Но к премии Хемингуэй всегда относился с высокомерным пренебрежением, говорил друзьям: "Я получу её, а она получит меня. Ни один писатель после получения её не написал ничего путного". На вручение в Стокгольм не полетел.

ТЕНОР: Физические недомогания — гипертония, диабет, последствия травм — затрудняли утоление состязательных страстей Эрнеста. Если у тебя нет уже сил скакать на арене перед острыми рогами быка, красться в саване за львом или слоном, вытягивать из воды стокилограмовую рыбину, жизнь утрачивает свою пряную остроту. Окружающие начали замечать тревожные симптомы депрессии, потери памяти. Эрнесту трудно было сосредоточиться. Он сидел за письменным столом часами и не мог написать ни строки. Вдруг намекал, что ФБР ведёт слежку за ним, прослушивает телефон, проверяет банковские счета. Что его подозревают в каких-то противозаконных поступках. Потом начинал тревожиться о своих финансах, говорил, что близок к разорению. Мэри при нём позвонила директору их банка, и тот подробно перечислил Эрнесту его счета и лежавшие на них солидные суммы денег. Но он всё равно не поверил, утверждал, что директор что-то скрывает.

БАС: Нападки на жену учащались. Сыпались обвинения в расточительстве, во лжи. Во время охоты на уток в Айдахо Мэри споткнулась, упала и буквально раздробила себе локоть. Боль была адская. По дороге в больницу Эрнест, вместо сочувствия, ругал жену за то, что она не могла сдержать стоны. Сорвала ему все охотничьи планы, вынудила выполнять работу слуг: ездить в магазин, готовить, помогать одеться. В другой раз Мэри попала в больницу с сильными ушибами и растяжением сухожилий левой ноги. Врачам сказала, что оступилась в темноте и покатилась по лестнице. Но я сильно подозреваю, что кто-то помог ей

"оступиться".

ТЕНОР: Давление крови у Эрнеста порой поднималось до 220/150. Для снижения его ему был прописан резерпин. В те годы ещё не было известно, что побочным эффектом этого лекарства является депрессия. Причём побочный эффект оставался надолго и после прекращения приёмов. Видимо, резерпин сыграл свою роль в том, что в конце 1960 года Хемингуэй оказался в лечебнице в Рочестере, штат Миннесота. Чтобы избежать газетной шумихи, Мэри и Эрнест приехали туда под вымышленными именами. Сыновьям сообщили, что причина госпитализации — высокое давление. Однако, после того как терапевты закончили свои тесты, пациент попал в руки психиатров.

БАС: Моё предубеждение против этой отрасли медицины вам известно. В своё время я зачитывался книгами психиатра-еретика, доктора Томаса Шаша: "Психиатрическое правосудие", "Производство безумия", "Теология медицины". Знаменитый роман Кена Кизи "Пролетая над кукушкиным гнездом" и фильм того же названия в значительной мере опирались на труды доктора Шаша. Но в 1960 году люди ещё относились к психиатрам с полным доверием. Ни Эрнест, ни Мэри не выразили протеста, когда им предложили применить по отношению к пациенту жестокую и бесполезную пытку, именуемую "электрошоковая терапия". После дюжины сеансов Эрнеста объявили излечённым и выписали из клиники. На самом деле, его состояние только ухудшилось, а в памяти образовались провалы. Он доходил до слёз, пытаясь вспомнить имена людей, названия городов, даты событий.

ТЕНОР: В разговоре с другом однажды сказал: "Врачи, делавшие мне электрошоки, писателей не понимают. Какой был смысл в том, чтобы разрушать мой мозг и стирать мою память, которая представляет собой мой капитал, и выбрасывать меня на обочину жизни?". В своих воспоминаниях Мэри Хемингуэй приводит заявление, написанное Эрнестом весной 1961 года незадолго до самоубийства: "Сим удостоверяю, что моя жена Мэри никогда не верила и не была осведомлена о каких бы то ни было моих противозаконных деяниях… Она также ничего не знала о моих финансовых обстоятельствах и помогала мне составлять налоговые декларации на основании тех материалов, которые я предоставлял ей… Мы совершили поездку под вымышленными именами, только для того чтобы избежать внимания прессы".

БАС: Этот документ принято считать подтверждением параноидальной мании преследования, от которой якобы страдал Хемингуэй. Но попробуем представить себе, с какими людьми он

мог иметь связи на Кубе, когда кастровцы вели свою борьбу с режимом Батисты. В барах Гаваны, при его любви к острым приключениям, он вполне мог вести знакомство с тайными революционерами, замешанными в контрабандных операциях, столь хорошо описанных им в романе "Иметь и не иметь". Мэри приводит показательный эпизод. Во время очередного плавания на катере "Пилар", незадолго до падения режима Батисты, Эрнест передал ей штурвал, а сам с помощником спустился вниз, и они начали вспарывать кожаные сиденья диванов. Оттуда были извлечены ружья, обрезы, ручные гранаты, пулемётные ленты, коробки с патронами. Всё это оружие полетело в волны океана.

ТЕНОР: После провала высадки в Заливе Свиней в апреле 1961 года ФБР наверняка должно было усилить внимание к американцам, имевшим связи с Кастро и его режимом. И Хемингуэй должен был попасть под их микроскоп одним из первых. Приземлившись в 1959 году в аэропорту Гаваны, он был встречен журналистами. "Как вы относитесь к новой Кубе?", спросили они. "После двадцати лет жизни здесь я считаю себя кубинцем", — ответил Хемингуэй и в доказательство поцеловал край кубинского флага. Его старинный кубинский приятель сделался членом временного правительства республики. При личной встрече Кастро сказал ему, что в горах Сиера Маэстро он читал по-испански "По ком звонит колокол" и книга помогла ему в формировании его идей. Во время визита на Кубу член советского Политбюро Микоян с большой свитой посетил дом Хемингуэя.

БАС: Мэри Хемингуэй и после смерти мужа не скрывала их прокастровских настроений. Оказавшись на званом обеде в Белом доме рядом с президентом Кеннеди весной 1962 года, она напрямую заявила ему, что считает американскую политику в отношении Кубы глупой, нереалистичной и неэффективной. Сказала, что может в любой момент нарушить эмбарго и отправиться в Гавану, потому что лично знакома с Фиделем. Кеннеди помрачнел, но сдержался и только спросил, читала ли она роман Кэтрин Энн Портер "Корабль дураков". Мэри созналась, что не читала. Параллель между Гитлером и Кастро осталась ею неоценённой.

ТЕНОР: Что читали и что не читали в семье Хемингуэя — отдельная и важная тема. Сразу бросается в глаза его презрительное равнодушие к писательницам-женщинам, прославившимся в его эпоху. В девятисотстраничном томе его писем нет упоминаний Перл Бак, Дорис Лессинг, Маргарет Митчел, Айн Рэнд, Фланнери О'Коннор, Сильвии Платт. Про Кэтрин Энн Портер и Карсон Маккалерс сказано, что читать их

невозможно, Виллу Катер обвинил в плагиате, Вирджинии Вулф досталось за прохладную рецензию на "Фиесту". Дружил только с Дороти Паркер, но и она в письмах упоминается только как член компании. О её рассказах — ни слова.

БАС: Финансовые тревоги Хемингуэя тоже не были пустым плодом его воображения. К концу 1950-х Налоговое управление поручило своему коллектору выбивать из него задолженность за многие годы. Ему приходилось платить по 20 тысяч долларов в квартал. Кроме того, могли быть гонорары за иностранные переводы, скрытые в своё время, и он мог опасаться разоблачения. Мэри пишет, что она привезла с Кубы целый сундук старых расписок и оплаченных счетов, надеясь найти в них такие, которые указывали бы на расходы, подлежащие списанию с налогов. Добыча оказалась куцой. Зато она обнаружила, что больше половины их месячных трат приходилось на закупки спиртного.

ТЕНОР: Много лет спустя после смерти Хемингуэя исследователи, опираясь на закон о свободе информации, подали запрос в ФБР. И грозная организация подтвердила, что слежка за писателем имела место, телефонные разговоры прослушивались, банковские счета проверялись, скрытые микрофоны устанавливались.

БАС: Угроза самоубийства Эрнеста витала в воздухе весь последний год его жизни. Однажды в аэропорту он увидел приземлившийся небольшой самолёт и решительно пошёл в сторону вращающегося пропеллера. Ему оставалось пройти каких-то пять метров, когда пилот выключил мотор. Мэри прятала ружья под замок в подвале их дома в Айдахо. Но в роковой день 2 июля 1961 года он пробрался туда, извлёк ружьё, упёр его прикладом в пол и прижался лбом к стволам. Мэри услышала выстрел, сбежала вниз… Прессе и священнику было объявлено, что писатель погиб в результате несчастного случая.

ТЕНОР: Культ мужественного состязания был также свойственен предшественнику Хемингуэя — Джеку Лондону. Но в большинстве рассказов Лондона герой выходит из борьбы — с соперником, с врагом, с силами природы — победителем. У Хемингуэя наоборот — борьба заканчивается поражением или гибелью героя. Главное — принять поражение с достоинством. В этом, мне кажется, и таится секрет превращения этого писателя в культовую фигуру. Победителей на свете единицы, а проигрывающих — миллионы. И для этих миллионов поза гордого принятия своей судьбы, сочинённая — отработанная — "папой Хемом", сделалась манящим образцом, предметом подражания. До сих пор каждый год в Ки-Уэст съезжаются чуть не

две сотни "двойников", одетых, подстриженных, загримированных под Хемингуэя.

БАС: Вот что интересно: он был в своей жизни сильно влюблён восемь раз. И каждая влюблённость рождала литературный шедевр. Агнес фон Куровски мы обязаны появлением сборника "Три рассказа и десять поэм". Во время романа с Хедли Ричардсон писались рассказы для сборника "В наши времена". Дафф Твисден вдохновила его на "Фиесту", Полина Пфайфер — на "Прощай, оружие", Джейн Мэйсон — на "Снега Килимаджаро", Марта Геллхорн — на "Колокол", Мэри Уэлш — на "Острова в океане", Адриана Иванчич — на "Старика и море". Но из этих восьми женщин разве что одна Дафф Твисден была воссоздана на страницах хемингуэевской прозы близко к реальности. Подлинные чувства других людей мало интересовали Эрнеста. Доподлинно он знал только мир *своих страстей* — их и описывал.

ТЕНОР: Но страсти эти были так сильны, а интонации прозы так заразительны, что сотни писателей в мире испытали на себе влияние Хемингуэя. Хорошо об этом сказал Джон Чивер, потративший много сил на то, чтобы вырваться из-под влияния своего кумира и обрести собственный голос: "Я помню, как шёл по улице Бостона после прочтения одной из его книг, и мне казалось, что цвет неба, лица прохожих, городские запахи — всё стало обновлённым и наполнилось драматизмом… Главное, что он сделал для меня, — возродил ценность понятия мужества, которое было так затаскано школьными наставниками, что казалось мне фальшивкой. Любовь и дружба, ласточки и шум дождя — всё приобретало новый смысл и значение на страницах его книг".

Айн Рэнд (1905–1982)

БАС: Послушайте, вы не знаете, кто там наверху выбирает темы для наших программ? Почему никогда не спросят нас самих, о чём бы мы хотели поговорить?

ТЕНОР: А я как раз предпочитаю такой порядок. Разве пришло бы мне когда-нибудь в голову выбрать темой Айн Рэнд? Почему именно она, почему не какая-нибудь другая литературная знаменитость? Но, получив задание, я на месяц погрузился в её судьбу, и мне открылось множество ярких характеров, драматических коллизий, непредсказуемых вспышек страстей.

БАС: Да что же нового мы можем рассказать телезрителям о знаменитой писательнице, чьи романы выходили и выходят стотысячными тиражами, о которой были написаны сотни статей и книг, даже поставлен фильм с участием превосходных актёров? Была бы моя воля, я бы половину передачи посвятил детству и юности Айн Рэнд, или скорей — Алисы Розенбаум. Взорванная революцией Россия — вот где полыхали трагедии высокого накала, действовали герои и злодеи, решались судьбы народов и поколений. Сколько ей было, когда рухнула монархия?

ТЕНОР: Двенадцать. Пережить в таком возрасте голод, страх, зрелище замёрзших трупов на улицах — конечно, это должно было оставить глубокий след в её душе. Её отец, богатый аптекарь, имел все основания опасаться мести тех, "кто был ничем, а стал всем". Это просто чудо, что семья не была выслана или арестована и Айн успела получить образование в Петербургском университете, когда там ещё преподавали известные российские профессора.

БАС: Всё же у меня возникло впечатление, что уже тогда она выносила приговоры изучаемым философам с решительностью какого-нибудь чекиста. Конечно, любой студент вправе предпочесть логичного Аристотеля идеалисту Платону. Но заявлять впоследствии, что Платон был предтечей и создателем идеологии коммунизма — это уже в духе тех самых комиссаров, которые любили валить всех несогласных с ними в единую категорию — *врагов* и ставить их к стенке.

ТЕНОР: Тем более, что судьба её самой не укладывалась в рамки логики. Её ангел-хранитель должен был летать над её головой не смыкая глаз. Выбраться из Советской России в Латвию, получить там американскую визу — в 1925 году это уже было чудом невозможным без вмешательства высших сил.

БАС: Что меня поражает в этой женщине — целеустремлённость. Какая нужна была самоуверенность, чтобы с

первых дней в Америке посвятить себя литературной карьере! И она ведь таки явилась в Голливуд, и ей стали подбрасывать задания по обработке сценариев. Неужели её английский был на таком уровне, что она могла считаться профессионалом? Я уверен, что на первых порах кто-то должен был помогать ей, кто-то редактировал её тексты. Но нигде в воспоминаниях она не упоминает об этом. О, она умела вычёркивать из своей жизни людей, вычёркивать всё, что умаляло ореол её величия.

ТЕНОР: Не могла ли она получить помощь от своего жениха, Фрэнка О'Коннора? Ведь они познакомились уже через год после её приезда, когда он снимался в массовке фильма "Царь царей".

БАС: Фрэнк? По всем свидетельствам, он был высок, красив, добр, тактичен, но образованностью не блистал. Сын канадского сталевара, пьяницы, рос в большой семье, после смерти матери шатался по всему свету, берясь за любую работу. Английские слова писал так, как слышал, грамотеем его не назовёшь. Любопытная деталь: в письме брату он описал свою первую встречу с "забавной и милой девушкой из России, которая говорила с таким акцентом, что он не мог понять ни слова".

ТЕНОР: Тем не менее, они поженились и прожили вместе всю жизнь. Их семейный кораблик выдержал бури, выпавшие им на долю. А их было немало. Друзья, знавшие обоих, говорили, что присутствие мужа было необходимо для Айн Рэнд. Она поминутно брала его руку, спрашивала совета, согласия.

БАС: Мне запомнилось объяснение этого союза, данное самой проницательной мемуаристкой, Барбарой Бранден. Где эта страница? А-а, вот: "Чтобы чувствовать себя в безопасности, Айн Рэнд было необходимо держать под контролем всё, что её окружало, доминировать над всеми людьми, устанавливать для них правила поведения. Она вышла за Фрэнка именно потому, что он был во всём послушен ей, не представлял угрозы для её защитной раковины". Добавлю от себя — имелась и ещё одна немаловажная причина. Их брак был заключён весной 1929 года за день или два до срока истечения визы. Если бы она не вышла замуж за американского гражданина, ей грозила депортация обратно в Россию.

ТЕНОР: И Америка лишилась бы одной из самых своих знаменитых писательниц 20-го века. Впрочем, и без депортации её литературная карьера могла бы оборваться в самом начале. В середине 1930-х, в издательстве "Макмиллан", редактор-коммунист яростно протестовал против публикации её романа "Мы, живые", объявлял его клеветой на советскую Россию. Засилье левых в литературных кругах тогда было ещё сильнее, чем сегодня.

БАС: С этим романом позднее вышла занятная история. В 1942 году в фашистской Италии было решено снять фильм по нему и использовать как антикоммунистическую пропаганду. В картине снялись две знаменитости, Алида Валли и Россано Брази. Она шла в Италии с успехом, но в Германии немедленно разглядели, что сценарий не столько против коммунизма, сколько против любой диктатуры. Из Берлина пришёл приказ немедленно прекратить демонстрацию фильма. Но после войны Госдепартамент США предъявил итальянцам иск за кражу интеллектуальной собственности, и Айн Рэнд получила авторский гонорар, на который купила себе норковую шубу.

ТЕНОР: Однако настоящая слава пришла к ней, конечно, в середине 1940-х, после выхода романа "Источник". Этой книгой зачитывались поколения американцев, зачитываются и до сих пор. В центре, как вы помните, — романтический герой, гениальный архитектор, пробивающий своим талантом путь наверх. Не поддающийся никаким требованиям изменять свои творения, доходящий до того, что взрывает дом, построенный с отклонениями от его замысла. И, конечно, только такого может полюбить гордая и своенравная героиня. Недаром Айн Рэнд в детстве с упоением читала Гюго и Ростана. Когда в 1948 году Голливуд начал работу над экранизацией романа, взяв на главные роли Гари Купера и Патрицию Нил, Рэнд грозила режиссёру и продюсеру дойти до суда, если хоть одна строчка или одна сцена в её сценарии будут изменены.

БАС: Когда я посмотрел этот фильм, мне очень хотелось спросить постановщиков: "Сами-то вы верите, что в сегодняшней Америке найдутся двенадцать присяжных, которые вынесут оправдательный приговор человеку, взорвавшему дом, построенный для бедноты, и признавшемуся в этом?". Он, видите ли, такой чувствительный художник, что не мог стерпеть изменений, внесённых в его архитектурный проект.

ТЕНОР: Действительно, в фильме, где всё так зримо, эта коллизия получилась огрублённой. Но в книге повествование остаётся подёрнутым туманом художественного вымысла, и читателю легче принять подобный поворот сюжета.

БАС: Вы упомянули Гюго, Ростана среди кумиров Айн Рэнд. А кто ещё из писателей оказал на неё влияние? Она вступала в литературный мир Америки, заполненный звёздами первой величины. Фолкнер, Шервуд Андерсон, Перл Бак, Маргарет Митчел, Стейнбек, Фланнери О'Коннор, Карсон Маккалерс, Торнтон Уайлдер, Фитцджеральд — всех и не упомнишь. Кажется, она не замечает их. В книгах о ней я наткнулся на её презрительные реплики в адрес Хемингуэя и Томаса Манна,

Толстого и Солженицына, Ромена Роллана и Томаса Вулфа. Разницу между историей и литературой она видела в том, что история представляет мир таким, как он есть, а литература должна описывать таким, *каким он должен быть*. Это ли не формула социалистического реализма, насаждавшегося в СССР? А кого ценила? Смешно сказать: автора детективов Микки Спиллейна. И объясняла, чем её привлекали его романы: "У него всегда ясно, кто хороший, кто плохой. Чётко: чёрное и белое. Серое меня не интересует".

ТЕНОР: Не так ли мы все в юности тянемся к чему-то определённому, прочному? Полутона, многоголосье, непредсказуемость — всё это начинаем ценить позже. Может быть, Айн Рэнд инстинктивно откладывала — забывала — взрослеть? И когда перед ней предстал юный канадец, прочитавший "Источник" сорок раз, знавший текст почти наизусть, могла ли она остаться равнодушной, дать этому читателю затеряться в толпе других поклонников?

БАС: Ага — на сцене греческой трагедии появляется герой. Но заметили ли вы любопытное совпадение: Натан Бранден тоже был из русско-еврейской эмигрантской семьи. Даже если он не знал русского, это должно было сплести какую-то невидимую ниточку между ними. Иначе я не нахожу объяснения тому, что высокомерная Айн Рэнд могла в первую же их встречу проговорить всю ночь с желторотым юнцом, на двадцать пять лет моложе неё.

ТЕНОР: В воспоминаниях они объясняют это так: её пристальный оценивающий взгляд вызывал у него чувство, будто он попал в луч прожектора, но ему это нравилось. А ей понравилось, что он не испугался быть под лучом, ибо в этом было что-то дерзкое. Ведь дерзость говорит о силе характера, намекает на судьбу будущего героя. Вспомним, что евангельскую заповедь "не судите, да не судимы будете" она переделала на свой лад: "судите и будьте готовы быть судимыми".

БАС: То, что молодой человек так быстро попал под обаяние своего литературного кумира, женщины властной и уверенной в себе, мне как-то понятно. Но когда он привёл в её дом свою невесту и та тоже мгновенно оказалась в плену её чар — это уже требует искать объяснения в сферах, где обитают греческие богини, нимфы, сивиллы.

ТЕНОР: Барбара Бранден была так заворожена Айн Рэнд, что уже через несколько недель тесного общения делилась с ней трудностями своих отношений с женихом. В своих воспоминаниях она дала точное объяснение магнитного поля, окружавшего знаменитую писательницу, притягивавшего к ней людей: "В ней

кипел страстный идеализм, волнение по поводу бесконечных возможностей, заложенных в жизни каждого человека. Темами наших разговоров могли быть литература, политика, эстетика, философия, религия, мораль, могущество разума, но всегда рядом с Айн Рэнд абстрактные идеи приобретали такую значимость, будто жизнь и смерть собеседников зависели от них".

БАС: Однако этими идеями она наезжала на своих слушателей, как танком, как паровым катком. Страшась утратить её расположение, близкие пытались подавить свои искренние чувства, заставляли себя соглашаться с тем, что Рембрандт — слабый художник, Бетховен пронизан бесплодным трагическим унынием, Шекспир так и не сумел создать героя, обладающего свободной волей. Барбаре пришлось чуть ли не клещами вырывать из своего сердца любовь к роману Томаса Вулфа "Взгляни на дом своей, Ангел", Натану — к эпопее Ромена Роллана "Жан-Кристоф".

ТЕНОР: Давайте только не будем забывать, во что погружались — с чем сталкивались — молодые люди, покидая дом Айн Рэнд. В 1950-х в университетах заправляли такие страстные враги капитализма вообще и Америки — в особенности, что студентам часто приходилось скрывать свои подлинные взгляды. Профессор политологии в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе корил Натана за его "предубеждённость против диктатур". На лекциях по истории искусства слушателям объясняли разницу между сияющим "идеализмом" Советской России и грубым "материализмом" США. Профессор психологии объявил, что всякий, кто сегодня не социалист, демонстрирует тем самым признаки задержанного развития в интеллектуальной и моральной сферах. Вы не можете противостоять напористой пропаганде коммунизма, нацизма, исламизма ничем другим, кроме такой же уверенной контрпропаганды капитализма и демократии, какую вела — порой нелогично, но со страстной убеждённостью — Айн Рэнд. Жажда молодёжи получить компас, указывающий на полюса "хорошо-плохо", неодолима. Если вы не дадите ей свой, они побегут искать у ваших противников.

БАС: Да, искренняя и благодарная привязанность этих двух молодых людей к своей литературной и идейной наставнице не вызывает сомнений. В семье О'Коннноров они приобрели чуть ли не статус приёмных детей. Когда Натан и Барбара переехали в Нью-Йорк и звонили оттуда, Фрэнк звал жену к телефону возгласом: "Дети звонят". Недешёвые междугородние переговоры тянулись часами. И вдруг внезапно, всего через несколько месяцев разлуки, Айн Рэнд объявляет, что они с Фрэнком тоже

должны переехать в Нью-Йорк. Что она больше не в силах выносить Калифорнию. Что её гигантский роман "Атлант расправил плечи" должен быть завершён среди небоскрёбов, а не среди этих пустынных холмов.

ТЕНОР: Многие отмечали равнодушие Айн Рэнд к природе. В её романах почти нет лесов и лугов, пернатых и четвероногих — только небо, постоянно меняющее цвета, и налетающий ветер. Её восхищали творения человеческого гения — бетонные эстакады, стальные мосты, асфальтовые шоссе, мчащиеся паровозы. А если неосторожно вглядишься в чудеса природы, в голову может закрасться мысль о Творце этих чудес, чего убеждённая атеистка никак не могла допустить.

БАС: В отличие от неё, у её мужа вся жизнь была в их ферме, где он проводил дни, ухаживая за цветами и огородом. Ему абсолютно нечего было делать в Нью-Йорке, но он безропотно соглашается. Она не могла не видеть, на какую тоску она обрекает Фрэнка, но, по её теориям, сочувствие ближнему — непростительная слабость.

ТЕНОР: Всё же она уверяла всех — и себя в первую очередь, — что муж тоже рвался из Калифорнии. Но вообще-то вела себя в точном соответствии со своей философией. Созданный ею — и проповедуемый — объективизм можно свести к нескольким простым формулам. Долг человека — развивать заложенный в нём потенциал. Поэтому эгоизм — основа творчества и прогресса. Альтруизм, сострадание отвлекают человека от долга самораскрытия, парализуют творческий порыв, поэтому подлежат осуждению. Идея самопожертвования ради других, ради государства — вредная идея, именно она восторжествовала в странах коммунистического блока. Немудрено, что миллионы молодых людей были увлечены призывом Айн Рэнд ставить себя на первое место и не боятся суда окружающих.

БАС: Всю предшествующую философию она отвергала с такой же уверенностью, с какой отвергала писателей, живописцев, композиторов. Разве что Аристотеля пощадила. Самый примитивный материализм казался ей решением всех философских проблем. С чем это можно сравнить? Вот представим себе, что подростка учат играть в шахматы и объясняют, что конечная цель игры — завладеть королём противника. После этого подросток перестаёт изучать гамбиты и эндшпили и каждую предлагаемую ему партию начинает с того, что хватает короля рукой и уходит, торжествуя и посмеиваясь над простофилями, которые играют по правилам.

ТЕНОР: Воображаю, что сделали бы с вами сторонники

объективизма, если бы вы сказали это им в лицо, стоя за профессорской кафедрой. Но вернёмся к нашим героям. Обе пары живут в Нью-Йорке, их общение становится всё более тесным, дружеским, интимным. В 1953 году Натан и Барбара оформили свои отношения официально, и супруги О'Коннор были свидетелями на их свадьбе. Айн пишет огромный роман "Атлант расправил плечи" и читает отрывки в кругу друзей, встречающих восторгом каждую новую главу. В её романе и её мире есть место только выдающимся личностям, только гениям и героям. А раз так, она должна и Натана с Барбарой наделить атрибутами гениальности. Натану она пророчит блистательное будущее на поприще психологии и философии, Барбару объявляет — по трём страницам неоконченного рассказа — гениальной писательницей. Легко ли было молодым людям устоять против такой лести из уст их кумира?

БАС: А потом приходит январь 1955 года. И эта роковая поездка в Канаду. И на обратном пути — Фрэнк за рулём, Айн и Натан — рядом с ним. И между ними двумя начинается разговор — глаза в глаза, — в котором паузы говорят больше слов. Воздух в машине будто вибрирует от эмоционального напряжения. А несчастная Барбара на заднем сиденье видит всё это и должна молчать. Разве смеет она восстать против всеобщего идола, сивиллы? Но во время остановки на ночёвку в мотеле, едва закрыв дверь номера, она кричит мужу словами то, что давно должно было угадываться всеми четырьмя: "Да она просто влюблена в тебя! А ты — в неё!".

ТЕНОР: Натан пытается отрицать очевидное. Ведь это было бы так *иррационально!* А иррациональному нет места в мире Айн Рэнд. Чтобы он принял случившееся как факт, сивилла должна была сама призвать его пред свои очи и уговаривать. "Понимаете ли вы, что произошло между нами позавчера в автомобиле? То, что мы молча сказали друг другу? Это звучало как объяснение в любви. Или я поняла неверно?".

БАС: Юноша опять под лучом прожектора. Все глаза — на него. Он должен сыграть свою роль безупречно. Сама великая Айн Рэнд готова поднять его до себя. Страх терзает его, ему так хотелось бы вернуться назад, в жизнь до злосчастной поездки. Где всё было так надёжно, возвышенно, маняще. Но что-то в душе подталкивает его: "Прыгай!". И он произносит слова, которых ждёт боготворимая им женщина: "Вы всё поняли правильно. Конечно, я влюблён в вас".

ТЕНОР: Делайте со мной что хотите, но я верю, что в этот момент оба верили в возможность платонических отношений. И когда они призвали своих супругов и признались им в

случившемся, оба поначалу только просили разрешить им встречаться два раза в неделю и проводить время наедине. Ведь в мире Айн Рэнд аморальности не должно быть места. Воображаю, какие сети логических умозаключений сплетались в подтверждение того, что в дружеском союзе четверых нет ничего предосудительного, если все четверо так честны друг с другом и так повязаны взаимной любовью.

БАС: Ах-ах, можно только огорчаться по поводу того, что Фрэнк и Барбара поначалу впали в грех *эмоционализма* и один за другим воскликнули: "Нет! Не хочу! Не соглашусь!". Понадобились новые словесные ковры и логические сети, сплетаемые сивиллой рациональности, недели словопрений, чтобы образумить непокорных и получить их вымученное "да". Но увы, через два месяца выяснилось, что и этого мало. Что зов плоти неодолим даже для таких чемпионов строгой морали. Что, встречаясь в отпущенных им границах пространства и времени, они ни о чём другом не могли думать, кроме срывания одежд друг с друга, наподобие того, как это делали герои романов Айн Рэнд. Бедным супругам пришлось дать согласие и на это.

ТЕНОР: В её позиции была своя логика и последовательность. Герой, гений, супермен не может позволить морали посредственностей связать себя какими-то правилами. Он выше этого. У него своя мораль, свои правила, свои законы.

БАС: Если это так, почему же наша сивилла не выступила перед миром с открытым забралом, как это делали её персонажи? Почему потребовала у остальных трёх участников четырёхугольника поклясться хранить всё в секрете? Почему в панике отказывалась от предложений Натана снять квартирку для свиданий? "Вдруг меня заметят входящей в чужую квартиру?!" И бедному Натану приходилось, являясь на свидание, часто сталкиваться в прихожей с Фрэнком, который не успел во-время покинуть своё жильё, чтобы отправиться в тоскливое блуждание по улицам и барам.

ТЕНОР: Так или иначе, четырёхколёсный семейный фургон, сооружённый страстной пятидесятилетней женщиной, покатился по жизни. И есть много свидетельств того, что именно счастье обретённой любви помогло Айн Рэнд успешно завершить свой гигантский тысячестраничный труд. Даже сами издатели были изумлены коммерческим успехом романа "Атлант расправил плечи". Он выходил и продолжает выходить и продаваться в миллионах экземпляров, переведён на десятки языков. И это несмотря на негативное, порой просто яростное отношение литературных критиков.

БАС: О, да! В своё время я вырезал из газет и

коллекционировал самые точные и безжалостные филиппики. "Как бы громко мисс Рэнд ни постулировала свою любовь к жизни, книга её пронизана ненавистью." "Неуклюжая, громыхающая телега, пытающаяся убедить нас в том, что мораль заключается в позволении каждому грести под себя всё, что возможно." "Призыв сокрушать слабых ради вознесения сильных." "Подобную демонстрацию гротескной эксцентричности нелегко отыскать вне стен психиатрической лечебницы." "Мисс Рэнд призывает Большого Брата — выходца из технической элиты — навести порядок."

ТЕНОР: Неужели вы не находите даже литературных достоинств в романе?

БАС: В старину у разных народов были популярны зрелища, в которых актёры появлялись на сцене в масках, выражавших гнев, радость, надежду, горе. Книги Рэнд наполнены не живыми — то есть меняющимися и непредсказуемыми — людьми, а картонными фигурами в масках. Каждый тянет свою единственную ноту, и через две страницы ты уже знаешь заранее, что тот или иной будет говорить, в какую сторону гнуть. При этом обязательно с надрывом, с пафосом, на густом замесе мелодрамы. Есть сведения, что програмную речь главного героя, Джона Галта, она писала два года. Но тавтология никогда её не пугала, и речь могла бы оказаться не в семьдесят страниц, а в семьсот. При этом, она приводила в отчаяние всех издателей и редакторов, категорически отказываясь что-либо менять или сокращать.

ТЕНОР: Понятно, что главный пафос её творчества — защита гения от равнодушия и враждебности толпы. Если бы она делала своих героев людьми свободных профессий — композитор, живописец, поэт, — концепция выглядела бы более убедительной. Художник может отстаивать свою неповторимость и творить, находясь в любой среде, как Вольтер, укрывшийся в Швейцарии, Пушкин в Михайловском, Гоген — на Таити, Золя — в тюрьме, Бродский — в северной деревне. Но когда Рэнд делает супер-героя архитектором, стальным магнатом, строителем железных дорог — неужели она не видит здесь вопиющего противоречия? Все их победы были бы невозможны без активного участия тысяч и тысяч вполне средних людей, исправно и ответственно делающих своё дело. Перенесите Говарда Рурка, Хэнка Рардена, Дэгни Таггарт, Джона Галта в какое-нибудь Зимбабве — и что они смогут там создать при всей их энергии и гениальности? Однако, сколько бы мы ни критиковали её книги, мы не приблизимся к разгадке их невероятной популярности.

БАС: У меня есть своя теория на этот счёт.

ТЕНОР: Поделитесь.

БАС: История литературы переполнена романами, нацеленными на защиту бедных и угнетённых от богатых и знатных. Тот же Гюго с его "Отверженными", "Хижина дяди Тома", "Что делать?" Чернышевского, "Воскресенье" Толстого, "Железная пята" Джека Лондона и сотни других представляют собой бесконечное обвинительное заключение в адрес хозяев жизни. Независимо от литературных достоинств произведения, эта тема, эта струна вызывает безотказный сочувственный отклик у массового читателя. Парадоксальным образом книги Айн Рэнд, презиравшей угнетённых, становятся в ту же шеренгу. Ибо они так же перенасыщены ненавистью и обвинениями в адрес властьимущих — только у неё обвинение ведётся не снизу, со стороны обездоленных масс, а сверху — с позиции непризнанного индустриального гения. Густой чёрной краской она рисует маски жадных банкиров, близоруких промышленников, хитрых оппортунистов на профессорских кафедрах, властолюбцев в рясах и судейских мантиях. Революционеры-ниспровергатели могли бы позавидовать её страсти. А ненависть — товар безотказно ходкий в литературном ремесле. Плюс, конечно, восхваление эгоизма как главной добродетели — на это тоже клевали сотни тысяч.

ТЕНОР: У меня создалось впечатление, что Натан Бранден в своих статьях и лекциях не был столь радикален. Он больше упирал на важность философских постулатов объективизма для самораскрытия человека. Каждый должен научиться ценить себя как независимого творца своей жизни — вот сквозная тема его писаний. Лекции его имели огромный успех, на них съезжались сотни слушателей со всей страны и из-за границы. Был даже создан некий "Институт Натана Брандена", издавался журнал "Объективист". Правда, немалую роль играло то, что после лекции слушатели могли задавать вопросы самой Айн Рэнд. Типичное для Натана эссе называлось "Почему люди подавляют и загоняют в подвал души не худшее в себе, а лучшее?".

БАС: И худшим в их теориях считалось сострадание к ближнему. Ах, как удобно! Ты ласкаешь в тёплой квартире знаменитую писательницу, которая сделала тебя своим избранником, вознесла до себя, и можешь не думать о своей жене, одиноко бродящей по холодным улицам, клянущей себя за то, что согласилась на извращённую четырёхугольную комбинацию. Ни о муже писательницы, заливающем в каком-то баре своё горе джином и виски. Полтора года Барбара жила в мучительной депрессии и однажды не выдержала: в одиннадцать вечера позвонила в квартиру О'Конноров, где любовники тешились друг другом, и взмолилась о разрешении придти — просто поговорить,

отвести душу. "Да как ты смеешь! — вскричала сивилла. — Ты думаешь только о себе! Я для тебя что? Невидима, не существую? Я ни у кого не прошу помощи! Тебе подавай только то, что ты, ты хочешь! И думать не смей являться сюда!".

ТЕНОР: Многие замечали, что главной защитной реакцией на боль у Айн Рэнд оказывался гнев. Но мало было прогневаться на виноватого. Нужно было ещё доказать, что он своим поступком или словами нарушил законы разума и морали. Барбаре объясняли, что она просто впала в грех эмоционализма и теперь расплачивается за него. Если Натан неосторожно выражал тревогу по поводу состояния жены, реакцией опять был гнев: "Как ты смеешь беспокоиться о Барбаре, когда ты со мной?!"

БАС: Не явилось ли заслуженным наказанием то, что и сама Айн Рэнд впала в тяжелейшую депрессию после завершения и опубликования своего гигантского труда? Столько лет она неслась, как мощный паровоз, к заветной цели и вдруг оказалась как бы на запасных путях. Ни шестизначные цифры продаж романа, ни восторженные письма читателей, ни гонорары не могли вырвать её из болота тоски. Натану она говорила, что он — единственная нить, ещё связывающая её с жизнью.

ТЕНОР: Не могло это быть связано с какими-то политическими событиями тех лет?

БАС: Конечно, в 1959 году на Кубе воцарился Кастро. Рука ненавистной Москвы придвинулась вдруг вплотную. Но никто из мемуаристов не упоминает связи этого события с состоянием Айн Рэнд. В романе "Атлант расправил плечи" её фантазия создала страшную картину наступления социализма в Америке. Можно сказать, что роман стоит в ряду таких антиутопий, как "Мы" Замятина, "О, дивный новый мир" Хаксли, "1984" Орвелла, "451º по Фаренгейту" Брэдбери. Но вообще-то её политические взгляды не отличались богатством оттенков, не шли дальше противостояния коммунизму. Исходя из этого, она поддерживала сенатора Маккарти, осуждала Эйзенхауэра за его покладистость в переговорах с маршалом Жуковым, а Джона Кеннеди вообще объявляла новым Гитлером. Однако в маленьком королевстве сторонников, выстроенным ею вокруг себя, никто не смел спорить с ней. Любое инакомыслие изгонялось так же свирепо, как в России под Сталиным. "Со мной нельзя быть нейтральным, — объясняла она. — Если ты не за меня, значит — против".

ТЕНОР: И вот как раз, когда тоска отступила, когда способность радоваться жизни начала возвращаться, крепостная стена, отделявшая её королевство от остального мира, дала первую — незаметную для неё — трещину. И где?! Казалось бы в самом надёжном, самом укреплённом месте: в сердце

ближайшего друга, возлюбленного, духовного наследника трудов всей её жизни.

БАС: Да, то, что случилось с Натаном, не укладывалось в их рациональные схемы, было непостижимым для него самого. Скромная, ничем не примечательная девушка среди слушателей в его аудитории. Светлоголубые глаза, скромный наряд. Ей двадцать лет, ему — тридцать. После лекции они обмениваются несколькими фразами, расходятся. И всё. Дальше начинаются дни, заполненные с утра одним главным вопросом: увидит он сегодня в аудитории это лицо или нет?

ТЕНОР: Всё же несправедливо говорить, что Патриция Галлисон была "непримечательна". С первых же её фраз Натан мог почувствовать — угадать — главное её свойство: необычайно радостное приятие жизни. Включая и приятие его самого. В какой-то момент она созналась, что с первой же встречи он заполнил ту нишу любви-надежды, которую она тайно лелеяла в душе с детства. "Незримый ты уж был мне мил", как поётся в опере "Евгений Онегин". Но она и мечтать не могла, что он обратит на неё внимание. Старше неё на десять лет, женатый, ближайший соратник прославленной Айн Рэнд. Патриции он казался настолько недоступным, что она вскоре приняла предложение одного из своих поклонников и вышла замуж.

БАС: На их свадьбе Натан едва владел собой. Стоя в очереди гостей, поздравлявших жениха и невесту, он мог думать только о том, что вот-вот ему предстоит прикоснуться губами к её щеке. Всё оставшееся время двигался и говорил, как манекен, слышал только дрожь в пальцах, несколько секунд лежавших в её ладони.

ТЕНОР: Они начали тайно встречаться. Но долго не позволяли себе кинуться в объятия друг друга. Она рассказывала ему о своём детстве, окрашенном чертами безумия родителей. Объясняла, что лекции по теории объективизма возвращали её в мир рациональных — то есть нормальных — людей. Созналась, что ей никогда не бывает скучно, потому что в душе её постоянно звучит таинственная музыка. Иногда она танцует одна в комнате. Часто танцует не просто так, а *для него* — воображает, будто он смотрит на неё. И это очень помогает в трудные минуты. После таких признаний долго ли могли они сохранить свои отношения в рамках строгой морали?

БАС: В жизни Натана до сих пор были только две женщины: Барбара и Айн Рэнд. Обе они одаривали его своей любовью лишь до тех пор, пока он блистал на том пьедестале, куда они его вознесли. Малейший сбой, срыв — и начинался долгий психологический анализ допущенной промашки. Патриция же полюбила его без всяких условий и оговорок, таким, каким он

был. Воображаю, какое счастье и облегчение это приносило ему.

ТЕНОР: Но, с другой стороны, душа его разрывалась. Объятия Патриции принесли ему такое наслаждение, что он уже не мог отказаться от них. Сознаться Барбаре и Айн? Это вызовет такой взрыв горя и ярости, который он был не в силах встретить лицом к лицу. Оставался путь, выбираемый многими: тайный роман. Но он так привык гордиться своей честностью, так восхвалял моральные принципы в лекциях и статьях, что теперь чувствовал себя негодяем и лицемером, предателем всего, что было ему дорого до сих пор.

БАС: Айн Рэнд, конечно, заметила перемену в своём возлюбленном. Она настойчиво расспрашивала его о причинах, он ссылался на усталость, на депрессию, даже на частичную импотенцию. Всю жизнь Айн Рэнд претендовала на роль совершенства во всех планах — литературном, философском, эмоциональном. Если он был неспособен оценить это совершенство, если его обожание ослабевало на глазах, вина могла быть только в нём, и он обязан был начать работать над собой. Морально-логический кнут взвивался и падал, взвивался и падал, но впервые не мог произвести желаемый эффект.

ТЕНОР: Внутренние связи, державшие вместе этот спаянный кружок, начинают рваться, как рвутся волокна каната под непосильным грузом. Патриция развелась с мужем. Барбара тоже влюбилась и попросила у Натана согласия — разрешения — на роман. Он, скрепя сердце, согласился, но вскоре не выдержал — сознался ей в своей связи с Патрицией. Барбара пришла в ужас. Новость обернулась для неё двойным ударом: во-первых, она всё ещё любила мужа и надеялась воскресить их брак; во-вторых, теперь она попадала в положение лгуньи в её отношениях с Айн Рэнд, которая любила её и постоянно искала у неё совета и помощи и от которой она должна была теперь скрывать правду о её возлюбленном.

БАС: Сколько времени продолжался этот кошмар? Неужели четыре года? И все участники при этом встречались друг с другом, разговаривали, делали вид, будто коляска нормально катится по дороге жизни, разве что мелкие камешки отлетают из-под колёс. Когда Институт Натана Брандена устраивал бал, он танцевал со всеми тремя и научился выглядеть довольным и спокойным. Когда Патриция приняла участие в театральной постановке в Филадельфии, все остальные поехали смотреть спектакль, и Айн восхваляла талант и внешность юной актрисы, обняла её за кулисами.

ТЕНОР: Но шторм назревал. Айн обвиняла Натана в холодности, в том, что он всё время куда-то ускользал,

растворялся, делался невидим. "Ты здесь, и, в то же время, тебя как будто нет. Сегодня ты ведёшь себя как влюблёный, назавтра отступаешь в полумрак и захлопываешь дверь." Однако всё подносилось так, будто утрата любви к ней, великой Айн Рэнд, могла быть только симптомом умопомешательства и разрывом с философией объективизма. "Остаться друзьями?! — восклицала она. — Думаешь ли ты, что я могла бы посвятить тебе "Атлант расправил плечи", если бы ты был только другом? Объявила бы тебя своим наследником и воплощением открытых мною философских истин?" Под её напором Натан согласился пройти курс лечения у психоаналитика, но никаких результатов эти сеансы не принесли.

БАС: К лету 1968 года Натан понял, что силы его на исходе. Что так больше тянуться не может. Он написал большое письмо и вручил его Айн, прося прочесть тут же, при нём. Она отшатнулась и спросила: "Это про то, что ты разлюбил меня?" Потом, едва прочитав первую страницу, обрушила на него словесный ураган: "Негодяй! Ничтожество! Фальшивка! Законченная свинья! Я не хочу быть с тобой в одной комнате!.. Всё было ложью! Твои восторги по поводу моего романа! Твоя преданность объективизму — ложь! Ты всё украл у меня! Создал ли ты хоть одну собственную идею? Ничтожество, вор!.."

ТЕНОР: Но этот первый ураган был лишь предвестием того, что ждало Натана впереди. Почти два месяца тянулись попытки собрать обломки разбитого корабля, выстроить из них хоть маленькую шлюпку. Айн порывалась тут же низвергнуть своего наследника с пьедестала, на который она возвела его. Но тогда тысячи поклонников их обоих испустили бы вопль "за что?". Не могла же она ответить: "За то, что разлюбил". А ведь она ещё не знала *всей* правды. Лишь в конце августа Барбара, с согласия Натана, рассказала Айн о его любовной связи с Патрицией. Которая тянулась уже больше четырёх лет. "Скажи мерзавцу, чтобы он немедленно явился сюда", — приказала сивилла.

БАС: Она не пустила его в гостиную. Заставила сидеть в прихожей. Стояла над ним и осыпала проклятьями. "Какое же ты ничтожество! Ты посмел отвергнуть *меня*! Ради какой-то мелкотравчатой пустышки… Чтоб ты провалился в такой же ад, в какой ты погрузил меня! Меня — которую ты объявлял главным сокровищем своей жизни, женщиной своей мечты!.. Ты нанёс мне рану, которую не мог бы нанести никто из врагов!.. Да если бы ты, действительно, был тем человеком, за какого ты себя выдавал, ты продолжал бы обожать меня, когда мне стукнет восемьдесят и я буду разъезжать в инвалидном кресле. Но ты никогда не был таким! Всё было притворством от начала до конца!.. Если бы у

тебя оставалась хоть капля морального чувства, ты от стыда должен был сделаться импотентом на двадцать лет! А если этого не случится, значит твоя моральная деградация достигла зенита!"

ТЕНОР: Свои проклятья Айн Рэнд перемешивала с угрозами. "Твой спектакль закончен! Я создала тебя, я же тебя и уничтожу! У тебя не будет ни денег, ни карьеры, ни престижа! Я ославлю тебя перед всем миром! Остановлю публикацию твоих книг, добьюсь, чтобы тебя лишили диплома психолога! Сниму посвящение тебе с первой страницы моего бестселлера!.. Без меня ты был ничем и станешь ничем, когда я покончу с тобой!".

БАС: Натан сидел молча, покорно принимал бичевание словами. Чувство вины за страдания, причинённые им самым дорогим людям, будто парализовало его. Вдруг Айн Рэнд прервала поток брани и угроз, подошла к нему вплотную и спросила: "Ты рассказал Патриции про нас с тобой?". Натан с трудом выдавил из себя покаянное "да". В тот же момент рука сивиллы взлетела и дважды хлестнула обвиняемого по щеке. Он мог бы увернуться, но выбрал покорно принять удары. "А теперь убирайся", расслышал он сквозь звон в ушах. Поднялся и, с горящей щекой, навсегда ушёл от женщины, которой он отдал восемнадцать лет своей жизни — самых главных лет.

ТЕНОР: Весть о разрыве между Айн Рэнд и Натаном Бранденом произвела настоящий шок и смятение в королевстве объективизма. Их роман всё ещё оставался тайной для всех непосвящённых, поэтому друзьям, читателям, журналистам оставалось только ломать голову: в чём причина? Айн Рэнд опубликовала большую обличительную статью, в которой объявляла, что мистер Бранден совершил недостойный поступок несовместимый с моральными принципами её философии. Натан признал свою вину, не раскрывая истинных причин. В жизни многих людей участие в движении, руководимом Айн Рэнд, играло важную роль, и крах этого движения обернулся сильным потрясением. Их гнев обрушился на Бранденов, обвинения и проклятья сыпались со всех сторон.

БАС: Нашёлся даже один бывший слушатель, который поднял вопрос, будет ли в категориях объективизма морально оправдано убийство Натана Брандена? Волна смятения катилась по королевству, разрывала дружбы и семьи. Новый духовный наследник Айн Рэнд, назначенный ею на место Натана, был кузеном Барбары, но он порвал отношения с ней до конца жизни. Натану и Патриции пришлось уехать от этой бури в Лос-Анджелес, где они поженились в следующем году.

ТЕНОР: Помните античную легенду о Персее, освободившем прикованную к скале Андромеду? Мне кажется, в нашей истории

роль Персея исполнила Патриция: освободила Натана из восемнадцатилетнего плена.

БАС: За такое сравнение поклонники Айн Рэнд могут вас самого приковать к скале. Ведь вы отводите их кумиру роль дракона, собиравшегося пообедать невинной пленницей.

ТЕНОР: Создаётся впечатление, что кипевшие драмы совершенно заслоняли от участников жизнь остальной страны и мира. В том самом 1968 году, когда произошёл разрыв, в Америке бушевали протесты против войны во Вьетнаме, многотысячные толпы демонстрировали в поддержку прав негров, одно за другим случились два сенсационных убийства. Но даже имён Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди нет в воспоминаниях Барбары и Натана Бранденов.

БАС: Однако в следующем году одно событие привлекло внимание Айн Рэнд и привело её в полный восторг. Я имею в виду высадку американцев на Луне. Нил Армстронг и космический корабль "Аполлон-11" символизировали для неё то, чему она поклонялась всю жизнь: бескрайние возможности человеческого гения и упорства. Она была радостно возбуждена и с ликованием говорила друзьям: "Вот, на что способен человек, если он устремляется к своей цели не взирая ни на какие препятствия".

ТЕНОР: Другое радостное событие случилось — или почти случилось — в 1972-ом. Знаменитый голливудский продюсер Ал Рудди, создатель "Крёстного отца", предложил ей экранизировать "Атлант расправил плечи". Пятнадцать лет Айн Рэнд отказывалась продать права Голливуду, боясь, что студия исказит дорогие ей философские идеи, как это случилось при экранизации "Источника". Но Рудди сумел завоевать её доверие. Волнующая новость уже обсуждалась на пресс-конференциях, просочилась в газеты. Однако в последний момент Айн потребовала, чтобы в контракт был включён пункт, дающий ей право вето не только на стадии сценария, но и после завершения съёмок. Как её герой Рурк взорвал здание, сделанное не полностью по его проекту, так и она хотела иметь возможность сжечь ленту, стоившую десятки миллионов долларов, если что-то в ней покажется ей отступлением от её замысла. Конечно, ни один продюсер на мог согласиться на такое условие, и договор не был подписан.

БАС: Только после смерти Айн Рэнд в 1980 году Барбара Бранден решилась опубликовать свои мемуары "Страсти Айн Рэнд", в которых рассказала правду о клубке противоречивых чувств, связавших пятерых участников драмы. Натан Бранден ждал ещё дольше и отдал в печать свой рассказ только в 1999. Там, среди прочего, он привёл с горькой иронией главные

заповеди культа Айн Рэнд, в создании которого он сам сыграл такую видную роль:

— Айн Рэнд — величайшая из людей, когда-либо живших на свете.

— "Атлант расправил плечи" — величайшее достижение человеческой цивилизации.

— Будучи величайшим философским гением, Айн Рэнд является главным арбитром в вопросах морали, разума и достойного поведения.

— Всякий, кто не ценит то, что ценит Айн Рэнд, и не осуждает то, что осуждает она, не может считаться настоящим объективистом.

ТЕНОР: Но, несмотря на публикацию этих правдивых и убедительных мемуаров, новые поколения поклонников Айн Рэнд продолжают считать Бранденов гнусными предателями, общение с которыми несовместимо с высокими требованиями объективизма.

БАС: В нашу задачу не входит обсуждать природу возникновения культов. Можно лишь отметить обязательную общую черту: и Рон Хаббард, создавший сайентологию, и Дэвид Кореш в Вэйко-Техас, и Джим Джонс в Гайане, и многие другие обещали своим последователям полное преображение их душевного состояния, освобождение и очищение жизни от всего низменного и грязного. То же самое обещала своим адептам и философия объективизма. Наше счастье, что в душе Натана Брандена не было страстей властолюбца, которые толкнули бы его превратить тысячи поклонников Айн Рэнд в крепко спаянную колонну фанатиков.

ТЕНОР: Да, это так. Но есть в ней одна черта, заслуживающая восхищения: доблесть. Маленькая женщина, лишившаяся семьи, оторванная от родной культуры, обделённая женским обаянием, чувством юмора, художественным вкусом, умением сливаться с природой, она отчаянно схватила единственное оружие, которое ей даровала судьба, — логический разум — и пошла с ним в атаку на весь мир. Для тысяч людей творчество и проповедь Айн Рэнд были и остаются канатом, который тянул и продолжает тянуть их души вверх. Должны ли мы радоваться, если тяга этого каната ослабеет или он вдруг лопнет под непосильным грузом?

Джон Чивер (1912–1982)

БАС: Если бы Голливуд заказал мне сценарий биографического фильма о Джоне Чивере, я бы начал с такой сцены: Бостон, 1974 год; раннее утро в неприбранной квартире; на столе, на полу, под кроватью — пустые бутылки, грязная одежда, апельсиновая кожура. Аспирант Бостонского университета, Лоренц Шварц, открывает дверь своим ключом, подходит к голому человеку, лежащему в кровати, будит его, помогает одеться. Они вместе выходят из дома, направляются к близлежащему дайнеру. Усевшись за стол, обитатель квартиры пытается закурить, но пальцы не слушаются, спички ломаются одна за другой. Официантка, не дожидаясь заказа, приносит ему стакан водки со льдом. Он начинает по-птичьи, поднеся губы к краю стакана, стоящего на столе, отхлёбывать. После нескольких глотков пальцы его перестают дрожать, и ему удаётся взять стакан рукой. Следующий кадр: знаменитый писатель Джон Чивер, в сопровождении Шварца, неуверенными шагами входит в университетскую аудиторию и начинает занятия со студентами.

ТЕНОР: Нет, я бы для начала выбрал другой эпизод — случившийся на восемь лет раньше. Джон Чивер беседует с психиатром и объясняет ему, что пришёл поговорить о нервном расстройстве своей жены. Она постоянно подавлена, огорчается и тревожится по пустякам, проявляет необъяснимую враждебность к своему замечательному супругу. Эта враждебность уже довела его до пьянства и импотенции. Необходимо что-то предпринять. Да, она согласилась подвергнуться обследованию, ждёт в приёмной. Входит Мэри Чивер, усаживается рядом с мужем, психиатр начинает расспросы. Наплыв. После часовой беседы психиатр остаётся с Чивером наедине и объясняет ему, что с женой всё в порядке, она не нуждается в помощи врачей. А вот ему срочно нужно заняться своим душевным здоровьем. Тревожные симптомы указывают на следующие расстройства: нарциссизм, маниакальная депрессия, эгоцентризм, бегство в мир иллюзий и безудержное фантазирование, позволившее ему выстроить эту защитную версию о психическом заболевании жены.

БАС: Когда я думаю о творчестве Чивера, мне на ум приходит такая метафора. Представим себе купца из сказки, приплывшего на корабле в неведомую страну. Его неистощимая фантазия способна наполнить трюмы корабля самыми разнообразными товарами. Проблема в том, что он не может уловить, какой товар будет пользоваться успехом на незнакомом рынке, а какой

останется нераспроданным. Каждое утро он является в свою лавку с новой порцией товара и с недоумением и досадой смотрит на покупателей, равнодушно проходящих мимо изделий, столь похожих на те, которые ещё вчера шли нарасхват. Писатель Чивер часто приходил в растерянность от похвал, расточаемых каким-то его произведениям, и возмущался, когда редакторы и критика отвергали то, что казалось ему явной удачей.

ТЕНОР: При этом с фантазией своей он обращался очень осторожно. Так дрессировщик обращается с тигром, львом, слоном, когда не уверен в полной послушности своих зверей. Предпочитал срисовывать своих персонажей с живых людей, которых он хорошо знал. На страницах его рассказов и романов без конца всплывают образы и отдельные черты отца, матери, старшего брата, жены, её родственников, собственных детей. Фрейдистам в его биографии всегда будет раздолье. Ну чем, чем ему могла так досадить в детстве его мать, что он поносил её потом с таким же упорством, с каким его кумир Хемингуэй поносил свою?

БАС: Начать с того, что она не скрывала от него обстоятельств, сопутствовавших его рождению. У супругов Чивер уже был один сын, Фред, взаимная любовь их увяла, и они не имели намерения заводить новых детей. Однако во время большого банкета ассоциации бостонских торговцев оба выпили по нескольку "манхеттенов" и ночью забыли об осторожности. Джон был на семь лет младше брата и всегда болезненно ощущал себя обделённым родительским вниманием. Другой постоянный пункт обвинений: когда отец разорился и семья начала погружаться в нищету, мать "унизилась" до того, что открыла лавку сувениров. Маленький Джон не мог без презрения смотреть на отца, шатавшегося по дому без дела, но ещё сильнее презирал мать за её деловую хватку, практичность, умение ладить с поставщиками и покупателями.

ТЕНОР: Хотя вообще-то абстрактные ценности культуры ценились в семье Чиверов очень высоко. Мать зачитывалась романами и религиозными книгами, посещала театр, отец музицировал, тётка рисовала картины, а сын её стал пианистом. Чтение книг было главной страстью Джона Чивера с детства, он проводил часы, погружаясь в Диккенса, Шекспира, Фолкнера, Чехова, Филдинга, Флобера. Также любил театр, музыку. В школе, правда, успехами не блистал, перебивался тройками и двойками даже на уроках английского. "Чего может добиться в жизни человек, не могущий освоить основы арифметики?", — говорила его мать. Зато талант рассказчика открылся в нём очень рано. Учительница литературы была поражена, когда

двенадцатилетний Джон сочинил у неё на глазах и рассказал перед классом историю в духе рассказов Киплинга.

БАС: Жалкое положение отца в семье вызывало сочувствие Джона и усиливало раздражение против матери. Та, в добавление к лавке сувениров, открыла ещё небольшой ресторан и работала в нём допоздна. Только когда уходил последний посетитель, она давала поесть мужу. "Боже, чем я заслужил такое отношение?!", — восклицал тот. Но при этом ни за что не согласился бы на работу, которую считал ниже своего достоинства. "Все хозяйственные заботы — женское дело, — учил он сына. — Помни, что ты из рода Чиверов, что твои предки приплыли сюда в 17-ом веке." Понятия гордой нищеты были крепко усвоены Джоном на всю жизнь, и он предпочитал скорее голодать, чем унизиться до подёнщины.

ТЕНОР: Наиболее распространённым путём к самоутверждению для американского подростка был спорт. Однако и здесь Джону не повезло. Он был маленького роста. Перенесённый в раннем детстве туберкулёз оставил шрамы в его лёгких, так что путь в бейсбольную, футбольную или хоккейную команду был для него закрыт. Он выучился кататься на коньках, плавать, ездить на велосипеде и всю жизнь старался находить время для спортивных упражнений. Вообще придавал огромное значение своему внешнему облику: держался прямо, не толстел, пускался в долгие пешие прогулки, купался в холодной воде. Но это не могло принести ему того, о чём он мечтал, — признание и славу.

БАС: Признание и слава могли придти только из мира литературы. Он оставил школу и написал рассказ "Исключённый", который был вскоре напечатан в известном журнале "Нью Рипаблик". Опубликовать первое произведение в восемнадцать лет — немногие литераторы имели такую удачу в начале пути. Но пройдёт ещё много лет, прежде чем на свет появится самостоятельный и оригинальный писатель Джон Чивер. А пока он подрабатывал развозкой газет и проводил вечера со старшим братом, который взял его под своё покровительство. Иногда они застревали в городе заполночь, и их отец, недовольный этим, запирал двери дома. Однажды Фред попытался пролезть внутрь через боковое окно и наткнулся в гостиной на отца, поджидавшего его с пистолетом в руке. Впоследствии Джон утверждал, что он проснулся в своей спальне от выстрела и, спустившись вниз, увидел пулевое отверстие в стене. "Зря ты это сделал, дэд", — сказал побледневший Фред.

ТЕНОР: В начале 1930-х Фред Чивер неожиданно увлёкся идеями национал-социализма и уговорил брата совершить

совместную поездку в Германию. Джон остался равнодушен к парадам под свастикой и расистской пропаганде, оценил только немецкое пиво. Фред же был в восторге от идей фюрера, от культа дисциплины и от великолепного качества всего, что имело на себе марку "сделано в Германии". По возвращении Джон пытался заинтересовать редактора в "Нью Рипаблик" своими путевыми впечатлениями, но тот остался равнодушным. На другом конце политического спектра у Чивера возникли контакты с представителями коммунистической прессы, которые объясняли молодому литератору, что он не напишет ничего путного, пока не отдаст своё перо на службу борющемуся пролетариату.

БАС: Где-то в это же время у Джона возобновились отношения с одноклассницей Айрис Глэдвин, которой он увлёкся ещё в школьные годы. Они случайно встретились на занятиях в скульптурной мастерской, открывшейся в Бостонском музее искусств. Их общение неизбежно привело к тому, что девушка познакомилась и с Фредом тоже, и тот загорелся ещё сильнее, чем его брат. У него к тому времени уже была приличная работа, и выглядел он солиднее и надёжнее. Практичная девушка выбрала Фреда, и вскоре они поженились. Неизвестно, как Джон пережил этот удар. Но писатель Чивер будет мстительно воскрешать брата и его жену в своих произведениях и дневниках много-много раз.

ТЕНОР: Однако центральная фигура рассказа "Прощай, брат мой" — того самого, которым Чивер откроет последний, самый большой свой сборник, опубликованный за три года до его смерти, — ничем не напоминает Фреда. Этот унылый адвокат, без конца меняющий службы, друзей, места проживания, способный видеть только плохое и тёмное, отравляющий семейные каникулы своим детям, братьям, матери, жене мрачными пророчествами о том, что их чудесный дом на краю утёса через пять лет смоет океан, что мать сопьётся, что невинная ежевечерняя игра в бэкгамон сведёт его родственников с ума, больше напоминает самого Чивера на пике его мизантропии. И когда рассказчик, доведённый до ярости чернотой, текущей из его брата, наносит ему на пляже удар палкой по голове, мне всегда казалось, что этот удар автор наносил себе — тому себе, который, сам того не желая, причинял столько горя и тоски самым близким для него людям.

БАС: Годы депрессии были унылой порой для Чивера. Рассказы не печатали, мелкие рецензии приносили гроши. Он мог бы умереть от голода в Нью-Йорке, если бы брат не подбрасывал ему по десять долларов в неделю. Другим спасительным поплавком оказался Яддо — Дом творчества для писателей,

композиторов и художников, находившийся вблизи города Саратога. Директриса этого приюта для бедных муз ценила Чивера и старалась продлить его визиты. Но он часто искушал её терпение: купался в бассейне голым, выпивал, заводил любовные связи, удирал в город на ипподром и спускал на скачках последние деньги.

ТЕНОР: Одна из его возлюбленных вспоминала потом, что в его отношении к женщинам чувствовалась двойственность: с одной стороны, он жаждал их страстно, с другой стороны, тяготился своей зависимостью от этого влечения. Другая подруга навещала его в Вашингтоне, и, как только входила в квартиру, он тянул её на диван, и через пять минут всё бывало кончено. После этого осчастливленный Чивер отпускал девушку искать в городе других развлечений. Сам же впоследствии писал в дневнике: "Я хотел жениться почти на каждой девушке, с которой я переспал. Я хотел жениться и иметь сыновей и дом, и я категорически отрицаю, что мною двигал только страх разоблачения, страх, что моя бисексуальность выплывет на свет".

БАС: В конце жизни Чивер написал роман "Фальконер", в котором гомосексуальная любовь была описана страстно и убедительно. Большой вопросительный знак неизбежно вырастал в голове каждого читателя. Корреспондентка журнала "Ньюсвик" (между прочим, собственная дочь Чивера — Сьюзан) спросила его напрямую: "Были в вашей жизни случаи гомосексуальных отношений?" После некоторой паузы он сказал: "Да, таких случаев было немало — в возрасте от девяти до одиннадцати лет". Действительно, он любил шокировать знакомых рассказами о том, как они с одноклассником упоённо мастурбировали друг друга. Но после посмертного опубликования его дневников выяснилось, что эпизоды любовных отношений с мужчинами имели место на протяжении всей его жизни.

ТЕНОР: Встреча Чивера с будущей женой произошла в лифте. Мэри Винтериц работала секретаршей в заочной школе для начинающих литераторов, которая располагалась на том же этаже, что и контора литературного агента Чивера. Её сердце было отзывчиво на чужие несчастья, а молодой человек, оказавшийся перед ней, явно заслуживал сострадания: исхудавший, нервный и такой низкорослый, что рукава его пиджака закрывали кисти рук. Они начали встречаться, и вскоре обнаружили много общего: оба считали себя нежеланными детьми, оба знали что такое бедность и одиночество, оба были страстными книгочеями с детства. Мэри снимала маленькую комнатёнку, и, как она рассказывала впоследствии, Чивер просто незаметно вселился туда. Доступа к кухне у них не было, и Мэри

жарила бараньи рёбрышки на электрической плитке и варила горошек в кофейнике.

БАС: Они поженились в марте 1941 года. Саркастичный Чивер писал в дневнике, что настроению невесты подошла бы слегка видоизменённая подвенечная клятва: "Я *снисхожу* до того, чтобы принять тебя в качестве законного мужа". В декабре Америка вступила во Вторую мировую войну, и вскоре начинающий писатель Джон Чивер был превращён в начинающего солдата. Недостаток образования и низкий коэфициент интеллекта не позволили ему подняться по лестнице чинов. Долгое время он оставался рядовым, и его жалование в военном лагере было мизерным. Зато ему повезло быть переведённым в войска связи. Здесь его сослуживцами оказались такие литераторы, как Ирвин Шоу и Вильям Сароян. А 22-ой пехотный полк, в котором Чивер служил до перевода, в 1944 году понёс тяжёлые потери при высадке в Нормандии и в последовавших боях на полях Европы.

ТЕНОР: Перевод в войска связи не был случайным. В 1943 году издательство "Рэндом Хауз" выпустило первый сборник рассказов Джона Чивера "Как живут некоторые люди". Друзья уговорили влиятельного офицера в Вашингтоне прочесть его. Книга произвела такое сильное впечатление на майора Шпигельгласса, что он нажал на нужные пружины, и соответствующий приказ был отправлен в штаб 22-го полка. В том же году Мэри родила дочь Сьюзен, и счастливый отец чувствовал себя на седьмом небе. Только весной 1945 года ветры войны унесли его на Тихоокеанский фронт военных действий. Он видел истощённых жителей Манилы, бродящих среди разрушенных домов, неубранные трупы, бумажные японские деньги, плавающие в лужах, однако в настоящих боях участвовать ему не довелось.

БАС: Примечательно, что Чивер оказался почти единственным писателем своего поколения, в творчестве которого военные впечатления не оставили никакого следа. Хемингуэй, Мэйлер, Воннегут, Сароян, Шоу, Сэлинджер и многие другие пытались художественными средствами проникнуть в грозную тайну феномена войны. Чивер явно избегал этой темы так же, как он всю жизнь избегал соприкосновения со страстями политики. Только частный человек интересовал его и только во взаимоотношениях с другими частными людьми. Общественная сторона индивидуума для него не существовала. В дневнике он однажды записал: "У меня нет памяти на боль". Похоже, у него также не было памяти на военные и политические баталии, потрясавшие его современников.

ТЕНОР: Возможно, именно эта особенность сделала его в послевоенные годы любимым автором "Ньюйоркера". Именно пристальное вглядывание в повседневную жизнь было характерным для рассказов, печатавшихся в этом журнале. Но Чивер умел разбавить реалистическую канву неожиданным вторжением фантастического элемента. В рассказе "Исполинское радио" (1947) герой покупает жене новый приёмник. Она пытается слушать музыку, но в звуки Моцартовского квинтета вдруг начинают вторгаться телефонные звонки, шум пылесоса в соседней квартире, постукивания поднимающегося лифта. Дальше — больше и хуже: из репродуктора доносятся голоса других обитателей дома, семейные ссоры, плач детей, любовные стоны, крики женщины, избиваемой сожителем.

БАС: Вернувшийся с работы супруг застаёт жену в слезах. "Зачем ты слушаешь, если это приводит тебя в такое расстройство? — восклицает он. — Я выложил четыреста долларов за этот приёмник, чтобы ты могла получать удовольствие от музыки, а ты…" Но жена безутешна. Она обнимает мужа и взывает к нему: "Какая ужасная жизнь приоткрылась мне! Правда ведь, мы с тобой не такие?! И никогда не были такими. Мы всегда были добры друг к другу, и у нас двое замечательных детей, и в нашей жизни нет ничего тайного и грязного, и мы не проводим дни в ссорах из-за денег, и мы счастливы, правда ведь — мы счастливы?"

ТЕНОР: И тут муж срывается. Все накопившиеся в нём тревоги и обиды вдруг изливаются на жену. Почему она до сих пор не заплатила за платье, а ему сказала, что заплатила? И когда она научится бережнее обращаться с деньгами? Его положение на службе ненадёжно, фирма вообще может закрыться. "Ты ужасаешься тому, что соседи в квартире 11-С планируют присвоить бриллиант, потерянный их гостьей, а сама не отдала родной сестре ни цента из наследства, причитавшегося вам обеим. И хладнокровно пошла на аборт, убила нашего ребёнка!"

БАС: Чивера не зря сравнивали с Чеховым. Такое же пристальное вглядывание в людские слабости, душевную мелкость окружающих, в убожество жизни, часто спрятанное за приукрашенным фасадом. "Ведь мы не такие!" восклицает жена, но рассказ — устами мужа — безжалостно отвечает: "Такие — и даже хуже". Не исключено, что многих читателей привлекал именно этот грустный взгляд писателя на мир.

ТЕНОР: И всё же Чивер никогда не принимал позу сатирика-моралиста, выносящего обществу безжалостный приговор. Во всём его творчестве лейтмотивом проходит порыв человеческой души — столь свойственный и ему самому: *стать лучше.* В

начале 1950-х в его дневнике появилась такая запись: "Я приближаюсь к моему сорокалетию, не свершив ничего из того, что я был намерен свершить. Не достиг даже творческого совершенства, над которым я бился всё это время. Убогое положение, занимаемое мною, — не результат злой судьбы, а моя вина. Где-то в середине пути мне не хватило сметки и мужества овладеть тем, что было мне дано… Мелкость, посредственность моих трудов, безалаберность моих дней — из-за всего этого мне так трудно вставать по утрам… Каждое утро я говорю себе: ты должен ковать крепче, работать напряжённее, оставить что-то, чем твои дети могли бы гордиться… Потом провожу пять-шесть часов за пишущей машинкой, в сломанном кресле, всё подвергая сомнению, начиная с себя, глядя, как рушатся стены моей души".

БАС: Легко себе представить, как человек столь безжалостный к себе мог обращаться со своими близкими. Жене приходилось терпеть постоянные сарказмы в свой адрес за плохо приготовленную еду, за жалкую учительскую зарплату, за участие в организации "Женщины-избирательницы", за "неправильное" воспитание детей. Дочь Сьюзен росла упрямой, замкнутой, толстела на глазах и была трагически далека от той белокурой стройной красавицы, какой мечтал её видеть отец. Его любовь к ней выражалась бесконечными попрёками, запиранием еды, поучениями, шлепками. От сына он требовал, чтобы тот участвовал в спортивных играх, улучшал отметки и перестал говорить и смеяться "как женщина". Сьюзен начала настоящую охоту за спрятанными крекерами, пирожками, шоколадками, сыром, рылась в шкафах и холодильнике и в результате съедала вдвое больше того, чего ей недодавали за столом. "Это была война не на жизнь, а на смерть", — вспоминала она потом.

ТЕНОР: После двенадцати лет брака взаимное охлаждение супругов стало бросаться в глаза окружающим. Холодность жены рождала в душе чувство одиночества, одиночество нужно было глушить выпивкой, от выпивки учащались случаи импотенции, они, в свою очередь, усугубляли холодность жены. В какой-то момент они даже обсуждали возможность разойтись на время. Запись в дневнике: "Я — как заключённый, пытающийся сбежать из тюрьмы неверным путём. Возможно, дверь открыта, а я всё рою туннель чайной ложкой. И возможно, это только углубляет яму под моими ногами". И тут же — неожиданно — строчки полные нежности: "Мэри утром, спящая, выглядит, как та девушка, в которую я влюбился. Её круглые руки лежат поверх одеяла. Каштановые волосы рассыпаны. Непреходящее ощущение серьёзности и чистоты".

БАС: Дневник Чивера — это, конечно, произведение особого

рода. Я бы поставил его в один ряд с дневниками Кьеркегора, Толстого, Кафки. Освобождённый от тревоги "заплатят мне за эти строчки или нет?" он даёт перу лететь по бумаге свободно, запечатлевая поток собственных чувств и порывов, со скоростью судебного стенографа. Сюда же вплетаются мимолётные впечатления, зарисовки уличных сценок, лиц прохожих и пассажиров в поезде, запах ветра с реки, стук каблучков по асфальту, женское плечо, покрытое загаром. Это у Хемингуэя он научился открывать колдовство, таящееся в нанизывании казалось бы случайных деталей, и наслаждаться им. Но именно дневник приоткрывает нам, как безнадёжно он был прикован к самому себе. "Что я сейчас чувствую? Как выгляжу в глазах других? Как отнесутся ко мне эти люди? Где мне достать денег, чтобы оплатить растущую стопку счетов?" Даже когда он вопрошает, какими вырастут дети или как вызвать улыбку жены, всё возвращается к нему, замыкается на нём самом: *мои* дети, *моя* жена.

ТЕНОР: Русский поэт Тютчев говорил, что цель его беспорядочного существования каждый день заключается в одном: избежать сколько-нибудь длительного общения с самим собой. Чивер же, наоборот, большую часть дня проводил наедине с собой. Даже когда он садился за пишущую машинку, ему было трудно отвлечься от себя и уделить достаточно внимания вымышленным персонажам. Именно поэтому из рассказа в рассказ у него кочуют те, кто оставил глубокий след в *его* душе: властная самоуверенная мать, брат, пытающийся поучать всех окружающих, печальная жена, обделённая чувством юмора, непослушная дочь, способная срезать отца убийственной остротой.

БАС: И ещё он очень боялся стареть. Герой рассказа "О, юность и красота!" пытается в сорок лет поражать друзей любимым трюком своей молодости: превращает домашнюю мебель в спортивные препятствия и устраивает забег, перепрыгивая по очереди через стул, кушетку, кресло, детскую кроватку, тумбочку. Силы и ловкость уже не те, он падает, ломает ногу, но не сдаётся. В конце рассказа жена, пытаясь дать сигнальный выстрел для очередного забега, случайно подстреливает мужа. (Не всплывает ли здесь опять тень Хемингуэя и несчастного мистера Маккомбера?) В других рассказах герои с тоской разглядывают в зеркале появляющиеся морщины, седые волосы, вылезший живот. Да и в жизни Чивер доходил до безрассудства, пытаясь доказать себе и другим, что птица юности не покинула его. Перенеся тяжёлый инфаркт, он уже через неделю выпивал прежнюю дозу коктейлей, катался на

велосипеде, купался в холодной воде и танцевал джигу на столе.

ТЕНОР: В течение двадцати лет Чивер пытался написать настоящий большой роман, и наконец его усилия увенчались успехом. Реакция критиков на выход "Хроники семейства Уопшотов" (1957) была смешаной. Один писал, что автору не удалось вырваться из традиций журнала "Ньюйоркер". Другой восхвалял роман как настоящую семейную сагу, разворачивающуюся в прибрежном городке к югу от Бостона, "блестяще сочетающую кипучую весёлость, печаль и нежность". Третий отмечал сюжетную разбросанность, выражал мнение, что роман похож на связку рассказов. Четвёртый объявлял автора — при всём его даре сатирика и стилиста — сентиментальным подростком.

БАС: В своё время я честно дочитал роман до конца, но далось мне это нелегко. Там время от времени всплывают картины, написанные пером настоящего художника. Но неспособность — или нежелание — автора создавать сквозной сюжет рождала во мне ощущение обмана. Так бывает и в повседневной жизни: твой собеседник сопровождает рассказываемую историю вставными анекдотами, приятными улыбками, многозначительными паузами, мечтательным закатыванием глаз, и ты не сразу понимаешь, что по сути *ему нечего рассказать.* Он просто упивается потоком своей гладко льющейся речи, он любит говорить и радуется тому, что законы вежливости не позволят тебе просто встать и удалиться. Впоследствии я прочитал в дневниках Чивера, что он и сам чувствовал эту главную слабость "Хроники". Не раз он пишет про старого Уопшота: "Он неважен, он незначителен, он никому неинтересен. Любовь нигде не всплывает на этих страницах, и проза выглядит манерной".

ТЕНОР: Сыновья старшего Уопшота, Мозес и Коверли, пополнили толпу подростков, захлестнувшую американскую литературу в 1950-е годы. Холден Колфилд Сэлинджера, Лолита Набокова, Коллин Фенвик Трумена Капоте, Нил Клугман Филипа Рота и множество других — это всё ровесники и бунтари против мира родителей. Растущее благополучие в стране расширяло горизонты возможного для юного поколения. У многих теперь была *своя* комната, *свои* карманные деньги, *свой* радиоприёмник, порой даже *своя* машина. Литература, музыкальный мир, телевиденье, кино вынуждены были подстраиваться к вкусам пятнадцатилетнего потребителя. Вспомнить только такие фильмы, как "Вестсайдская история", "Бунтарь без причины", "На восток от Эдема".

БАС: Автор великолепных рассказов Джон Чивер в его

попытках писать роман напоминает мне замечательного лодочного мастера, который бы поставил перед собой задачу пересечь океан. Лодочник не умеет строить большой корабль, но он тешит себя иллюзией, будто достигнет цели, связав между собой двадцать-тридцать отличных лодок. Именно таким сооружением представляется мне "Хроника семейства Уопшотов" — скоплением неоконченных рассказов о главе семейства, его жене, двух сыновьях, покинувших родной дом уже в первой части, эксцентричных тётках. Побочные персонажи появляются без всякой связи, исполняют свою короткую роль, иногда просто роняют две-три реплики и исчезают. Мы пытаемся проникнуться сочувственным интересом к главным героям, но и они, по авторскому произволу, пропадают на десятки страниц. Ветры большого повествования разрывают лодочную флотилию, выбрасывают на берег обломки.

ТЕНОР: Да, редакторы и критики не раз спрашивали автора, что стало, например, с девушкой Розали, покорившей сердце старшего сына Мозеса? Куда девалась незаконная дочь главы семейства, Леандра Уопшота? Но Чивер отмахивался от их претензий и отказывался что-то менять в романе. В своих импровизациях он следовал художественному инстинкту, а не логике драматического действия. Когда персонажи наскучивали ему, он оставлял их и выводил на сцену других. Ему казалось, что в этом он следует примеру обожаемых им британских классиков: Филдинга, Стерна, Теккерея.

БАС: Большое место в романе занимают куски из дневников Леандра Уопшота. Их обрывистый стиль, с коротко обрубленными предложениями, напоминает стиль дневников самого Чивера. Ведение дневника занимало огромное место в его жизни. Он всюду возил с собой пачку тяжёлых блокнотов и заносил в них самые интимные мысли и переживания. Инстинкт не обманывал его — художественная насыщенность этих текстов была захватывающей. Но дневники Леандра, внешне похожие по стилю, оказываются скучным перечнем житейских мелочей, занимавших неинтересного старого человека. В них не было и тени душевной боли, безжалостного суда над самим собой, сверкающих на страницах дневника автора романа об Уопшотах. В лучшем случае — сентенции, прославляющие дар жизни и красоту мироздания.

ТЕНОР: Человек слаб и грешен, говорит нам Чивер, но *желание лучшего* никогда не умирает в нём. Каким-то образом его персонажи находят выход из бездны отчаяния и одиночества. После смерти старого Уопшота сыновья обнаруживают записку с наставлениями им: "Никогда не занимайся любовью, не сняв

штанов… Пиво на виски — слишком много риска… Держись прямо. Восхищайся миром. Цени нежную любовь женщины. Полагайся на Господа". А недобрую богатую родственницу Джустину постигает кара: куратор из музея Метрополитен объявляет ей, что полотна Тициана и других итальянцев, которыми она так гордилась, являются подделкой. Но автору этого мало: он насылает на замок старухи пожар и сжигает его дотла.

БАС: Во время чтения романа я продолжал недоумевать, каким образом эта разваливающаяся конструкция могла завоевать успех у читателя, получить Общенациональную премию за лучшую книгу (1958), принести автору членство в престижном Институте искусства и литературы. И лишь в главе 34-ой я нашёл возможное объяснение. Сто лет спустя после войны за освобождение негров в Америке 20-го века началась скрытая гражданская война за освобождение от клейма позора адептов однополой любви. Среди образованных людей всё сильнее нарастало стремление защитить гомосексуалистов от гонений, помочь им обрести человеческое достоинство. В главе 34-ой с большим сочувствием описаны гомосексуальные порывы, пережитые Коверли Уопшотом, а потом — и его отцом. "В том, кто любит, нет места для глупости и злобы", — говорит Уопшот-старший. Мне кажется, роман Чивера вынесло к славе таким же ветром, каким в своё время была вознесена "Хижина дяди Тома".

ТЕНОР: Действительно, в начале 34-ой главы автор честно предупреждает, что в ней речь пойдёт о гомосексуализме и предлагает тем, кого это не интересует, пропустить её. Так прямо коснуться этой темы до Чивера посмел только Джеймс Болдуин в книге "Комната Джованни", но её действие разворачивается во Франции. Когда молодая жена оставила Коверли Уопшота, он чувствовал себя очень одиноким. И ухаживания молодого начальника, его приглашение отправиться вместе на десять дней в Англию взволновали его. "В его глазах мир должен был быть таким местом, в котором подобный порыв не подвергался бы осуждению". Но секунду спустя он представил себе, как, поддавшись порыву, он утратит любовь всех прелестных женщин, которых ему предстоит встретить в жизни, и отшатнулся от соблазнителя. Спору нет, невидимая гражданская война продолжается и в наши дни, и в ней по-прежнему можно погибнуть, как это убедительно показано в фильме "Горбатая гора".

БАС: Соблазны кинематографа не миновали Чивера. Он боялся Голливуда, он видел череду писателей, чей талант был размыт служением целлулоидному идолу. Но безденежье

донимало так сильно, что в конце 1960 года он принял предложение киностудии Фокс писать адаптацию романа Лоуренса "Пропавшая девушка". Оказавшись оторванным на шесть недель от семьи, он задыхался от одиночества в роскошном номере гостиницы в Беверли Хиллс и счастлив был встретить старого знакомого по Дому творчества в Яддо. В дневнике появилась запись: "Провёл ночь с К. К чему это может привести? Может быть, грех произошёл от стечения обстоятельств. Ведь это случалось всего три раза в моей взрослой жизни. Я знаю свою неуправляемую натуру и пытаюсь удерживать её рамками творчества. Искренне надеюсь, что это не повторится… Надеюсь, я не принесу боли тем, кого люблю".

ТЕНОР: Страх разоблачения преследовал Чивера всю жизнь. Но в конце 1950-х гомофобия в стране поднялась на новую ступень. В штате Массачузетс однополая любовь считалась "отвратительным и постыдным преступлением против природы" и каралась тюремными сроками. Коллега Чивера по Совету управляющих колонии Яддо, профессор Арвин, попал в тюрьму за то, что у него нашли порнографические открытки гомосексуального характера. Семнадцатилетняя Сьюзен спросила у отца, как это могло случиться и почему этих людей преследуют так жестоко. Он не нашёл, что ответить, и вышел из комнаты сердитый и подавленный.

БАС: После рождения третьего ребёнка арендованный домик в окрестностях Нью-Йорка стал тесен семейству Чиверов, и решено было переезжать. Городок Оссининг на левом берегу Гудзона привлёк их внимание своими живописными улочками, обвивавшими прибрежные холмы. Вопрос, как всегда, упёрся в деньги. С конца 1940-х Мэри получала каждый квартал небольшие суммы из наследства, оставленного ей умершей бабушкой, но гордый супруг отказывался принимать эти деньги для хозяйственных нужд. Теперь накопленные десять тысяч пошли на уплату аванса, и в начале 1961 года семья вселилась в двухэтажный дом, окружённый вязами, имевший посреди участка пруд с игрушечным домиком для уток, фруктовый сад, луг и живые изгороди из тиса. Мэри была счастлива, а Джон говорил, что выплаты банку заставят его в течение ближайших двадцати лет писать по рассказу в неделю, а вечера тратить на сочинение пьес и сценариев.

ТЕНОР: Несмотря на расширение жизненного пространства, миру не суждено было установиться в семье. Подросшая Сьюзен больше не обливалась слезами, слушая попрёки отца, а отбривала его репликами, отточенными в долгой семейной войне. "У тебя в разговорах всегда звучало только две струны, — говорила она. —

Одна — история наших предков, другая — твоё детское чувство удивления перед миром. Но теперь обе струны порвались." Или: "Ты говоришь не то, что думаешь, и думаешь не то, что говоришь". Когда в доме гостил её друг-студент, Чивер следил, чтобы они спали в разных комнатах, требовал, чтобы не обнимались на диване в гостиной.

БАС: Поток попрёков в адрес жены тоже не ослабевал. "Жить с интеллектуалкой, — писал Чивер, — это всё равно, что впустить в дом гремучую змею. Она не умеет сложить столбик простых чисел или постелить постель, но будет читать тебе лекции о внутреннем символизме произведений Камю, пока обед подгорает на плите".

ТЕНОР: Кипевшая ярость искала выхода. В рассказе "Океан" жена героя настолько рассеяна, что начинает поливать лужайку во время сильного дождя. Или случайно заправляет салат мужа не уксусом, а бензином. В другой раз, вместо соли и перца, сыпет в телячьи котлеты отраву против жуков. "А может, это уже не случайность, но преднамеренность?" — думает муж. В рассказе "Образованная американка" герой вынужден после рабочего дня сидеть с четырёхлетним ребёнком, убирать дом, чистить серебро, потому что жена погружена в благородные общественные кампании и в писание критической биографии Флобера. Однажды муж возвращается домой и обнаруживает ребёнка в жару, оставленного в спальне без присмотра. Оказывается, жена уехала в город на какой-то митинг, а нанятая присматривать девчонка ушла домой помогать матери. В конце безжалостный автор даёт ребёнку умереть.

БАС: По сути Чивер всю жизнь оставался моралистом, воображавшим, что он знает, какую роль положено играть каждому, и возмущавшимся, когда эта роль не выполнялась. Его дневник переполнен обвинениями себе за то, что он не достиг в семье и обществе статуса непререкаемого авторитета, не поднялся до уровня той роли, которую можно было бы считать достойной. Из этого постоянного мучения и родился, я думаю, один из лучших его рассказов — "Пловец".

ТЕНОР: По свидетельству Сьюзен, этот расказ был уцелевшим обрывком сожжённого романа. Солнечное летнее утро наполняет сердце героя, Неда Меррила, беспричинной радостью жизни, и в голове его рождается славная затея: оставить жену на попечении друзей, с которыми они накануне вечером слегка перебрали, и отправиться в свой дом ВПЛАВЬ! Да-да — плыть, переходя из бассейна в бассейн на участках многочисленных богатых знакомых, населявших их округу.

БАС: Когда я читал этот рассказ в первый раз, мне по-детски хотелось, чтобы затея удалась. Чтобы в каждом доме друзья

радовались появлению Неда, как это случилось в домах Грэхемов и Банкеров, угощали выпивкой, просили задержаться. Но когда он в середине пути наталкивается на дерево, окружённое опавшей жёлтой листвой (что случилось с летом?), на чью-то запертую калитку, на бассейн без воды, я понял, что путешествие в пространстве превращается в путешествие во времени. Стоя у дома Велчеров и глядя на объявление "продаётся", Нед пытается вспомнить, когда эти друзья решили расстаться со своим чудесным домом? И когда он с женой в последний раз отказались принять их приглашение на обед? Неделю назад? Месяц? Год?

ТЕНОР: Именно в этой сцене в голове героя всплывает вопрос, который Чивер должен был много раз задавать себе: "Неужели моя память слабеет? Или я так упорно дрессировал её не помнить ничего неприятного, что разрушил её способность отличать фантазии от правды?" В очередном доме хозяева пытаются выразить ему сочувствие по поводу обрушившихся на него бед — он заявляет, что не понимает, о чём они говорят, что никогда он свой дом не продавал и что с детьми не случилось ничего плохого. Они ждут его дома и встретят, когда он завершит свой оригинальный заплыв.

БАС: Солнце сменилось холодным ветром с дождём, мускулы пловца ослабели, он уже с трудом — пользуясь лесенкой, такой позор! — вылезает из очередного бассейна. В какой-то момент ему нужно пересечь двухполосное шоссе, и он вынужден долго стоять на обочине в своих мокрых трусах, а из пролетающих машин его осыпают насмешками, кто-то запускает пустой банкой из-под пива. Потом он оказывается в общественном парке и плывет в бассейне для отдыхающих, натыкаясь на других купальщиков, держа голову над сильно хлорированной водой, подчиняясь грубым командам спасателей на вышках. И, наконец, финал: в холодных сумерках Нед подходит к своему дому и видит, что оборванный ветром жёлоб повис над окном, ворота гаража поржавели, все двери заперты. Дом тёмен и пуст. И судорога сострадания сжимает сердце читателя.

ТЕНОР: Рассказ имел огромный успех, Голливуд снял фильм по нему с Бертом Ланкастером в главной роли. В 1964 году вышел роман Чивера "Скандал в семействе Уопшотов", два новых сборника рассказов. Журнал "Тайм" напечатал большую статью о нём, поместил портрет на обложке. Впервые бедность отступила, пришло признание, и семья Чиверов получила возможность путешествовать по свету. Они побывали в Италии и Египте, Японии и Корее, Англии и Испании, отдыхали на Майорке и Кюросао.

БАС: В Советской России у Чивера сложилась репутация

критика американского общества, и он трижды побывал там по приглашению Союза писателей, подружился со своей переводчицей, Татьяной Литвиновой. Его гонорары в рублях невозможно было превратить в твёрдую валюту и увезти из страны. Закупив достаточное число меховых шапок и деревянных матрёшек для подарков, он предложил оставшиеся деньги Литвиновой, чтобы та могла хотя бы купить себе пальто. Но та заявила, что подаренные деньги она потратит на поддержку подпольных публикаций Самиздата. Чивер, всеми силами избегавший вмешательства в политику, дарить деньги не стал.

ТЕНОР: Просветы появились и в делах амурных. Жизнерадостная вдова, Сара Спенсер, жившая неподалёку, многие годы, получая "Ньюйоркер", первым делом искала в нём рассказы Джона Чивера. Познакомившись с ним и узнав, что он чувствует себя ужасно одиноким, потому что жена отправила его спать в другой комнате, она предприняла необходимые шаги, чтобы развеять его одиночество.

БАС: В дневнике появилась запись: "Я пригласил её в ресторан в Покипси, а потом мы устроили весёлую борьбу на её кушетке… "Вам бы нужен молодой человек, а не я", говорю я ей. "И два, и три, и четыре молодых человека", отвечает она". Чивер даже сознался ей в своих гомосексуальных порывах. Но разбитная вдова заверила его, что это вздор, что она в жизни не встречала мужчину, умеющего так откликаться на женские ласки. Видимо, импотенция как-то испарилась под гостеприимной крышей миссис Спенсер.

ТЕНОР: В эти же месяцы способность Чивера влюбляться в мужчин тоже была вознаграждена. В писательской колонии Яддо он встретил старого знакомого, композитора Неда Рорена, который к тому времени привлёк к себе внимание как автор весьма откровенной книги о геях. В течение недели двое были неразлучны: разъезжали по округе в автомобиле Чивера, пикниковали, пили джин из термоса, занимались любовью два-три раза в день и однажды настолько забыли об осторожности, что устроились под столом для пинг-понга. Правда, впоследствии Рорем не без удивления вспоминал, что из всех анатомических даров ему доставался только рот возлюбленного — ничего другого.

БАС: Зато на литературном фронте дела вскоре опять пошли вниз. Завершение романа "Скандал в семействе Уопшотов" сам Чивер так комментировал в своём дневнике: "Когда я дописал его, моим первым инстинктивным порывом было покончить с собой или сжечь рукопись". Пять лет спустя был закончен и опубликован роман "Буллит-Парк". Про это произведение один

критик писал, что оно перегружено чёрным юмором, другой — что в погоне за диковинным и абсурдным автор уже окончательно махнул рукой на правдоподобие. Пока я читал "Буллет-парк", мне несколько раз хотелось снять телефонную трубку, позвонить Чиверу и спросить: зачем вы заставили меня читать первую главу про семейство Хаммеров, покупающих дом в городке, если потом они исчезают из повествования на сто двадцать страниц? Только я проникся сочувствием к семейству Нейлсов и их заболевшему сыну-подростку, как они провалились в небытие на восемьдесят страниц. И эти восемьдесят страниц будут посвящены воскресшему Хаммеру, разъезжающему по всему свету в поисках какой-то жёлтой комнаты. Только для того, чтобы на последних двадцати страницах свести оба семейства в нелепом эпизоде: обезумевший Хаммер пытается совершить ритуальное убийство сына Нейлсов путём сожжения его на церковном алтаре. Неужели вам наплевать, верит читатель вашему рассказу или нет?

ТЕНОР: Мне кажется, беда Чивера-романиста и беда Чивера-человека вырастали из одного корня: всякий новый знакомый и всякий выдуманный персонаж *слишком быстро наскучивали ему.* Бесконечное многообразие человеческих чувств и характеров не увлекало его. Живых людей он провоцировал сарказмами и всякими едкими замечаниями, чтобы сделать их поинтереснее для себя, персонажам приписывал всякие экстравагантные поступки и черты, чтобы заинтересовать читателя.

БАС: Кажется, он воображал, что всем людям свойственны одни и те же желания и все эти желания ему заранее известны: иметь хорошую работу или капитал, хорошее жильё, почётное положение в обществе, любовь жены и детей, успех у женщин, крепкое здоровье, привлекательную внешность. И в этом убеждении он был очень близок тысячам благодарных читателей журнала "Ньюйоркер".

ТЕНОР: В его произведениях почти нет героев, увлечённых какой-нибудь абстрактной идеей, забывающих себя в благородно-жертвенном порыве или в религиозном экстазе. Попытки жены Мэри принять участие в общественной жизни только раздражают его, порыв дочери ехать в Южные штаты, чтобы принять участие в борьбе за права негров, вызывает град насмешек.

БАС: К писателям, пытавшимся выйти за рамки маленького индивидуального "я" он относится с открытой враждебностью. В какой-то момент пишет эссе "Чего никогда не появится в моём следующем романе", куда включает пародию на Холдена Колфилда. В письме редактору "Ньюйоркера" называет Сэлинджера "шестисортным". В рассказе "Мир яблок" явно выводит в пародийном виде Роберта Грейвса, знаменитого мэтра

британской литературы, автора исторического бестселлера "Я, Клавдий" и множества других книг и сборников стихов.

ТЕНОР: В этом рассказе старый поэт Аза Баскомб вот уже сорок лет живёт в уединённой вилле в горах Италии (Грейвс жил на Майорке) и снисходительно принимает текущих к нему поклонников. Рисуя внутренний мир поэта, Чивер явно наделяет его всеми слабостями и порочными порывами, присущими ему самому. Баскомб увенчан многими литературными наградами, призами и медалями, но тоскует по Нобелевской премии. Проснувшись ночью, он с ужасом осознаёт, что не может вспомнить имя Байрона и наутро начинает отчаянно тренировать свою память. Вместо весёлых детских стихов из-под его пера вдруг начинает выползать похабщина и порнография. В общественном туалете он любуется идиотским лицом педераста, за деньги предлагающего себя всем желающим. На концерте классической музыки занимает себя тем, что мысленно раздевает певицу. Баскомб мечется: где искать спасения от этого наваждения?

БАС: Только в церкви — туда автор и приводит своего героя. Религия занимала важное место в жизни Чивера. Молитва перед трапезой была обязательным ритуалом в его доме. В 1955 году он прошёл обряд конфирмации. В дневнике и письмах друзьям объяснял, что главным импульсом для этого было безмерное чувство благодарности Творцу за дар жизни. В том числе — и благодарности за любовный экстаз. "Прожив много лет как гибрид человека и таракана, я обнаружил недавно, что таракан исчез… В нашем появлении на свет таится любовь, даже если мы были зачаты дряхлой парой в дешёвом отеле". В церкви он посещал раннюю службу, потому что в неё не включалась проповедь. Его литературный вкус не позволял ему примириться с тавтологией и грамматическими ошибками, делаемыми проповедником.

ТЕНОР: И всё же религия не могла помочь Джону Чиверу в безжалостной войне, которую он вёл с собой каждый день. "Нет, сегодня я не прикоснусь к спиртному до самого ланча. Ну, хорошо — дождусь полудня и там позволю себе один стаканчик. Нет-нет, глоток джина, который я сделал, поднимаясь в спальню, не засчитывается." На следующий день первый стаканчик мог прорваться уже за завтраком, а дальше следовали другие. Очень часто необъяснимые вспышки его раздражения против домашних происходили от того, что он искал возможность проскочить мимо них к буфету или в кладовку. Бутылки с джином и виски запасливо прятались в платяном шкафу, в письменном столе, на книжных полках, даже в кустах рядом с автомобильным въездом.

БАС: Попытки обращаться к психиатрам не приносили успеха. "О чём я буду с ними беседовать, если они не читали моих книг? — жаловался Чивер. — Они не читали даже Диккенса, Флобера, Гончарова. Единственное, о чём они хотят говорить, — моя мать. И пытаются убедить меня, что я ненавижу женщин. Смешно! Знали бы они, какое любовное письмо я получил вчера от Хоуп Ланге!" Под свои частые измены он подводил теоретическую базу. Вина за них лежала не на нём, а на обществе, которое упрямо пыталось сохранять мораль ушедшей в прошлое эпохи. Раньше пожизненный союз мужчины и женщины был необходим для успешного выращивания урожая и воспитания детей. В индустриальную эпоху, когда работа разбрасывает членов семьи порой на недели и месяцы, порой на десятки и сотни миль, соблюдать правила моногамного супружества практически невозможно.

ТЕНОР: Роман Чивера с актрисой Хоуп Ланге тянулся штрих-пунктиром через многие годы. После того как она разошлась со своим мужем, режиссёром Эланом Пакулой, они встретились в Нью-Йорке, и это событие было отражено в дневнике Чивера: "Мы содрали одежду друг с друга и славно провели три или четыре часа, перемещаясь с дивана на пол и обратно. Я был не на высоте, но наплевать… Мы имели вдоволь всего: в ход шли пальцы, языки, титьки и попки, объятия до треска костей и серьёзные объяснения в любви". Хоуп потом отзывалась о Чивере с теплом, говорила, что это самый горячий мужчина из встреченных ею в жизни. Правда, слишком занятый собой, не очень отзывчивый на нужды партнёрши. "Мне он нравился, но жить с ним я бы не могла. В нём слишком много от школьника."

БАС: Вспомним, что в рассказе "Пловец" бывшая возлюбленная тоже говорит герою: "Когда ты повзрослеешь?". Ну, разве мог бы взрослый серьёзный мужчина, даже подвыпив, хвастаться своими любовными приключениями перед женой и детьми? "Он мог изменять, мог напиваться в городе, — рассказывала Мэри, — но к обеду всегда исправно возвращался домой." Наблюдательная Сьюзен потом писала, что отец её не любил говорить о чувствах — только о фактах, событиях, сценках, поступках. Он был сосредоточен на том, что можно видеть, слышать, обонять, ощущать, мог подробно рассказать, *что* он проделывал с такой-то дамой в таком-то отеле, но не о том, какие эмоции это в нём пробуждало.

ТЕНОР: Устав от измен мужа, Мэри тоже завела роман с женатым чёрным публицистом и рассказывала о нём своему психиатру. Она стала нарядно одеваться, занималась йогой, аккуратно посещала парикмахерскую, писала стихи, которые

впоследствии были опубликованы в сборнике под названием "Нужда в шоколаде". Мало того — она потеплела к собственному мужу и ненадолго вернула ему доступ к своей постели. Тот не мог поверить своему счастью, и это нашло отражение в дневнике: "Я оседлал мою возлюбленную и мы умчались в счастливое путешествие, какого у меня уже давно не бывало".

БАС: Из рассказа в рассказ у Чивера проходит образ жены, разочарованной в муже, недовольной своей судьбой, обуреваемой странными порывами. Муж же, как правило, видит себя бодрым, внимательным к жене и детям, разумным, немного опечаленным несовершенством мира. Но сын Федерико, слушая разговоры родителей за столом, однажды взял лист бумаги, написал на нём слева "он", справа — "она" и стал рисовать чёрные галочки под соответствующим местоимением каждый раз, когда один из собеседников наносил другому словесный укол. Через полчаса под "он" скопилось 25 галочек, а под "она" — только три.

ТЕНОР: Жалобы на одиночество — лейтмотив всего творчества Чивера, его дневников и писем. Он активно общался с сотнями людей, но это общение часто нагоняло на него скуку. Похоже, он часто говорил окружающим неприятные вещи только для того, чтобы придать общению остроту, разрушить пресность разговоров о погоде и процентах на закладную. Люди отшатывались от него, и так это и тянулось по кругу: спасаясь от дракона одиночества, он попадал в пещеру дракона скуки, вступал с ним в сражение, побеждал, но при этом снова оказывался один на один с самим собой.

БАС: Смены настроения у отца болезненно били по детям. Сьюзен доставалось за то, что у неё долго не было ухажёров. Потом ухажёры появились, дочь приводила их в дом, но Чивер обращался с ними коварно: приглашал, например, вместе косить луг или пилить поваленное дерево и там, наедине, говорил им что-то такое, что они уходили взбешёнными. Старший сын, Бен, тоже приводил в дом своих друзей и подруг, но доставалось и им. В одного начинающего поэта Чивер вдруг запустил стаканом из-под виски. Подругу, пытавшуюся защищать Бена, обозвал "шлюхой". Когда Бен женился, молодые долго бедствовали, и сыну часто приходилось просить денег у отца. Чивера возмущали не сами просьбы, а то, что они делались — как он полагал — по требованию жены. ("Не сумел поставить себя в семье!") Младший сын, Фред, уже в тринадцать лет был ростом выше отца и при случае просто отпихивал его, если тот слишком донимал его попрёками и угрозами.

ТЕНОР: С одной стороны, детям в семье Чиверов с малолетства объясняли, что внешность неважна, а главное —

суть, душа человека. С другой стороны, делясь впечатлениями о встреченных людях, отец давал в первую очередь внешние приметы. Женщина была либо "очень привлекательна", либо "выглядела классно", либо была "шикарной блондинкой", либо была никем. Мужчина был либо "одет с иголочки", либо имел "отличный загар", либо "тюремную бледность", либо "бегающие глаза". "Выглядеть кем-то важно потому, что это отражает внутренние достоинства", объяснял он окружающим.

БАС: Заповеди достойного поведения, внушавшиеся ему отцом, Чивер старательно передавал своим сыновьям. Первая была: "никогда не делайте женскую работу в доме". Вторая: "никогда, ни в коем случае не занимайтесь мастурбацией; это саморазрушительно, это закроет вам путь к женщине!" Каково же было их удивление, когда после смерти отца из его дневников они узнали, что сам он предавался этому пороку вполне регулярно. Одна из записей: "Во время суходрочки я воображаю, как скоро окажусь между ног Хоуп или в горле у Неда". В другом месте он сознаётся, что ему необходимо иметь два-три оргазма в неделю. А как их получить, если жена так холодна и неприветлива?

ТЕНОР: В 1971 году Чивер вдруг нашёл себе странное занятие: стал вести литературный кружок в тюрьме Синг-Синг. Отчасти его вдохновил на это пример Чехова, который вдруг оставил на время писание рассказов и отправился в далёкое путешествие, чтобы увидеть своими глазами каторгу на острове Сахалин. Чиверу не пришлось покрывать тысячи миль, тюрьма располагалась прямо в Оссининге, но была местом не менее опасным, чем Сибирь с её морозами и медведями. Как раз в те месяцы взбунтовались заключённые одной из тюрем на севере штата, и администрация Синг-Синга боялась, что огонь бунта перекинется и на их заведение. Заключённые, являвшиеся на занятия в литкружок, говорили Чиверу: "Из тебя получится отличный заложник".

БАС: Большинство обитателей тюрьмы были чёрными или латино-американцами. Литературных способностей они не проявляли, приходили в основном, чтобы спорить и переругиваться. Но Чивер ощущал странную близость с ними, всегда принимал их сторону в их стычках с надзирателями и администрацией. Сьюзен потом писала в своих воспоминаниях: "Отец отождествлял себя с заключёнными. Как и они, он был одновременно виновен и неповинен, как и они — отрезан от общества, отделён от него, но только не решётками и вооружёнными охранниками, а чем-то посложнее".

ТЕНОР: С одним из "студентов" по имени Доналд Ланг у

Чивера завязались дружеские отношения. Поначалу тот отнёсся к преподавателю с недоверием, считал, что он является в тюрьму только для того, чтобы было о чём рассказывать на светских вечеринках. Но постепенно лёд таял, и в какой-то момент Ланг сказал Чиверу: "Всё же не понимаю, где такой шибздик, как ты, набирается духу являться в наше разбойничье гнездо".

БАС: Впоследствии Чивер способствовал условно-досрочному выпуску Ланга из тюрьмы, помогал ему найти работу и жильё, даже купил автомобиль. Это из разговоров с Лангом он черпал яркие описания тюремной жизни, которые потом всплывут в романе "Фальконер". На счастье Чивера и его семьи доброта по отношению к закоренелому преступнику не привела к трагическому исходу, как это случилось с Норманом Мэйлером десять лет спустя. Мэйлер опубликовал свою переписку с сидевшим пожизненно убийцей Генри Эбботом. Книга стала бестселлером, либеральному истеблишменту удалось добиться выпуска заключённого. Выйдя на свободу, тот вращался в литературных кругах, заводил романы, шатался по ресторанам. Но уже через три месяца натура взяла своё, и Эббот ни за что, ни про что, на глазах у прохожих, зарезал юношу-официанта.

ТЕНОР: Среди заключённых Чивер чувствовал себя на месте, но попытки преподавать в университетах безотказно приводили к резкому подскоку ежедневных доз алкоголя. Мне кажется, нехватка формального образования делала для него, при его самолюбии, пребывание в академической среде мучительным. Деньги он тратил безалаберно, роман "Буллит-Парк" успеха не имел, и в начале семидесятых он снова был беден, оттеснён в тень, поэтому согласился вести курс в университете штата Айова. Однако летом 1973 его сразил первый инфаркт, и преподавательская карьера повисла на волоске.

БАС: В больнице у пациента начались галлюцинации. Ему казалось, что он в российской тюрьме в Москве и что по коридору больницы проезжают не контейнеры с обедом для больных, а тюремные фургоны с арестованными. Он рвался убежать, сдирал с себя провода датчиков и кислородные трубки, так что его пришлось привязать к кровати. Сьюзен принесла газету с хвалебной рецензией на сборник рассказов — он вообразил, что ему подсовывают протокол его признаний в шпионаже для подписи, и швырнул газету на пол.

ТЕНОР: Всё же, оправившись от инфаркта, осенью он поехал в Айову и провёл там обещанный курс, а на следующий год поехал преподавать в Бостонский университет. Эпизоды, подобные тому, которым вы хотели бы начать биографический фильм о Чивере, случались там не раз. Всё закончилось тем, что Фред Чивер

должен был приехать в Бостон, вынести на руках пьяного брата из квартиры и отвезти его домой. Джон Апдайк, из дружеских чувств, взялся довести студентов, записавшихся на курс Джона Чивера, до конца семестра.

БАС: В апреле 1975 года случилось невероятное: Джон Чивер согласился пройти месячный курс лечения от алкоголизма в ньюйоркской больнице. Он оказался в одной палате с четырьмя другими алкоголиками, каждый из которых имел свою историю жизненного провала: неудачливый вор, разорившийся владелец кафе, безработный матрос, покрытый татуировкой, танцор, уволенный из балетной труппы. Ни пациенты, ни врачи слыхом не слыхали о литературных достижениях Чивера. Соседи по палате издевались над его странной манерой говорить, злились на ироничные смешки, испускаемые им по самым неожиданным поводам. Наблюдающий врач записала в журнале: "Ему не нравится видеть себя в негативном свете, и он одновременно осмеивает манеры бостонского бомонда и пытается подражать им. Стараюсь уговорить его отказаться от позы фальшивой весёлости и стать вровень со своей человеческой природой".

ТЕНОР: Помогла ли работа врачей или в Чивере возродилась столь свойственная ему жажда жизни, но второе чудо произошло: он вышел из больницы излеченным. Ни капли спиртного в течение дня, а вечерами — посещения групп Анонимных алкоголиков, где участники обменивались рассказами о своей судьбе и помогали друг другу сохранять трезвый образ жизни.

БАС: Дочь Сьюзен однажды поехала с отцом на такое собрание и была поражена тем, что она там услышала. Впервые в жизни она столкнулась с взрослыми людьми, которые говорили о своих чувствах так, будто они несли ответственность за них, могли их как-то контролировать. В её кругу это было абсолютно не принято. Если она сердилась на своего возлюбленного за флирт с другой женщиной или впадала в панику, когда он проводил викенд с женой и детьми, ей было привычно обвинить в своих страданиях его и только его. Бывшие же алкоголики рассказывали, как они пытаются изменить собственные реакции на происходящее вокруг них.

ТЕНОР: Сьюзен заметила, что изменилось и отношение отца к ней и к семье. "Казалось, он впервые стал замечать нас", пишет она. К жене Чивер старался быть внимательнее и добрее. Однажды, вернувшись домой, та рассказала, что видела в антикварном магазине вазу, которая ей очень понравилась, но показалась слишком дорогой. Чивер немедленно поехал в магазин и купил вазу для неё. Вскоре и творческие силы вернулись к нему, и он смог возобновить работу над романом

"Фальконер".

БАС: Многие герои рассказов Чивера осуществляют те порывы, которые он сам явно испытывал в душе, но не решался превратить в действие. В рассказе "Взломщик из Шейди Хилла" герой, оставшись без работы, по ночам залезает в дома богатых друзей и крадёт их бумажники. В рассказе "Просто скажи мне — кто?" ревнивец подходит на перроне к человеку, которого он подозревает в связи со своей женой, и без лишних слов сбивает его с ног ударом кулака. Героиня рассказа "Пять-сорок-восемь" под дулом пистолета заставляет лечь лицом в грязь начальника, который сначала соблазнил её, а потом уволил. В уже упоминавшемся рассказе "Прощай, брат мой" герой бьёт палкой по голове занудного брата. В романе "Фальконер" снова всплывает малоприятный брат. Но теперь палка превращается в кочергу, и брат погибает.

ТЕНОР: Я бы назвал этот роман "раскрепощением Джона Чивера". Впервые он позволил себе ничего не выдумывать, а писать только то, что ему довелось увидеть или испытать самому. Наркомана Фаррагута суд объявляет виновным в убийстве брата и отправляет в тюрьму Фальконер. Тюремный быт описан великолепно благодаря долгому общению с заключёнными Синг-Синга. Состояние наркомна, оставшегося "без заправки", с большим знанием дела воссоздано пером бывшего алкоголика. Снова всплывают мучительные отношения с братом, матерью, отцом, летают обвинения, уже знакомые нам по рассказам и дневникам.

БАС: Опять достаётся жене героя. В тюрьме Фаррагут вспоминает, как после тяжёлого инфаркта он был отправлен домой для выздоровления и взывал к жене, прося проявить хоть немного доброты к нему. "Доброта? — спросила жена. — Что ты сделал когда-нибудь для меня, чтобы заслужить мою доброту? Что я имела от тебя? Пустая и бессмысленная жизнь. Подёнщина, пыль, паутина. Автомобиль, который не заводится, и зажигалка, которая не загорается. Клинический алкоголизм и наркомания, переломы рук и ног, сотрясение мозга, а теперь ещё и сердечный приступ… Единственный выигрыш для меня от твоего пребывания в больнице: три недели стульчак в туалете оставался сухим…"

ТЕНОР: Любимая тема Чивера — тема одиночества — достигает апогея в тюремной обстановке. Бывшей мимолётной возлюбленной Фаррагут пишет: "Вчера вечером смотрел комедию по телевизору. Там показали, как женщина слегка тронула мужчину за плечо — только слегка, но я потом лежал в кровати и плакал". В середине романа — блистательное описание

зарождающейся гомосексуальной любви, многими оттенками напоминающее отношения Чивера с его возлюбленными. Даже чудесное освобождение героя из тюрьмы Чивер не стал выдумывать — взял готовым из "Графа Монтекристо" (беглец прячется в саване умершего соседа, и его выносят на волю).

БАС: Глубокие любовные переживания наполнили жизнь Джона Чивера с момента встречи с аспирантом Университета Айовы, Эланом Гурганусом, в 1973 году. Его письма к Элану полны неподдельной нежности: "Бесценный Элан, как приятно было получить твоё письмо и говорить с тобой по телефону. Это не стон отвергнутого любовника, но спокойный и ясный зов. Я так люблю тебя. Мне радостно знать, что ты существуешь, даже там, далеко, на берегах Айовы… Помнишь, я говорил, что всегда хочу оставаться любящим, но необязательно любимым? Это полная чепуха".

ТЕНОР: Гурганус был приветлив и почтителен с Чивером, но на его любовные призывы не откликался. Другое дело — Макс Зиммер. К моменту встречи с Чивером в Университете Штата Юта (Солт Лэйк Сити) он успел покинуть сначала мормонскую церковь, потом — жену, потом — инженерную профессию, и целиком отдался литературе. Чивер взялся помогать ему на этом пути, уговорил покинуть Юту ради Восточного берега, устроил ему место в колонии Яддо. Хотя тридцатилетний Макс без большого энтузиазма принимал ласки шестидесяти-пятилетнего возлюбленного, их роман продолжался до самой смерти Чивера, и в дневниках обоих этим отношениям посвящено много страниц.

БАС: По мере своих сил Чивер помогал карьере своих возлюбленных. Рассказ Гургануса он устроил в "Ньюйоркер", Зиммера ввёл в литературный мир, рекомендовал издателям его произведения. Но сам угрызался порой корыстностью своих усилий. В дневнике писал: "Как жестока, ненатуральна и черна моя любовь к З[иммеру]. Я пожираю его молодость, загоняю в трагическую изоляцию, лишаю собственной жизни. Любовь должна была бы учить, показывать нашему возлюбленному то, что мы знаем об источнике света". Но и Макс тяготился иногда положением, которое он занял в доме Чивера. "Раз он решил, что это нормально для меня находиться рядом с его женой и детьми, я тоже принял это как нормальное положение дел… Наверное, так ведут себя люди на Восточном берегу, думал я. Но сидеть за семейным столом всего лишь час спустя после того, как мы занимались наверху любовью, мне было мучительно тяжело".

ТЕНОР: В середине марта 1977 года вышел номер "Ньюсвика" с портретом Чивера на обложке и с интервью, которое он дал Сьюзен для журнала. Мгновенно продажа романа "Фальконер"

подскочила под небеса. Первые 25 тысяч экземпляров исчезли из магазинов, и "Кнопфу" пришлось срочно допечатать ещё восемьдесят тысяч в твёрдой обложке. Критики состязались в восхвалениях. Три недели роман продержался на вершине списка бестселлеров. Последовавшее издание в мягкой обложке разошлось тиражом триста тысяч.

БАС: Чивер не любил возвращаться к старым вещам, предпочитал жить сегодняшним и завтрашним днём. Поэтому издателям пришлось долго уговаривать его на публикацию большого сборника его рассказов. Выпущенный в 1978 году семисотстраничный том имел ещё больший успех, чем "Фальконер". Последовавшие торжества и почести можно было сравнить с коронацией. Ассоциация критиков объявила сборник лучшей книгой года, в обход таких произведений, как "Мир глазами Гарпа" Джона Ирвинга и "Переворот" Джона Апдайка. Гарвардский университет присвоил звание почётного профессора. Издательство "Кнопф" подписало договор на следующий роман, уплатив аванс в пятьсот тысяч долларов.

ТЕНОР: В большом сборнике есть рассказ, который называется "Метаморфозы". Он, мне кажется, таит в себе ключ к пониманию главного приёма Чивера-прозаика. Рассказ представляет собой серию маленьких новелл, переносящих античные мифологические сюжеты, собранные Овидием, в 20-й век. Одна из новелл, например, повествует об успешном сотруднике финансовой фирмы, его жене и детях, его богатом доме, собаках, яхте. У него случается маленькая неприятность на службе: он, не постучавшись, зашёл в кабинет начальницы в тот момент, когда она, совершенно обнажённая, обнимала директора фирмы. После этого начинаются странные явления: где бы герой ни натыкался на собак, они начинали рычать и лаять на него. Новелла кончается тем, что собаки загрызли до смерти Ларри Актеона. Здесь фамилия-подсказка помогает читателю вспомнить миф о Диане-Артемиде, которую подкравшийся охотник Актеон увидел купающейся и которая покарала его за это. Но во многих других рассказах фантастично-сказочное так искусно спрятано за ширмой дотошно реалистического, что читатель не замечает момента, когда его вводят в миф, и с доверием проникается его драматической красотой.

БАС: Похожую двойственность, а вернее — многослойность, мы находим и в стилистике Чивера. Её колдовство заключается в том, что любая фраза, начавшаяся в ключе обыденного, может вдруг — без всякой причины — распуститься поэтическим цветком. В рассказе "Пловец" описывается приближение дождя: "Внезапно начало темнеть; это был тот момент, когда суматошные

птички перестраивают свою песнь в уверенное и щемящее приветствие надвигающемуся шторму". Магией рассказчика птицы превращаются в соучастников человеческой драмы, и это переносит повествование из бытового слоя в бытийный, готовит читателя к вторжению *мифа о пловце в никуда.* В другом рассказе для описания ночи в обычном американском посёлке вдруг, без всяких объяснений, врываются призраки далёкого прошлого: "в такие ночи короли в золотых доспехах пересекают горы на слонах".

ТЕНОР: Чтобы уходить от плоской однозначности, чтобы не быть предсказуемым, Чивер часто вводит интонацию *вопрошания.* И в дневниках, и в художественных произведениях мы на каждой странице наталкиваемся на вопросительные знаки. В том же абзаце, откуда вы взяли цитату о птицах, встречающих шторм, далее следуют вопрошания героя, обращённые неизвестно к кому: почему я люблю грозу? почему простое дело захлопывания дверей и окон наполняет меня радостным возбуждением? откуда берётся уверенность в приближающихся счастливых переменах при звуке первых капель дождя?

БАС: Возвращаясь к роману "Фальконер", я бы так определил его суть: это история узника, рвущегося на свободу. Только тюрьма, в которой Чивер ощущал себя заключённым, построена не людьми. Её стены, балки и решётки выстроены из каких-то глубинных основ человеческого бытия. Большинство людей легко смиряется с этим и спешит устроиться внутри стен с минимумом неудобств. Только не Чивер. Он рвётся на волю неразумно, безнадёжно, отчаянно. Огромный читательский отклик на роман я готов объяснять тем сочувствием, которое каждый из нас испытывает к попытке смелого беглеца: удастся или нет?

ТЕНОР: В привычных нам категориях реальной жизни мы можем сказать, что попытка не удалась. Ни мировая слава, ни богатство не принесли Чиверу спасения от чувства одиночества, томившего его всю жизнь. Когда он умирал от рака летом 1982 года, жена и дети сменялись у его постели, сотни друзей и читателей справлялись о ходе болезни, десятки газет готовили места для некролога. Но и на смертном одре он не мог удержаться от сарказмов в адрес близких. "Как это умно с твоей стороны, Сузи, предположить, что я просил не просто выключить нагреватель, а также выдернуть штепсель из розетки." И дочь поневоле вспомнила сотни подобных замечаний, начинавшихся с "как это умно с твоей стороны", и сердце её сжалось тоской.

БАС: Тем не менее, после смерти отца дети делали всё возможное, чтобы память о нём не умирала. В 1984 году Сьюзен опубликовала воспоминания под названием "Домой до темноты".

В 1988 году под редакцией сына Бена вышли избранные письма Чивера. Затем дошла очередь и до дневников. Чивер при жизни обсуждал с сыном возможность их издания и был очень рад получить от Бена поддержку этой идеи.

ТЕНОР: В 1990 году Сьюзен устроила аукцион. Она пригласила видных издателей в свою квартиру, где на столах были разложены все 28 заполненных блокнотов. Приглашённым была дана возможность знакомиться с текстами в течение нескольких часов. Один из них писал впоследствии: "Впечатление от дневников осталось гнетущее. Жизнь Чивера предстала передо мной как шатания между отчаянием, тоской и беспричинной эйфорией, кончавшиеся обычно мастурбацией и бутылкой".

БАС: Но, ко всеобщему изумлению, представитель издательства "Кнопф" предложил купить право на издание за миллион двести тысяч долларов. Сделка совершилась, и книга сначала появилась отрывками в "Ньюйоркере", а в 1991 году вышла отдельным томом. Скандал был немалый, одни ругали и возмущались, другие хвалили искренность автора и смелость издателей. А были даже такие, которые ставили "Дневники" в один ряд с "Исповедями" Блаженного Августина, Руссо, Толстого.

ТЕНОР: В финале романа "Фальконер" Фаррагут, сбежавший из тюрьмы, встречает в ночном городе человека с чемоданом и горой всяких котомок у ног. В ожидании автобуса двое разговорились, и человек рассказал свою печальную историю. Его выселили из квартиры. Нет, не за просроченную плату — деньги у него есть. Но хозяйка дома, из тех вечных вдов, которые остаются вдовами даже если их муж сидит на кухне и пьёт пиво, которые ненавидят жизнь в любой её форме, цвете и запахе, объявила его нарушителем мира и спокойствия. "Меня выселили за то, что во мне есть всё, что свойственно человеку, — объяснял новый знакомый. — Я произвожу шум, я иногда кашляю по ночам, иногда наствистываю, занимаюсь йогой. Шум, испускаемый мною, расходится вверх и вниз по лестнице, и за это меня выселили из квартиры". Не спрятан ли в этом персонаже печальный автопортрет Чивера, каким он видел себя? Постоянно "выселяемым", вытесняемым из мира за то, что не умел подавлять в себе нормально общечеловеческое и тем самым превращался в "нарушителя мира и спокойствия"?

Джером Сэлинджер (1919–2010)

БАС: Начиная разговор об авторе романа "Над пропастью во ржи", мы оказываемся сразу перед двумя загадками. Одна — всемирная неувядающая слава подростка по имени Холден Колфилд. Другая — уход знаменитого писателя на вершине успеха в добровольное отшельничество. О чём молчал сорок лет Джерри Сэлинджер?

ТЕНОР: Приподнять завесу над первой загадкой мы можем только одним способом: вспомнив наши собственные переживания от прочтения романа. Сколько было вам, когда он попал вам в руки?

БАС: Что-то около шестнадцати — самый подходящий или, наоборот, самый опасный возраст для чтения этой книги. Как и всякий подросток, я рос окружённый частоколом из тысячи "ты должен". Ты должен учиться, должен трудиться, должен уважать и слушаться старших, должен помогать товарищам, должен быть правдивым, ответственным, отзывчивым на чужую беду, должен воздерживаться от сквернословия, нечестных поступков, греховных помыслов. И вдруг передо мной возникает очаровательный персонаж, который опрокидывает все эти "должен", вырывается на волю. Он мой ровесник, но при этом плюёт на учёбу, ни в грош не ставит старших, напивается, ругается, врёт по нужде и без нужды, подводит товарищей, издевается над ними, "прелюбодействует в сердце своём" с каждой встреченной девицей, но при этом зачаровывает и обезоруживает тебя своей бесстрашной и неизменной искренностью своих чувств и порывов.

ТЕНОР: Я тоже прочёл роман ещё в школьные годы. Вспоминаю, что моё счастливое волнение могло бы выразиться возгласом: "Какой чудесный друг появился у меня!". Да, слово "ненавижу" мелькает чуть ли не на каждой странице, убийственные стрелы сарказма и презрения Холдена летят во все стороны — но только не в меня. Ведь пока он делился своим гневом и раздражением *со мной,* оказывал доверие *мне, я* оказывался как бы его пощажённым избранником, тем единственным, в кого стрелы не летели. Нет, никогда ещё не было у меня такого чувствительного, такого яркого, такого смелого, такого искреннего, такого измученного, такого небанального друга.

БАС: Непослушание предшественников Холдена, например Тома Сойера или Гека Финна, — совсем другого рода. Те пускались на свои шалости, зная, что их осудят и накажут, но у

них и мысли не было восстать против самих правил, по которым их подвергнут осуждению. Любой подросток устаёт выступать в роли обвиняемого с утра до вечера. И вдруг появляется Холден и как бы предлагает — или демонстрирует своим примером — возможность упоительной смены ролей: можно повернуть доску и *стать обвинителем!* Мир взрослых переполнен фальшью, притворством и лицемерием. Они давят на нас заповедями добра и порядочности и не хотят видеть, как низко сами они стоят на другой, более важной шкале. Вершина этой шкалы устремлена ко всему талантливому и неподдельному, а низ тонет в болоте бездарного и фальшивого. Оказаться в этом болоте, сделаться "фони" — вот самое страшное, что только может случиться с человеком. И только ты будешь судьёй того, кто "фони", а кто — нет.

ТЕНОР: Путей в это болото — миллион. В нём оказывается не только ханжа-оратор, призывающий школьников молиться день напролёт и мысленно взывать к Христу каждую минуту, даже за рулём автомобиля; и не только интеллектуал, объясняющий Холдену, что он взял в качестве новой любовницы китаянку лишь потому, что ему близка восточная философия; и не только три провинциалки, приехавшие в Нью-Йорк с мечтой увидеть вживе какую-нибудь кино-звезду. Нет — и замечательный пианист Эрни, который не может скрыть того, что *он знает, как хорошо он играет;* и превосходные актёры Ланты и Лоуренс Оливье, повинные в том же грехе; и талантливый писатель Хемингуэй, находящий что-то доблестное в поведении солдата, когда на самом деле война — это просто кровавая мясорубка, в которой исчезает всё достойное и человечное, в которой нечем восхищаться.

БАС: Философ Кьеркегор в своей книге "Или — или" описал два способа отношения к жизни: можно выбрать либо этическую шкалу суждений о поступках — своих и чужих, либо эстетическую. И Холден, и его создатель явно выбрали эстетическую. Её главное преимущество и привлекательность для миллионов: она избавляет от мук раскаяния. Ни Сэлинджер, ни Холден ни разу не выражают сожалений о содеянном ими. Потерял в метро всё снаряжение своей фехтовальной команды — плевать, ничего другого эти типы не заслуживают; провёл с сестрёнкой час в обувном магазине, заставляя для потехи взрослого продавца без конца примерять ей ботинки с длинной шнуровкой, — отлично развлеклись; разбудил всё общежитие, завопив ночью в коридоре "кретины!" — так им и надо.

ТЕНОР: Роман "Над пропастью во ржи" был опубликован в 1951 году. Но работал над ним Сэлинджер больше десяти лет.

Листки с первыми набросками были в его ранце, когда он в июне 1944 года, вместе с 12-ым пехотным полком штурмовал немецкие позиции в Нормандии. Имя Холден Колфилд встречается уже в раннем рассказе "Последний день последней увольнительной". В нём в уста главного героя, Джона Глэдуоллера по кличке Бэйб, вложена настоящая декларация, отражающая отношение Сэлинджера к войне: "В эту войну я верю… Верю, что надо убивать фашистов и японцев, потому что другого способа остановить их я не знаю… Но моральный долг всех мужчин, кто сражался или будет сражаться в этой войне, — потом не раскрывать рта, никогда ни одним словом не обмолвиться о ней… Если все мы примемся разглагольствовать о героизме и об окопных вшах, плавающих в лужах крови, тогда будущие поколения снова будут обречены на новых гитлеров".

БАС: И Сэлинджер выполнил этот завет. Кажется, только в одном его рассказе — "Солдат во Франции" — действие происходит в окопах, да и то — в момент затишья. Во всех других мы сталкиваемся либо с военными на отдыхе, либо с их воспоминаниями о каких-то малозначительных эпизодах, связанных с военной службой. В произведениях Сэлинджера нет стрельбы, нет бомбёжек, нет артобстрелов. Но, видимо, ему довелось хлебнуть и того, и другого, и третьего. К концу лета 1944 года потери его полка составили 70 %. Сам он отделался травмами, сломанным носом, частичной глухотой, измочаленными нервами. Летом 1945 года ему пришлось лечь в военный госпиталь в Германии с диагнозом: психический срыв в результате боевого переутомления.

ТЕНОР: Многое указывает на то, что увиденное Сэлинджером на войне и в освобождённых концлагерях произвело в нём настоящий душевный переворот. Его переписка с друзьями и родственниками в Америке, до тех пор весьма активная, почти прекратилась осенью 1945 года. Он не воспользовался демобилизацией для того, чтобы вернуться домой, а остался работать в контрразведке в качестве штатского сотрудника. В его обязанности входило разыскивать бывших нацистских чиновников и офицеров, арестовывать их и вести допросы. Только на территории Германии его 970-ый отдел задержал 120 тысяч подозреваемых, из которых 1700 были признаны военными преступниками, ответственными за уничтожение узников концлагерей.

БАС: Этой же осенью случилось что-то невероятное и необъяснимое: Сэлинджер женился на арестованной нацистке, с которой познакомился во время допроса. Впоследствии он сумел набросить на этот эпизод такой плотный покров тайны, какому

могли бы позавидовать сталинские историки, вычёркивавшие имена казнённых из памяти людей. Биографам удалось по крохам собрать обрывочную информацию об этой женщине. Её звали Сильвия Велтер, она была ровесницей Сэлинджера. По профессии — врач-офтальмолог. Образованная, страстная, знала четыре языка. Разделяла взгляды Гитлера на евреев. Американским военнослужащим не разрешалось жениться на немках, но Сэлинджер каким-то образом устроил Сильвии французский паспорт. Молодожёны поселились в доме в окрестностях Нюренберга, завели автомобиль и собаку. В апреле 1946 года срок контракта Сэлинджера кончился, и он вернулся в Америку с женой. Они попытались жить в квартире родителей, но отношения между еврейской свекровью и немецкой невесткой сразу обострились. Через полтора месяца Сильвия вернулась в Европу и подала на развод. С тех пор имя первой жены в семье не упоминалось.

ТЕНОР: В предвоенные годы у Сэлинджера был серьёзный роман с дочерью знаменитого драматурга Юджина О'Нила. В свои шестнадцать лет Уна О'Нил была ослепительно хороша, полна живости и очарования. После призыва в армию, находясь на военной базе в Джорджии, Сэлинджер писал ей пламенные письма, длиной в десять-пятнадцать страниц. Но для юной красавицы бумажных нежностей было мало. Про неё говорили: "Уна без памяти влюблена в Уну". Вскоре она уехала в Голливуд, где у неё запылал роман с Чарли Чаплиным, который был на 36 лет старше неё. Вопреки протестам отца, невзирая на горе Сэлинджера, она вышла замуж за знаменитого артиста и прожила с ним до самой его смерти, родив ему восьмерых детей.

БАС: Возможно, это любовное разочарование оставило сердце Сэлинджера опустошённым и жаждущим новой любви. Возможно, этот душевный настрой способствовал тому, что он так неосмотрительно женился на женщине, ненавидевшей евреев. Но мне мерещится и другая причина этого странного выбора. Все последующие связи Сэлинджера с женщинами — брачные и внебрачные — имели одну и ту же черту: он требовал от них полного подчинения своим правилам и полного обрыва всех связей с прежней жизнью. Волею судьбы, Сильвия Велтер была брошена именно в такую ситуацию: вырвана из прежней жизни и отдана в полную власть американского офицера, допрашивавшего её. Не эти ли обстоятельства сделали пленницу привлекательной для него и подтолкнули на столь необъяснимый шаг?

ТЕНОР: Её образ промелькнёт потом в рассказе "Посвящается Эсме". Там сержант Икс, находясь в оккупированной Германии, рассматривает лежащую перед ним книгу Геббельса. Сказано, что

книга принадлежала женщине, которую Икс арестовал, следуя предписаниям оккупационных властей задерживать всех бывших нацистов. На титульном листе он читает короткую надпись: "Жизнь есть ад". Эта надпись отзывается жалостью в его сердце, потому что она была сделана "безнадёжно искренним почерком". Безнадёжная искренность — это именно то, что больше всего ценили Сэлинджер и его герои.

БАС: В контрразведчики Сэлинджер попал благодаря знанию немецкого языка. Он никогда не овладел бы им, если бы его учёба ограничилась двумя семестрами, которые он провел в университетах — сначала в Ньюйоркском, потом в Колумбийском. Но отец, пытаясь приобщить его к работе своей импортной фирмы (сыры и колбасы из Польши), незадолго до начала войны послал его на год в Европу. Там он оказался в Вене, в семье австрийских евреев, о которых у него остались самые тёплые воспоминания. Он пытался разыскать их после войны, но узнал, что вся семья погибла в концлагере.

ТЕНОР: Опыт войны должен был оставить свой разрушительный след не только на психике писателя, но и на его даре любить. Недаром один из его героев выписывает из Достоевского: "Что есть ад? Ад есть невозможность более любить". Как можно любить кого-нибудь в мире взрослых? Ведь это они запустили всемирную резню на земле. Это они строили газовые камеры и заполняли небо дымом сжигаемых трупов. И вся жажда любить начинает изливаться из сердца Сэлинджера только на детей и подростков. Сам Холден, его сестрёнка Фиби, девочка Эсме и её братишка Чарльз, девочка Сибил из рассказа "Хорошо ловится рыбка-бананка", мальчик Лайонел в рассказе "В лодке", странный мальчик Тэдди в одноимённом рассказе и его шестилетняя сестра, сестрёнка солдата Мэтти в рассказе "Последний день последней увольнительной" — только на них обращена любовь писателя, которой он безотказно заражает своих читателей. Литературоведы подсчитали, что 75 % произведений Сэлинджера написаны о совсем молодых людях. Фиби с укором говорит Холдену: "Ты никого не любишь". Холден теряется, может назвать только покойного брата Али. Но на самом деле он мог бы сказать: "Я люблю тебя, и всех твоих одноклассников, и ребятишек в Музее естественной истории, и тех, что кружатся на карусели в Центральном парке, и тех, которых я хотел бы ловить во ржи на краю обрыва". Миллионы читателей подтвердили бы его слова.

БАС: Начало литературного пути Сэлинджера было нелёгким. В течение трёх послевоенных лет он написал множество рассказов, которые были отвергнуты журналами и потом пропали. Издательство "Липинкот-Пресс" планировало издать его сборник,

но потом передумало. Он уехал из квартиры родителей, снял комнату над гаражом в городке Тэрритаун — на что-нибудь получше денег не хватало. Даже "Ньюйоркер", благоливший к нему, возвращал одну рукопись за другой.

ТЕНОР: В эти годы Сэлинджер искал свой стиль и оттачивал его. Впоследствии он признавал, что среди писателей предыдущего поколения трое оказали на него наибольшее влияние: Шервуд Андерсон, Хемингуэй и Фитцджеральд. Действительно, интонации Холдена полностью копируют интонации подростка в рассказе Андерсона "Хотел бы я знать — почему". Обращаясь к читателю, подросток объясняет, почему он завидует одному негру, работающему в конюшне со скаковыми лошадьми: "…Я бы даже сам хотел стать ниггером. Глупо так говорить, но уж таков я, когда дело доходит до лошадей, чтобы всегда крутиться вокруг них. Я просто сумасшедший и ничего не могу с собой поделать".

БАС: Переломным моментом в судьбе писателя явилась публикация рассказа "Хорошо ловится рыбка-бананка". Его заметили и критики, и читатели. К моменту выхода романа "Над пропастью во ржи" Сэлинджер был уже хорошо известен в литературных кругах. Журнал "Ньюйоркер" не только печатал его рассказы, но и начал платить ему тридцать тысяч долларов в год за право первого прочтения всех его новых произведений. Его имя постоянно появлялось в сборниках "Лучшие рассказы года", "Проза сороковых", "Рассказы, награждённые призами". О нём положительно отзывались такие требовательные стилисты, как Хемингуэй и Набоков. Девять его рассказов, соединённые в сборник, опубликованный в 1953 году, имели огромный успех. Женщины, встречавшиеся с ним в эти годы, рассказывали потом, что очарование его имело почти магическую силу. Чёрные волосы, тёмные глаза, высокий, одетый во всё чёрное, он будто нёс вокруг себя какую-то тёмную ауру. Даже в его квартире в Нью-Йорке доминировали чёрные тона: стены, мебель, простыни — всё было чёрным.

ТЕНОР: И однажды, на какой-то литературной вечеринке, его тёмные глаза встретились со светлыми глазами шестнадцатилетней школьницы, одетой в синее платье. Клэр Дуглас прибыла в Америку девятилетней девочкой в 1942 году, на корабле, увёзшем сотни английский детей от лондонских бомбёжек. По дороге ей довелось стать свидетельницей ужасного события: второй корабль, вёзший детей, был потоплен немецкой торпедой на её глазах. Клэр была покорена вниманием, которое начал оказывать ей известный писатель. Летом 1951 года они уже встречались регулярно, обменивались письмами и телефонными

звонками. Богатые родители Клэр тоже переехали в Америку из Англии, но детьми они интересовались мало, предоставляли им жить в приютах или в школах при монастырях. В одной такой школе монахини заставляли Клэр мыться под простынёй, чтобы не оскорблять Господа видом своей наготы. (Как будто Творец мог оскорбиться видом Своего творения!) Понятно, что девочке с таким воспитанием нелегко было входить в светский и богемный мир литературного Нью-Йорка.

БАС: Видимо, служба в контрразведке оставила сильный отпечаток на характере Сэлинджера, усугубила две самые заметные черты: скрытность и подозрительность. К моменту знакомства с Клэр он научился превращать в тайну все обстоятельства своей личной жизни. Никому не рассказывал о себе, отказывался давать интервью, фотографироваться, участвовать в собраниях. Купил себе дом в лесной глуши в штате Нью-Хемпшир и пропадал там неделями и месяцами, не имея даже телефона.

ТЕНОР: Клэр приезжала к нему туда на длинные викенды из университета. Чтобы соблюдать приличия, они с Сэлинджером сочинили воображаемую семью Тробриджей, которая якобы приглашала её в гости, и от имени миссис Тробридж посылали матери Клэр и в администрацию университета письма, где с восторгом описывали чудесные дни, проведённые юной студенткой в семейной атмосфере.

БАС: Впоследствии Клэр рассказывала своей подросшей дочери, что к тому времени она была без памяти влюблена в Сэлинджера. Смотрела на мир его глазами, читала те же книги по зен-буддизму и Веданте, которые читал он, осваивала йогу и медитацию. В какой-то момент Сэлинджер предложил девушке оставить университет, порвать с родными и друзьями и переселиться к нему насовсем. На такой резкий поворот жизни Клэр не смогла решиться. Она отказалась. И тогда её возлюбленный просто взял и исчез. Он не отвечал на её звонки и письма, не появлялся у общих знакомых. Она была вычеркнута из его жизни так же решительно, как он вычёркивал из своей прозы персонажей, не сумевших подняться до требуемого им уровня.

ТЕНОР: Клэр была в отчаянии. У неё начались какие-то загадочные болезни, она неделями лежала в больнице. Там за ней ухаживал старинный поклонник, выпускник Гарварда, умолял выйти за него замуж. Удручённая, растерянная, она согласилась. Но их брак продержался всего несколько месяцев. Клэр оставила мужа. Сэлинджер тем временем работал над рассказом "Фрэнни". Читатели, знавшие Клэр, потом говорили, что именно она явилась прототипом главной героини. Через какое-то время

отношения возобновились, и Клэр согласилась выполнить пожелание Сэлинджера: оставила университет и переселилась к нему. Рассказ "Фрэнни" был опубликован в январе 1955 года, а в феврале состоялось бракосочетание. И жених, и невеста заявили муниципальному чиновнику, что вступают в брак впервые. Хотя, как это ни парадоксально, первый муж Клэр стоял тут же среди приглашённых.

БАС: Если бы Клэр более внимательно читала "Над пропастью во ржи", она могла бы заранее узнать, что ей предстоит в уединённом лесном доме неподалёку от городка Корниш. Сэлинджер-Холден честно описал свою мечту: "Я решил сделать вот что: притвориться глухонемым. Тогда не надо будет ни с кем заводить всякие ненужные глупые разговоры. Все будут считать, что я несчастный глухонемой дурачок и оставят меня в покое… Построю себе на скопленные деньги хижину и буду жить там до конца жизни… Готовить еду я буду сам, а позже, когда мне захочется жениться, я, может быть, встречу какую-нибудь красивую глухонемую девушку, и мы поженимся… Если пойдут дети, мы их от всех спрячем. Купим много книжек и сами выучим их читать и писать".

ТЕНОР: Клэр не была глухонемой, но для близких и друзей она бесповоротно исчезла за бревенчатыми стенами Сэлинджеровского коттеджа. По его требованию, она не привезла с собой никаких вещей из её прошлого, сожгла рукописи студенческих работ и пьес, не отвечала на письма родных. Тотальное недоверие Сэлинджера к миру взрослых распространялось и на медицину, поэтому родившуюся дочку Маргарет (Пегги) долго не показывали врачам, лечили её детские хвори гомеопатическими лекарствами по книгам, стоявшим на почётном месте в домашней библиотеке. Сэлинджер проводил часы за письменным столом или с увлечением занимался огородом, а на Клэр лежала обязанность готовить завтрак, обед и ужин, ухаживать за ребёнком и два раза в неделю стирать и гладить все простыни, хотя водопровода в доме не было.

БАС: Каждое отступление от заведенного порядка навлекало на голову Клэр бурю упрёков и сарказмов. Так как, по учению зен-будизма, плотские влечения считались нечистыми, мешающими духовному просветлению, интимные отношения между супругами почти прекратились с началом беременности. Всё это, плюс полная изоляция от окружающего мира, привело Клэр на грань умопомешательства. Впоследствии она сознавалась взрослой дочери, что планировала убить её — годовалую — и покончить с собой. Это должно было произойти во время короткой семейной поездки в Нью-Йорк в 1957 году, когда Сэлинджеру нужно было

присутствовать на собрании в редакции "Ньюйоркера".

ТЕНОР: Видимо, какие-то высшие силы вмешались и удержали Клэр от выполнения задуманного. Она дождалась, когда муж ушёл из отеля, завернула дочь в одеяло и сбежала к своему отчиму, у которого была квартира в городе. Он отнёсся к ней с теплотой и пониманием, снял жильё для неё, нанял прислугу и даже оплачивал сеансы у психиатра, на которые Клэр являлась дважды в неделю. Видимо, сердце Сэлинджера уже было заворожено годовалой дочерью — через четыре месяца он приехал из Корниша и просил жену вернуться к нему. Она выдвинула свои условия: чтобы к дому была пристроена отдельная детская, а перед крыльцом устроена лужайка; чтобы ей и дочери разрешено было иметь друзей и встречаться с ними; чтобы были разрешены регулярные визиты к доктору. Муж согласился на всё.

БАС: Чтобы иметь возможность работать без помех, Сэлинджер выстроил на своём участке отдельный домик в сотне метров от главного. Поклонники писателя с жадностью набрасывались на новые произведения, посвящённые семейству Глассов: "Выше стропила, плотники!" (1955), "Симур: вступление" (1959), "Фрэнни и Зуи" (1961). Но критики демонстрировали раздражение и усталость от повторяющихся тем и приёмов. "Кого же представляют все эти чудесные дети на страницах его книг, столь живые, одарённые, привлекательные? Семь членов семьи, семь лиц и в каждом мы видим лицо Сэлинджера, любующегося самим собой. Мир Сэлинджера содержит лишь его самого." Джон Апдайк тоже упрекал автора в нарциссизме. "Дети Глассов слишком красивы, слишком интеллигентны, слишком образованы, и любовь автора к ним оттесняет чувство меры столь необходимое художнику. Слишком длинно, слишком много выкуренных сигарет, слишком много будь-я-проклят, слишком много религиозно-мистического пустословия."

ТЕНОР: Шум вокруг Сэлинджера нарастал, и его отшельничество только разжигало всеобщее любопытство. Журнал "Тайм", готовя номер, посвящённый загадочному писателю, разослал корреспондентов отыскивать его одноклассников, учителей, товарищей по военному училищу, однополчан, соседей, чтобы наскрести что-то похожее на биографический очерк. Верный себе Сэлинджер прятался от журналистов и непрошенных визитёров, менял время и маршруты своих поездок в почтовое отделение и в магазины, отказывался вступать в разговоры с незнакомцами. Он даже отказался появиться на большом собрании деятелей культуры, устроенном в Белом доме в 1962 году, несмотря на то что сама Жаклин

Кеннеди позвонила ему и просила приехать.

БАС: Среди его поклонников было немало душевно неуравновешенных. В письмах начали мелькать угрозы ему самому и семье. В 1960 году на свет появился сын Мэтью, и тревога родителей за детей нарастала. В собственном доме они чувствовали себя в осаде и со страхом ждали, когда над изгородью появится голова очередного любопытного. При том, что слава Сэлинджера среди юных читателей только росла, одновременно нарастал глухой протест со стороны учителей, родителей, религиозных групп. Делались упорные попытки выбросить "Над пропастью во ржи" из школьных библиотек и из списков книг, рекомендуемых старшеклассникам для чтения. Разве можно считать положительным героем, примером для подражания подростка, который только ругается, выпивает, курит, пропускает уроки, поносит взрослых, врёт, знается с проститутками?

ТЕНОР: Главной отрадой для Сэлинджера в начале 1960-х сделалась его подрастающая дочь Маргарет, которую все называли Пегги. На фотографиях с нею он выглядит абсолютно счастливым. Он возил её в школу, угощал мороженным и сэндвичами в кафе, учил играть в шашки и шахматы, брал с собой в библиотеку Дартмутского университета, где они получали очередную порцию фильмов, чтобы смотреть их вместе на домашнем проекторе. При всех нападках на Голливуд, вложенных в уста Холдена, при том, что Сэлинджер упорно отказывался давать разрешение на экранизацию своих произведений, даже когда его просили об этом такие режиссёры, как Элия Казан или Лоуренс Оливье, кино он обожал и многие чёрно-белые фильмы тридцатых годов мог смотреть по десять раз.

БАС: Чувствительная Пегги каждый раз убегала и прятала голову под подушку, когда в фильме "Иностранный корреспондент" начиналась сцена пыток. Отец сердился и говорил: "Вам с матерью только бы смотреть фильмы про Рождество и домашних щенков". Десятилетней девочке часто приходилось скрывать собственные чувства и пристрастия, чтобы сохранить расположение отца. Она уже знала, какие книги могут ему не понравиться, и читала их украдкой, стараясь, чтобы они не попадались ему на глаза. Однажды в автомобиле у них случилась размолвка. Через некоторое время он позвонил ей по телефону из своего "бункера" и сказал: "Знаешь, хорошо бы нам найти путь к примирению. Я всегда буду любить тебя, но если я порываю с человеком, я порываю *навсегда.* Для меня невозможно поддерживать отношения с тем, кого я не могу уважать".

ТЕНОР: В другой раз он стал упрекать дочь за то, что для неё

друзья дороже членов родной семьи. На это она дерзко заявила: "А у тебя друзей уже почти не осталось. Ты вообще способен выносить людей только в гомеопатических дозах". "У меня нет такой нужды в друзьях, как у тебя", — ответил отец с презрением, будто желание иметь друзей выглядело в его глазах постыдной слабостью. Похоже, что сдерживать себя в выражении своих чувств в отношениях с близкими ему казалось ненужным, неискренним. Его герой в повести "Зуи" говорит: "Я срываюсь, потому что я до чёртиков устал просыпаться каждое утро в гневе и в таком же гневе отправляться вечером в постель… Я знаю, как людям бывает тяжело со мной, каким я могу быть занудой, но я ничего не могу поделать с собой. Я просто не могу перестать язвить их и подкалывать".

БАС: В повести "Зуи" и в других произведениях, посвящённых семейству Глассов, Сэлинджер сочиняет таких людей, каких он мог бы полюбить. В годы его молодости была популярна песенка, в которой певец, разочаровавшись в непосто-нстве женщин, мечтает приобрести бумажную куклу в качестве жены. "Она всегда будет ждать меня дома с работы, никуда не убежит, будет верна и нежна", — неслось из репродукторов на танцплощадках. Сочинённые люди, как и бумажные куклы, хороши тем, что не могут огорчить нас своей непредсказуемостью — лучше удалиться с ними от всех живых в лесную хижину и доживать там без тревог и огорчений. Они будут послушно интересоваться тем же, чем интересуешься ты, — христианством, буддизмом, ведантой, гомеопатией, сайентологией, реинкарнацией — и так же послушно отбрасывать прежние увлечения ради чего-то нового.

ТЕНОР: Все, кого способны любить Холден и его создатель, так или иначе, — люди, не принадлежащие грешному миру. Это либо две монахини, собирающие на бедных, встреченные Холденом, либо старый учитель истории, стоящий одной ногой в могиле, либо монахиня Ирма, занявшаяся живописью, в рассказе "Голубой период Де Домье-Смита". Либо дети, ещё не вступившие в мир взрослых, не заражённые его тлетворным влиянием, как, например, мальчик Тэдди в одноименном рассказе. Либо это умерший брат Али, или покончивший с собой одноклассник Холдена, Джеймс Касл, либо приближающиеся к самоубийству Симур Гласс. В конце повести "Зуи" герой с большой помпой объявляет сестре — как невероятную новость, — что Бог живёт в душе каждого, даже самого заурядного, человека. Но это не может сгладить главного впечатления: мы, Глассы, тонкие и возвышенные, достойны любви автора и друг друга, а все остальные достойны только гнева и презрения.

БАС: В рассказе "Тэдди" всплывает тема реинкарнации. Её развивает мальчик-вундеркинд, объясняющий своему собеседнику: "Вы помните яблоко из Библии, которое Адам съел в раю?.. А знаете, что было в этом яблоке? Логика. Логика и всякое Познание… Больше там ничего не было. И вот что я вам скажу: главное — это чтобы человека стошнило этим яблоком… Большинство людей не хочет видеть вещи, как они есть. Они даже не хотят перестать без конца рождаться и умирать. Им лишь бы переходить всё время из одного тела в другое, вместо того чтобы прекратить это и остаться с Богом — там, где действительно хорошо".

ТЕНОР: Боюсь, Тэдди невнимательно читал Библию. Никакая логика не могла заставить Адама и Еву совершить такой нелогичный поступок: сшить смоковные листья и сделать себе опоясания. Съев яблоко с Древа познания *добра и зла,* они испытали нечто абсолютно новое, неведомое другим тварям — *стыд.* Они осознали, что есть разница между высоким и низким в их теле и что высокое это добро, а низкое — зло, и попытались прикрыть низкое. Именно по проявлению стыда, а не по созданию таблицы умножения, Бог узнал, что Его приказ был нарушен, что его создания вкусили яблока, приобщились Божественной прерогативе — знать разницу между добром и злом.

БАС: Действительно, там ведь дальше есть фраза: "Они станут, *как один из нас".* Значит — прочь их из рая, пока не поздно! Сэлинджер и его герои ко всему происходящему прилагают шкалу высоко-низко, но при этом упорно пытаются свести высокое к прекрасному — в творчестве, в поведении человека, во внешнем облике. Они отчаянно отказывают человеку в праве подняться на духовную высоту путём обыденного неталантливого добра. Каждому доброму поступку эстетическая контрразведка немедленно предъявляет подозрение — обвинение — в показухе, фальши, самовыпячивании. "Если я стану адвокатом, — говорит Холден, — как я могу быть уверен, что защищаю несправедливо обвинённых ради них самих, а не ради того, чтобы коллеги хвалили меня и хлопали по плечу?"

ТЕНОР: Мы уже обращали внимание на то, что в произведениях Сэлинджера нет стрельбы и бомбёжек. Потом согласились с тем, что героям его несвойственно чувство стыда и раскаяния за содеянное. Но есть и третья примечательная лакуна: совершенно нет природы. Сигарет выкурено до чёрта, опрокинутые или переполненные пепельницы — чуть ли не в каждом рассказе. Но нет ни одного зелёного кустика, распустившегося цветка, шумящего дерева, пролетевшей птицы, если не считать конечно умозрительных (и отсутствующих!) уток

Холдена в пруду Центрального парка. Дочь Пегги потом вспоминала, что однажды они с отцом стояли на террасе его дома, смотрели на летний пейзаж, и он вдруг обвёл его рукой и сказал поучительно: "Ты ведь понимаешь, что всё это — пелена Майи?". В другой раз жена предложила Сэлинджеру присоединиться к ней и детям в задуманной ими поездке на озеро с ночёвкой у костра. "Клэр, ты сошла с ума! — воскликнул он. — Я провёл целый год, замерзая в окопах. Никто не заманит меня добровольно ночевать под открытым небом".

БАС: Несмотря на отшельнический образ жизни, Сэлинджер не был равнодушен к политическим страстям, бушевавшим в стране в конце 1960-х. Волна демонстраций и митингов против войны во Вьетнаме докатилась и до Ньюхемпширской глуши. Двенадцатилетняя Пегги однажды вернулась домой из школы с нарисованным на щиколотке голубком мира. Сэлинджер пришёл в ярость. "Господь всемогущий! — кричал он. — Ты хоть представляешь, что случится, если мы уйдём из Вьетнама? Придут коммунисты и устроят кровавую бойню. Ты их не знаешь, не знаешь, на что они способны."

ТЕНОР: В 1966 году над приютом литературного отшельника нависла серьёзная угроза. По соседству с его участком была заброшенная ферма, за долгие годы почти исчезнувшая за разросшимися деревьями и кустами. Строительная фирма задумала расчистить территорию и выстроить на ней городок из недорогих передвижных домов. Прослышав про это, Сэлинджер поспешил купить участок и выстроил на нём для себя отдельный новый дом, в километре от старого. С этого момента жители городка Корниш стали смотреть на него с благоговением. Ведь он избавил их от такого нежелательного соседства! Они стали его верными союзниками в войне за спокойное уединение. На вопросы приезжавших журналистов и поклонников, распрашивавших о дороге к дому знаменитого писателя, они либо заявляли, что никогда не слыхали о таком, либо посылали в противоположную сторону.

БАС: Супруги Сэлинджер и раньше проводили мало времени друг с другом. Теперь, с постройкой отдельного дома, их встречи стали ещё более редкими. И если это происходило, общение, как правило, сводилось к спорам и ссорам. Причём в эти моменты они не считали нужным хотя бы выслать детей из комнаты. Каждое обвинение, каждый упрёк, каждое подозрение вылетали из их уст со страстной убеждённостью и врезалось в детскую память. Среди поучений, которые детям доводилось слышать от отца чаще других, было одно: "Ни в коем случае не повторите мою ошибку и не вступайте в супружеские отношения с кем-то,

кто окажется таким же патологическим лжецом, как ваша мать".

ТЕНОР: Летом 1966 года, устав от напряжённой домашней обстановки, Клэр возобновила визиты к психиатру. Она жаловалась на бессоницу, отсутствие аппетита, нервное истощение. Доктор пришёл к заключению, что болезненное состояние вызвано супружескими раздорами. Вооружённая этим диагнозом Клэр наняла адвоката и подала заявление о разводе. В нём были перечислены причины: "отказ супруга общаться с нею, грубость и оскорбления с его стороны в течение многих лет, прямые заявления о том, что он не любит её и не имеет желания сохранять их брак". Дело о разводе тянулось целый год. В сентябре 1967 суд вынес своё решение: дети остаются с матерью, но отцу разрешено навещать их; Клэр будет получать от бывшего мужа восемь тысяч долларов в год, плюс он обязуется оплатить обучение детей в колледже; старый дом остаётся за женой, но, в случае продажи его, Сэлинджеру должна быть предоставлена возможность купить его первым.

БАС: Сэлинджер смирился с этими тяжёлыми условиями, потому что понимал: если Клэр не получит старый дом и те 90 акров земли, которые были приписаны к нему, она предпочтёт забрать детей и уехать в Нью-Йорк или Калифорнию. А жизни без детей он себе представить не мог. Бывшие супруги превратились в соседей. Дети ночевали то в одном доме, то в другом. Клэр оживилась, стала чаще посещать парикмахерскую, спортивный зал, всевозможные собрания. Изголодавшись за десять лет по любви, тридцатичетырёхлетняя женщина кинулась навёрстывать упущенное. Среди её новых возлюбленных были самые разные мужчины — от известного голливудского сценариста до местного садовника. Нередко они оставались ночевать в её доме, даже пытались заниматься воспитанием детей. "Они напиваются там на мои деньги!", — возмущался бывший муж. Но что он мог поделать?

ТЕНОР: Когда дети гостили у отца, два-три первых часа он радовался им. Но наутро, после завтрака, неизбежно повторялась одна и та же сцена. Сэлинджер начинал расхаживать по гостиной, как тигр в клетке, взывая к потолку: "Я не могу написать ни страницы, когда дом полон народу!". Он усаживал детей перед телевизором, давал им какую-то еду, и удалялся в кабинет, где пытался хотя бы оплачивать счета и отвечать на деловые письма.

БАС: В зимние месяцы детям было нечего делать в доме отца, кроме как смотреть много раз виденные фильмы и есть. Приглашать друзей не разрешалось. Читать? Не дай Бог, отец увидит, что ты держишь в руках книгу презираемого им автора. Болтать по телефону? Это раздражало его безмерно. Когда визит

кончался, он с облегчением увозил детей к матери, переехавшей к тому времени в Гановер. Машину он водил всегда с превышением скорости, будто всё ещё мчался на джипе по полям Нормандии, шёл на обгон в запрещённых местах. То, что у дочери при этом белели костяшки судорожно сжимавшихся пальцев, считал просто странной детской причудой.

ТЕНОР: Сэлинджер продолжал писать, однако отказывался публиковать новые произведения. Последняя повесть, напечатанная им в 1965 году, называлась "Шестнадцатый день Хэпворта 1924 года". Она написана от лица семилетнего вундеркинда по имени Симур Гласс (да-да, того самого, про которого нам уже известно, что двадцать четыре года спустя он застрелится в финале рассказа "Хорошо ловится рыбка-банановка"), описывающего в письме родителям летний скаутский лагерь, в котором он оказался. Витиеватость стиля, парадоксальные суждения, смакование эротической привлекательности лагерной воспитательницы должны сразу дать понять читателю, что автор махнул рукой на требования правдоподобия. Да, мальчик Симур в свои семь лет, как и мальчик Тэдди в свои десять лет, превосходил своих родителей и прочих взрослых развитием умственных способностей. Не верите? Можете не читать — меня это не волнует.

БАС: И не читали. Редколлегия журнала "Ньюйоркер" привыкла беспре-ословно подчиняться решениям главного редактора, Уильяма Шона, если речь шла о произведениях высоко ценимого им Сэлинджера. Ведь он оказался прав, когда единолично, вопреки мнению остальных, приказал печатать повесть "Фрэнни и Зуи" — она таки имела успех у читателей. Однако публикация "Хэпворта" обернулась полной катастрофой. Даже горячие поклонники Сэлинджера оставляли чтение, не дойдя до середины. Критика обошла повесть неловким молчанием, но в частных разговорах все сходились на мнении, что писатель достиг творческого тупика. Если бы я был редактором-издателем, я бы предложил Сэлинджеру спасти повесть изменением всего одной цифры: вместо 1924 вписать в название 1934. Тогда Симуру было бы семнадцать лет, и шокирующая несообразность текста и возраста пишущего исчезла бы. Но не думаю, чтобы ньюхемпширский отшельник согласился "опуститься до такой банальщины".

ТЕНОР: После отказа печататься и встречаться с редакторами и издателями у Сэлинджера исчез последний стимул покидать своё гнездо. Год за годом он проводил зиму и лето дома, встречаясь только со своими детьми, выезжая только на почту, в магазин, в библиотеку. И однажды, весной 1972 года, получив

очередной выпуск журнала "Нью-Йорк Таймс Мэгазин", он заинтересовался опубликованной там статьёй, которая называлась "Взгляд на прожитое в восемнадцать лет".

БАС: Думаю, в первую очередь его должна была привлечь фотография автора, вынесенная на обложку. Первокурсница Йельского университета, Джойс Мэйнард, выглядит на ней тринадцатилетней. Миниатюрная, худенькая, она смотрит на нас с чуть печальной улыбкой, в которой доверие к миру взрослых окрашено опытом первых разочарований в нём. Её рассказ о созревании девочки-подростка в провинциальной Америке 1960-х помечен всеми знаменитыми именами и главными событиями тех лет: Кеннеди и Кастро, Битлы и Джоан Баэз, полёт на Луну и борьба за равноправие негров, вторжение телевиденья и марихуаны, первые баталии феминисток и лекции о противозачаточных средствах. Сэлинджеру должен был особенно понравиться финал очерка. Джойс писала, что её детские мечты стать знаменитой и богатой истаяли. "Теперь у меня более простая цель. Я хочу быть счастливой… У меня появилось внезапное желание — купить участок земли… Как некоторые готовятся к старости, я готовлюсь к моему двадцатилетию. Небольшой дом, удобное кресло, мир и спокойствие — звучит так заманчиво."

ТЕНОР: Очерк вызвал поток читательских писем. Однажды, перебирая очередную корзину с конвертами, Джойс дошла до того, на котором был обратный адрес: Д.Д. Сэлинджер, Корниш, штат Нью-Хэмпшир. Она, конечно, слышала это имя, но книг его ещё не читала. Сэлинджер писал, что текст очерка свидетельствует о настоящем литературном таланте и призывал Джойс бережно обращаться со своим даром, дать ему возможность созреть вдали от шума и суеты журнально-издательского бизнеса. Ей следует с недоверием и осторожностью относиться к тем людям, которые сейчас ринутся к ней с всевозможными предложениями, имея на самом деле одну цель: урвать свою выгоду.

БАС: Предсказание Сэлинджера сбылось. В недели, последовавшие за публикацией очерка, Джойс получила приглашения сотрудничать от журналов "Мадмазель", "Маккол" и других, встречалась с редактором издательства "Рэндом Хауз", а с издательством "Даблдэй" заключила договор на книжку своих воспоминаний. Предложенный ей гонорар превосходил годовую зарплату её отца — университетского профессора. При этом, чтобы покрыть плату за обучение, она продолжала подрабатывать посудомойкой в университетском кафетерии. Примечательно, что в том же 1972 году, среди студентов, возвращавших ей грязную

посуду, она могла увидеть никому тогда неизвестных Билла Клинтона, Хилари Родэм, Мэрил Стрип.

ТЕНОР: Джойс Мэйнард ответила Сэлинджеру — благодарила за советы и обещала запомнить их на всю жизнь. Он тут же откликнулся новым посланием, и письма начали летать между Корнишем и Нью-Хэвеном чуть ли не ежедневно. Теперь Джойс, принося почту домой, прежде всего кидалась искать заветный конверт, вскрывала его с волнением, вчитывалась в каждое слово. Сэлинджер писал о том, что его увлекало в последнее время, — религия, восточная философия, гомеопатия, жаловался, что это надолго отвлекало его от собственного творчества. Но он утешал себя тем, что так или иначе духовые искания будут потом питать его прозу и найдут в ней своё место.

БАС: При первом взгляде, главной темой переписки оставалась она, Джойс Мэйнард — её судьба, её талант, опасности, подстерегающие её на жизненном пути. Лишь перечитывая эти письма двадцать лет спустя, Джойс поняла, что Сэлинджер больше писал о себе: его ранний успех, связанное с этим болезненное погружение в интриги издательского мира, тщетные попытки оградить свою личную жизнь от бестактных вторжений, а своё творчество — от коммерческой эксплуатации. Он предостерегал её от возможных опасностей, подкарауливающих каждого пишущего, и тут же сам делал то, от чего он её предостерегал: осыпал похвалами, давал советы, подталкивал писать дальше, призывал никому не верить.

ТЕНОР: В одном из писем Сэлинджер прислал свой номер телефона и предложил звонить ему за его счёт. Их беседы порой длились за полночь. Конечно, Сэлинджер, как и Холден Колфилд, очень многое презирал в окружающем мире. Но если речь заходила о чём-то, что он искренне любил, — о его детях, или о каких-то проявлениях человеческой искренности и простоты, — он делался нежным, весёлым, даже сентиментальным. "У меня никогда не было такой дружбы, малыш, — писал он. — Бог знает, что из этого выйдет. Но я просто счастлив, что ты есть на свете, ходишь среди этих инопланетян. А может быть, это мы с тобой — инопланетяне?" Желание нравиться такому человеку, завоёвывать его признание и любовь сделалось сильнейшим душевным устремлением Джойс Мэйнард.

БАС: При этом оба они старались не замечать глубинную несовместимость, непересекаемость их жизненных дорог и целей. Сэлинджер хотел только покоя и одиночества, чтобы иметь возможность медитировать, читать, творить. Джойс не могла стать той глухонемой спутницей жизни, о которой мечтал Холден. Она так же мечтала об успехе и литературной славе, как

сам Сэлинджер в свои восемнадцать лет. Для неё издательский и театральный мир, от которого Сэлинджер отшатнулся с презрением, оставался сверкающим и манящим. Но, как и дочь Пегги, Джойс не решалась признаваться в своих подлинных предпочтениях, боясь утратить расположение такого яркого, талантливого, необычного человека. Она мечтала, чтобы он относился к ней так, как Холден относился к Фиби. Владея искусством слова, Сэлинджер покорил миллионы читательских сердец. Нужно ли удивляться тому, что восемнадцатилетняя неопытная девушка не могла устоять перед ним?

ТЕНОР: Через два месяца после начала переписки Джойс приняла приглашение Джерри провести викенд в его доме. Друзья подвезли её на машине в Гановер, где Джерри ждал её у входа в гостиницу. Для неё было совершенно естественно побежать к нему и обнять как дорогого друга. Потом он вёз её в автомобиле в Корниш, показывал дом, угощал ланчем. Она с готовностью подчинилась строгим диетическим правилам, установленным в его доме: хлеб, немного сыра, орехи, семечки, ломтики яблока. При этом беседа не прерывалась ни на минуту. Среди прочего, они выяснили, что в каждом из них — только половинка еврейской крови. Джерри рассказал, как долго от него и от его сестры скрывали тот факт, что мать их родилась в ирландской семье в Айове и только при выходе замуж перешла в иудаизм, превратилась из Мэри в Мириам. Потом они гуляли по заросшему участку в сопровождении таксы Джои. Когда поднимались по тропинке к вершине холма, Джерри впервые взял её за руку.

БАС: Видимо, пора оповестить наших зрителей и читателей, что детальный рассказ об этой любви содержится в воспоминаниях Джойс Мэйнард под названием "В мире — как дома", опубликованных в 1998 году, то есть четверть века спустя. Факт публикации вызвал бурю возмущения среди поклонников Сэлинджера. "Как можно было выставить на всеобщее обозрение человека, умолявшего только об одном: чтобы его оставили в покое?" Позже мы вернёмся к этическим и юридическим проблемам прижизненных публикаций писем, дневников, документов, связанных с биографией знаменитого человека. Пока же хочу сказать только одно: тот, кто считает подобные вторжения абсолютно недопустимыми, может в любой момент перейти с нашей программы на другой канал или захлопнуть книгу.

ТЕНОР: Во время первой встречи влюблённые не пошли дальше касания рук. Джойс уехала на лето в Нью-Йорк, где её засыпали предложениями журналистской работы. Роман

продолжал расцветать в своём эпистолярно-телефонном варианте, но ничуть не ослабевая. "Все эти годы, пока тебя не было в моей жизни, — писал Сэлинджер, — я легко справлялся с твоим отсутствием. Но теперь, когда мы встретились и ты снова исчезла, равновесие нарушилось. Сегодня утром я смотрел на кресло, в котором ты сидела, и мне было невыносимо грустно, что тебя в нём нет." В другом послании он описывал, как случайно столкнулся в городе с Пегги и Мэтью и как они все трое обрадовались встрече и как это славно иметь в жизни хоть несколько близких людей — включая её, Джойс, — которых можно любить по-настоящему.

БАС: Накануне праздника Дня независимости Сэлинджер вскочил в автомобиль и помчался в Нью-Йорк. После пяти часов быстрой езды он остановился около дома рядом с Центральным парком и поймал в объятия Джойс, выбежавшую ему навстречу. Они купили в магазине деликатесов пакет бубликов с копчёным лососем и тут же поехали обратно на север. По дороге он говорил ей, что любит в жизни всё настоящее, и именно поэтому полюбил её писания, её речь, её жизнь. Приехав в дом, они направились в спальню и начали раздевать друг друга, У него за плечами — два брака и множество связей. Весь опыт Джойс сводился к одному поцелую с мальчиком в выпускном классе школы. Но она верила, что такой сильный и нежный к ней человек знает, как сделать их обоих счастливыми.

ТЕНОР: Они говорят друг другу слова любви. Джойс пытается вспомнить инструкции и брошюры, которыми Йельский университет снабжал первокурсниц. Там было всё о противозачаточных средствах, об опасности венерических заболеваний, о первых признаках беременности. Но не было ни слова о том, что *это может не получиться.* Её тело не подчиняется её воле, отказывается впустить в себя возлюбленного. Она плачет от боли и унижения. Мучительный обруч стягивает ей виски. Джерри утешает её, укутывает одеялом. Потом берёт её руку и начинает ритмично надавливать на ладонь между указательным пальцем и большим. Головная боль постепенно проходит. "Я приготовлю тебе чего-нибудь поесть", — говорит Джерри.

БАС: Вместо двух намеченных дней Джойс провела в лесном убежище целых пять. И каждую ночь повторялось то же самое: попытка, неудача, головная боль, лечебный массаж ладони. Правда, опытный возлюбленный объяснил Джойс, что возможны альтернативы. Она была рада научиться им, рада возможности сделать счастливым хотя бы его одного. "Пока я это делаю, он будет любить меня", — говорила она себе. Он обещал погрузиться

в медицинские книги, найти имя её недуга, найти способ лечения. Теперь в её жизни появилась тёмная тайна, ещё более постыдная, чем её анерексия, чем пьянство её отца. И она делила её с Джерри. Странным образом, это делало его ещё более близким.

ТЕНОР: Джойс вернулась в Нью-Йорк и возобновила свою работу в газете. Но теперь влюблённые уже не могли довольствоваться почтой и телефоном. Несколько раз она летала к нему в Нью-Хемпшир, он, в свою очередь, приезжал в Нью-Йорк и проводил ночь в её квартире. Им обоим верилось, что, вопреки всем трудностям, они будут неразлучны. Двадцать лет прошло с той поры, когда Сэлинджер ухаживал за восемнадцатилетней Клэр, уговаривая её бросить университет, порвать все связи с прошлым, переселиться к нему. Теперь он просил Джойс о том же. И она тоже колебалась. В сентябре занятия в Йейле возобновились. Джойс записалась на несколько курсов, купила новое кресло для своей квартирки, цветы в горшках, ковёр, плакаты на стены. Но вместо того, чтобы наслаждаться уютом и ходить на лекции, она садилась на велосипед и часами колесила по окрестностям Нью-Хэвена, вспоминая дни, проведённые в Корнише. И однажды, вернувшись с прогулки, подняла телефонную трубку, набрала знакомый номер и сказала только три слова: "Забери меня отсюда". В ответ услышала: "Наконец-то! Господи, как я скучал по тебе".

БАС: Много лет спустя, когда Джойс Мэйнард опубликовала свои воспоминания, поклонники Сэлинджера возмущались тем, что она включила в них так много интимных подробностей. Но не сам ли Сэлинджер учил её быть предельно честной в писаниях? На мой взгляд, книга её представляет замечательную историю любви — страстной, драматичной, обречённой, как история Ромео и Джульетты. Образ Сэлинджера не был принижен в моих глазах после прочтения, наоборот — поднялся. Передо мной предстал человек, по-настоящему одарённый любовью, способный отдаваться своему чувству безоглядно и упоённо. В книгах Сэлинджера нет персонажей, способных так любить, как любит герой книги Джойс Мэйнард.

ТЕНОР: Совместная жизнь в Корнише не могла быть безоблачно счастливой. Джерри весь поглощён попытками осуществить призыв философии зен-буддизма — избавиться от желаний, задавить ненасытное "я", приблизиться к нирване. Строгая диэта, долгие часы медитации, чтение Рамана Махараши и других подобных трудов — всё направлено на эту главную цель. Джойс старается следовать за ним, но её желания слишком сильны. Она пытается выбросить из головы тщеславные мысли о

том, что ей надеть для фотографии, предназначенной на обложку её книги, и какую сделать причёску. О том, что хотела бы участвовать в мюзикле, который ставит её друг. О том, как ей завоевать расположение Пегги. И ещё она думает о еде. Испечённый ею банановый хлеб лежит на столе. Она не выдерживает — отрезает кусок, съедает. Потом ещё. И ещё. Потом, полная чувства вины, прокрадывается в ванную и пальцем умело вызывает рвоту. Иногда она придумывет предлог для поездки в городок, покупает там банку йогурта или коробку мороженого и тайком съедает их в отпаркованном автомобиле.

БАС: Как его герой Зуи, Сэлинджер не считает нужным — или не может — сдерживать своё недовольство. К приезду Пегги Джойс решила надеть миниюбку. "Ты выглядишь смехотворно", — говорит Джерри. Джойс написала статью о своих родителях, дала ему прочесть. Получает комментарий: "Умело. Бойко. Годится для публикации. Но при этом нет ни одной честной фразы. Ни слова о том, что твой отец алкоголик". Надвигается публикация книги Джойс и неизменно связанные с этим выступления в эфире, интервью газетам, рекламные поездки в книжные магазины. То есть, всё то, что Сэлинджер отверг с презрением. А она до сих пор не в силах поставить крест на своей литературной судьбе. "Наверное, ты такая же, как все они", — вздыхает Джерри.

ТЕНОР: Тем не менее, у них бывают просветы нежности и веселья. В автомобиле они распевают любимые песенки из старых кинофильмов. Джойс кладёт ему голову на плечо. Она всё ещё девственница, но они часто говорят о будущем ребёнке. Джерри рассказывает, что видел сон, в котором их ребёнок — девочка со странным именем "Бинт". Лезут в словарь — оказывается, на староанглийском это слово означает "девочка". Их единственное отступление от строгой диэты, единственная слабость — копчёный лосось. "Зачем нам ездить за ним в ньюйоркский магазин деликатесов?" — говорит Джерри. Он покупает сырое лососёвое филе, посолив, кладёт в проволочную корзинку, лезет на крышу дома, подвешивает корзинку в каминной трубе. Камин разожжён, но, увы, через пять минут весь дом наполняется дымом. Обуглившиеся куски лосося достались птицам.

БАС: Джойс чувствовала, что раздражение Сэлинджера против неё нарастает. Валяющаяся на полу юбка, забытая в раковине посуда, зубная щётка, поставленная в стакан ручкой вверх, а не вниз, — всё могло вызвать ядовитый упрёк. "Каждый раз после встреч с матерью ты начинаешь говорить таким же фальшивым театральным голосом, как у неё". В январе раздался телефонный звонок из журнала "Тайм", и звонивший сказал Сэлинджеру, что номер дала ему редактор, ведущая книгу Джойс.

"Как ты могла! — стенал Джерри. — Столько лет я делал всё возможное, чтобы оградить себя от вторжений. А теперь "Тайм" знает мой телефонный номер!" Но хочется спросить его: чем возмущаться, не проще ли было завести в доме отдельный телефон, только для подруги?

ТЕНОР: В те же месяцы другие беды и тревоги обрушились на Джойс. Её отец влюбился в молодую женщину и собрался уехать с ней в Англию. Сестра рассталась с мужем и вернулась в дом родителей с годовалым ребёнком на руках. Значит, и рождение ребёнка не может гарантировать верность возлюбленного? А она так мечтала, что девочка Бинт станет прочным связующим звеном между ними. В медицинских книгах Джерри отыскал описание её редкого недуга. Он называется "вагинизмус" — ненормальное сжатие вагинальных мышц. Вот если бы найти мудрого врача, который излечил бы её, помог бы её лону раскрыться!

БАС: Джойс и мысли не допускает, что проблема может быть не в ней, а в нём. Да, он в своё время зачал двух детей, которые успешно появились на свет и растут здоровыми и энергичными. Но с тех пор прошло двенадцать лет, заполненных постом, подавлением плотских порывов, раздуванием отвращения ко всему, что может отвлечь от духовного роста. На шестом десятке у многих мужчин детородный орган утрачивает былую крепость. Впоследствии Джойс выйдет замуж за своего ровесника, и "вагинизмус" каким-то образом испарится — они без труда родят ребёнка. Не могло ли оказаться, что две-три таблетки вайагры, покончили бы с тягостной ситуацией?

ТЕНОР: Врачам Сэлинджер не доверял. Но давнишний знакомый по гомеопатическим изысканиям порекомендовал ему одну жительницу Флориды, занимавшуюся альтернативными методами лечения и иглоукалыванием. Весной 1973 года Джерри, взяв с собой Джойс и обоих детей, отправился в Дайтона Бич. Джойс была удивлена, что её поместили в один номер с Пегги, а Джерри и Мэтью расположились в соседнем. Ведь дети, гостя в доме отца, много раз видели, что она ночует с ним в одной спальне. Но ей не хотелось расстраиваться из-за мелочей. Она мечтала, что загадочная докторша достанет волшебную гомеопатическую таблетку, даст ей проглотить её, воткнёт несколько иголок в нужные места и её тело раскроется для возлюбленного, как цветок.

БАС: Увы, ничего этого не произошло. Были расспросы, были долгие обсуждения, был медосмотр и иголки, но ничего утешительного сказано не было. Джерри и Джойс вернулись в отель печальные, печально расположились в складных креслах на пляже. Городские власти Дайтона-Бич почему-то разрешают

туристам разъезжать вдоль кромки океана на автомобилях. Из-за шума проехавшей "тойоты" Джойс не расслышала того, что сказал Джерри, и переспросила. "Я не хочу больше иметь детей, — повторил он. — С этим покончено. Я хочу, чтобы ты вернулась в Корниш, забрала свои вещи и уехала из моего дома. Не нужно, чтобы Пегги и Мэтью были свидетелями твоего отъезда. Я скажу им, что ты улетела, потому что получила известие о болезни отца".

ТЕНОР: Если эту любовную драму когда-нибудь перенесут на экран, сценаристу не будет нужды сочинять сцену расставания и отъезда Джойс Мэйнард — в её книге она воссоздана с душераздирающей скрупулёзностью. Ночью она не может сдержать слёз. Чтобы не разбудить Пегги, прокрадывается в ванную. Сэлинджер, разбуженный её плачем, присоединяется к ней. Садится на стульчак, она пристраивается на его коленях. Его пижама мокра от её слёз. "Я не могу жить без тебя… Не прогоняй меня…" Но нет — лучше мы пропустим, перескочим через потянувшиеся месяцы тоски, одиночества, безнадёжных звонков в пустоту, безответных писем, мучительного ощущения утраты смысла жизни. Джойс выживет. Очнётся от потрясения. Выйдет замуж. И не один раз. Родит и вырастит троих детей. Напишет и опубликует множество превосходных статей, несколько книг. По одному из её романов будет поставлен отличный фильм "Умереть во имя", с участием Николь Кидман и Мэта Дилана. А главное, сохранит то состояние души, которое позволит ей назвать свои воспоминания — "В мире — как дома".

БАС: Именно это Сэлинджер поставит ей в упрёк, когда они встретятся ненадолго четверть века спустя. "Ты слишком любишь мир — в этом твоя проблема." — "Да, — ответит она спокойно. — И вырастила троих детей, которые тоже любят мир." В нашей программе мы стараемся не осуждать и не восхвалять, только рассказывать, как всё было. А было так: писатель Сэлинджер сочинил Холдена Колфилда, который мечтал заниматься благородным делом — ловить заигравшихся детей на краю обрыва. Однако двадцать лет спустя этот писатель так заигрался, что сам заманил девочку-ребёнка на край обрыва и сам столкнул в пропасть отчаяния. Один из героев Сент-Экзюпери говорит: "Мы в ответе за тех, кого мы приручили". Видимо, для Сэлинджера эта фраза была бы пустым звуком. Ведь он гордился тем, что "если порывал с человеком, то порывал навсегда".

ТЕНОР: После разрыва с Джойс Сэлинджер возобновил жизнь отшельника в ньюхемпширском лесу. Дети выросли, видеться с ними удавалось редко. Зато участились попытки незваных гостей встретиться со знаменитым писателем, вырвать у него интервью,

сфотографировать тайком. Он решительно отказывал всем, бросал телефонную трубку, когда слышал незнакомый голос. Каково же было изумление корреспондентки "Нью-Йорк Таймс" Лэйси Фосбург, когда в её кабинете заверещал телефон и звонивший представился Джеромом Сэлинджером. Он хотел сделать короткое заявление для газеты. "Меня ограбили, — сказал он. — Было совершено противозаконное деяние. Это несправедливо. Представьте, что у вас в шкафу висит пальто, которое вам нравится. А кто-то придёт и заберёт его, потому что оно ему тоже понравилось. Полиция станет искать даже какой-нибудь старый украденный матрас и найдёт его. А этих воров никто даже не ищет!"

БАС: Возмущение Сэлинджера было вызвано полученным им известием о том, что кто-то осуществил пиратское издание его ранних рассказов, писавшихся в 1940-48 годах. На обложке: "Полное собрание рассказов, не включавшихся в прежние сборники", в двух томах. Неизвестные молодые люди являлись в книжные магазины Сан-Франциско, Чикаго, Нью-Йорка, представлялись сотрудниками издательства "Гринберг из Беркли" и предлагали купить у них пачки свежеотпечатанных книжек. Книготорговцы охотно принимали их на комиссию, платили по полтора доллара за том, а продавали за три или четыре доллара. По приблизительным подсчётам разошлось около 25 тысяч экземпляров. Сэлинджер подал в суд на неизвестного издателя и на 16 книжных магазинов, требуя 250 тысяч долларов в качестве компенсации за нанесённый ущерб и немедленного запрещения продаж. "Я написал эти рассказы давно, — говорил он, — и хотел бы, чтобы им дали тихо умереть естественной смертью." Его разговор с корреспонденткой "Нью-Йорк Таймс" был первым публичным выступлением за двадцать лет, и его перепечатали сотни газет, так же, как сообщение о судебном иске.

ТЕНОР: Было ещё несколько эпизодов, когда кому-то удавалось прорваться сквозь круговую оборону, выстроенную Сэлинджером вокруг своей жизни. Двадцативосьмилетняя журналистка из Луизианы, по имени Бетти Эппис решила попытать своего счастья. Она не стала посылать письмо по почте, а прилетела в Нью-Хемпшир, добралась до Виндзора и уговорила почтового клерка положить её послание прямо в ящик, арендованный Сэлинджером. Она извещала его о том, что хотела бы встретиться и будет ждать его на следующий день, на таком-то углу, в 9:30, в арендованном "пинто". Её приметы: ярко-рыжие волосы и зелёные глаза. (Прямо как в рассказе — "И эти губы, и глаза зелёные".)

БАС: Видимо, приметы подействовали — в назначенное время

Сэлинджер явился на свидание. Не веря своей удаче, Бетти поначалу даже всплакнула от волнения. Потом начала расспрашивать его о нынешних планах, о Холдене Колфилде, о том, насколько книга автобиографична. Похоже ни внешний облик гостьи, ни её речь не оправдали ожиданий Сэлинджера. К тому же, двадцать восемь лет — это вам не восемнадцать. Он отвечал только одно: "Читайте книгу, там всё написано". Потом извинился и ушёл в почтовое отделение. Но на обратном пути был перехвачен прохожим, который узнал его и попросил осчастливить рукопожатием. Это привело Сэлинджера в ярость. Может быть, он решил, что Бетти подстроила встречу. Он стал кричать на неё: "Этот незнакомый человек прикоснулся к моей руке! Уезжайте! Не звоните мне, не звоните моим друзьям. Уезжайте из Виндзора, из Корниша. Оставьте меня в покое!". Глаза Бетти, которые явно оказались недостаточно зелёными, снова наполнились слезами.

ТЕНОР: В середине 1970-х отношения с дочерью тоже перестали быть источником радости для Сэлинджера. В девятнадцать лет она с рыданиями порвала с очередным возлюбленным, оставила колледж и от отчаяния вышла замуж своего учителя карате, который к тому же был чёрным. Ради заработка устроилась автомехаником в гараже элекстростанции. Накопив денег, решила пойти учиться в Университет Брандайс. Сэлинджер был этим крайне недоволен. "Чему она может научиться в сегодняшнем университете?!" Поначалу он отказался оплачивать обучение, хотя этот пункт был включён в постановление суда о разводе. Только когда Клэр пригрозила сообщить об этом газетам, он смирился. В начале первого семестра Пегги однажды вернулась домой с занятий и обнаружила, что муж сбежал, украв автомобиль и оставив кучу неоплаченных счетов, которые съели все её скромные сбережения. Пришлось вернуться на работу в гараж.

БАС: В конце 1980 года произошло трагическое событие, которое неожиданным образом снова вынесло имя Сэлинджера на страницы газет и журналов. 8 декабря певец Джон Леннон с женой вышли из лимузина и направились к своему дому вблизи Центрального парка в Нью-Йорке. К ним подошёл неизвестный молодой человек, по виду — провинциал, и попросил автограф. Леннон выполнил его просьбу и пошёл дальше. Молодой человек достал пистолет и пять раз выстрелил певцу в спину. Тот упал, обливаясь кровью. Ошеломлённая жена опустилась рядом с ним на колени, пыталась приподнять голову, потом забилась в истерике. Убийца спокойно отошёл в сторону, уселся на край тротуара, достал книжку и принялся читать её в ожидании

полиции. Книжка называлась "Над пропастью во ржи".

ТЕНОР: Во время следствия обвиняемый, Марк Чэпмен, на вопросы о мотивах своего преступления отвечал только одно: "Читайте книгу Сэлинджера, там всё написано". Выяснилось, что он настолько идентифицировал себя с героем романа, что даже пытался легально изменить своё имя на Холден Колфилд. Изначально он был поклонником Джона Леннона, но потом тот, по мнению Чэпмена, изменил себе, погнался за успехом и деньгами, то есть стал "фони". А задача Холдена — очищать мир от таких людей. После суда и приговора, находясь в тюрьме, Чэпмен дал интервью Барбаре Уолтерс, в котором объяснял, что прошёл специальный сатанинский обряд, который превратил его в Холдена Колфилда.

БАС: Увы, название знаменитого романа всплывало, по крайней мере, ещё дважды в связи с кровавыми злодеяниями. 30 марта 1981 года полиция арестовала Джона Хинкли, стрелявшего в президента Рейгана. В карманах его пиджака, среди прочих вещей, был найден зачитанный экземпляр "Над пропастью во ржи". Как известно, Хинкли своим поступком хотел привлечь внимание актрисы Джоди Фостер. Другая актриса, Ребекка Шейфард, имела несчастье заполонить с экрана сердце другого психопата по имени Роберт Бардо. Он писал ей письма, умолял о встрече, однажды прокрался на съёмочную площадку. Актриса упорно игнорировала его. Однажды она открыла дверь своей квартиры на звонок и увидела перед собой непршенного поклонника. Не говоря ни слова, он извлёк пистолет и застрелил её. Полиция, идя по следу убийцы, нашла выброшенный пистолет, окровавленную рубашку и томик романа Сэлинджера. Конечно, у меня язык не повернётся назвать этот роман "индульгенцией на убийство". Но "индульгенцией на нелюбовь к миру взрослых" — назову.

ТЕНОР: Влюбляться издали — по переписке, по экранному образу, по фотографии — было свойственно и Сэлинджеру, и его героям. В начале 1980-х актриса Элейн Джойс была ошеломлена, получив от него письмо. Он писал, что смотрел несколько недель телешоу под названием "Мистер Мерлин" и был заворожен её игрой. Как и в случае с Джойс Мэйнард, всё началось с похвал и советов. Между ними завязалась оживлённая переписка. При встрече они не разочаровались друг в друге, и загорелся штрих-пунктирный роман, тянувшийся несколько лет. Свидания искусно скрывались, в отелях Сэлинджер регистрировался под именем мистер Болетус (boletus — гриб, лат.). Однажды его опознали, когда он приехал на спектакль с участием Элейн в Джексонвиле (Флорида), но оба сделали вид, что незнакомы друг с другом.

БАС: Нельзя не заметить сходные черты приёмов, применявшихся Сэлинджером в ухаживании за Клэр Дуглас, Джойс Мэйнард, Элэйн Джойс. Первый этап — поток комплиментов. Психологи, изучавшие тактику вербовки людей в различные культы, называют этот начальный период "бомбардировка любовью". Объект вербовки, как правило, очень неуверенный в себе, нуждающийся в моральной поддержке, хватается за протянутую ему соломинку, воображая её надёжным спасательным кругом. Второй этап: обрыв всяких связей и контактов с остальным миром. С Клэр и Джойс это удалось, с Элэйн, видимо, нет.

ТЕНОР: Но Сэлинджер не вербовал в культ. Добившись полной власти над Клэр, а потом и над Джойс, он утратил интерес к ним. Похоже, его увлекал сам процесс покорения. Примечательно, что после начала совместной жизни его увлечение этими двумя женщинами длилось ровно столько, сколько увлечение первой женой, Сильвией, — меньше года. Однажды Пегги ездила вместе с отцом на почту. Он извлёк из пачки конвертов один, показал ей. "Это от моей первой жены." И разорвал, не вскрывая. А Пегги подумала: "Вдруг у меня где-то есть сводный брат или сестра?".

БАС: В 1985 году Сэлинджер получил письмо из Лондона от известного поэта, Яна Гамильтона, автора нескольких сборников стихов и биографии Роберта Лоуэлла. В письме содержалась просьба о встрече или хотя бы о подробном письменном ответе на несколько важных вопросов. Гамильтон начал работу над биографией Сэлинджера и надеялся на его помощь. Ответа на это письмо не последовало. Тогда Гамильтон взял телефонную книгу Нью-Йорка и разослал письма-запросы всем имевшимся там Сэлинджерам. Одно из них достигло сына Мэтью, и он известил об этом отца. Тот отправил Гамильтону гневное послание, требуя прекратить вторгаться в его жизнь и тревожить членов его семьи. Настойчивый автор, который уже подписал договор с "Рэндом Хауз" на 100 тысяч долларов, продолжал своё исследование. Работая в американских архивах, он имел возможность ознакомиться с множеством писем Сэлинджера, переданных туда на хранение различными людьми. Цитаты из этих писем были включены в текст рукописи, сданной в издательство в мае 1985 года. Она называлась: "Д.Д. Сэлинджер: жизнь писателя".

ТЕНОР: Адвокаты "Рэндом Хауз" ознакомились с книгой на предмет отсутствия в ней клеветы, сделали ряд замечаний. Гамильтон внёс необходимые исправления, после чего переплетённые гранки были отправлены в несколько журналов, чтобы критики имели возможность заранее написать рецензии.

Видимо, один из этих экземпляров попал на глаза Сэлинджеру, и он нанял адвокатскую контору в Нью-Йорке, чтобы остановить издание. Повод: использование неопубли-кованных писем Сэлинджера было объявлено нарушением законов о копирайте. Зная отшельнический образ жизни своего героя, Гамильтон надеялся, что тот просто не захочет ввязываться в юридическую волокиту и не явится в судебное заседание. Не тут-то было. Сэлинджер приехал из Корниша в костюме и галстуке и предоставил себя для подробного допроса со стороны адвокатов "Рэндом Хауза".

БАС: А это далось ему нелегко. Приятельница редактора Шона потом рассказывала, что она ходила с ним на заседания и иногда должна была брать его руки в свои — так они дрожали. Потом уводила к себе домой и отпаивала куриным бульоном. Нечего и говорить, что корреспонденты толпились в зале и вся пресса в Америке и Англии освещала процесс. Судья решил дело в пользу Гамильтона, заявив, что цитирование писем осуществлено в рамках правил и что знаменитый писатель является фигурой общественной, поэтому публика имеет право получать информацию о нём, если она добыта законными способами. Адвокаты Сэлинджера немедленно подали аппеляцию, и аппеляционный суд отменил решение нижней инстанции. В общей сложности тяжба длилась почти три года. В конце концов, книга вышла в 1988 году, без цитат из писем и с изменённым названием: "В поисках Д.Д. Сэлинджера".

ТЕНОР: В октябре 1992 года, в час ночи, диспетчер пожарной службы городка Корниш услышал в телефонной трубке призыв о помощи. "Наш дом горит! Скорее!" — "Кто говорит?" — "Колин Сэлинджер. На помощь!" Так мир узнал, что Сэлинджер в какой-то момент, тайно от всех, женился в третий раз. Четыре пожарных машины примчались к уединённому жилищу. Пламя удалось потушить довольно быстро, дом сгорел только наполовину. На следующий день появились корреспонденты, но Сэлинджер и его новая жена категорически отказались разговаривать с ними. Впоследствии выяснилось, что Колин на сорок лет моложе мужа. Что она жительница Нью-Хемпшира и их иногда видели вместе в магазинах и ресторанах. Что по профессии она медсестра, а также занимается изготовлением традиционных одеял из цветных лоскутков — квилтов. Есть также сведения, что женитьбе предшествовала долгая переписка. Примечательная деталь: девичья фамилия Колин — О'Нил.

БАС: Круговую оборону секретности, выстроенную Сэлинджером — бывшим сотрудником контрразведки — вокруг своей частной жизни, некоторые комментаторы называли

"китайской стеной молчания". В книге Гамильтона мы находим интересную формулировку: "Он стал знаменит своим нежеланием быть знаменитым". Мне же представляется такая модель: так должен был бы вести себя человек, который искренне уверовал бы в неизбежность Страшного суда и вообразил, что ему по силам повлять на исход своего процесса. Каким образом? Точно так, как это делают обычные обвиняемые в человеческих судах: отказываются давать показания следователям, запугивают и дискредитируют свидетелей, придумывают контробвинеия, не являются на заседания суда, уничтожают улики и документы. Литагент Сэлинджера, Дороти Олдинг, по его требованию, сожгла сотни его писем, которые он отправлял ей в течение многих лет, точно так же поступили и многие другие его корреспонденты.

ТЕНОР: Другое возможное объяснение: по учению зен-буддизма, главная цель человека на земле — подавлять свои желания, выжигать каждый порыв, отвлекающий от духовного роста. Если допустить, что сильнейшим желанием Сэлинджера было писать хорошие книги и иметь успех у читателя, не может ли оказаться, что его отказ печататься и был направлен на подавление этого главнейшего проявления изначального эгоизма его внутреннего "я"? Вспомним, с какой страстью Фрэнни восстаёт против всеобщего стремления к успеху: "Я просто схожу с ума. Меня тошнит от того, что всюду — Я, Я, Я… Что каждый хочет куда-то прорваться, сделать что-то выдающееся, стать интересным для других… Это отвратительно — да, да, да!".

БАС: В романе Камю "Падение" герой говорит: "Суд над другими людьми постоянно шёл в моём сердце… Для меня вопрос в том, чтобы как-нибудь ускользнуть, да, главное — увернуться от суда. Я не говорю — увернуться от наказания. Наказание без суда можно перенести. У него есть название, гарантирующее нашу невиновность, — несчастье. Нет, речь идёт о том, чтобы избежать суда, избежать придирчивого судебного разбирательства, сразу его прервать, чтобы приговор никогда не был вынесен".

ТЕНОР: Это совпадает с рассказом сестры Сэлинджера, Дорис. Она сообщает, что с детства Джерри не переносил никакой критики в свой адрес. И обожавшая его мать поддерживала в нём этот настрой. "Джерри не может быть неправ" — и дело с концом. Отказы редакций, нападки рецензентов Сэлинджер переживал крайне болезненно. В разговорах с Джойс Мэйнард он обрушивался на издательский бизнес: "Люди, неспособные написать ни одной оригинальной строчки, будут подсовывать тебе свои блестящие идеи: добавьте здесь романтики, уберите раздражающую двусмысленность… Когда книга опубликована,

она больше не принадлежит тебе. Являются критики, стремящиеся создать себе имя на разрушении твоего… Публиковаться — такое постыдное дело. Влезать в него — это всё равно что гулять по Мэдисон-авеню без штанов".

БАС: И вот, в последние годы уходящего 20-го века в "Великой китайской стене тишины и секретности", один за другим, были проделаны три мощных пролома. Первый — книга Джойс Мэйнард. Незадолго до её опубликования в 1998 году Джойс без предупреждения приехала к дому Сэлинджера и постучала в дверь. Когда он увидел её, лицо его исказилось горечью и гневом. "Что ты здесь делаешь? Почему ты не написала письмо?" — "Я писала много раз — ты не отвечал. А приехала, чтобы задать тебе один вопрос: какова была роль, отведённая мне тобой в твоей жизни?" Он стал говорить, что она не заслуживает ответа на такой вопрос. Стоя на крыльце, не приглашая её в дом, он поносил её писания, её жизнь, её характер. Он обвинял её в том, что в своих мемуарах она вознамерилась эксплуатировать своё знакомство с ним. "Из нас двоих кто кого эксплуатировал четверть века назад?", — спросила она. "Я не эксплуатировал тебя, — сказал разъярённый писатель. — Я тебя вообще не знаю."

ТЕНОР: Издатели Джойс были научены горьким опытом Гамильтона и попросили её не цитировать имевшиеся у неё письма Сэлинджера. Она пересказала их своими словами, и дело обошлось без судебного иска. По американским законам, копирайт на текст писем принадлежит отправителю или его наследникам, но сами письма являются собственностью получателя. Дети Джойс подросли, ей нужны были деньги на их образование, и она выставила оригиналы четырнадцати писем на продажу. Аукцион проводился фирмой Сотби. Победил богатый предприниматель Питер Нортон, купивший их за 200 тысяч долларов. Оказалось, он сделал это из любви к Сэлинджеру и сочувствия к его борьбе за сохранение уединённого образа жизни. "Я могу прислать их вам или уничтожить — что вы предпочитаете?" Ответ Сэлинджера — если он последовал — неизвестен.

БАС: Вторая брешь была проделана новой биографией писателя, выпущенной Полем Александром в 1999 году. За двенадцать лет, прошедших с опубликования книги Гамильтона, всплыло много документов и сведений, которые были ранее недоступны, включая книгу Мэйнард. Загадку молчания Сэлинджера Александр истолковывал просто: ему было не о чем больше писать. Он приводил примеры других успешных писателей, переставших писать в середине жизни: Гоголь, Рембо, Маргарет Митчел, Харпер Ли, Трумен Капоте. Однако Пегги

утверждает, что отец показывал ей папки с рукописями и объяснял значение разноцветных ярлычков, наклеенных на них: красный означал "печатать после моей смерти как есть", синий — "печатать после редактуры", и так далее.

ТЕНОР: Думаю, третья брешь, проделанная мемуарами дочери, была для Сэлинджера самым тяжёлым ударом. Они были опубликованы в 2000 году под названием "Ловец сновидений". Пегги имела возможность близко наблюдать жизнь своего отца в течение сорока лет. Она рисует портрет человека, который непомерными требованиями к себе и другим, требованиями некоего недостижимого совершенства, загнал себя в тюрьму одиночества и тоски. Вот мелкий, но показательный, эпизод из её воспоминаний: будучи уже взрослой женщиной она навещает его, и они вместе поднимаются по деревянной лесенке на веранду дома. Перила пошатнулись под её рукой. Отец заметил это, и лицо его помрачнело. Как объясняет Пегги, он, конечно, знал об этой неполадке, но пока ничьи глаза не видели её, она как бы не существовала, и он мог не заботиться о ремонте. Каждый человек, приближавшийся к нему, входивший в его дом, открывавший его рукопись, нёс угрозу обнаружения несовершенства — поэтому-то Сэлинджер и бежал в полную изоляцию.

БАС: В книге Маргарет Сэлинджер описана школа-пансион в горах Адирондак, в которую родители поместили её, когда ей было двенадцать лет. Её бабушка, мать Клэр, согласилась оплачивать обучение, потому что в её кругу Кросс Маунтэйн Скул считалась престижным и образцовым учебным заведением. На самом деле, она оказалась страшнее тех приютов, в которых воспитывались Оливер Твист и Джейн Эйр. У меня сердце сжималось от жалости, когда я читал описание методов, применявшихся садисткой-директриссой, нацеленных на "исправление характеров непослушных школьниц". Их комнаты подвергались обыскам, почта вскрывалась, телефонные разговоры прослушивались. Доступ к еде был настолько затруднён, что после каникул Пегги тайком привезла пластиковый контейнер с булочками и зарыла его в лесу. За найденную под подушкой шоколадку директрисса устроила ей в своём кабинете двухчасовой разнос-допрос, называла "гадюкой в траве" и обещала "исправить".

ТЕНОР: Она заставила её написать матери покаянное письмо с "признаниями" в паранойе и лесбиянстве. Невзирая на болезнь лёгких, её вынудили принять участие в лыжном походе в горы, во время которого она чуть не умерла. Все просьбы к отцу забрать её из страшной школы натыкались на отказ. Шестеро одноклассников Пегги впоследствии либо попали в

психлечебницу, либо покончили с собой. Ей самой тоже досталась нелёгкая судьба, она тоже не раз оказывалась на грани отчаяния, пыталась отравиться. В какой-то момент загадочная болезнь крови выбила её из нормальной жизни на полтора года. Слабость была такая, что она порой не могла поднести чашку к губам, одолеть несколько ступеней на лестнице. Страховая компания прислала своего доктора и, по данным его медосмотра прекратила оплачивать ей инвалидность. Когда Сэлинджер узнал об этом, он прислал ей пачку брошюр по гомеопатии и подписку на журнал, посвящённый чудесным излечениям, осуществлённым Церковью Христианской Науки.

БАС: В конце книги Пегги не без сарказма перечисляет заповеди поведения, которые Сэлинджер внушал своим детям: ты не должна заниматься никаким видом искусства, если ты не гений; ты не должна изучать религию, иначе как во власянице у ног какого-нибудь иностранного гуру; нога твоя не должна ступать в университеты Лиги Плюща; делать в жизни ты можешь только то, что приближается к совершенству. Свой бунт против этих заповедей она сформулировала так: "Самобичевание, умерщвление плоти, накачивание нелюбви к себе представляется мне вариацией нарциссизма, ибо связано с таким же пристальным вглядыванием в своё отражение… Но мой отец никогда не согласится с тем, что доброе может храниться в несовершенном сосуде, что Бог может найти применение нам — таким, какие мы есть". Ей казалось, что, отказавшись подчиняться заповедям отца, она готова примириться с ним — таким, каков он есть. Но главный шок ждал её впереди. Когда она, наконец, забеременала в свои тридцать восемь лет, он обрушился на неё с попрёками, говорил, что это безответственно — приносить ещё одного ребёнка в этот тонущий мир, да ещё не зная, на какие средства она будет растить его. Он выразил надежду, что разумное начало в ней возобладает и она сделает аборт.

ТЕНОР: Нет, Пегги не оправдала ожиданий отца. Она родила здорового мальчика, и они с мужем сумели обеспечить его всем необходимым. Книгу она кончает пожеланиями отцу: "Мне бы хотелось, чтобы он узнал о том, что есть плодородное пространство между совершенством и разрушением, между небом и адом. Чтобы научился прощать. Чтобы мог сказать себе: может быть, не всё содеянное мною приближается к идеалу, но я всё равно достоин любви. Чтобы мог сказать другу, партнёру, ребёнку: может быть, мне не всё нравится из творимого тобою, но всё равно я люблю тебя, и ты можешь положиться на мою любовь".

БАС: К моменту смерти Сэлинджера в 2010 году Интернет

разрушил все попытки контролировать жизнь Холдена Колфилда. Биографии писателя продолжают выходить, и этот процесс остановить невозможно. Автор последней, Кеннет Славенски, заканчивает свой труд таким пассажем: "В течение какого-то времени Сэлинджер мог считать себя Американским пророком, гласом, взывающим в городской пустыне… В какой-то момент мы можем обнаружить, что он исполнил свой долг как автор и даже своё призвание пророка много лет назад. Теперь на нас ложится обязанность продолжить его историю, переданную от автора читателю для завершения. Изучение жизни Сэлинджера, со всеми её печальными особенностями и несовершенствами, а также с посланиями, содержащимися в его писаниях, возлагает на нас долг переоценить наши собственные жизни, вглядеться в наши глубинные связи с миром, взвесить меру нашей цельности".

ТЕНОР: Это перекликается со словами, которые говорит Холдену его бывший учитель, мистер Антонини: "В какой-то момент ты обнаружишь, что ты не первый, в ком люди и их поведение вызывали растерянность, страх и даже отвращение. Ты поймёшь, что ты не один так чувствуешь, и это тебя обрадует, поддержит. Многие, очень многие люди пережили ту же растерянность в вопросах нравственных, душевных, какую ты переживаешь сейчас. К счастью, некоторые из них записали свои переживания. От них ты многому научишься — если, конечно, захочешь. Так же, как другие научатся от тебя, если у тебя будет что им сказать. Взаимная помощь — это прекрасно. И она не только в знаниях. Она в поэзии. Она в истории". Сэлинджеру было что сказать нам — и он выполнил этот свой долг не только своими книгами, но и своим сорокалетним молчанием, которое нам предстоит расшифровывать ещё очень долго.

Ричард Бартон (1925–1984)

БАС: Он достиг в своей жизни всего, о чём, казалось бы, и мечтать не смел мальчик из бедного шахтёрского посёлка в провинциальном Уэльсе. Но, подводя итог, он мог бы сказать, перефразируя Экклезиаста: "Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывал им, не возбранял сердцу никакого веселья; я купил себе дома и корабли, приобрёл слуг и служанок; собрал серебра и золота и драгоценностей; слух мой услаждали певцы и певицы и разные музыкальные орудия; женщины и девы падали в мои объятия, а самая прекрасная стала моей женой; и оглянулся я на все дела мои и на труды; и вот — всё суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем".

ТЕНОР: Да, многие художники и артисты, на вершине успеха и признания впадали в беспричинную тоску: Лев Толстой, Хемингуэй, Сэлинджер, Вуди Аллен, Джуди Гарланд, Элвис Пресли, Майкл Джексон и сотни других. Но поклонники Ричарда Бартона могли бы возразить вам и сослаться на множество его реальных неудач и поражений, которые были бы достаточны, чтобы вогнать чувствительную душу в депрессию. Он был семь раз номинирован на премию Оскара, но так ни разу и не получил её. Чтобы прятать своё богатство от налогов, он был вынужден вести жизнь кочевника, не имеющего возможности завести постоянный дом ни в Англии, ни в Америке. У красивейшей женщины мира, доставшейся ему в жёны, нрав был неукротимый (забудьте сказку Шекспира-Дзеффирелли), и, в конце концов, они вынуждены были расстаться. Мечта стать писателем или хотя бы написать автобиографию не осуществилась. А про своё ремесло он однажды написал в дневнике: "Мне кажется, всю жизнь я тайно стыдился быть актёром".

БАС: Один из биографов Ричарда Бартона писал, что своим характером он напоминал ему древне-кельтского вождя, чья жизнь проходила в дерзких набегах на богатые селения в долине, после которых он возвращался в свои пещеры с богатой добычей. Уже в одиннадцать лет он совершил подвиг неслыханный в шахтёрском роду Дженкинсов: сдал экзамен на право учиться в средней школе. К тому времени он потерял мать и с двухлетнего возраста воспитывался в семье старшей сестры, Цецилии (или Сис). Её муж, Элфед Джеймс, работал в шахте и поддерживал всю семью жены, потому что их собственный отец оставлял все свои заработки в пивных или на собачьих и петушинных боях. Однако в конце 1930-х Элфед остался без работы, Ричарду пришлось уйти из школы и поступить клерком в магазин одежды.

ТЕНОР: "Как он ненавидел свою работу!", — вспоминала потом сестра Сис. К пятнадцати годам главные страсти подростка определились, и он отдавался им со всей энергией своей неуёмной натуры. Спорт, книги, девочки, сцена — в любой последовательности — он разрывался между этими увлечениями. Конечно, сортировка носков и рубашек в магазине переживалась им как тягостная обуза, и он мстил своей работе, выполняя её из рук вон плохо. У него даже хватило дерзости преступать границы законности. В военное время карточки были введены не только на еду и бензин, но и на одежду тоже. Родственники и приятели Ричарда порой имели шанс приобрести в его лавке пиджак, шапку, перчатки сверх лимита. Но не к этому ли призывал Христос, когда учил: "Приобретайте себе друзей богатством неправедным" (Лука, 16:9). То есть раздавайте бедным не только своё, но и чужое.

БАС: На счастье Ричарда судьба свела его с человеком, сумевшим разглядеть в нём незаурядный актёрский талант. Филип Бартон преподавал в школе историю и математику, а также играл в церкви на органе, сочинял пьесы, участвовал в радиопередачах Би-Би-Си, руководил группой скаутов — будущих пилотов. Но главное: он ставил школьные спектакли. И он считал своим долгом поддерживать и развивать любую одарённость в молодых людях, встреченных им на жизненном пути. Он сумел уговорить Ричарда вернуться в школу, он давал ему уроки актёрского мастерства, он помогал ему с деньгами, одеждой, жильём, он дал ему вкусить отраву сценического успеха в роли профессора Хиггинса. Ричард был так благодарен ему, что согласился стать его приёмным сыном и взять его фамилию — превратился из Дженкинса в Бартона.

ТЕНОР: А потом в газетах появилось объявление: известный драматург и режиссёр, Эмлин Вильямс, ищет молодых актёров из Уэльса для своей новой пьесы, которая будет поставлена в Лондоне осенью 1943 года. И Филип Бартон сделал всё возможное, чтобы его ученик поехал на пробы. Эмлин Вильямс потом описал свои впечатления: "Ричард выглядел необычайно привлекательным. Чудесные сине-зелёные глаза. Никакой суетливости, никакого позирования. Почти застенчивый, но при этом уверенный в себе. Моя учительница сказала мне: "Похож на тебя; но в нём ещё есть скрытый дьявол, которого нет в тебе"."

БАС: До мобилизации в армию Бартон полгода проучился в Оксфорде, где летом 1944 года принимал участие в студенческой постановке Шекспировской комедии "Мера за меру". Военную службу он отбывал в наземных частях Королевского воздушного флота. Его демобилизовали в 1947 году, и для него началась

нелёгкая жизнь молодого актёра, вынужденного состязаться с сотнями своих талантливых сверстников за контракты и роли. Гастроли в провинции, участие в радипостановках, чтение стихов, пробы для телевиденья — он брался за любую работу. В какой-то момент он оказался среди тех, кто должен был продемонстрировать свои способности перед знаменитым Джоном Гилгудом. Тот вспоминал потом: "В Бартоне был настоящий театральный инстинкт… Это случается не часто… В нём было что-то солнечное, такая уверенность в себе, но без тщеславия… Мог прихвастнуть, но так неназойливо, как хвастают в пивной. Всегда полон занятных историй. Невероятно начитанный, горы стихов знал наизусть… Ну, и конечно, дамы и девицы так и вились вокруг него".

ТЕНОР: Один из его товарищей по амурным приключениям так объяснял природу его успеха: "Понимаете, он отдавался каждой женщине, которая отдавалась ему. Он рассказывал им занятные истории, дарил подарки, смешил их в постели. Когда женщина была с ним, ей казалось, что она — самая главная для него на свете. Хотя ясно было, что через пару недель её сменит другая. Он был охотник, но отдавался этому занятию не ради умножения числа своих трофеев. Ему хотелось, чтобы они оба получали радость от происходящего".

БАС: Режиссёр Вильямс однажды спросил его, где он провёл предыдущую ночь. "Выпивал, — ответил Бартон. — В компании нескольких озорниц." — "Почему бы тебе не найти приличную девушку и не угомониться?" — "А где её взять?" — "Вокруг тебя так много очаровательных актрис. Посмотри вон на ту, в другом конце сцены. Её зовут Сибил Вильямс. Пойди и представься ей." Бартон так и сделал. Через несколько месяцев они с Сибил поженились. Ему было двадцать три, ей — восемнадцать.

ТЕНОР: Первый настоящий успех пришёл к Бартону в 1951 году, когда, при поддержке Гилгуда, он получил роль принца Хола во время шекспировского фестиваля в Стратфорде-на-Эвоне. И публика, и критики были захвачены мастерством молодого актёра. Там, где его предшественники, как правило, изображали безвольного собутыльника Фальстафа, Бартон играл юношу, который и в шуме пирушки вглядывался в те годы, когда ему предстояло принять бремя королевской мантии и короны. Особенно завораживал его голос, богатый модуляциями, безупречный по искренности интонаций.

БАС: Успех Бартона на британской сцене очень скоро привлёк к нему внимание неутомимых ищеек Голливуда. Студия "Двадцатый век Фокс" в 1952 году заключила с ним контракт на три фильма, которые должны были принести ему 80 тысяч фунтов

стерлингов — неслыханная сумма по тем временам. В Лос-Анджелесе его и Сибил приветливо встречали Лорен Бакал и Хамфри Богарт. Вновьприбывшие вскоре стали желанными гостями в домах других кинозвёзд, населявших Беверли Хиллс. Кол Портер играл для них на рояле, Джуди Гарланд пела, Оливия де Хэвилленд и Грета Гарбо любили пикироваться с Ричардом. Но, похоже, ни перелёт через океан, ни присутствие жены ничуть не охладили его страсти к прекрасному полу.

ТЕНОР: Кажется, не было на свете человека, который сказал бы плохое слово о Сибил. Уэльсская родня Бартона обожала её, друзья-актёры восхваляли, приёмный отец, Филип Бартон, всегда принимал её сторону в семейных конфликтах. Она была весела, приветлива, обладала чудесным голосом, умела держать себя с достоинством, не терялась перед знаменитостями. Сам Бартон много раз повторял, что ему не следует огорчать Сибил и что он никогда её не оставит. Однако стоило новой прелестнице попасть в поле его зрения, и все благие намерения бывали забыты.

БАС: Про таких, как Бартон, в Голливуде бытовала присказка: "К нему надо являться со своим матрасом". Актриса Джоан Коллинс рассказывала, что она отвергла его ухаживания, но он продолжал настаивать, уверяя её, что любая женщина рано или поздно отдаётся ему. "При такой ненасытности вы, наверное, могли бы совокупиться и со змеёй", — сказала Джоан. "Только если она будет носить юбку", — отпарировал Бартон. Как ни парадоксально, и в жизни, и на сцене этот человек паталогически боялся чужих прикосновений, старался любым способом избегать их. Поцеловаться перед камерой с актрисой, в которую он не был влюблён, оборачивалось для него мученьем.

ТЕНОР: Три первых фильма с участием Бартона не имели большого успеха, но репутация актёра укрепилась настолько, что ему был предложен контракт уже на семь картин, за которые он должен был получить миллион долларов. К изумлению всего Голливуда и возмущению продюсеров, он отказался от этого богатства и вернулся в Англию, где он давно обещал сыграть Гамлета в старинном лондонском театре Олд Вик за 45 фунтов в неделю. Роль Офелии в новой постановке отдали молодой прелестной актрисе Клэр Блум. Роман между ними загорелся уже на репетициях, а во время гастролей скрыть его оказалось невозможно. Только жена ничего не знала — или делала вид. Если Сибил появлялась у входа в театр, кто-нибудь из актёров всегда успевал добежать до уборной Бартона, и Клэр имела возможность спрыгнуть с его колен и скрыться.

БАС: В своих воспоминаниях Клэр Блум пишет, что Ричард Бартон был первым мужчиной в её жизни. Когда она получила

роль Офелии, ей было двадцать два года, но она уже успела привлечь к себе внимание, снявшись в фильме Чаплина "Огни рампы". Их отношения с женатым Ричардом казались ей чем-то естественным, чем-то, что не могло не случиться. Если он оставался в её квартире на ночь, жене наутро говорил, что пьянствовал с друзьями. Во время гастролей в Европе труппа должна была проехать из Дании в Цюрих на поезде. Купе, в котором ехали Бартоны, было отделено от купе Клэр небольшой гостиной. Отчаянный ловелас Ричард ухитрился незаметно покинуть свою постель и прокрасться в купе возлюбленной.

ТЕНОР: При своей искренней и несомненной любви к Сибил, при том, что он старался скрывать от неё свои похождения, моногамный идеал был отброшен Бартоном с самого начала как нечто несуществующее. Уехав в Америку, он продолжал засыпать Клэр нежными письмами. "Я люблю тебя с какой-то жуткой интенсивностью, порой просто застываю над листом бумаги, нацелив неподвижное перо, и тоскую по тебе, и вспоминаю, и воскрешаю в воображении. Люблю тебя пугающе и красиво". Похоже, его понимание любви включало не обязательно даже обладание, но прежде всего то, что происходило в сердце человека. Их роман не возобновился, каждый пошёл своей дорогой, но много лет спустя, передавая через общую знакомую привет Клэр Блум, Бартон добавил: "И скажите ей, что я никогда не переставал любить её".

БАС: В 1953 году произошло горестное для Бартона событие: на тридцать девятом году жизни умер от алкогольного отравления его близкий друг, его поэтический кумир, Дилан Томас. Английская поэзия, от Джона Донна и Шекспира до Байрона, Китса, Шелли, Элиота занимала огромное место в душе Ричарда Бартона. В его блистательном исполнении англичане и американцы слышали сотни стихов по радио и со сцены. Поэзия была для него той дверью в Неведомое, Надмирное, Непостижимое, Неземное, какой для других бывает религия. Мне кажется, в выборе своих ролей он подсознательно руководствовался призывом Дилана Томаса:

Не уступай безмолвно вечной тьме…
Взрывай её проклятьями, мольбами.
Не уступай безмолвно вечной тьме.
Борись, борись за свет в своём окне.

ТЕНОР: А внизу, на грешной земле тем временем текла обычная грешная жизнь. Клэр Блум продолжила свою блистательную карьеру на экране, где судьба ещё несколько раз сводила её с неуёмным соблазнителем из Уэльса. Её героиня в фильме "Оглянись во гневе" (1958) говорит Бартеру/Джимми

Портеру: "Я никого уже не смогу полюбить так, как любила тебя". Она пленяла одного за другим таких талантливых мужчин, как Род Стайгер, Лоуренс Оливье, Филип Рот. У супругов Бартонов в 1957 году родилась дочь Кэйт, брак их казался прочным, неуязвимым для продолжавшихся похождений Ричарда. Слава его росла, вместе с ней росли заработки, и приходилось думать о том, как прятать их от налогов. Наилучший способ — жить большую часть года за границей. Для этой цели был куплен дом в окрестностях Женевы. По распоряжению хозяина, при перестройке его было выделено просторное помещение для домашней библиотеки.

БАС: В то время, когда семейный корабль Бартонов, казалось бы, входил в спокойные воды на берегах Женевского озера, в далёкой Америке страшное несчастье постигло женщину, которой было суждено торпедировать этот корабль. В марте 1958 года третий муж Элизабет Тэйлор, известный продюсер Майк Тодд, погиб в авиационной катастрофе. Вдова была безутешна. Хотя к этому моменту она уже снялась в дюжине фильмов и считалась восходящей звездой Голливуда, утрата любимого мужа на втором году брака погрузила её в тоску и растерянность. Красивая, знаменитая, богатая, плюс плывущая в океане печали — какой мужчина может устоять перед таким сочетанием? И муж ближайшей подруги, певец и актёр Эдди Фишер, не устоял. Через год после гибели третьего мужа Элизабет Тэйлор вышла замуж четвёртый раз, в возрасте двадцати семи лет.

ТЕНОР: Предыдущая жена Фишера, актриса Дебби Рейнольдс, была любимицей американских кинозрителей. Газеты и таблоиды обрушились на Элизабет Тэйлор, объявили её разрушительницей семейных устоев и угрозой для моральных основ государства. В 1950-е годы киноиндустрия строго следила за моральным обликом своих звёзд. После того как Ингрид Бергман убежала с режиссёром Роберто Росселини, её карьера в Голливуде была кончена. Мало кто из зрителей знал тогда, что браки внутри целлулоидного королевства часто устраивались под давлением киностудий, которые стремились выстраивать облик каждого актёра и актрисы, подгоняя их под вкусы публики. Оба первых замужества Элизабет Тэйлор были негласно санкционированы дирекцией и продюсерами. Но, видимо, к моменту скандала статус её уже был так высок, что изгнание ей не грозило. Кассовые сборы, приносимые фильмами с её участием, говорили сами за себя. И в 1961 году она была приглашена на роль Клеопатры в одноименном блокбастере, с вознаграждением в миллион долларов.

БАС: На эту картину студия "Фокс двадцатого века"

возгалагала большие надежды. Бурно развивающееся телевиденье теснило кинопромышленность, заставляло изыскивать новые пути к сердцам и кошелькам зрителей. В качестве режиссёра был приглашён Джозеф Манкиевич, прославленный и осыпанный премиями за фильм "Всё о Еве". На роль Юлия Цезаря он выбрал английского актёра Рекса Харрисона. Ричард Бартон в это время играл в Америке короля Артура в спектакле "Камелот", но режиссёр хотел только его на роль Антония. Студии пришлось "выкупать" Ричарда у театральных продюсеров за пятьдесят тысяч долларов и подписать с ним контракт ещё на 250 тысяч.

ТЕНОР: С самого начала разорительные неудачи сыпались на этот фильм одна за другой. Местом съёмок был выбран Рим, но летом 1960 года там проходила Олимпиада. Пришлось передислоцироваться в Лондон, в надежде на то, что британская погода смилостивится и хоть на несколько дней прикинется Средиземноморьем. Не тут-то было. Холодные дожди заливали съёмочную площадку с таким упорством, что Элизабет Тэйлор подхватила простуду, та перешла в бронхит, бронхит — в воспаление лёгких. В больнице она впала в кому, и её удалось спасти только взрезав трахею. Из-за её болезни неделя за неделей проходили впустую, но нанятым актёрам и массовке студия должна была платить указанную в контракте зарплату.

БАС: Только в конце 1961 года продюсерам удалось преодолеть все препятствия и начать съёмки в Риме всерьёз. Студия оплатила переезд семейства Бартонов, сняла для них виллу, наняла слуг и выделила тысячу долларов в неделю "на мелкие расходы". Элизабет Тэйлор прибыла со своими четырьмя детьми (два сына от второго мужа, дочь — от третьего и ещё одна — удочерённая ею с четвёртым), в окружении нянек, телохранителей, собак, кошек, секретарей, парикмахеров. Во время первой встречи на съёмочной площадке в январе 1962 года оба держались настороженно. Бартон жаловался режиссёру, что его партнёрша не владеет техникой актёрского ремесла, "не играет, а просто присутствует" перед объективом. Но Манкиевич показал ему первые пробы, и Бартон должен был признать, что замершее лицо Элизабет на экране может оказывать более сильное драматическое воздействие, чем профессиональная мимика, которой он привык пользоваться на сцене.

ТЕНОР: Первые месяцы в Риме и Элизабет, и Ричард выглядели вполне довольными своими семейными отношениями. Бартон был нежен с женой и обеими дочерьми, Элизабет регулярно говорила по телефону с мужем, когда тому нужно было уезжать в Америку на запланированные концерты. Некоторые свидетели потом утверждали, что поначалу эти двое

недолюбливали друг друга. Пунктуальный Бартон бесился, когда избалованная голливудская звезда являлась на съёмочную площадку с часовым опозданием, за глаза называл её "мисс титьки". Элизабет считала его неотёсанным, смеялась над его примитивными комплиментами. ("Кто-нибудь уже говорил вам, что вы прелестная женщина?") Мужу сказала, что у Бартона под ногтями можно выращивать огород.

БАС: Но вскоре её насмешливость испарилась. Она была ошеломлена непредсказуемостью и напором нового поклонника. Он мог утром встречать её на площадке нежными словами, а вечером отказывался отвечать на её телефонные звонки. Кто-то посмел отвергнуть царицу Голливуда и Египта?! Отвергнуть жрицу любви, колесницу которой тысячи итальянцев, одетых в тоги и туники, встречали на улицах Рима восторженными воплями?! Нет, с этим смириться было нельзя. С детства Элизабет Тэйлор привыкла добиваться того, чего она хотела, и препятствия — сопротивление — только разжигали её.

ТЕНОР: Постепенно внутренний любовный жар, постоянно пылавший в обоих всю жизнь, начал проникать сквозь плёнку обыденных слов и жестов. Они словно бы опознали друг в друге тайных соплеменников ("ты и я — мы одной крови!") — и потянулись один к другому неудержимо.

БАС: Возможно, и доставшиеся им роли способствовали разгоранию пожара. Представим себе Антония/Бартона, со страстью говорящего Клеопатре/Элизабет: "В тебе соединилось всё, что я люблю на этом свете, что хотел бы сберечь в своих руках." — "Мир без тебя, Антоний, — отвечает она, — это мир, в котором я жить не хочу." — "Что случилось?", — спрашивает она в другой сцене. "Со мной? *Ты* случилась со мной", — отвечает он. Режиссёр восклицает своё привычное "стоп!", но эти двое не в силах выпустить из объятий друг друга. По сценарию, в припадке ревности Клеопатра должна была выкрикнуть имя женщины, на которой женился Антоний, но Элизабет Тэйлор восклицает: "Сибил?!".

ТЕНОР: Некоторые свидетели в своих мемуарах утверждают, что поворотным моментом оказлась сцена купанья полуобнажённой Клеопатры/Тэйлор. Как бы там ни было, оба не скрывали, какую огромную роль в их жизни играл — даже не римский Амур с кудряшками и игрушечным луком, а грозный греческий Эрос. Стаи фотографов-папарацци кружили вокруг съёмочной площадки, укрыться от них было невозможно ни в дальнем отеле, ни в доме друзей, ни на частной яхте. В какой-то момент любовники махнули на всё рукой и стали появляться на людях открыто.

БАС: Они сами были ошеломлены тем, что с ними происходило. Элизабет вспоминала потом: "Вы не можете вообразить, что это такое: держать в объятиях Ричарда Бартона и слышать его божественный голос, льющий тебе в уши слова любви. Все тревоги, беды, страхи растворялись, отлетали прочь… Изменить ему было так же невозможно, как не влюбиться в него". А он писал ей в письме: "Я жажду впивать твой запах, касаться твоих сосков и округлого живота, и копилки со щелью, и неповторимой гладкости бёдер, и детской мягкости ягодиц, и податливых губ, я жажду увидеть твой почти враждебный взгляд, когда тебя седлает твой уэльский жеребец".

ТЕНОР: Наконец, нашлись "добрые" друзья, которые донесли Фишеру о происходящем. Лёжа рядом с женой в постели, он спросил: "У тебя есть что-то с Бартоном?". "Да", — тихо ответила прямодушная Элизабет. Муж встал, упаковал чемодан и покинул виллу. Однако смириться с утратой любимой жены не смог и отправился донести о происходящем Сибил. Та заверила его, что с самого начала их брака знала о похождениях Ричарда, но решила смириться с этим, потому что он любит только её и всегда возвращается к ней. Сама же на следующий день отправилась на съёмочную площадку и закатила любовникам такой скандал, что съёмки пришлось прервать на целый день. Студии это обошлось в сто тысяч долларов.

БАС: Борьба между соперниками продолжалась. Однажды, в присутствии Фишера, Ричард заорал на Элизабет: "Кого ты любишь? Меня или его?". "Тебя", — прошептала испуганная Элизабет. "Ответ правильный, — заявил Бартон, — но недостаточно быстрый". Разрыдавшись, Элизабет уехала в отель. Мужчины остались вдвоём и погрузились в многочасовое выяснение отношений, сопровождавшееся обильными возлияниями.

ТЕНОР: Я не уверен, что нам следует полностью доверять мемуарам оставленного мужа. Он пишет, что их разговор был по большей части монологом Ричарда, который то оскорблял его, то льстил, то извинялся, то хамил, и в конце сказал: "Ведь она тебе без пользы. Ты и так уже звезда. А я — нет. Она сделает меня звездой. Я сумею использовать её, эту бесталанную голливудскую пустышку".

БАС: Действительно, звучит слишком примитивно для литературно чуткого Бартона. Но финал этой сцены выглядит так дико, что, мне кажется, придумать его Фишер не смог бы. Помните, как Элизабет начала звонить из отеля, а Бартон отказывался говорить с ней. Потом, наконец, взял трубку и начал кричать на неё: "Боже, как ты можешь так обращаться с этим

замечательным человеком?! Он так любит тебя! Если ты не станешь вести себя поосторожнее, мы удалимся наверх и я сам его трахну". Мемуары Фишера вышли, когда оба, Бартон и Тэйлор, были живы и могли бы опровергнуть прямую ложь.

ТЕНОР: Про Бартона говорили, что соврать он мог только, когда был трезв. А так как это случалось нечасто, то и его можно было считать человеком таким же правдивым, как Элизабет. Бог Бахус играл в жизни обоих не меньшую роль, чем бог Эрос. В какой-то степени выпивка служила Бартону лекарством против болей в шее, плече и пальцах (ущемление нерва, тяжёлый артрит), против разных страхов: он боялся высоты, чужих прикосновений, приступов эпилепсии, обострения гемофилии. Кроме того, он боялся, что трезвым он становился скучен для окружающих. Но это было лекарство, которое исподтишка убивало его.

БАС: Любовная драма двух знаменитостей выплеснулась на страницы газет грандиозным скандалом. Ватиканский еженедельник "Оссерваторе делла Доменика" писал о недопустимости такого морального падения. "Если брак умер, значит кто-то убил его. Не слишком ли много браков уже разрушено вами, синьора Тэйлор? Не пришла ли пора покончить с эротическим бандитизмом?" Видные политики в США призывали Конгресс запретить Ричарду Бартону и Элизабет Тэйлор въезд в Америку. Режиссёр Манкиевич получал по почте анонимные угрозы положить конец скандалу при помощи бомбы с часовым механизмом. Пришлось в толпу статистов добавлять вооружённых детективов, одетых в римские тоги. Сибил паковала чемоданы и грозила уехать в Нью-Йорк, забрав с собой детей.

ТЕНОР: Для Бартона перспектива утратить обеих дочерей была невыносима. Он объявил возлюбленной, что они должны расстаться. В ответ на это Элизабет проглотила пригоршню снотворных таблеток. 17 февраля 1962 года римская скорая помощь примчала её в больницу, где ей сделали срочное промывание желудка. Через день прилетел Эдди Фишер — дежурить у постели выздоравливающей жены. Попытку самоубийства пытались представить пищевым отравлением. Весной съёмки "Клеопатры" закончились, и влюблённые сделали попытку вернуться к своим семьям.

БАС: Бартон и Сибил уехали в свой дом на западном берегу Женевского озера. Элизабет к тому времени купила виллу вблизи восточного берега, в Швейцарском городке Гстаад, и поселилась там на лето с детьми. Теперь уже не вспомнить и не дознаться, кто из двоих не выдержал первым и набрал номер другого. Известно только, что через пару месяцев разлуки Бартон сел в

машину и после двух часов езды оказался в Гстааде. Настала очередь Сибил проглотить снотворные пилюли. Её тоже спасли. Однако и друзьям, и родственникам всё яснее становилось, что пожар потушить не удастся. Тем более, что осенью и Ричард Бартон, и Элизабет Тэйлор должны были уехать в Лондон, чтобы вместе сниматься в фильме "Очень важные персоны".

ТЕНОР: В Лондоне, однако, двойная жизнь продолжалась для обоих. На съёмочной площадке Ричарду и Элизабет нужно было играть супружескую пару и говорить друг другу слова любви. Они снимали номера в одном отеле, но Сибил с детьми поселилась неподалёку в предместье. Муж брал её с собой в гости к старинным друзьям, а в разговорах с журналистами изображал из себя преданного супруга. В одном интервью, подкрепив себя несколькими стаканчиками "Джека Дэниэльса", произнёс демагогический панегирик моногамии: "Неверность не имеет оправданий. В тот момент, когда вы изменяете данному обету, ваша жизнь разрушена. Я никогда не изменял своей жене, и меня раздражает, если газеты делают намёки на этот счёт". Во время интервью Элизабет несколько раз непринуждённо заходила в номер, одетая только в лёгкую розовую пижаму.

БАС: На съёмки "Клеопатры" студия потратила десятки миллионов долларов сверх бюджета. Чтобы спасти положение, продюсер Даррел Занук уволил режиссёра и сам взялся монтировать окончательную версию, имея в виду вкусы широкой публики. По мнению Ричарда и Элизабет, он выбросил самые лучшие сцены с ними, оставил только необходимое для развития сюжета. Первые рецензии были безжалостны к Элизабет Тэйлор. "Слишком толстая, слишком грудастая, слишком высокооплачиваемая при нехватке таланта, она отбросила актёрскую профессию на декаду назад"; "Плотское начало преобладает в ней, никакой глубины чувств не мелькнёт в её глазах, отяжелевших под косметикой"; "Монотонность в юбке с разрезом"; "В голосе её никаких модуляций, и слишком часто он напоминает крик базарной торговки".

ТЕНОР: Некоторые биографы считают, что Бартона влекла к Элизабет не столько её красота, сколько богатство и слава. Гонорар в миллион долларов сам по себе создавал неодолимо манящий ореол над её головой. Но мне кажется, что невидимый канат, тянувший его к ней, сплетался не только из нитей эротики и тщеславия. Он всё больше ценил в ней партнёра по ремеслу. В дневнике писал: "Э. научила меня тонкостям киношного дела, о существовании которых я не подозревал… Среди прочего она объяснила мне, как важно использовать паузу, уговорила понижать голос до телефонных интонаций, не напрягать его, как

это привычно сценическому актёру. А главное, она убедила меня относиться к работе в кино с такой же серьёзностью, как и к постановкам Шекспировских трагедий".

БАС: Весной 1963 года Ричард Бартон наконец решился и объявил Сибил, что им следует расстаться на время. Та предчувствовала приближение развязки и приняла её довольно спокойно. Она уехала с детьми в Нью-Йорк и вскоре восстановила там связи со многими друзьями. С их помощью ей удалось организовать в Манхеттене ночной клуб "Артур", вскоре ставший очень популярным. Через несколько лет она вышла замуж за дирижёра оркестра, игравшего в её клубе, у них родилась дочь. Но все попытки журналистов расспрашивать её о четырнадцати годах жизни с Бартоном она неизменно отклоняла.

ТЕНОР: Морально строгие пятидесятые остались позади. В бунтарской атмосфере шестидесятых громкий скандал не только не испортил репутацию Бартона и Тэйлор, но, казалось, обернулся дополнительной рекламой. Предложения ролей сыпались со всех сторон. Бартон замечательно исполнил главные роли в экранизации пьесы Жана Ануя "Бекет" и в экранизации пьесы Теннесси Уильямса "Ночь игуаны". Элизабет Тэйлор удачно выступила в фильме "Кулик" и в экранизации романа Карсон Маккалерс "Блики в золотом глазу", где она играла в паре с Марлоном Брандо. Однако наибольший успех имел третий совместный фильм Бартона и Тэйлор "Кто боится Вирджинии Вулф" по одноимённой пьесе Эдварда Олби.

БАС: К началу съёмок этого фильма драмы, связанные с крушением двух семей, улеглись. При разводе с Сибил Ричард проявил невероятную щедрость. По приблизительным оценкам, она и дочери получили около полутора миллиона долларов в виде будущих годовых выплат. Не то Элизабет Тэйлор. Она настаивала на том, чтобы за ней остался дорогой дом в Гстааде, который они купили вместе с Эдди Фишером, зелёный "ягуар", который она подарила ему, требовала, чтобы все фонды, основанные ими вдвоём, стали её собственностью. Под её напором бывший муж уступил во всём. Развод был легально оформлен в январе 1964 года, а два месяца спустя состоялась свадьба Дика и Лиз, как их теперь называли поклонники во всём мире. В Монтреале нашёлся священник Унитарианской церкви, который решился прогневать Бога, венчая двух разведённых. Элизабет явилась в ярко жёлтом шифоновом платье, с глубоким вырезом и с изумрудной брошью ценой в 150 тысяч долларов, подаренной женихом. Она опоздала в церковь на час, что вызвало саркастическое замечание Ричарда: "Ты, я думаю, сумеешь опоздать и на факинг Страшный суд".

ТЕНОР: Элизабет выглядела абсолютно счастливой. Казалось, она была готова забыть о собственной актёрской карьере, целиком посвятить себя мужу. Он в эти месяцы с успехом гастролировал в Нью-Йорке с "Гамлетом", и она была в зале на сорока спектаклях, каждый раз — в новом платье. Когда в Мексике начались съёмки фильма "Ночь игуаны", она присоединилась к нему и там и зорко следила за тем, чтобы у него не загорелся роман с Авой Гарднер или с Деборой Керр. То же самое и на съёмках картины по роману Ле Карре "Шпион, пришедший с холода": там снималась Клэр Блум, и на съёмочной площадке Элизабет могла громким окриком "Ричард!" отозвать мужа, если ей казалось, что он слишком надолго задержался рядом с бывшей возлюбленной.

БАС: Таким же повелительным окриком призывает своего мужа героиня фильма "Кто боится Вирджинии Вулф", Марта, в исполнении Элизабет Тэйлор. Продюсер Леман сначала не хотел приглашать Бартона на главную роль, говорил ему: "В вас слишком много мужественности, не на два, а уже на четыре яйца". — "Всего на четыре?", — обиженно спросил Бартон. Но на пробах доказал, что может сыграть скромного заштатного профессора, находящегося под каблуком у своей жены. Местом съёмок выбрали небольшой колледж в Новой Англии. Студии пришлось нанять семьдесят охранников, чтобы удерживать толпу поклонников, жаждущих получить автографы у двух голливудских звёзд.

ТЕНОР: Бартон, чувствовал, что для Элизабет роль немолодой и не очень привлекательной дамочки окажется нелёгкой, и был подчёркнуто внимательным к ней. А моральная поддержка ей была очень нужна, ибо язвящие стрелы летели в неё порой из самых неожиданных амбразур. Например, однажды на съёмочной площадке появилась Марлен Дитрих и осыпала Ричарда комплиментами. Потом подошла к Элизабет, поцеловала её и воскликнула: "Дорогая, каждый просто великолепен! Но вы, вы! Какой смелостью нужно обладать, чтобы играть рядом с настоящими актёрами!".

БАС: Сюжет этой картины предельно прост: пожилая университетская пара, Джордж (Бартон) и Марта (Элизабет), пригласила в гости молодого профессора Ника с женой Ханни (их играют Джордж Сигал и Санди Дэнис) к себе домой выпить и расслабиться после скучного официального раута. И в течение ночи все четверо расслабляются и самообнажаются друг перед другом до предела. Второй акт в пьесе Олби так и называется: Вальпургиева ночь. Под влиянием алкогольных паров персонажи рассказывают друг другу о самых интимных и болезненных

аспектах своей жизни, а через двадцать-тридцать минут тот, кто слушал "исповедь", подносит её всем остальным в издевательском пересказе.

ТЕНОР: Порой может возникнуть впечатление, что Олби сочинял Джорджа и Марту, имея перед мысленным взором Ричарда и Элизабет. Двое главных героев так же охотно напиваются, так же безжалостно провоцируют и шокируют друг друга и окружающих, но в глубине души так же безнадёжно повязаны друг с другом невидимыми нитями душевного сродства. Желание разрушить внешнюю невозмутимость Джорджа доводит Марту до того, что она удаляется с молодым гостем наверх в спальню. Но и в жизни такая же страсть провоцировать и шокировать гостей была свойственна Бартонам. Однажды посреди вечеринки Ричард громко спросил присутствовавшего журналиста, хотел бы он оказаться в постели с его женой.

БАС: Да, я тоже читал про этот эпизод. Бедняге журналисту не позавидуешь. Скажешь "нет" — обидишь хозяев, скажешь "да" — можно получить кулаком в лицо. Но он как-то вывернулся?

ТЕНОР: Не очень удачно. Заявил, что если бы подобное случилось, он от волнения стал бы импотентом. Бартон немедленно закричал жене через всю комнату: "Слышишь, Элизабет! Кен говорит, что у него на тебя не встанет". "Что?! — возмутилась Элизабет. — Такого оскорбления я ещё не получала. Вон из моего дома!". Наутро, конечно, она уже звонила изгнанному с похмельными извинениями, посылала подарки.

БАС: К чести Элизабет Тэйлор нужно напомнить, что это она настояла на приглашении в качестве режиссёра Майка Николса, который до "Вирджинии Вулф" не снял ни одного фильма. И она безоговорочно следовала его требованиям, даже растолстела для этого фильма на десяток фунтов. В картине есть сцена, в которой Марта плюёт в лицо мужа, а он утирается. Николс требовал новых и новых дублей. В конце концов, Элизабет разрыдалась и заявила, что она больше не может плевать в лицо Ричарду Бартону. Но и её выбор режиссёра, и её послушность на площадке были вознаграждены: фильм имел огромный успех, стал классикой американского кинематографа, а сама Элизабет получила за роль Марты своего второго Оскара. Бартон был номинирован, но опять обойдён — премия 1966 года досталась Полу Скофилду за роль Томаса Мора в фильме "Человек на все времена".

ТЕНОР: Продюсер фильма, Эрнст Леман, подметил, что стычки между Бартонами обычно начинались по инициативе Элизабет, но и Ричард с готовностью вносил свою лепту. В них обоих жила потребность наполнять драматизмом каждую минуту своей жизни, они начинали скучать, когда всё шло слишком

гладко. Однако во время съёмок "Вирджинии Вулф" Джордж и Марта столько переругивались по ходу действия, так изобретательно ранили друг друга, что под вечер Дик и Лиз возвращались домой умиротворённые и спокойно отдыхали в кругу друзей.

БАС: В следующем совместном фильме, "Укрощение строптивой", Бартон и Тэйлор как бы поменялись ролями. Теперь Ричард/Петруччио смирял нрав Элизабет/Катарины, учил её беспрекословно слушаться мужа. Комедия Шекспира дала актёрам возможность переоблачиться в красочные наряды средневековой Италии, но в основном позволяла оставаться самими собой: властная Элизабет/Катарина нагоняет страху на слуг, сестру, женихов, даже на отца, а уверенный в себе Ричард/Петруччио подчиняет её себе так же, как он подчинял десятки дам в реальной жизни. В конце Катарина становится шёлковой и читает стихотворные наставления строптивым жёнам. Но мне кажется, Дзеффирелли стоило бы сделать вторую серию к этому фильму, в которой изобретательная Катарина научилась бы исподволь распоряжаться Петруччио и заставлять его служить своим страстям и интересам, как это проделывала Лиз с Диком.

ТЕНОР: В фильме "Укрощение строптивой" Бартоны выступили не только в качестве актёров, но частично — и продюсеров. Отказавшись от гонорара, они тем самым вложили в производство два миллиона долларов. Это вложение принесло им доход в 12 миллионов. За участие в других картинах они тоже получали крупные суммы. К концу шестидесятых Бартоны сделались миллионерами, и это незаметно изменило и стиль их жизни, и круг знакомств, и манеру обращения с людьми. Вдобавак к домам в Швейцарии и Мексике они купили большую яхту, на которой могли с комфортом размещаться пятнадцать человек, плюс восемь членов команды. В своё время она была построена экстравагантным англичанином, который установил в ней орган, чтобы иметь возможность выходить в море в штормовую погоду и слушать Баха под вой ветра. Корабль назвали по именам трёх дочерей — Кэйт, Лиза, Мария: "Кализма".

БАС: Покупка обошлась в 200 тысяч и столько же ушло на её переоборудование. Супруги не признавали скромность важной добродетелью и не собирались прятать своё богатство. Стоимость нового платья Элизабет могла составить годовую зарплату среднего служащего, и при этом оно надевалось один раз. Ей была куплена норковая шуба за 125 тысяч, и она снялась в ней для обложки журнала "Лук". Она обожала драгоценности, и муж знал, что покупка нового камня безотказно сделает её счастливой. В какой-то момент стало известно, что знаменитый богач,

Аристотель Онасис, подарил своей невесте, Жаклин Кеннеди, украшение из рубинов и бриллиантов ценой в полмиллиона. Перещеголять, превзойти Онасиса стало навязчивой идеей Бартона. Он ввязался в аукционный торг за бриллиант в 62 карата и, после долгой борьбы с невидимыми конкурентами, заполучил его для Элизабет за миллион и сто тысяч.

ТЕНОР: Камень такой цены, конечно, должен был быть застрахован. Лондонская страховая компания "Ллойд" внесла в полис такие условия: ожерелье с этим бриллиантом должно храниться в специальном сейфе; надевать его для выхода в свет можно не больше тридцати дней в году; каждый раз при этом Элизабет должен сопровождать вооружённый охранник; если понадобится перевозка, она должна осуществляться тремя специальными агентами с одинаковыми портфелями, следующими разными маршрутами: один агент везёт бриллиант, два другие — для отвлечения грабителей.

БАС: Транжирство шло по многим направлениям. Бартоны покупали "ролс-ройсы" и "кадиллаки", картины Ван Гога, Дега, Моне, Пикассо, Рембрандта, Ренуара, Утрилло, вкладывали деньги в недвижимость, приобрели десятиместный реактивный самолёт. Когда бухгалтер объявил им, что в кубышке показалось дно, они согласились сняться в фильме "Комедианты". Ричард должен был получить 750 тысяч, Элизабет — впервые меньше него — пятьсот.

ТЕНОР: Диктатор Гаити, Папа Док Дювалье, ненавидел роман Грэма Грина, грозил наслать на него либо убийц, либо страшную порчу с помощью шаманов ву-ду. Пришлось перенести съёмки в Дагомею. В этой западно-африканской стране Бартоны, наконец, смогли отдохнуть от толп поклонников и от журналистов. На улицах их никто не узнавал. Однажды Ричард ушёл гулять и долго не возвращался в отель. Встревоженная Элизабет побежала разыскивать его. В одном баре она спросила, не появлялся ли у них мистер Бартон. "Он белый или чёрный?", — спросил официант.

БАС: Говоря о транжирстве Бартонов, не следует всё же забывать и их щедрость. Ричард поддерживал стипендиями и пенсиями свою огромную уэльсскую родню, оплачивал лечение заболевших и покалечившихся. К слугам супруги были неизменно добры, внимательны, отзывчивы. Их шофёр Гастон сказал про своего нанимателя: "Если бы у всех были такие боссы, как мой, коммунизм исчез бы с лица земли". Тревога за безопасность детей тоже ложилась на Бартонов новым расходом: из страха похищения им приходилось содержать круглосуточную охрану каждого. Тратились они не только на предметы роскоши. В какой-

то момент Элизабет подарила своему мужу — запойному книгочею — знаменитую серию "Библиотека для каждого", содержащую тысячу томов лучших произведений мировой литературы.

ТЕНОР: Донжуанство Ричарда, казалось бы, поутихло на время его брака с Элизабет. Ходили, правда, слухи о романе с Софи Лорен и с актрисой Женевьев Бижо, с которой он снимался в фильме "Анна на тысячу дней". Зато в эти годы Бартон мог позволить себе всё больше времени уделять другой своей страсти: литературе. Он запоем прочитывал по нескольку книг в неделю. Романы, стихи, мемуары, пьесы, исторические исследования, путевые заметки — всё находило в нём горячий отклик, давало пищу уму и сердцу. Он также вёл подробный дневник, планируя в будущем сделать его основой для написания автобиографии. Не случайно литературная основа большинства фильмов, в которых он соглашался сниматься, была создана перьями писателей высокого класса: Жан Ануй, Грэм Грин, Джон Ле Карре, Кристофер Марло, Владимир Набоков, Джордж Орвел, Джон Осборн, Теннесси Уильямс, Шекспир.

БАС: Для биографов Бартона его огромный дневник представляет собой незаменимый источник. Он старается быть в нём предельно честным по отношению к себе, вглядывается в свои чувства и подлинные мотивы поступков. Пассажи, выражающие любовь к жене, сменяются горестными жалобами на неё: "Сегодня я безумно влюблён в Элизабет, и это отличается от того, как я люблю её в остальные дни. Хочу обладать ею каждую минуту"; но в другом месте: "Последние шесть или восемь месяцев были чистым кошмаром. Наполовину по моей вине, наполовину — по её… Что за странный мир! Прожили вместе восемь лет и остались совершенно чужими". Он сознаётся, что ему скучно быть с детьми, что он мечтает, чтобы они выросли и приезжали с визитом только на Рождество. Режиссёр Майк Николс после съёмок "Вирджинии Вулф" однажды сказал о нём: "В жизни не встречал такого одинокого человека".

ТЕНОР: В дневнике Бартон часто рассказывает о болезнях жены, и эти отрывки окрашены искренней нежностью и состраданием. Элизабет мучилась обильными кровотечениями, вызванными гемороем. Её давление порой падало до 90. Ричард ухаживал за нею как профессиональная сиделка. В дневнике запись: "Бедная! Я орал на неё, обвинял в том, что это она сама доводит себя до такого состояния выпивкой и отсутствием дисциплины. Думаю, из страха за неё я орал на самом деле на себя. Господи, дай дожить до завтра!". После операции по удалению матки: "Провёл два самых страшных дня моей взрослой

жизни… Видеть любимое существо кричащим от боли, галлюцинирующим, то узнающим меня, то нет, и не иметь возможности помочь…"

БАС: К сорока годам Элизабет Тэйлор перенесла в общей сложности около тридцати различных операций. Её болезни рождали сочувствие в муже, сближали супругов. Другой почвой сближения служила выпивка. В долгие пустые периоды между съёмками им часто больше нечем было заполнить время. "Получил хорошее известие — значит нужно выпить, — писал Бартон в дневнике. — Плохое известие — опять нужно выпить". Всё же в какой-то момент Элизабет уговорила его показаться врачу. Тот пощупал печень пациента и до всяких тестов объявил, что ему необходимо завязать, если он хочет жить. Испуганный Бартон послушался, вступил на тропу трезвости. Но оказалось, что без этого волшебного элексира жизнь для него утрачивала всякую тень радости и надежд. Особенно, когда жена и друзья вокруг него продолжали предаваться утехам Бахуса. Случилось то, чего Бартон боялся всю жизнь: стать скучным, неинтересным для других.

ТЕНОР: Есть дневниковая запись, в которой он описывает, как однажды во время бессонницы он стал вспоминать выдающихся людей, с которыми ему доводилось встречаться. "С кем бы из них мне хотелось сейчас побыть? Черчилль? Нет, он монологист. Пикассо? Эгоцентрик. Дилан Томас? Блестящий, но вносит тревогу. Сомерсет Моэм? Ему только бы играть в бридж со слабаками. Джон Осборн? Ни капли юмора. Эдвард Олби? Я соскучусь с ним через день, а он — со мной. Гилгуд? Этому со мной неуютно".

БАС: Многие отмечали, что после нескольких стаканов виски доктор Джейкил умирал в Бартоне и просыпался мистер Хайд. Он с удовольствием повторял язвительные шутки и эпиграммы о знакомых. "Майкл Редгрейв? Конечно, он влюблён в себя, но не уверен во взаимности." Мог не только злословить за спиной, но и оскорблять в лицо. Пожилой принцессе, оказавшейся рядом с ним на банкете, объявил, что среди собравшихся никто не сможет сравниться с ней по степени вульгарности. В адрес Гилгуда оскорбительно шутил на предмет его гомосексуализма. Лоуренсу Оливье говорил, что считает его "гротескным преувеличением актёра — голая техника, никаких эмоций". Ральф Ричардсон славился своим умением держать паузу на сцене, но Бартон спросил его, не связано ли это просто с потерей памяти, с тем, что он пытается вспомнить нужные строчки.

ТЕНОР: И конечно, очень часто Элизабет приходилось иметь дело с Ричардом-Хайдом. В дневнике он не раз спрашивает себя:

"Из-за чего мы с ней постоянно ругаемся? Вот в эту самую минуту она вошла в комнату, где я сижу за машинкой, и мы снова сцепились. Ни один из нас не умеет уступить, и рано или поздно что-то между нами оборвётся… С утра я радовался тому, что у меня не дрожали руки, но как только она вошла, они снова начали трястись… Если мы не можем понять друг друга и, хуже того, не можем выносить, то очень скоро наши пути разойдутся".

БАС: Элизабет многократно утверждала, что они оба получают удовольствие от ссор. На самом деле, я думаю, они получали удовольствие от предвкушения примирения, которое последует за ссорой. Вы знаете мои теории о разнице между любовью и влюблённостью. Любовь — это озеро, влюблённость — река, которая существует только в движении, в стремлении к какой-то последней, предельной близости. Остановка так же губительна для неё, как для акулы, чьи жабры неспособны усваивать кислород в неподвижной воде. Человек, испытавший счастье влюблённости, часто впадает в растерянность, достигнув озера любви. Как же так? Куда исчезло волнение, дух захватывающие пороги и стремнины, где брызги водопадов и плеск волн? И он пытается искусственно взволновать воды озера смерчами маленьких ссор, устроить в нём водовороты бессмысленных размолвок. Уловка временного разрыва помогает потом снова пережить то счастье сближения, которое таится в реке влюблённости.

ТЕНОР: Во всяком случае судьба Бартона и Тэйлор может служить хорошим примером, подтверждающим вашу теорию. После знакомства в 1962 году река их влюблённости подхватила и несла их друг к другу, колотя о камни и плотины жизненных и семейных обстоятельств. Этот процесс растянулся на два года. Когда они достигли озера любви, выяснилось, что оба слишком ненасытны и не могут утолить душевный голод простым семейным счастьем. Искусственные разрывы, которые они устраивали друг другу, делались всё горше и длиннее. И десять лет спустя началось окончательное расставание, длившееся те же два года.

БАС: Есть что-то символическое и поучительное в эпизоде, случившемся в 1971 году, когда Бартоны отдыхали в своём доме в Мексике. Они отправились посмотреть выступление заезжего цирка. Номера сменялись, и в какой-то момент настала очередь метателя ножей. В нескольких метрах перед ним был установлен деревянный щит, спиной к которому стояла девушка, раскинув руки, как на кресте. Циркач бросал в неё тяжёлые кинжалы, и они с громким стуком вонзались в дерево в нескольких сантиметрах от её макушки, щеки, шеи, плеча, рёбер. Выступавшим похлопали,

потом ведущий что-то сказал в микрофон по-испански. Все повернулись в сторону Бартонов. Ричард подумал, что их просто приветствуют, и собирался встать. Вдруг с ужасом увидел, что Элизабет поднимается с места, спускается на сцену и занимает место девушки у щита.

ТЕНОР: В его дневнике это описано так: "К тому моменту, когда я дошёл до арены, первый нож вонзился в дерево в двух дюймах от её левого уха. Потом — от правого. Глядя перед собой широко открытыми глазами и улыбаясь, Элизабет прошептала: "Ричард, только молчи, не нервируй его…" Я подчинился. Жена Лота могла бы поучиться у меня неподвижности. Через минуту всё было кончено. Раздались аплодисменты, как на бое быков. Я пожал руку циркачу и собирался вести героиню обратно к нашим местам и шампанскому. Не тут-то было. Под рёв толпы меня поставили боком к щиту, дали по надутому шарику в каждую руку и один засунули в рот. Я выглядел полным идиотом. Шарики лопнули один за другим, пронзённые ножами. Дома, вместо неподвижности жены Лота, я изображал пляску Святого Витта, пока мне не налили стакан водки… "Я думаю, мы оба обезумели", — сказала Элизабет."

БАС: Полагаю, если бы среди зрителей оказался Хемингуэй, он тоже поспешил бы занять место у щита. Видимо, есть люди, способные опьяняться опасностью. Или они пытаются что-то доказать своими отчаянными выходками — себе, окружающим, друг другу. Ведь и словесные дуэли Бартонов только на поверхности были бескровными. После каждой из них кровью истекало живое существо — их любовь.

ТЕНОР: В одном из прощальных писем к Элизабет Ричард бунтует против самого понятия "любовь": "Для меня оказалось слишком трудным выстраивать всю свою жизнь на существовании другого человека. Не менее трудным, при моей врождённой самоуверенности, оказалось уверовать в *идею любви.* Нет такой вещи на свете, говорю я себе. Конечно, есть похоть, есть корыстное использование другого, и ревность, и томление, и затраченные усилия, но нет этой идиотской вещи — *любовь.* Кто выдумал эту концепцию? Я изломал мой растрёпанный мозг, но ответа так и не нашёл".

БАС: Друзья, обсуждавшие причины разрыва Бартонов, раскололись на две группы. Те, кто стал на сторону Элизабет, считали, что всему виной было пьянство Ричарда. Пьяный Бартон превращался в другого человека, в Джорджа из фильма "Кто боится Вирджинии Вулф", в то время как Элизабет уже перестала быть Мартой. Его друзья, имевшие возможность наблюдать обоих, говорили, что поведение Элизабет делалось хуже с каждым годом.

Она постоянно наседала на мужа с требованиями, чтобы он принял участие в решении реальных и выдуманных проблем: с детьми, с собаками, с врачами, с финансами, с выбором ролей. Плюс постоянное ожидание подарков и знаков внимания. И бесконечные опоздания на деловые встречи и репетиции. Плюс сварливые окрики "Ричард! Ричард!", когда ему случалось заговорить с новой знакомой на съёмочной площадке. Некоторым казалось, что даже её бесконечные болезни происходили из подсознательной потребности привлекать его внимание, привязывать, превращать в послушную сиделку.

ТЕНОР: Роман Антония и Клеопатры на экране был как бы репетицией, стартовой площадкой романа Ричарда Бартона и Элизабет Тэйлор в жизни. Десять лет спустя они получили возможность отрепетировать своё расставание, снявшись вместе в фильме "Его развод — её развод". Распад семьи был дан в этой картине сначала глазами мужа и во второй части — глазами жены. Оба приняли участие в съёмках без большого желания, вели себя на площадке соответственно, и это сказалось на результате. Рецензии на фильм были убийственны. Журнал "Тайм" объявил его "громким сдвоенным крушением". "Голливудский репортёр" — "скучным, занудным исследованием разваливающегося союза двух мелковатых персонажей". Даже "Варьете", обычно доброжелательное к Бартону, писало, что от просмотра фильма "зритель может получить столько же радости, сколько от присутствия на вскрытии трупа".

БАС: Наконец, летом 1973 года Элизабет Тэйлор сделала заявление для прессы, объявив о решении супругов пожить врозь. "Я убеждена, что нам с Ричардом пойдёт на пользу расстаться на время. Может быть, мы слишком любили друг друга. Каждый находился под непрерывным взглядом другого, и это привело к временному обрыву взаимопонимания. Всем сердцем верю, что расставание в конечном итоге вернёт нас туда, где нам следует быть, — то есть соединит нас опять. Если кому-то покажется, что в происходящем какую-то роль играют порывы сладострастия, это будет означать, что он судит по себе… Пожелайте нам удачи в это трудное для нас время. Молитесь о нас".

ТЕНОР: Элизабет Тэйлор не только была по-женски влюблена в Ричарда Бартона. Она находила в нём опору для личного и профессионального самоуважения, потому что он умел за блистательной внешностью и судьбой видеть и ценить в ней по-настоящему артистичную натуру. В одном письме к ней он писал: "Никогда не забывай о своих редких достоинствах. Не забывай, что под грубоватой словесной плёнкой в тебе всегда живёт замечательная и пуритански чистая ЛЭДИ. То, что ты так долго

терпела рядом скучного оболдуя, как я, говорит лишь о твоей способности быть верной. Буду тосковать о тебе со страстью и сожалением… Мне безразлично, с кем ты найдёшь своё счастье, лишь бы он был дружелюбен и добр к тебе. Но если он попробует вносить в жизнь моей бывшей жены страх и горе, я его раздавлю, размажу, сделаю посмешищем, растопчу…"

БАС: Дальше начинается полоса сближений и расставаний, которой подошло бы название пьесы Гибсона "Двое на качелях". Ричарда видят ухаживающим за Натали Делон (бывшей женой Алена Делона), Софи Лорен проводит викенд на его яхте. Элизабет ищет утешения с немецким актёром Хелмутом Бергером, с художником Энди Ворхолом, с предпренимателем Генри Вайнбергом. Потом вдруг прилетает к мужу в Италию — встреча в аэропорту, еле оторвались от папарацци, объятия в автомобиле, находят приют на вилле продюсера Карло Понти. Недолгое примирение длится всего девять дней — и снова разрыв. В конце 1973 года Элизабет попадает в больницу в Лос-Анджелесе, переносит тяжёлую операцию на яичниках. Ричард летит к ней из Сицилии, через Северный полюс, входит в палату. Опять объятия, поцелуи, слёзы. Операционный шов как от прикосновения волшебной палочки заживает в считанные дни.

ТЕНОР: В одном из писем периода "Качелей" Бартон писал: "Во-первых, ты должна понять, что я тебя обожаю. Во-вторых, и пусть это не покажется тавтологией, я тебя люблю. В-третьих, я не могу жить без тебя. В-четвёртых, на тебе лежит огромная ответственность, потому что, если ты оставишь меня, я должен буду покончить с собой. Боюсь, без тебя мне жизни нет. И я, действительно, боюсь. Я в страхе. Потерян. Одинок. Унылый. Отупевший. И в-пятых, надеясь больше не повторяться, я мечтаю о тебе".

БАС: Но уже весной 1974 года на съёмках фильма "Клансмен", он затеял роман с восемнадцатилетней официанткой. Потом — с замужней женщиной, матерью троих детей, и её муж явился на съёмочную площадку, грозя пристрелить его. Потом — с актрисой Сьюзен Страсберг, с которой у него была связь семнадцать лет назад. "Он пил ужасно в эти дни, — вспоминает один из друзей. — Говорил мне со слезами на глазах: "Джанни, зачем я это делаю? Я так люблю эту женщину"." Но у Элизабет больше не было сил выносить всё это. Она улетела в Швейцарию и там подала на развод.

ТЕНОР: Весной 1974 года пьянство Бартона достигло такой степени, что врачи оставляли ему две-три недели жизни. Он согласился на лечение и провёл в больнице полтора месяца. Вышел исхудавшим, трезвым, с дрожащими руками. Видимо,

чувство вины заставило его уступить всем требованиям адвокатов жены. Она получила яхту "Кализма", дом в Мексике, драгоценности на общую сумму семь миллионов долларов, все бесценные картины, покупавшиеся ими в течение десяти лет брака. Также их приёмная дочь Мария, носившая фамилию Бартон, оставалась с Элизабет. Единственное, что заботило Ричарда: чтобы все его сёстры и братья, кузены и кузины, племянники и племянницы в Уэльсе, общим числом двадцать девять, продолжали получать выделенные им субсидии.

БАС: Но качели не остановились и после развода. Через четыре месяца газеты объявили о помолвке Ричарда Бартона с югославской принцессой. Он взял её с собой в путешествие по Марокко, где люди узнавали его на улицах и называли либо Томас Бекет, либо майор Смит (роль, сыгранная им в фильме "Куда залетают только орлы"). Элизабет, взяв с собой Генри Вайнберга, улетела в Ленинград, сниматься в фильме "Синяя птица". Однако летом 1975 года разведённым супругам нужно было встретиться в Швейцарии, в конторе адвоката, для обсуждения каких-то деталей соглашения. Они нашли друг друга похудевшими, посвежевшими, полными прежнего очарования. И слились в жарком объятии. Был забыт предприниматель Вайнберг, была забыта югославская принцесса и прочие дамы. Вскоре по миру разнеслось, что Дик и Лиз снова влюблены друг в друга.

ТЕНОР: Местом вторичного бракосочетания была выбрана беднейшая африканская страна Ботсвана. Зато там никто не видел фильмов с участием Бартонов, никто не стал бы выпрашивать у них автографы. Их венчал главный чиновник местного племени Цвана. Бегемоты и носороги бродили неподалёку. Потом появился ещё более опасный обитатель тех мест — малярия. Заболевшего Бартона пришлось срочно эвакуировать в Лондон. Рождество вся семья встречала в доме Элизабет в Гстааде.

БАС: Элизабет давала радостные интервью газетам и журналам. Не знала, бедная, что Ричард, уехавший покататься на лыжах, уже встретил в вагончике канатной дороги, очаровательную блондинку, Сьюзен Хант — двадцать девять лет, бывшая модель, ждёт развода со знаменитым автогонщиком. Весной 1976 года ему надо было лететь в Америку для участия в спектакле "Эквус". Он пригласил Сьюзен присоединиться к нему, и смелая женщина не побоялась вступить в соперничество с самой Элизабет Тэйлор-Бартон. Пьеса "Его развод — её развод" снова была разыграна в реальной жизни, и в августе Ричард Бартон и Сьюзен Хант смогли совершить скромную брачную

церемонию в городе Арлингтон, штат Вирджиния, под боком у американской столицы.

ТЕНОР: Должны ли мы и дальше прослеживать шаг за шагом судьбу наших героев, влекомых по извилистому пути Эросом, Бахусом, Мельпоменой? При всём богатстве и разнообразии их жизни, в ней, как в роскошном ковре, уже просвечивает повторяющийся узор. Раз за разом они пытаются обрести и любовь, и влюблённость и раз за разом терпят поражение. Один корреспондент упрекал Элизабет Тэйлор за то, что она так поспешно вышла замуж за своего четвёртого мужа после гибели третьего. "А что же мне было делать? — воскликнула Элизабет. — Спать одной?" Имея в качестве зрительного зала весь мир, оба постепенно утрачивали способность проводить разделительную грань между реальной жизнью и её экранно-сценическими вариациями. Чувство долга перед близким человеком ослабевало, размывалось, произносимые слова и обещания начинали казаться такими же эфемерными, как строчки заученных ролей.

БАС: По свидетельству многих друзей, третья жена сумела стать Бартону добрым другом и надёжной помощницей. Она тактично отвлекала его от собутыльников и помогала оставаться трезвым. Благодаря её заботам и поддержке он смог успешно выступить в новых ролях. Спектакль "Эквус" встретил тёплый приём у критиков и зрителей, а за экранизацию этой пьесы Бартон был седьмой раз номинирован на Оскара (1978). В 1980 году он решился возродить спектакль "Камелот" и двенадцать месяцев с успехом гастролировал по всей Америке. Два года спустя принял участие в телевизионном сериале "Вагнер".

ТЕНОР: Щадить себя Бартон не умел. Чудовищные нагрузки, которым он подвергал свой организм, не могли пройти бесследно. "Если он хотел потянуться через стол за мармеладом, — вспоминает один из друзей, — ему приходилось поддерживать правую руку левой и также перегибаться вперёд всем корпусом." Страшные боли в шее и позвоночнике потребовали операции, но она не помогла. Восемь раз в неделю ему приходилось выходить на сцену и размахивать мечом, в то время как каждое поднятие руки вызывало страдания. К концу гастролей он потерял 25 фунтов. В октябре 1981 года снова оказался в больнице — теперь из-за открывшейся язвы желудка.

БАС: Физические немощи приводили Бартона в бешенство, и его ярость обрушивалась на жену. Сузи, как и две её предшественницы, в какой-то момент не выдержала и решила оставить мужа. Кто же поспешил занять её место? Конечно, Элизабет! Оставив очередного супруга, она примчалась в Лондон и упала в объятия своего незабвенного. Она была готова выйти за

него в третий раз.

ТЕНОР: Постепенно ей удалось уговорить его на совместное участие в спектакле по пьесе Ноэла Ковард "Личная жизнь". Он стартовал весной 1983 года в Нью-Йорке и далее проследовал победным шествием через Филадельфию, Вашингтон, Чикаго, Лос-Анджелес. Опять диалоги Бартона и Тэйлор на сцене так близко перекликались с их судьбами, что публика в зале отзывалась на них неуместным хохотом. "Как долго она будет тянуться, эта смехотворная и неодолимая наша любовь? Почему мы должны постоянно ссориться?", — вопрошала Элизабет/Аманда. "Нет, потребность в ссорах утихнет, но вместе с нею увянет и наша страсть", — отвечал Ричард/Элиот.

БАС: Мы уже говорили о том, что для этой пары разрывы и сближения были необходимым компонентом любовных отношений. Где-то я читал, что в Израиле живут супруги-рекордсмены: они разводились и женились двадцать шесть раз. Все стены их квартиры увешаны брачными свидетельствами в красивых рамках. Хотя после Бартона Элизабет была замужем ещё три раза, на закате дней она утверждала, что любила только его, что в нём была вся её жизнь. Для Ричарда же потребность влюбляться снова и снова, казалось, была так же неодолима, как потребность соловья снова и снова испускать призывную песнь.

ТЕНОР: И в начале 1983 года он уже выстукивал на машинке соловьиные трели новой избраннице: "Дорогая Салли, или дражайшая Салли, или любимейшая Салли, или Салли-без-которой-не-могу-жить, или прелестнейшая Салли, особенно когда минимально покрыта одеждой, или умница Салли, или сексуальная Салли, приоденься для меня сегодня и давай посмотрим, что произойдёт за этим обедом, потому что я люблю тебя, и обожаю порой до слабости в коленях, порой до испуга, порой до толчков боли".

БАС: Видимо, обед и последовавшие за ним другие встречи прошли успешно, потому что Ричард Бартон и Салли Хэй вскоре стали неразлучны. Их знакомство произошло во время съёмок фильма "Вагнер" в Европе, в котором Салли участвовала в качестве ассистентки режиссёра. Она последовала за Бартоном в Америку, где сопровождала его во время гастролей. Публика была счастлива снова увидеть Дика и Лиз вместе, спектакль "Личная жизнь" шёл с огромным успехом. Но опять жизнь и пьеса непредсказуемо вторгались друг в друга и вносили новые повороты сюжета. Однажды Элизабет заболела, и гастроли пришлось прервать на пять дней. "Делать всё равно нечего, — сказал Ричард Салли. — Давай поженимся". Не веря своему счастью Салли согласилась. Они прилетели в Лас Вегас, сняли

номер за тысячу долларов в день и совершили акт бракосочетания без всякой помпы, в присутствии двух близких друзей в качестве свидетелей.

ТЕНОР: Элизабет Тэйлор послала новобрачным цветы и поздравления, но её подлинные чувства начали прорываться на сцене. По ходу пьесы между мужем и женой постоянно происходили стычки, и она старалась вложить в них чрезмерную долю реализма. "В тот год Элизабет была довольно тяжёлой дамой, — вспоминала потом Салли. — И с координацией движений у неё не всё было в порядке. Она вдруг хватала Ричарда и дёргала с полной силой. Или наваливалась всем телом, так что из-за кулис я видела гримасу боли на его лице. В середине спектакля она должна была разбить пластинку о его голову. Хотя пластинка была не настоящая, сделанная из хрупкой крахмальной смеси, она каждый раз ухитрялась оцарапать его, и мне приходилось в уборной вытирать кровь и восстанавливать грим".

БАС: Физическую боль Бартон умел переносить не хуже, чем его воинственные кельтские предки. Но что выводило его из себя это упорная привычка Элизабет опаздывать к началу спектакля. Также и про её недомогания он никогда не знал наверняка: всерьёз они или чтобы насолить ему, привлечь его внимание. Когда они участились, гастроли пришлось прекратить. Элизабет принимала так много лекарств, запивая их виски, что даже её постоянный врач отказался обслуживать такую неуправляемую пациентку. Вскоре она снова оказалась в больнице. Диагноз — обостившийся колит. Но, по словам друзей, это был скорее острый приступ жалости и отвращения к самой себе.

ТЕНОР: Наоборот, Бартон заметно воспрял. Близкие к нему люди говорили потом, что многими чертами Салли напоминала им Сибил. Весёлая, умная, заботливая — она сумела облегчить даже физические страдания мужа. Под её влиянием он заинтересовался лечебным эффектом диетического питания, стал покупать книги на эту тему и вести себя по их рекомендациям. Его здоровье заметно улучшилось. Он успешно снялся в роли жестокого следователя О'Брайена в фильме "1984". "Вагнер" принёс Бартону миллион долларов, "Личная жизнь" — ещё девятьсот тысяч. Весной они с Салли приехали в свой дом под Женевой — окрепшие, загорелые, полные новых планов. Ричард мечтал наконец засесть за свою автобиографию, но параллельно готовился сниматься в экранизации романа Грэма Грина "Тихий американец".

БАС: Ничто не предвещало беды в те августовские дни 1984 года. В гости к Бартонам приехал их друг, актёр Джон Хёрт. Вечером мужчины отправились в местную пивную, развлечься

пивом и футболом по телевизору. Что-то произошло там, о чём Джон Хёрт рассказывал крайне неохотно. Похоже, что Ричард обронил саркастическое замечание в своём стиле. Оно не понравилось кому-то из завсегдатаев пивной. Произошла потасовка, в результате которой Ричард упал и ударился головой о пол. От предложения вызвать скорую помощь отказался. На следующий день у него началась сильная головная боль. В больнице врачи обнаружили обширное кровоизлияние в мозг. Вмешательство хирургов не помогло, и Бартон умер на операционном столе. Ему было 58 лет.

ТЕНОР: В соответствии с волей покойного, он был похоронен в Швейцарии, на скромном кладбище близ Женевы. Всеми силами Салли старалась избежать шумихи, наплыва журналистов, но это удалось лишь частично. Родня из Уэльса, фотографы, корреспонденты, друзья набились в маленькую церковь. Боясь, что присутствие Элизабет Тэйлор увеличит толпу в десять раз, Салли позвонила ей и просила отложить приезд. Та согласилась и приехала посетить могилу на следующий день, без своей обычной свиты.

БАС: Горестные сожаления и восхваления покойного захлестнули газеты, радио, телевиденье всего мира. Журналисты осаждали Элизабет Тэйлор, умоляя откликнуться на смерть Бартона хоть парой фраз. Нет сомнения, что эти два имени будут всегда связаны в памяти людей. Никакой сценарист или драматург не смог бы сочинить ту великолепную трагикомедию, которую Дик и Лиз импровизировали перед глазами миллионов зрителей в течение двадцати лет.

ТЕНОР: Поверья древних викингов обещали загробные пиры в Валгале тем, кто смело погиб в бою, и вечный зловонный ад у богини Хель для тех, кто мирно умер в своей постели. Мне хочется верить, что пирующие кельтские вожди дадут место за своим столом Ричарду Бартону — ведь он погиб в схватке с врагами. Однако и историки, описывающие судьбы человечества за обозримые пять тысяч лет, должны воздать ему почести: ведь это его лицо во весь экран будут вспоминать миллионы школьников и студентов, когда дойдут в своих учебниках до имён Александра Великого, Антония, Томаса Бекета, Генриха Восьмого, Рихарда Вагнера, Льва Троцкого, Уинстона Черчилля, Иосипа Броз Тито.

БАС: В Валгалу мы сегодня не верим. Но прикосновение к смерти неизбежно рождает в каждом из нас смутные мысли о том, как наша тленная оболочка соотносится с вечным истоком бытия. Для Ричарда Бартона эта дилемма воплощалась — освещалась — переживалась наиболее полно в стихах Дилана Томаса.

Например, в таких строчках, как:

Раскрой мне этот нервный смысл времён, Смысл диска, воссиявшего рассветом, Смысл флюгера, что стонет от ветров, — И снова я творю тебя из пенья Лужаек, шорохов травы осенней, Из говорящего в ресницах ветра, Да из вороньих криков и грехов.

Особенно когда октябрьский ветер… И я творю тебя из заклинаний Осенних паучков, холмов Уэллса, Где репы жёлтые ерошат землю, Из бессердечных слов, пустых страниц — В химической крови всплывает ярость, Я берегом морским иду и слышуОпять невнятное галденье птиц.

Филип Рот (1933-)

БАС: Вот вечный спор: позволено ли нам, читателям, видеть в образах литературных персонажей самого автора? Уже Пушкин писал: "Всегда я рад заметить разность между Онегиным и мной… Как будто нам уж невозможно / писать поэмы о другом, / как только о себе самом". Насколько молодой Гёте отразился в Вертере? Стендаль — в Жюльене Сореле? Бальзак — в Растиньяке? Томас Манн — в Ашенбахе? Набоков — в Гумберте Гумберте? Сэлинджер — в Холдене Колфилде? В этом ряду Филип Рот представляется неким чемпионом литературных пряток. Из романа в роман у него кочует alter ego по имени Натан Зукерман, но параллельно возникают и другие двойники, которые, в свою очередь начинают двоиться и расплываться. Только-только нам покажется, что вот — мы ухватили подлинный автопортрет писателя, а он уже кричит из другого угла комнаты: "Обман! Опять не я! Опять надул простофиль!".

ТЕНОР: Даже в автобиографической книге под названием "Факты" (1988) Рот продолжает запутывать нас, прятаться за ширмы и маски. Имя своей первой жены, Маргарет Михаэльсон, прячет за вымышленным именем Джози Дженсен. Других многочисленных подруг не упоминает. Об актрисе Клэр Блум, с которой он состоял в неофициальном браке с 1976 года, — ни слова. Страшная нервная депрессия, пережитая им в середине 1980-х, доходившая до полного впадения в детство ("Нет, не заставляй меня идти в бассейн, я боюсь!") в тексте этой псевдо-автобиографии помечена двумя словами. В рассказе о себе Рот строит повествование с такой же осторожностью, с какой подозреваемый в преступлении вёл бы себя на допросе в полиции: подсовывает разные версии происходившего, меняет даты и место действия, прячет подлинные имена участников.

БАС: В предисловии к книге "Факты" Рот пишет, что по степени самообнажения он видит себя где-то посредине между эксгибиционизмом Нормана Мэйлера и паталогической засекреченностью Сэлинджера. На сегодняшний день мы имеем слишком мало данных и "свидетельских показаний", чтобы провести серьёзное "следствие по делу", отделить мерцающие обличья двойников от фигуры самого автора. В связи с этим, почему бы нам не притвориться наивными олухами и не принять все вымышленные "я", рассыпанные в его романах, буквально? Ведь в творческом процессе писатель, говорящий от первого лица, всегда должен поверять поведение героя собственным эмоциональным и жизненным опытом. Использование "я"

неизбежно должно приоткрывать какую-то правду о самом пишущем.

ТЕНОР: Действительно, при таком подходе мы окажемся избавлены от необходимости объяснять, откуда мы получили те или иные "улики" для нашего следственного дела. Мы будем вправе отмахнуться от литературных увёрток нашего подследственного и исходить из допущения, что в своей психологической сути Нил Клугман, Александр Портной, Натан Зукерман, Дэвид Кепеш, Колман Силк, Баки Кантор и прочие есть одно и то же лицо, в реальной жизни пользующееся водительскими правами, выписанными на имя Филипа Рота. "Подозреваемый" говорит от первого лица — ведь это равносильно признанию. Что может быть лучше! "А вдруг его признания вырваны пыткой?", — спросят нас законники и гуманисты. "Подобный вид пытки называется *жизнь,* и он разрешён во всех цивилизованных государствах", — ответим мы. И сможем прямиком отправиться в детство и отрочество Филипа Рота, которое так блистательно описано им в романе "Жалобы Портного" (1969).

БАС: Из этого романа мы узнаём, что мальчик, которого мы дальше будем называть Алекс-Натан, родился и рос в еврейской семье, жившей в городе Ньюарк, штат Нью-Джерси. Что отец его был агентом по продаже страховых полисов, а мать вела домашнее хозяйство и растила своих детей. Она учила их быть вежливыми, честными, старательными, богобоязненными, учила правилам, завещанным еврейской традицией, но главное — следила за их питанием. Если ей казалось, что сын слишком мало съел за обедом, она усаживалась рядом с ним, держа в руках длинный кухонный нож, и мальчик, давясь от страха, запихивал в себя ненавистную еду. Если она подозревала, что по дороге из школы он съел в какой-то забегаловке поджаренный картофель или гамбургер, она начинала рыдать и умоляла его никогда не делать этого. "У тебя начнётся хронический понос и недержание мочи", — грозила она доверчивому ребёнку.

ТЕНОР: Пытаясь поймать его на очередном гастрономическом преступлении, она требовала, чтобы он не спускал воду в туалете, дал ей посмотреть на "улики". Но Алекс-Натан каждый раз делал вид, что забыл о приказе, и воду спускал. Ибо ему необходимо было скрыть следы более серьёзного "преступления". Довольно рано он открыл для себя радости мастурбации и предавался этому пороку по нескольку раз в день. Иногда они с приятелями усаживались в кружок и по команде устраивали состязание — кто первый кончит. Если герои маркиза де Сада из книги в книгу стегают розгой женщин, если герои Захер-Мазоха дают женщине

стегать и унижать себя, то герои Филипа Рота упоённо и изобретательно мастурбируют в туалетах и скверах, в такси и в автобусах, используя то свою руку, то пальцы покладистой партнёрши, то носовой платок, то кусок сырой говяжьей печёнки. ("Доктор, поймите, я трахнул обед моей семьи!")

БАС: Среди участников и идеологов "сексуальной революции", прокатившейся по Америке во второй половине 20-го века, Филипа Рота можно уподобить некоему Робеспьеру, доводящему воинственные лозунги и догматы до крайности. Под его гильотину отправлены все романтические сентименты, а также стыдливость и скромность, они изгнаны из его произведений как нечто позорное, как дань прогнившей буржуазной морали. Мужские и женские гениталии присутствуют на страницах его прозы во всех возможных ракурсах и сочетаниях, нецензурные слова мелькают чуть ли не в каждом абзаце. Ведь правда жизни, по понятиям Алекса-Натана, в том и состоит, что все мужчины и женщины только и ищут, как бы совокупиться друг с другом, а те, кто отрицает этот очевидный факт, просто трусы или лжецы.

ТЕНОР: В романе "Жалобы Портного" очень красочно описано, как Алекс-Натан нашёл партнёршу, обладающую восхитительной попкой и разделяющую его взгляды на отношения полов. При первой встрече на улице между ними происходит такой диалог: "Хай… Мне кажется, мы уже встречались где-то?.." — "Чего тебе надо?" — "Я бы хотел пригласить вас распить стаканчик…" — "Ещё один блядун на мою голову." — "Тогда как насчёт пососать твою пипку?" — "Вот это уже лучше", — отвечает прелестница. И счастливая парочка тут же отправляется в её квартиру.

БАС: В этом романе автор даёт героине имя Мэри Джейн Рид, по прозвищу Обезьянка. У неё за плечами уже два развода, где-то ошиваются двое рождённых ею детей. Прежние мужчины обращались с ней ужасно, смотрели сверху вниз, оскорбляли, избивали, бросали. И в Алексе-Натане вдруг вспыхивает желание стать для неё рыцарем в сияющих латах, искупить чужую вину, показать ей, себе, всему миру, как ведёт себя настоящий мужчина. Подобная схема отношений будет многократно всплывать и в других романах Рота, и та же героиня будет появляться там под другими именами. Её образ превратится в типаж. Чтобы не потерять этот кочующий из книги в книгу персонаж, нам следует обозначить его каким-то условным кодом-кличкой. Например ДУМ — Девушка, Обиженная Мужчинами.

ТЕНОР: В романе "Моя мужская жизнь" (1974) ДУМ выведена под именем Морин Тарнапол. Там её вульгарность, бесчестность,

манипуляторство доведены до гротеска. Больше того, ей удалось нащупать слабую струну Алекса-Натана и безотказно надавливать на чувство вины, взращённое в нём еврейским воспитанием. В какой-то момент она объявляет, что забеременела и он должен на ней жениться. "Как забеременела? Не может быть! Мы вели себя так осторожно!" — "Не веришь? Я пойду и сделаю тест, чтобы ты убедился", — говорит хитрая ДУМ. Сама же отправляется в близлежащий сквер, находит там беременную негритянку и за скромную плату покупает у неё баночку мочи, которую и сдаёт на анализ в аптеку. Алекс-Натан в ловушке, а ей только того и надо. Есть убедительные свидетельства того, что первая женитьба Филипа Рота произошла именно таким образом.

БАС: Два года супружеской жизни были мученьем для Алекса-Натана. Только страх, что жена исполнит свою угрозу и покончит с собой, удерживал его. Но когда он, наконец, решился расстаться с ней, ДУМ не только не повесилась, но продолжала следовать за ним, куда бы он ни пытался удрать от неё. Оказалось, что, по законам штата Нью-Йорк, жена может отказывать мужу в разводе до бесконечности и всё это время получать алименты равные половине его доходов. Только чудо спасло Алекса-Натана, как и самого Рота: на пятом году его мучений ненавистная жена внезапно погибла в автомобильной аварии.

ТЕНОР: Однако ужас перед неволей моногамных отношений остался в нём надолго. Пройдёт больше двадцати лет, прежде чем Филип Рот решится снова надеть на себя брачные узы. Тянутся одна за другой связи различной длины и страстности, но по большей части он живёт один, в загородном доме в штате Коннектикут. Его уединение не доходит до таких крайностей, как у Сэлинджера, время от времени он появляется в ньюйоркских редакциях, в ресторанах, на церемониях вручения ему различных литературных наград, разъезжает по свету. Однако есть много черт, сближающих этих двух писателей. Например, равнодушие к природе. Алекс-Натан сознаётся, что у него ушло семнадцать лет, чтобы научиться опознавать дуб, и то лишь в случае, если на нём видны жолуди. Другая общая черта — гневливость. В послевоенном поколении "сердитых молодых людей" Рот вполне мог бы побороться за титул "самого сердитого".

БАС: Поначалу мальчик Алекс-Натан был послушным ребёнком, старался принять все правила и верования еврейской среды, внушаемые ему заботливой матерью. Однажды, глядя на снежный буран за окном, он спросил: "Мама, а в зиму мы верим?". Но постепенно примитивное разделение людей на хороших евреев и плохих гоев начало вызывать в нём протест. Зачем нужны все эти идиотские кошерные правила с едой и посудой?

Только для того, чтобы дрессировать во мне слепое послушание? Почему я должен ходить в синагогу и слушать рабая, который несёт чушь про доброго и справедливого Бога, карающего грешников и вознаграждающего праведников? Что ж, по-вашему, шесть миллионов евреев, погибших в Холокосте, все были грешниками, заслужившими свою судьбу?

ТЕНОР: Религиозные сомнения подростка хорошо воссозданы Ротом в раннем трагикомическом рассказе "Обращение евреев". Там четырнадцатилетний Алекс-Натан (скрывшийся под именем Ози), готовясь к бармицве, вступает в богословский спор с рабаем Байндером, доказывая, что, если Господь всемогущ, как утверждает Тора, то значит Он мог даже зачать Христа непорочным способом. Взбешённый кощунственной непокорностью рабай, в конце концов, даёт мальчику пощёчину. Ози в слезах убегает на крышу синагоги и грозит броситься оттуда на асфальт. Вызванные пожарные растягивают внизу сеть, но мальчик перебегает на другую сторону крыши. Внизу уже собралась толпа, мать и рабай умоляют беглеца не кончать с собой. Почувствовав свою власть над ними, Ози заставляет обоих опуститься на колени. А рабаю приказывает вслух торжественно признать, что да, Господь мог произвести Христа от девственницы. Добившись своего, он прыгает в растянутую сеть.

БАС: Этот ранний сборник "Прощай, Коламбус!" (1959) вызвал большой гнев еврейской общины. Особенно возмутил читателей рассказ "Защитник веры", напечатанный также в журнале "Ньюйоркер". Действие его происходит в военном лагере на территории Америки летом 1945 года. Солдат-еврей по имени Гроссбарт разными уловками пытается получать мелкие льготы от сержанта Маркса, тоже еврея. Пока речь идёт о соблюдении еврейских праздников и о доступе к кошерной еде в общей столовой, Маркс нехотя идёт навстречу солдату. Но потом он узнаёт, что Гроссбарту удалось связаться с еврейским писарем в штабе полка и подбить его вычеркнуть его имя из списка отправляемых на Тихоокеанский фронт. Возмущению Маркса нет предела, и он добивается, чтобы имя Гроссбарта вернули в список.

ТЕНОР: По поводу этого рассказа Роту пришлось давать объяснения представителям Антидефамационной еврейской лиги и собранию студентов ешивы. Его объявили антисемитом, обвинили в клевете и кощунстве. Разгневанные студенты спрашивали, написал бы он такой рассказ, если бы жил в нацистской Германии. Всё это явилось настоящим шоком для молодого писателя. Оправдываясь, он говорил, что в юности собирался стать адвокатом, чтобы защищать людей от

несправедливых преследований, и как раз намеревался предложить свои услуги Антидефамационной лиге.

БАС: Мечта о защите справедливости неизбежно приводит юношу к обожествлению идеи равенства людей. "Если это делает меня коммунистом, — вопит Алекс-Натан, — то и пусть… Это всё же лучше, чем послушно молиться в синагоге, когда все уже знают, что религия есть опиум для народа. В Советском Союзе люди равны независимо от их расы, веры или цвета кожи. Мой коммунизм начнётся с того, что я буду есть вместе с нашей чёрной кухаркой — за тем же столом, из той же посуды и то же самое, что ест она… У меня из ушей лезет сага о страданиях еврейского народа, которая ставит его выше других. Я хочу быть просто человеком, с теми же правами, что у всех!".

ТЕНОР: Однако справедливость — не такая простая вещь, как это кажется её идолопоклонникам. Вот в повести "Прощай, Коламбус!" молодой библиотекарь знакомится с негритянским подростком. Этот мальчик, несправедливо лишённый расовыми предрассудками многих жизненных благ, приходит в библиотеку каждый день, отправляется в отдел книг по искусству, усаживается на пол и начинает с увлечением листать альбом репродукций с картин полюбившегося ему Гогена. Да, вот так: не носится по улицам, не вступает в шайку, не накачивается наркотиками, а поддаётся зову прекрасного — как славно! Но однажды немолодой белый читатель кладёт тот самый альбом на стол библиотекаря и просит отметить книгу в его читательском билете — она нужна ему дома на несколько дней. Что делать? Неужели лишить обделённого мальчика его единственной духовной пищи? Ни за что! И герой Рота лжёт старику, говорит, что не может дать ему книгу, потому что она зарезервирована другим читателем.

БАС: Вообще Алекс-Натан пользуется обманом легко и без заметных угрызений совести. Что делает сержант Маркс в рассказе "Защитник веры", когда узнаёт о трюках Гроссбарта? Нет, он не подаёт рапорт капитану. Он звонит знакомому секретарю в штабе полка и сплетает такую историю: у Гроссбарта, дескать, в Европе погибли родственники, и он рвался в бой — мстить врагам; теперь он страшно подавлен тем, что его лишили такой возможности; нельзя ли вернуть его в списки отправляемых на фронт? Ложь срабатывает, Гроссбарт отправляется на войну, призывая еврейские проклятья но голову своего преследователя. Тот же очень доволен удавшимся трюком. Ведь справедливость тем и хороша, что в борьбе за неё годятся все средства.

ТЕНОР: В своих отношениях с женщинами Алекс-Натан тоже демонстрирует своеобразное понимание этических норм. Вот у

него завязался роман с прелестной девушкой, Салли Молсби. Она из богатой гойской семьи, с чередой предков, уходящей в далёкое прошлое. Она ездит на лошадях, любит охотиться на фазанов, умеет водить парусную яхту. Сексуальная революция не обошла её, она охотно одаривает молодого поклонника своей нежностью. Единственное исключение — она отказывается делать ему минет. "Но почему, почему?" — не может понять Алекс-Натан. "Потому что я не хочу." — "Дай мне хоть одну разумную причину. Ведь я для тебя делаю это охотно." — "Ты можешь не делать этого." — "Но я хочу, хочу!" — "А я — нет." — "Ты должна дать мне причину." — "Не думаю." Три месяца длились уговоры упрямицы. Наконец, она уступила со слезами, но чуть не задохнулась при бесплодных попытках. И что же Алекс-Натан? Он интерпретировал это как дискриминацию, как проявление антисемитизма и расстался с девушкой.

БАС: Ещё более нелепой была причина расставания с Кэй Кэмпбел по прозвищу Пампкин (Тыквочка). Чудесная девушка со светлыми, льющимися волосами, воплощавшая доброту и здравый смысл американского Среднего Запада. Она никогда не повышала голоса, не насмехалась над собеседником, не понимала, как это можно кого-то ненавидеть. При этом, предметом её занятий в университете была английская литература, а на политическом фронте она была даже более горячим противником республиканцев, чем её возлюбленный. Они уже обсуждали планы женитьбы, бедность их не пугала: матрас на четырёх кирпичах, книжная полка, потом — когда-нибудь — детская коляска. В какой-то момент Алекс-Натан обронил: "Ну, и конечно, ты перейдёшь в иудаизм". "С чего это я захочу сделать такой странный поступок?", — спокойно спросила Кэй. И всё было кончено. Наш атеист, отбросивший веру отцов в четырнадцать лет, наш ненавистник рабаев и синагог, не смог смириться с подобной мерой независимости подруги и предпочёл расстаться с ней.

ТЕНОР: А чего стоит истории разрыва с другой очаровательной "шиксой" — Брендой из романа "Прощай, Коламбус!". Её семья приветливо приняла героя в своём богатом доме, он проводил там чудные дни, а по ночам смелая девушка тайно пускала его в свою спальню. Но в нём жило чувство ответственности, и, после долгих уговоров, он добивается, чтобы Бренда нанесла визит гениколог у и приобрела противозачаточную диафрагму. Увы, в какой-то момент строгая мать девушки обнаруживает запретный предмет в её тумбочке и устраивает дикий скандал молодым людям. "А не нарочно ли моя возлюбленная подстроила это разоблачение? — спрашивает себя

мнительный герой. — Не пытается ли она таким образом заманить меня в брачные сети?" И исчезает из её жизни.

БАС: Помешанность Алекса-Натана на сексуальных проблемах может быть связана с одним эпизодом, мельком упомянутым в романе "Жалобы Портного". Когда ему было десять лет, встревоженный отец обнаружил странную вещь: в мошонке мальчика прощупывалось только одно яичко. Врач объявил, что такое случается, что это не опасно, но на всякий случай предложил сделать серию уколов мужских гормонов. Отец не посмел отклонить совет врача — тем более, еврея! Вполне возможно, что именно эти уколы обрекли Алекса-Натана-Филипа на пожизненное служение богу Эросу. Правда, я не уверен, что мы должны верить его рассказам о том, как его сперма при мастурбации долетала до потолка.

ТЕНОР: Родители Хемингуэя пришли в ужас от ранних книг своего сына. Воображаю, что должны были пережить родители Филипа Рота, узнавая себя в образах отца и матери Алекса Портного. Немудрено, что сам Рот никогда не завёл детей: он слишком хорошо знал, как страстно дети рвутся прочь из-под родительской власти и какую боль они могут причинить. Эта тема будет всплывать во многих его поздних романах. В одном из них жена героя попадает в психиатрическую лечебницу, потому что считает себя виновной в самоубийстве отца, в другом отец, наоборот, обречён жить под ненавидящим взглядом любимой дочери.

БАС: Каждому подростку свойственно бунтовать против навязываемых ему правил поведения, ограничивающих его свободу. Алексу-Натану достались правила иудаизма и бытовой еврейской добродетели, и он возненавидел и то, и другое. Но отвергая право взрослых судить его по установленному кодексу, он, как и Холден Колфилд, жаждет повернуть стол, занять судейское место и судить их по своим правилам. Откуда же взять другой кодекс, другой нравственный закон? Тут-то он и хватается за революционные лозунги, которые подсовывают ему радикалы всех мастей. Свобода, равенство, братство! Что может быть возвышеннее и справедливее? Многое указывает на то, что ненависть к "обществу эксплуататоров" зародилась в Алексе-Натане-Филипе очень рано.

ТЕНОР: Всё же, при всей клоунаде и эротической браваде, "Жалобы Портного" остаются искренним трагикомическим воплем современного американца, испускаемым на кушетке психиатра. Роман принёс тридцати-шестилетнему писателю заслуженный успех, деньги, признание. Но после него из-под его пера одна за другой начинают выходить книги менее яркие, лишённые

эмоционального жара и художественных озарений. "Наша банда" (1971), "Грудь" (1972), "Большой американский роман" (1977), "Литературный негр" (1979) — по большей части это романы про писание романов, про писательское и журналистское ремесло, ну, и конечно, про сексуальную жизнь литературной братии. Критики состязались в ядовитых нападках, обвиняли Рота в повторении приёмов и сюжетных коллизий, в "злонамеренной вендетте против человеческой природы", в "отсутствии литературного такта" и в "попытках тыкать читателя лицом в грязь повседневного существования".

БАС: После окончания колледжа Роту, тогда молодому начинающему писателю, довелось вести классы литературного мастерства в Университете Чикаго. Впоследствии он возвращался к преподавательской деятельности не раз. Не думаю, что эта работа пошла ему на пользу. Постоянные размышления о литературе, необходимость разъяснять студентам загадки творчества должны были мешать процессу интуитивной переработки эмоционального опыта в прозаическую ткань. Слишком часто в своих произведениях Рот не описывает, а объясняет, не переживает происходящее, а анализирует его. Журналист и критик оттесняет художника, и это смешение жанров рождает в читателе растерянность, порой переходящую в откровенную скуку.

ТЕНОР: Нужно быть очень начитанным человеком, чтобы не утонуть в литературных аллюзиях, используемых Филипом Ротом. Он ждёт от нас, чтобы, натыкаясь в тексте на имена Артура Диммсдейла, Милли Тил или Ганса Касторпа, мы мгновенно вспоминали, что первое взято из романа Натаниэля Готорна "Алая буква", второе — из романа Генри Джеймса "Крылья голубя", третье — из "Волшебной горы" Томаса Манна. Также постоянно упоминаются имена знаменитых в своё время актёров и политиков, певцов и художников, телеведущих и радиокомментаторов. Через двадцать лет все эти люди забудутся, и переиздания романов Рота будет нуждаться в таком же количестве разъясняющих сносок, как "Потеряный рай" Мильтона или "Приключения Гуливера".

БАС: Не забудьте также звёзд спорта. Эти разгуливают по страницам книг Филипа Рота, неся над головами нетускнеющий ореол авторского обожания, из них можно было бы собрать олимпийскую сборную. И спортивные занятия самих героев расписаны подробнейшим образом. Уже в первом романе, "Прощай, Коламбус!", Нил Клугман то упражняется в бросках по баскетбольному кольцу, то устраивает долгие пробежки со своей подругой, то состязается с ней — кто дольше продержится под

водой, то безжалостно обыгрывает в пинг-понг её младшую сестрёнку, доводя девочку до слёз.

ТЕНОР: Молодая британская писательница, Джейн Хобхауз, с которой у Филипа Рота был роман в начале 1970-х, тоже отмечала серьёзность, с которой он относился к атлетике. Обязательная вечерняя пробежка, упражнения с гантелями, умеренность в еде и выпивке, строгий спартанский образ жизни. Высокий, худощавый, широкоплечий, он, казалось, всегда таил в себе какую-то взведённую пружину, всегда был готов к прыжку, к атаке.

БАС: В своём романе "Фурии" (1993) Джейн Хобхауз вывела его под именем Джек и описала подробно, как он завлекал женщин в свои сети. "Если Джек решал очаровать вас, сопротивление было бесполезно. Увлекала не только быстрота его ума, но и игривость, делавшая беседу с ним похожей на матч в пинг-пинг. Рассказывая о друзьях, знаменитых и не очень, он талантливо иммитировал их манеры, тонко подмечал слабости, мог быть безжалостным… Острота его воображения возбуждала меня, превращала общение с ним в волнующее и опасное приключение…"

ТЕНОР: Джек уже знаменит в американских литературных кругах, но одевается подчёркнуто скромно, не допускает никаких излишеств в убранстве своего жилья, сидит за пишущей машинкой до шести вечера, отключив телефон. Можно было подумать, что он намеренно исключал из своего быта все отвлекающие удовольствия, чтобы сам процесс писания, по контрасту, сделался для него главной радостью в жизни.

БАС: Но с самого начала героиня романа "Фурии" боится наскучить Джеку и предчувствует, что, порывая с возлюбленными, он останется равнодушным к страданиям, причинённым им. В какой-то момент она призналась Джеку, что только недавно перестала принимать литиум, прописанный ей против нервного расстройства. Этого оказалось достаточно: все изъявления любви Джека прекратились, телефон замолчал, при случайных встречах он демонстрировал лишь холодную вежливость. Обременять себя отношениями с психопаткой — кому это нужно?

ТЕНОР: Филипу Роту было сорок три года, когда в его жизнь вошла известная актриса Клэр Блум. Ей тоже было за сорок, за плечами у неё остался пылкий роман с Ричардом Бартоном, два супружества — с актёром Родом Стайгером и с продюсером Хиллардом Элкинсом, а также десятки ролей, сыгранных на сцене и на экране. Её мать и подрастающая дочь жили в Лондоне, но ей часто приходилось оставлять их и лететь в Америку, если оттуда приходило приглашение на интересную актёрскую работу.

Именно во время такого визита произошла случайная встреча на улице с Филипом Ротом, с которым они познакомились за десять лет до этого на Лонг Айленде. Каждый спешил по своим делам (Рот — к психоаналитику, Клэр — на встречу со своим инструктором по йоге), однако приветствия, мимолётный поцелуй в щёку, краткий обмен новостями — всё, видимо, оставило след в душе обоих.

БАС: И ещё Рот подарил ей экземпляр романа "Моя мужская жизнь". А она потом прислала ему из Англии хвалебное письмо про эту книгу. Ей понравилась блистательная изобретательность литературных ходов, острота психологических характеристик. Конечно, от неё не ускользнула и ярость автора на супружеский плен, в котором он оказался, его страх перед утратой свободы и перед собственным эротическим влечением, отдававшим его во власть женщины. Тревожные сигналы были налицо, но она говорила себе, что с нею у Филипа Рота всё будет по-другому.

ТЕНОР: Во время следующего визита в Нью-Йорк в отеле её ждал букет цветов и приглашение на обед, подписанное "Филип". Им было легко и интересно друг с другом, мир театра, кино, английской литературы и драматургии был для обоих родным и волнующим. На четвёртый вечер прозвучали признания в любви, скреплённые объятиями и поцелуями в постели. Клэр нужно было вернуться в Англию. Через океан полетели письма, полные нежных слов, затем последовали долгие разговоры по телефону. Как раз в это время драматург и режиссёр Гарольд Пинтер предложил Клэр главную роль в сценической адаптации романа Генри Джеймса "Поворот винта", которую он собирался ставить на Бродвее. Какая удача! Теперь у неё будет повод снова оказаться в Америке. Предложение казалось судьбоносным.

БАС: Клэр прибыла в Америку, взяв с собой мать и дочь Анну. Рассчитывая на долгие гастроли, она сняла для них недешёвую квартиру в Нью-Йорке, а свой дом в Лондоне сдала. Увы, постановка не имела успеха, и её пришлось закрыть после десяти спектаклей. Уже не первый раз в своей актёрской судьбе Клэр оказывалась в состоянии невесомости: работа внезапно закончилась, новых предложений не поступало. Филип Рот пригласил её пожить в его доме, но чётко указал срок: три недели. Он также решительно дал ей понять, что её родным не будет дано места в их отношениях. Шестнадцатилетняя дочь Анна явно отнеслась враждебно к новому мужчине в жизни матери, и сам он никак не пытался преодолеть её отчужденность.

ТЕНОР: Образовавшийся эмоциональный треугольник всплывёт двадцать лет спустя в романе Рота "Я вышла замуж за коммуниста". Там дочь героини — музыкантша, осваивает игру на

арфе. (Анна готовилась стать певицей.) Герой беззаветно влюблён в свою жену, но возмущается её рабской зависимостью от капризов и диких требований взбалмошной дочери — злой и ревнивой манипуляторши. Конечно, в своих мемуарах Клэр Блум опишет сложившийся треугольник совсем по-другому.

БАС: После закрытия спектакля по роману Генри Джеймса Клэр поселилась в загородном доме Филипа Рота, а мать и дочь её вернулись в Лондон. Влюблённые вели жизнь довольно уединённую, заполняли время прогулками, чтением и обсуждением прочитанного. Рот заразил Клэр своей любовью к новым писателям из Восточной Европы, таким, как Милан Кундера, Тадеуш Грановский, Бруно Шульц, и к американским классикам 19-го века — Готорну, Мелвилу. Толстой, Достоевский и Чехов были у обоих их любимым чтением с молодых лет. Но увлечение Клэр Диккенсом, Харди, Джорджем Элиотом Филип не разделял.

ТЕНОР: Он посвятил новой подруге роман "Профессор желания", вышедший в 1977 году. Уединённая жизнь вдвоём в сельской глуши в какой-то мере отразилась в следующей книге Рота, "Литературный негр" (1979). Работая над этой рукописью, Филип однажды попросил Клэр перечислить ему, на что стала бы жаловаться спутница писателя-отшельника, оказавшаяся в подобной ситуации. Та откликнулась мгновенно и с актёрским мастерством высыпала на него всё наболевшее: "Мы никуда не ходим! Мы ни с кем не встречаемся! Нам нечем занять пустое время!". Они оба посмеялись над разыгранной ею импровизацией, но её обвинительная речь была перенесена в роман почти дословно.

БАС: В какой-то момент Рот сжалился над своей подругой и предложил ей разделять каждый год на две половины: первую они будут проводить в Коннектикуте, вторую — в Лондоне, где у Клэр был собственный дом. Она с благодарностью приняла этот вариант, но очень скоро под крышей лондонского дома отношения между Ротом и Анной сделались источником раздора. Когда мать и дочь за завтраком с увлечением обсуждали вокальные занятия Анны и другие музыкальные новости, Рот чувствовал себя отодвинутым в тень, что он переносил очень плохо. Если же Клэр пыталась компенсировать это усиленной заботой о возлюбленном, дочь начинала ревновать и обвинять мать в том, что та опять пренебрегает ею ради нового мужчины.

ТЕНОР: Когда у дочери собирались друзья, Рот жаловался, что производимый ими шум мешает ему сосредоточиться. "Почему же ты не поднялся к ним и не попросил вести себя потише?", — спросила Клэр. "Потому что это твоя работа", —

ответил Филип. Напряжение нарастало, и в какой-то момент он вручил Клэр письмо-ультиматум, содержавшее следующие условия: да, ему бы очень хотелось сохранить нынешний союз; но ни при каких обстоятельствах он не согласен жить в одном доме с Анной; если она откажется переехать, он возвращается в Америку; в этом случае их совместная жизнь будет ограничена шестью месяцами в Коннектикуте.

БАС: Впоследствии Клэр сожалела, что уступила нажиму и сняла для дочери отдельную квартиру. Но она к тому времени не имела сил противиться воле своего избранника, чья гневливость выплёскивалась на неё потоками больно жалящих сарказмов. Он обвинял её в том, что она впала в ненормальную невротическую зависимость от капризов дочери-подростка. Для неё же утратить на пятом десятке лет такого яркого и эмоционально богатого спутника жизни было бы мучительно. А последовать за ним в Америку она не могла, потому что как раз в это время в Лондоне начались съёмки телефильма "Возвращение в Брайдсхед", где ей была предложена очень заметная роль лэди Марчмэйн.

ТЕНОР: Мы снова, как и в истории Ричарда Бартона и Элизабет Тэйлор, должны вспомнить пьесу "Двое на качелях". Сближения и охлаждения, ссоры и возвраты нежности перемежаются, создавая непредсказуемый сюжет посильный только гениальнейшему драматургу по имени Судьба. Жизнь обоих осложнялась тем, что за порогом пятидесятилетия Филипа Рота поджидала хищная стая болезней: закупорка сосудов, боли в спине, ипохондрия. В 1987 году воспаление в колене так усилилось, что он решился на операцию. Она не помогла, боль сделалась невыносимой. Против начинающегося нервного расстройства психиатр прописал ему хальцион, и это лекарство довело больного до настоящей клинической депрессии.

БАС: Запертые вдвоём в загородном доме, Филип и Клэр не знали, к кому обратиться за помощью. У него начались галлюцинации, он прижимался к подруге и плакал, как ребёнок, звал умершую мать. Не будучи в силах помочь ему, Клэр тоже чувствовала себя на грани безумия.

ТЕНОР: В этот раз спасение пришло в облике знакомого литератора, Бернарда Авишая, который за год до этого тоже был доведён до нервного расстройства хальционом. Он приехал к ним и объяснил, что понадобятся семьдесят два часа, чтобы вырваться из зависимости от этого наркотика., и что борьба будет мучительной. Он оставался с Филипом каждую ночь, и наутро они появлялись обессиленные и измождённые. Вся эта эпопея впоследствии была воссоздана Ротом в романе под названием "Операция Шейлок" (1993).

БАС: Когда к Роту вернулась способность работать, он начал новый роман, построенный в виде диалогов между писателем и его женой, с которой он живёт в Лондоне, а также между писателем и его возлюбленными, с которыми он встречается втайне от жены. В конце жена находит записные книжки мужа (точно так, как жена Гумберта Гумберта в "Лолите" находит его дневник) и обрушивает на него горькие упрёки. Он же, ничуть не смущаясь, обвиняет её в интеллектуальной ограниченности, в неспособности отличать литературные фантазии от реальной жизни. С искусством умелого адвоката он размывает грани между правдой и вымыслом, переходит от обороны к нападению, объявляет упрёки попыткой наложить цензуру на его воображение. Роман вышел в свет в 1990 году под многозначительным названием "Обман".

ТЕНОР: В своих воспоминаниях Клэр Блум описывает, каким шоком было для неё чтение рукописи. Мало того, что точно воссоздавалось внутреннее убранство их лондонского дома, что эротические игры писателя с навещающими его красавицами описаны были до деталей (почему-то герой предпочитал заниматься этим на полу), что немолодая неинтересная жена только и способна была лить слёзы по поводу измен мужа и упрекать его. Она ещё являлась актрисой по профессии и носила имя Клэр. Этого реальная Клэр не могла стерпеть. Она заявила, что имя должно быть изменено, иначе она дойдёт до суда, чтобы остановить публикацию романа. Филип, видимо, почувствовал, что любовь к провокациям завела его слишком далеко, и уступил.

БАС: Весной 1989 года закупорка сосудов у Рота ухудшилась настолько, что понадобилась срочная операция на открытом сердце. Из Чикаго был вызван брат Сэнди, но восьмидесятилетнему отцу Филипа сказали, что сын просто уезжает на несколько недель в Европу. Операция прошла успешно, врачи обещали полное выздоровление. Радость и облегчение Клэр были беспредельны. По сравнению со страхом, пережитым ею у дверей операционной, все прежние обиды на возлюбленного потускнели. И она призналась ему, что ей хотелось бы, чтобы они, после пятнадцати лет совместной жизни, наконец, поженились.

ТЕНОР: Филип сказал, что такой серьёзный шаг требует серьёзного обдумывания, что ему понадобится месяц на размышления. Клэр уехала в Англию, не зная, что её ждёт впереди. Наконец, пришла телеграмма: "Дорогая актриса, я люблю вас. Согласитесь ли вы выйти за меня замуж? Поклонник". Клэр была так счастлива, что тут же, невзирая на то, что в Коннектикуте была глубокая ночь, позвонила, чтобы прокричать

радостное "Да! да! да!". Ничто не должно было омрачать её ликования. Даже когда в Америке ей дали на подпись брачное соглашение, подготовленное адвокатом Филипа по его инструкциям, она подписала его, не пытаясь вдуматься в последствия, таившиеся в различных пунктах коварного документа.

БАС: И очень пожалела об этом потом. Хотя соглашение давало ей права на их ньюйоркскую квартиру и на изрядную сумму денег в случае смерти мужа, во всём остальном она оставалась абсолютно бесправной. Если муж решал развестись с ней, он мог сделать это в любой момент, без объяснения причин, и оставался свободен от каких бы то ни было финансовых обязательств перед ней. Квартира, имущество, автомобиль — всё оставалось его собственностью. Даже Элен Каплан, адвокат Филипа, рекомендовала Клэр посоветоваться с юристом, прежде чем подписывать такую бумагу. Но счастье делает людей беззаботными. Клэр подписала и весной 1990 года вступила в брачные отношения в третий раз в своей жизни.

ТЕНОР: Она с благодарностью ловила проявления нежности со стороны нового супруга и старалась не придавать значения недобрым выходкам. Вот он вдруг вручает ей письмо, в котором требует, чтобы дочь Анна проводила в его доме в Коннектикуте не больше недели в году, а в их доме в Нью-Йорке вообще не жила. Что ж поделать! Тяжёлый характер — обычный спутник таланта. Вот она пытается уговорить его на покупку небольшого дома в Италии, где они могли бы отдыхать время от времени. Он разражается гневной отповедью, осуждает её за транжирство. А некоторое время спустя она случайно обнаруживает, что весь их разговор с непонятной целью был записан им на магнитофон. Зато в другой момент говорит ей слова любви или пишет в записке: "Ты — самое драгоценное, что есть у меня в этом мире".

БАС: Надежды, возлагавшиеся Ротом на роман "Операция Шейлок", не оправдались. Критики встретили его недружелюбно, цифры продаж быстро падали. Настроение Филипа стремительно ухудшалось, он снова оказался на краю такой же депрессии, от какой страдал пять лет назад. Клэр была в Англии, когда он принял решение лечь в психиатрическую лечебницу. По телефону он говорил ей, как он несчастен и одинок, как успокаивающе действует на него её голос, просил звонить каждый день. Но когда она примчалась, чтобы навестить его в больнице, он объявил, что будет разговаривать с ней только в присутствии врача.

ТЕНОР: Описание этой встречи сохранилось в дневниковой записи Клэр от 9 августа 1993 года. "Филип был бледен и

подавлен. Я спросила, почему он дрожит. Он смотрел на меня с откровенной ненавистью, выставив подбородок. "Потому что я очень зол на тебя." — "За что?" Дальше он говорил часа два не переводя дыхания. За то, что у меня слишком мягкий голос и я нарочно говорю с ним в такой манере, которая отчуждает его; я нелепо веду себя в ресторанах, всё время поглядывая на часы и напевая себе под нос; я впадаю в панику, когда он болеет, и неспособна придти ему на помощь; когда умерла моя мать, он вынужден был взять на себя все хлопоты и сидел в доме один рядом с покойницей; я вынудила его посетить оперу, что было для него мученьем; и так далее. Он помнил все промахи, совершённые мною в течение семнадцати лет. В конце он объявил, что, если Анна приедет, как задумано, в Нью-Йорк на три месяца заниматься со своей учительницей пения, он порвёт наш брак."

БАС: Даже психиатр, присутствовавший при этом, сказал: "Филип, все перечисленные вами поступки вашей жены заслуживают — самое большее — минутного раздражения". Клэр спросила его: "Если я так раздражала тебя всё это время, почему же ты согласился жениться на мне три года назад?" — "Кто это может понять", — пожал плечами Филип.

ТЕНОР: Бракоразводный процесс растянулся на несколько месяцев. Клэр всё ещё надеялась если не на возобновление супружества, то хотя бы на сохранение дружеских отношений. Она говорила себе, что перед нею психически больной человек и она обязана пойти ему навстречу, когда он просит об отсрочках и уступках. Любые предложения её адвоката занять более жёсткую позицию отвергались. Клэр позволила бывшему мужу завладеть их квартирой в Нью-Йорке. Когда она прислала ему список своих вещей, которые ей хотелось бы получить обратно, в ответ поползла лента гневных факсов, перечислявших все траты, сделанные им в течение их совместной жизни, реальные и вымышленные. Включены были не только подарки, билеты на самолёты, оплата страховых полисов и прочее, но также требования заплатить ему за литературную помощь при подготовке различных постановок, в которых участвовала Клэр, а также компенсировать нанесённый ею психологический ущерб. Последний пункт исчислялся уже в миллиардах долларов.

БАС: Только после завершения бракоразводного процесса выяснилось, что Филип Рот уходил не в пустоту, что он был в связи с другой женщиной, близкой приятельницей обоих. В своих воспоминаниях Клэр даёт ей имя Эрда. Добрая, чуткая Эрда старалась опекать Филипа во время его болезни. Без объяснения причин она тоже потребовала развода у своего мужа, брак с

которым длился двадцать пять лет. Ей удалось занять место Клэр, но их совместная жизнь с Филипом продлилась всего несколько месяцев. Очень скоро Эрда обнаружила, что её возлюбленный сумел и в больнице завести роман с другой пациенткой. Совместная жизнь с новой спутницей жизни возродила в нём страх перед моногамными отношениями, лишавшими его возможности отдаваться его главной страсти: поискам новых увлечений. Разрыв был для Эрды крайне болезненным, она тоже пережила нервный срыв.

ТЕНОР: Клэр Блум была полна горечи, пыталась понять, что послужило причиной разрыва, искала свою вину. Может быть, её сопереживание Филипу было недостаточно эмоциональным? Может быть, она слишком легко впадала в панику из-за его болезней и оказывалась неспособной помочь ему восстановить душевное равновесие? Она вспоминала других мужчин, искавших её любви, — надёжных, основательных, уравновешенных. Один был видным политиком, другой — талантливым архитектором. Почему она отвергла их? Почему предпочла связать свою судьбу с ярким и непредсказуемым неврастеником? И посреди этих душевных метаний она вдруг получает письмо: "Дорогая Клэр, нет ли возможности нам быть друзьями? Филип".

БАС: Клэр считала дни до назначенной встречи в ресторане. Провела часы в косметическом кабинете, сделала маникюр, долго выбирала платье. Филип явился поздоровевший, только прибавилось седины. Он уселся перед бывшей женой и двадцать минут, со своим обычным блеском, осыпал её забавными историями и анекдотами, не имевшими никакой связи с их личными отношениями. Он словно бы хотел вернуться на двадцать лет назад и начать покорять и очаровывать Клэр как новую знакомую. Не напоминает ли это нам тщетные попытки Дика и Лиз Бартон начинать любовный роман заново? Но древнее правило и там, и здесь осталось неопровержимым: "Никакую женщину нельзя соблазнить дважды". Клэр удалилась разочарованная и печальная, и больше они не встречались.

ТЕНОР: "Театр Саббата" — первый роман Филипа Рота, написанный после разрыва с Клэр Блум. Можно подумать, что автор хотел в нём отыграться за все годы, когда близость с женщиной, верившей в необходимость соблюдения приличий, удерживала его эротические фантазии в определённых рамках. Герой этого романа, шестидесятичетырёхлетний Мики Саббат (бывший руководитель кукольного театра), сделал погоню за сексуальными наслаждениями не только главным занятием своей жизни, но также смыслом и оправданием её. Его главная подруга, Дринка Балич, разделяет его страсть и готова следовать за ним, а

порой и вести на поиски всё новых вариантов и комбинаций. Она то подсовывает ему свою племянницу, то соглашается отправиться в постель втроём вместе с нанятой проституткой, то возбуждает его подробными рассказами о том, как она проделывает *это* с другими мужчинами.

БАС: Похоже, что после всех перенесённых болезней мысли о смерти, тоска по поводу нашей смертности заняли в душе Филипа Рота такое же пространство, как и эротика. И в романе "Театр Саббата" он пытается соединить вместе два главных предмета, занимающих его ум: секс и смерть. Несравненная, незабываемая Дринка внезапно умирает от рака, и безутешный Саббат по ночам прокрадывается на кладбище, чтобы мастурбировать над её могилой. Там он сталкивается с другими её возлюбленными, являющимися с той же целью.

ТЕНОР: Некрофилия, педерастия, оральный и лесбийский секс расписаны с такими подробностями, будто автор задался целью перещеголять все порнографические журналы. Возможно, это способствовало успешной продаже книги. Мне трудно поверить, чтобы какой-то серьёзный читатель смог прочесть до конца это раздёрганное во времени описание эротических эскапад бывалого Казановы, неспособного ни на какие формы человеческих контактов, кроме генитальных. Однако каким-то образом постаревшие секс-революционеры 1960-х сумели сплотиться и воздать должное своему несгибаемому Робеспьеру — удостоили роман Филипа Рота премией за лучшую прозу 1995 года.

БАС: Сам он говорил, что никогда не чувствовал себя таким свободным, как при работе над романом "Театр Саббата". Полагаю, что здесь мы имеем дело с тем случаем, когда автор не замечает, что его свобода уже перешла в разнузданность и расхлябаность. Он как бы говорит нам: вот я буду тащить своего героя куда хочу во времени и пространстве, сводить с десятками проходных незапоминающихся персонажей, кидать в постели всех встречных женщин, где он будет совокупляться с ними во всех возможных комбинациях, а вы, издатели и читатели, и пикнуть не посмеете, потому что мой статус в американской литературе уже сделал меня недосягаемым для стрел язвительных критиков.

ТЕНОР: В романе маркиза де Сада "Жюстина" герой, отдыхая от истязаний, которым он подвергает бедную девушку, со снисходительной насмешливостью расспрашивает её, может ли она привести какие-нибудь *логические* аргументы (других он не признаёт), почему он не должен этого делать. Сечь и насиловать женщин — главное удовольствие его жизни. Ради чего же он станет отказываться от него? Точно так же и Мики Саббат

доказывает соблазнённой им двадцатилетней студентке, что утоление сексуальных страстей является его неотъемлемым правом и никакая логика или этика не смогут удержать его.

БАС: Конечно, действуют в романе и персонажи, которые осуждают и стыдят Мики Саббата. "И не надоело тебе, с твоей седой бородой и торчащим животом, прославлять порнографию, фетишизм, войеризм и размахивать флагом, насаженным на член? — говорит один. — Ты просто старый, отставший от моды шут, Мики Саббат". Но такие нападки — только часть стратегии Филипа Рота, создающие иллюзию, что имеет место суд над героем. На самом деле главным для него остаётся всё то же: постоянно менять обличья, постоянно менять правила игры, чтобы никто и никогда не смог воскликнуть: "Вот настоящий Филип Рот — я поймал его и сейчас поставлю на место, которого он заслуживает".

ТЕНОР: Другая примечательная черта творчества Филипа Рота — дотошное внимание к исторической хронологии. Точно указаны даты в жизни различных действующих лиц, и они соотносятся с тем, что происходило в эти годы в стране и мире. В 1950-е годы положительные герои Рота поносят маккартизм и покончившего с маккартизмом Эйзенхауэра, в 1960-е — Линдона Джонсона и вьетнамскую войну, в начале 1970-х — Никсона и Уотергейтский скандал, в конце — президента Картера и его беспомощность перед иранскими аятолами, в 1980-е — реакционера Рональда Рейгана, в 1990-е — дезертира и развратника Билла Клинтона. И ещё: как правило, главному герою или рассказчику ровно столько лет, сколько самому Роту в год написания романа.

БАС: На сегодняшний день глава из романа Джейн Хобхауз и воспоминания Клэр Блум являются чуть ли не единственными двумя просветами в тумане, которым Филип Рот окружил свою личную жизнь. Должно пройти время, прежде чем другие его возлюбленные — тайные и явные — решатся рассказать о том, что им довелось пережить с неугомонным Алексом-Натаном. Для того чтобы приблизиться к пониманию произошедших в нём перемен, нам остаются только поздние романы Филипа Рота. И среди них я бы выделил трилогию, представляющуюся мне наиболее интересной для нашего исследования: "Американская пастораль" (1997), "Я вышла замуж за коммуниста" (1998) и "Людское клеймо" (2000).

ТЕНОР: В центре романа "Американская пастораль" — семья Симура Левова, за которым в школе утвердилась кличка "Швед", потому что светлые волосы и светлая кожа делали его совершенно непохожим на еврея. Он проявлял отличные

способности во всех спортивных играх, был легендой Ньюарка, но отказался от предложенной ему блестящей спортивной карьеры, чтобы поступить в фирму отца, имевшего фабрику по изготовлению кожаных перчаток. Всё задуманное ему удавалось, все начинания приходили к успешному завершению. Он женился на красавице, завоевавшей в своё время титул "Мисс Нью-Джерси", они родили дочку, поселились в красивом доме, жили в дружбе и мире с соседями и роднёй. Одно тревожило их: у подраставшей дочери Мередит (Мерри) обнаружилось сильное заикание.

БАС: Никакие врачи, никакие специалисты по исправлению дефектов речи не могли помочь. То ли вследствие заикания, то ли по складу характера девочка росла нелюдимой, непослушной, легко сердилась и ввязывалась в споры с родителями. Как и многие её сверстники в 1960-е годы, она была возмущена войной во Вьетнаме. "Да, я удираю в Нью-Йорк, потому что там я встречаюсь с людьми, которые, в отличие от вас, чувствуют свою ответственность перед вьетнамцами. Они хотят что-то сделать, чтобы американские бомбы перестали разрывать на куски вьетнамских детей. А вы! — вы не допустите, чтобы этот кошмар испортил вам настроение хоть на один день!".

ТЕНОР: Родители Мередит тоже были против войны. Однако они считали, что бороться за мир нужно путём участия в демонстрациях, писания писем протеста, голосованием на выборах. Но шестнадцатилетняя девочка попала под влияние радикальной организации, которая впоследствии стала известной под названием "Везермен". Эти использовали другие методы борьбы. И тихим летним утром в районе, где жили Левовы, случилось непоправимое: у местного почтового отделения взорвалась бомба. Погиб случайный прохожий — врач, подошедший к почтовому ящику, чтобы опустить письмо. А Мередит исчезла из дома и из города.

БАС: Дальше главной сюжетной линией романа становится эпопея поисков пропавшей дочери. "Шведу" нужно было быть крайне осторожным в этом деле, потому что её разыскивали также полиция и ФБР. Иногда появляются тайные посланцы, которые сообщают отцу, что дочь жива, но ненавидит своих родителей — капиталистов, эксплуататоров — и никогда к ним не вернётся. Однако деньги, предлагаемые "Шведом", посланцы принимают.

ТЕНОР: Новые поколения уже забыли ту волну внутреннего терроризма, которая захлестнула Америку в те годы. На странице 148 Филип Рот приводит краткий перечень взрывов, поджогов, ограблений и убийств, совершённых в разных городах Америки

якобы во имя прекращения войны. Но в другом месте писатель переносит нас в 1980-е. Никакой войны нет, однако люди гибнут на улицах Ньюарка чуть не каждый день. Чёрные мальчишки двенадцати-пятнадцати лет крадут автомобили (статистика — сорок машин за сутки), чтобы носиться в них по улицам со скоростью восемьдесят миль в час. Любимый их трюк называется "пончик": разогнаться и потом резко ударить по тормозам, одновременно повернув руль. Машина начинает бешено крутиться на месте. Мальчишкам совершенно неважно, кто погибает под их колёсами: белые или чёрные, женщины или дети. Главное — чтобы повеселиться. Если полицейская машина погонится за ними, они могут развернуться и протаранить её лоб в лоб — тоже веселье. Они знают, что серьёзное наказание несовершеннолетним не грозит.

БАС: Сердце "Шведа" истекает кровью от тревоги за дочь. Но параллельно он пытается понять свою судьбу, ищет ошибки, совершённые в прошлом, пересматривает свои верования. В конце концов он находит Мередит — сменившую имя, присоединившуюся к религиозной секте, отвергающей все виды собственности, живущую в полуразрушенном доме, в комнате без окон. Вскоре "Швед" умирает от рака простаты. Такая же болезнь постигает рассказчика, нашего неизменного Натана Зукермана. Перенесённая операция сделала его импотентом. Вправе ли мы принять эту деталь как автобиографическую подробность?

ТЕНОР: Если это так, я склонен искать здесь объяснение того факта, что в "Американской трилогии" сексуальная тема впервые в творчестве Филипа Рота отходит на задний план. Второй роман трилогии, "Я вышла замуж за коммуниста", многие критики объявили "романом-местью" — ответом — контрударом — на мемуары Клэр Блум. Натан Цукерман фигурирует там в виде подростка, созревающего в эпоху маккартизма, жаждущего бороться за справедливость и увлекающегося идеями страстно убеждённого коммуниста, Айры Рина. Рин завоевал известность как радио-комментатор лево-радикальных взглядов, но при этом сам живёт в особняке своей богатой жены — знаменитой актрисы немого кино, теперь достигшей славы и в радиоэфире. Вспомним, что Клэр Блум успешно выступала с чтением стихов на радио, участвовала в радиопостановках.

БАС: Если Рот, действительно, хотел создать каррикатурный портрет своей бывшей жены, то надо признать, что попытка эта провалилась. Героиня его романа, Ева Фрейм, — тоже еврейка, тоже дважды была замужем, тоже имеет дочь-музыкантшу, тоже владеет собственным домом. Все приметы для "опознания" налицо. Но при этом она получилась живой, отзывчивой,

непосредственной и обладающей свойством, которого остальным персонажам сильно недостаёт: добротой. Да, она страстно любит дочь и защищает её от нападок раздражительного мужа, не считающего нужным сдерживать приступы гнева и доходящего до планирования убийства обеих. Но это никак не чернит её. Наоборот — украшает.

ТЕНОР: В конце, устав от измен мужа, Ева порывает с ним и пишет горькие мемуары, изобличая его принадлежность к коммунистической партии и ставя под удар Коммиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Конечно, мемуары Клэр Блум не сделали Филипа Рота объектом политических преследований. Но его характер и поступки, до тех пор успешно скрываемые за чередой двойников и масок, приоткрылись для читающей публики. Один из критиков язвительно заметил, что ей следовало бы изменить название книги: вместо "Покидая кукольный дом" — "Я вышла за депрессивного нарциссиста". Другой подметил, что в романе "Я вышла замуж за коммуниста" как раз главный герой является скопищем всевозможных недостатков: он живёт за счёт жены, но при этом хамит её гостям, бравирует своим радикализмом, изменяет ей с вульгарной массажисткой, а потом — и с подругой дочери. Последнее имело место в реальной жизни: Рот пытался соблазнить подругу Анны, Рашель.

БАС: В мемуарах Клэр Блум есть характерная сцена: они сидели в ресторане и услышали, как за соседним столиком какая-то женщина обронила антисемитское замечание. Рот немедленно встал, подошёл к ней, обозвал нехорошим словом и покинул ресторан. Мало того — вечером он устроил Клэр разнос за то, что она не присоединилась к нему. То есть и в жизни ему мало было выразить свой гнев — ему нужно было, чтобы все близкие последовали его примеру. В романе "Я вышла замуж за коммуниста" все герои наперегонки выражают своё возмущение по поводу политических событий, социальных условий, поведения окружающих. Вместо сюжета и характеров перед читателем тянутся сгустки озлобления, направленного в самые разные стороны. Как справедливо заметил один критик, "Рот использует главного героя, Айру Рина, как дубинку против старых леваков-сталинистов, а Еву Фрэйм — как дубинку против бывшей жены".

ТЕНОР: Сам Натан Зукерман говорит в конце: "Оглядываясь на свою жизнь, я ощущаю её как долгую речь, произносимую разными голосами". И вряд ли он или Филип Рот замечали те моменты, когда зал, собравшийся послушать воспроизводимую речь, начинал пустеть. Поневоле вспоминается саркастическая похвала в адрес Клэр Блум, произнесённая Гором Видалом и

вынесенная на обложку её книги: "Она сумела осуществить то, что никогда не удавалось самому Филипу Роту — сделала его интересным".

БАС: Среди сюжетных конструкций, используемых Ротом, нередко повторяется одна, которой подошло бы название "а что если?". Она не раз использовалась и в мировой классике. "А что если человек превратится в нос?" — и Гоголь придумывает своего майора Ковалёва. У Кафки — "а что если человек превратится в жука?". То же самое и у Филипа Рота: "А что если профессор литературы превратится в гигантскую женскую грудь?" (роман "Грудь", 1972); "а что если Анна Франк не погибла в немецком концлагере?" ("Литературный негр", 1979); "а что было бы, если бы в 1940 году президентом был избран Чарльз Линдберг?" ("Заговор против Америки", 2004). В этот же ряд можно поставить и роман "Людское клеймо" (2000): "а что если в негритянской семье родится мальчик с белой кожей?".

ТЕНОР: Примечательно, что никто из персонажей этого романа не задаётся естественным вопросом: "А не было ли у матери героя, Колмана Силка, связи с белым мужчиной?". Нет, миссис Силк, чёрная медсестра в большой больнице, по замыслу автора, — женщина слишком достойная и любящая своего мужа, она должна остаться выше таких подозрений. Двое других детей у неё родились чёрными, а Колман Брутус родился белым, видимо, в результате каких-то генных перетурбаций, возможно, связанных с недостойным поведением белых плантаторов в далёком прошлом.

БАС: Как и сам Филип Рот, в юности страстно отдававшийся бейзболу, как и еврейский подросток "Швед" в романе "Американская пастораль", чёрно-белый подросток Колман был талантливым спортсменом, его победы на ринге возносили его над сверстниками. И в какой-то момент его *страсть побеждать* подтолкнула его на попытку *победить судьбу:* при поступлении на военную службу, заполняя анкету, в графе "раса" он написал "белый".

ТЕНОР: Однако обо всём этом читатель узнаёт лишь где-то в середине романа. На первых страницах перед нами — пожилой профессор античной литературы в небольшом колледже, вдовец, имеющий четырёх взлослых детей, живущий одиноко в своём загородном доме. Своё происхождение он успешно скрывал ото всех, включая членов своей семьи, в течение сорока лет.

БАС: После долгой и успешной карьеры, поднявшей его на пост декана, ему довелось пережить унизительный скандал: коллеги, рьяно отстаивающие правила политической корректности, перетолковали невинное замечание, обронённое

им перед студентами, как расистское и требовали, чтобы он принёс извинения. Возмущённый несправедливостью профессор Силк увольняется из колледжа и собирается написать разоблачительную книгу о происшедшем. За помощью он обращается к живущему неподалёку писателю, которого зовут — как? Конечно, Натан Зукерман.

ТЕНОР: Между двумя стариками возникает дружба, и вскоре Колман Силк сознаётся Натану, что на восьмом десятке у него загорелся роман с уборщицей вдвое моложе него. Фаня Фарли — ещё один вариант того типажа в творчестве Филипа Рота, который мы договорились обозначать словом ДУМ (девушка, униженная мужчинами). Ей было восемь лет, когда богатый и властный отчим начал использовать её для сексуальных утех. В четырнадцать она убежала из дома и скиталась по стране, пока не вышла замуж за ветерана вьетнамской войны. Он оказался жестоким пьяницей, избивал её по любому поводу. Она развелась с ним, забрав двоих детей, но он продолжал преследовать её, хотя суд наложил на него запрет приближаться к бывшей жене. В довершение всех несчастий её жильё загорелось, и дети погибли, задохнувшись в дыму.

БАС: Рот мог бы назвать свой роман "Гроздья гнева", если бы Стейнбек не использовал это название раньше. А о гневе, переходящем в ярость, "сердитый писатель" Рот знает всё и умеет воссоздавать его с богатейшими оттенками. Колман Силк полон гнева на своих коллег по академическому миру, отказавшихся расслышать прямой смысл произнесённых им слов и исказивших его ради отстаивания своих псевдо-либеральных идей. Его старший брат полон гнева на Колмана за то, что он притворился белым, порвал со своей чёрной семьёй, лишил обожавшую его мать возможности узнать её белых внуков. Фаня Фарли полна презрительного гнева на свою горькую судьбу и мужчин, попадавшихся ей на пути. Но страшнее всех разгневан её бывший муж, Лестер Фарли.

ТЕНОР: Впечатления и опыт вьетнамской войны, казалось, выжгли в этом человеке всякую тень доброты и способности к состраданию. Друзья-ветераны пытаются помочь ему вернуться в нормальное состояние, приглашают принять участие в совместной встрече, происходящей в китайском ресторане. Но один вид азиатских лиц приводит его в такую ярость, что друзья просят официантов не приближаться к их столику, сами приносят блюда из кухни. Лес Фарли выписан с таким мастерством, что его можно причислить к череде масок-автопортретов Филипа Рота. Он — маска гнева. По роману был поставлен отличный фильм с участием Энтони Хопкинса и Николь Кидман, но сильнее всех

врезается в память зрителей Эд Харрис, сыгравший Леса Фарли.

БАС: Тот факт, что Колман Силк преподаёт античную литературу, позволяет Роту использовать аллюзии к греческим трагедиям. Упоминание гнева Ахилла, ярости Филоктета, безумия Аякса, мести Медеи кажутся уместными на фоне разворачивающейся драмы. В конце обуреваемый ревностью Лес Фарли убивает Колмана и Фаню. Он подстраивает аварию их автомобиля так умело, что не оставляет никаких улик для полиции. Лишь Натан Зукерман догадывается о том, что произошло на самом деле, но доказательств у него нет.

ТЕНОР: Три романа, составляющие "Американскую трилогию", вернули Филипу Роту признание читателей и критиков. Посыпались награды, призы, почётные звания. "Американская пастораль" была удостоена Пулитцеровской премии, "Людское клеймо" получило Британскую премию Смита за лучшую книгу года. На доме, в котором Рот рос в Ньюарке, теперь установлена памятная доска, его именем названа улица. Есть общество поклонников Филипа Рота и журнал, освещающий его творчество. Недавно вышла однотомная энциклопедия, посвящённая исключительно Филипу Роту и его творчеству, содержащая подробное описание его произведений, библиографию, хронологию жизни, перечень статей о нём.

БАС: В 2006 году "Нью-Йорк Таймс Бук Ревью" разослала письмо двумстам видным писателям, критикам, редакторам, прося их назвать одну самую лучшую книгу, опубликованную за последние двадцать пять лет. Среди двадцати двух наименований, получивших наибольшее число голосов, оказалось шесть романов Филипа Рота.

ТЕНОР: Конечно, не умолкали и голоса тех, кто был недоволен писателем. Серия коротких романов, написанных им в первую декаду 21-го века, действительно, варьирует снова и снова поднадоевшие темы эроса, болезней, творческого бессилия, приближающейся смерти. Снова перед нами проходят любовные треугольники, снова подробные описания того, как и что именно проделывают друг с другом в кровати две женщины и один мужчина. Так пишут не для читателя, так пишут, чтобы возбудить и потешить самого себя.

БАС: Безжалостная и проницательная Мичико Какутани в своей рецензии на роман "Умирающий зверь" (2001) писала: "Автор манипулирует персонажами как режиссёр, заставляя их иллюстрировать одни и те же философские идеи: что эрос, как и искусство, может быть использован в качестве иллюзорного барьера против смерти; что радостные надежды на счастье впереди слишком часто разбиваются о жестокую реальность; что

порыв к свободе часто чреват не только утратами, но и новой неволей".

ТЕНОР: И вдруг, точно спортсмен в марафонском забеге, нашедший новый запас сил на последнем километре дистанции, в 2010 году Филип Рот выпускает свой 31-ый роман "Немезида", в котором его талант снова заблистал, как полвека назад. 1944 год, война в разгаре, но герой, Баки Кантор, не взят в армию из-за плохого зрения. Он работает со школьниками на городских спортивных площадках. И в его жизнь вторгается враг не менее страшный, чем нацисты и японцы: в Нью-Джерси началась новая эпидемия полиомелита. Вакцина ещё не открыта, и его ученики гибнут один за другим. Он ухаживает за ними, утешает семьи, а потом заболевает и сам. Простая и страшная драма воссоздана с таким мастерством и достоинством, что невольно вспоминается "Чума" Альбера Камю.

БАС: Думаю, этот роман займёт в творчестве Филипа Рота такое же место, какое занимает в творчестве Хемингуэя "Старик и море": чуть в стороне и выше остального. Впервые мы видим у него героя, для которого безопасность и благополучие других важнее его собственных вожделений и амбиций. Однако и ему присуща черта, пронизывающая жизнь самого Рота и многих его персонажей: уверенность, что он умеет отличать правильное поведение от неправильного, что на свете есть некий неписанный кодекс, по которому можно отличать достойные поступки от недостойных. Баки Кантор выжил, но остался инвалидом. Девушка, с которой у него был роман, клянётся, что продолжает любить его всем сердцем, умоляет не губить их чувство, жениться на ней. Но Баки считает, что было бы нечестно обременить собой возлюбленную на всю оставшуюся жизнь, и отказывет ей.

ТЕНОР: Искусство немыслимо без прикосновения к тайне бытия. Особенность творчества Рота, мне кажется, состоит в том, что эта тайна присутствует в нём негативно: мы ощущаем её через ужас, испытываемый автором перед ней, через отталкивание от неё, через отчаянные попытки подменить Тайну *загадками.* Загадочная смена масок, загадочные переносы героев во времени и пространстве, непредсказуемые скачки и смены эротических отношений, загадочные недуги и неуверенные попытки бороться с ними — всё это необходимо Роту для того, чтобы не остаться лицом к лицу с простым кошмаром Небытия. И толпы критиков и литературоведов с готовностью включаются в предложенную им погоню за разгадками, погружаясь в то, что писатель Герман Гессе назвал "Игрой в бисер".

БАС: Готов согласиться с вами. Хочу лишь отметить, что своим духовным исканиям Филип Рот предавался с искренней

страстью, не боясь нарушать барьеры и запреты своей эпохи. Его можно сравнить со спелеологом, спускавшимся в самые тёмные пещеры человеческого бытия и не боявшегося вопить оттуда об опасных змеях и ящерах, скрывающихся за туманом приличий. Даже если будущие поколения читателей найдут его искания бесплодными, они останутся важной метой на карте духовных плаваний. Ведь в истории географических открытий мы ценим не только тех первопроходцев, которые открыли нам цветущие острова и континенты, но и тех, кто оставил на картах спасительные пометки: мель, рифы, водоворот, подводный вулкан, цунами. Да, уже из истории Фауста мы узнали, что в упоённом собой эгоизме найти спасение невозможно. Но когда мы видим перед собой нашего современника, снова погрузившегося в эту пещеру и прошедшего весь извилистый путь до грани безумия и самоубийства, — это убеждает сильнее, чем стихи Гёте и музыка Гуно.

Вуди Аллен (1935-)

БАС: Если когда-нибудь мы придумаем способ измерять количество смеха в зрительном зале при помощи неких децибело-минут и децибело-часов, кто из американских актёров и режиссёров сможет рассчитывать на первенство в этом весёлом состязании? Чарли Чаплин? Боб Хоуп? Кэрол Бернет? Джонни Карсон? Или всё же Вуди Аллен имеет шансы обойти их всех? Ведь при одном упоминании его имени в разговоре на лице каждого из нас первым делом появится улыбка, и только потом мы сможем сказать что-то по существу о его новых и старых фильмах.

ТЕНОР: И это при том, что сам он — и на экране, и в жизни — неизменно остаётся печальным, даже унылым. Редко-редко мы видим его улыбающимся. Ещё реже — смеющимся. От души хохочущим — практически никогда. И этот грустный маленький интеллигент посреди небоскрёбов и эстакад современного американского города стал таким же символом второй половины 20-го века, каким маленький неудачник Чарли Чаплина был для его первой половины.

БАС: Многие называют Вуди Аллена поэтом и летописцем Нью-Йорка. Действительно, события большинства его фильмов происходят в этом городе и его окрестностях. Многочисленные архитектурные красоты Манхеттена были запечатлены операторами Вуди Аллена. Но среди его персонажей вы не встретите людей, озабоченных тем, чем озабочены 95 % ньюйоркцев: потеря работы, образование детей, отсутствие медицинской страховки, поиски жилья по карману. Нет, у героев Вуди Аллена только два серьёзных устремления: любовные увлечения и художественное творчество. Варьируется только дозировка. Когда он выпускает на экран самого себя, к двум главным устремлениям могут добавится ещё разговоры с психоаналитиком о поисках смысла жизни и даже о Боге. Герой фильма "Воспоминания о Звёздной пыли" говорит: "Это для вас я атеист. Для Бога я — лояльная оппозиция". В картине "Бродвей Дэнни Роуз": "Нет, я не верю в Бога. Но я переполнен чувством вины по этому поводу".

ТЕНОР: Эллан Конигсберг, известный всему свету под именем Вуди Аллен, начинал как эстрадный комик, потешавший публику чтением своих коротких скетчей и рассказов. В середине 1960-х он очень преуспел на этом поприще, его известность и доходы росли. Тон его шуток импонировал бунтующей молодёжи тех лет: "Я как раз собирался проделать со своей девушкой то, что наш

президент проделывает со страной". Впоследствии издательство "Рэндом Хауз" выпустило несколько сборников Вуди Аллена: "Сводя счёты", "Без перьев", "Побочные эффекты". К сожалению, в напечатанном виде весь юмор куда-то исчезает. "Вчера у меня опять случился приступ кашля ушами." Наверное, Вуди обладал талантом находить какую-то неповторимую интонацию для произнесения этой незамысловатой шутки, если его аудитория откликалась на неё смехом.

БАС: Американское телевиденье обильно использует записанный заранее смех зала и подбавляет его в паузы между репризами комиков. Но уже ранние фильмы Вуди Аллена в подобных уловках не нуждались. "Хватай деньги и беги", "Бананы", "Спящий" вызывали в кинозалах безотказный и искренний хохот. Политика и история, классическая литература, детективный жанр — всё становилось предметом пародирования на экране. Однако особенный успех имел фильм 1972 года "Всё, что вы всегда хотели узнать о сексе, но боялись спросить". Как смешно Джин Уайлдер играл там врача, влюбившегося в овцу и надевавшего на неё бюстгалтер и пояс с подвязками! Какая безудержная фантазия режиссёра блещет в новелле, изображающей участие всех внутренних органов человека в половом акте как работу команды учёных и техников, готовящих запуск отряда сперматозоидов в неведомый космос!

ТЕНОР: А та новелла, в которой средневековый шут, покусившийся на добродетель королевы, восклицает: "Как это — мне отрубят голову? Знают ли они, что голова стоит на втором месте в списке моих любимых органов?". Вспоминая детство и юность, Вуди Аллен рассказывал, что уже лет в десять его одолевали муки вожделения. Чтобы спастись от них, он женился на семнадцатилетней девушке в 1956 году. Харлен Розен была ньюйоркской студенткой, и её семья выражала крайнее недовольство женихом, не сумевшим доучиться ни в одном из колледжей и зарабатывавшим около сорока долларов в неделю сочинением коротких шуток для газет и эстрадников. Брак продержался всего четыре года, но за это время Харлен успела приоткрыть мужу огромный мир литературы и философии, с которым бруклинский подросток, читавший одни только комиксы, раньше не соприкасался.

БАС: После женитьбы дракон сладострастия отступил на задний план. Зато атаки депрессии участились и усилились. Ища спасения от них, Вуди Аллен начал регулярно посещать сеансы психоанализа. Четыре-пять раз в неделю комик, смешивший тысячные аудитории, печально являлся в кабинет шринка и проводил час в душеизлияниях. Эта привычка стала такой

прочной, что он продолжал визиты и сорок лет спустя. Если ему случалось быть в отъезде, сеансы проходили по телефону. Когда трёхлетний сын, рождённый ему актрисой Мией Фэрроу, стал играть в куклы и просить одевать его девочкой, встревоженный отец нанял психиатра и для него тоже. Казалось бы, в его фильмах любая профессия могла стать объектом сатиры: университетский профессор, литературный критик, политик, музыкант, редактор. Но только не шринк. В фильме "Мужья и жёны" все персонажи часто исповедуются психиатру, но сам врач присутствует только за кадром, он вещает оттуда как глас оракула.

ТЕНОР: В 1960 году Вуди Аллен познакомился с выпускницей Университета Брандайс, Луизой Лассер. Она росла в доме своих богатых родителей на Пятой авеню, училась в лучших частных школах и, обладая неплохим голосом, участвовала в музыкальных постановках. И по образованию, и по богатству она принадлежала к тому классу, в который Вуди Аллен мечтал проникнуть с детства. Поначалу они встречались тайно в Музее Метрополитен и катались в коляске по Центральному парку. Вуди уверял девушку, что они с женой охладели друг к другу и разведутся, как только та закончит Хантер Колледж. Это произошло в 1962 году и тут же было отмечено первой сценической шуткой Вуди в адрес бывшей жены: "Мы с ней обсуждали, то ли нам провести каникулы на Бермудах, то ли съездить в Мексику — для быстрого развода. Так как каникулы длятся всего две недели, а развод — вечно, мы выбрали Мексику".

БАС: Шутки в адрес первой жены прочно вошли в эстрадный репертуар Вуди Аллена. "Она сделала полдюжины операций по изменению пола, но так и не смогла выбрать какой-нибудь один по своему вкусу". "Музей естественной истории использовал её туфли, для того чтобы реконструировать стопу динозавра". "На день рожденья я подарил ей электрический стул, выдав его за сушилку для волос". Харлен аккуратно коллекционировала этот юмор и в 1964 году подала в суд на бывшего мужа, требуя миллион долларов за публичное очернение. Мать Вуди Аллена советовала ему уплатить половину и закончить дело вне стен суда. Сын не послушался маму и ринулся в схватку. Харлен увеличила сумму иска вдвое. Тяжба тянулась шесть лет и закончилась тем, что оставленная супруга получила необъявленную сумму, позволившую ей жить безбедно до конца жизни. Зато во всех будущих фильмах Вуди Аллена бывшая жена героя непременно изображалась как злая склочница, полная явных и скрытых пороков.

ТЕНОР: Обжёгшись на первом браке, Вуди Аллен долго

откладывал женитьбу на Луизе Лассёр. Он повёл её под венец только на шестой год их совместной жизни, когда они уже почти охладели друг к другу. Но три года спустя у него загорелся роман с двадцатитрёхлетней Дайаной Китон. Поэтому весной 1970 года снова возникла необходимость ехать в Мексику для оформления скоростного развода. На этот раз всё прошло мирно и дружелюбно, разводящиеся предстали перед судьёй держась за руки, ночь накануне они провели вместе в мотеле. Месяц спустя Вуди снимал фильм "Бананы" в Пуэрто-Рико, жил в одном номере с Дайаной. Луиза, снимавшаяся в картине, жила в том же отеле. Обе женщины не проявляли никакой враждебности друг к другу. Видимо, уже тогда Вуди Аллен начал лелеять мечту о возможности увернуться от правил строгой моногамии. Когда Дайана уехала на месяц в Калифорнию навестить родителей, он пригласил Луизу пожить с ним это время, и та согласилась.

БАС: Любвеобильный режиссёр вознаградил её, сняв ещё в двух фильмах. В одной из новелл фильма "Всё о сексе" он дал ей роль жены итальянского богача, остававшейся холодной к ласкам мужа, до тех пор пока тот не догадался сдабривать объятия какой-нибудь опасной ситуацией. Роман с Дайаной Китон длился меньше года. Зато она снялась в пяти фильмах Вуди Аллена и получила несколько призов за эти роли.

ТЕНОР: В творчестве Вуди Аллена — режиссёра — мне видится некий водораздел, имевший место, когда ему исполнилось сорок лет. В 1975 году он снял последний фильм, который можно отнести к жанру бурлеска, — "Любовь и смерть". В какой-то мере картина пародирует роман Толстого "Война и мир". Успех Вуди Аллена на поприще кинематографии в значительной степени обеспечивался тем, что президент ньюйоркской студии "Юнайтед Артистс", Артур Крим, уверовал в его талант и щедро финансировал каждый его проект, не ставя никаких условий. Студия не вмешивалась ни в подготовку сценария, ни в отбор актёров, ни в съёмки, ни в монтаж. Такой свободы творчества не имел ни один режиссёр, работавший на гигантские студии Голливуда.

БАС: Я согласен с вами в том, что после фильма "Любовь и смерть" произошёл качественный скачок в художественных исканиях Вуди Аллена. Он будто устал просто смешить публику любой ценой, начал вглядываться в тонкие душевные движения своих героев. Начало нового этапа было ознаменовано в 1977 году выходом на экраны фильма "Энни Холл". Аллен открыто признавал автобиографический, даже исповедальный характер фильма. Его герой, Алви Сингер, так же боится болезней, микробов, пауков, импотенции, смерти, как и его создатель. Он

так же любвеобилен и так же скептичен по отношению к себе — категорически "отказывается вступать в клубы, которые готовы были бы принять в свои члены такого, как он". К ужасу продюсеров, Вуди настаивал, чтобы фильм был назван никому неизвестным словом "Ангедония" — термин, обозначающий неспособность человека испытывать удовольствие от чего бы то ни было. Только когда Артур Крим во время очередного спора подошёл к окну и с серьёзным лицом сказал, что сейчас выпрыгнет в него, если Вуди будет настаивать на своём, он смирился и согласился назвать фильм именем главной героини.

ТЕНОР: Мне хочется думать, что успех Дайаны Китон в роли Энни Холл был в сильной мере обеспечан тем, что режиссёр был когда-то влюблён в неё и сумел бережно воспроизвести все оттенки её очарования на экране. Лента получила четыре Оскара: за лучший сценарий, лучшую режиссуру, лучшую женскую роль, лучший фильм. Он принёс студии "Юнайтед Артистс" доход в 40 миллионов долларов. Но сам Вуди фильмом был недоволен и говорил, что не понимает причин его успеха. К наградам Американской академии кино и другим он всегда был подчёркнуто равнодушен, никогда не появлялся на торжествах вручения премий. Когда кто-то сравнил "Энни Холл" с автобиографическим фильмом Феллини "Восемь с половиной", он скромно заметил: "В моём случае это скорее "Два с половиной"."

БАС: Новый период творчества Вуди Аллена был ознаменован тем, что он стал открыто подражать приёмам и даже сюжетам двух своих кумиров: Бергмана и Феллини. Вслед за "Энни Холл" он ставит фильм "Интерьеры", в котором эстетика шведского гения сквозит так откровенно, что злые языки в кулуарах порой называли режиссёра "Ингмар Аллен". Впервые он сам не появляется на экране, даёт актёрам реализовать свои таланты в полную силу. Но ни публика, ни критики не были готовы воспринять серьёзную драму Вуди Аллена. Они приходили развлечься и чувствовали себя обманутыми, когда им подносили семейную трагедию с самоубийством в конце. Не помогла ни великолепная игра Джеральдин Пэйдж, Дайаны Китон, Морин Стэплтон, Сэма Ватерсона, ни блистательная работа оператора, Гордона Виллиса. Рецензии были полны издёвок, кассовый сбор едва достиг четырёх миллионов при затратах студии в десять миллионов. Вуди был сильно подавлен неудачей.

ТЕНОР: Огорчился — да, но не отказался от попыток следовать по стопам великих европейцев. Через два года после "Интерьеров" ставит фильм "Воспоминания о Звёздной пыли". Вот уж где Феллиниевские "Восемь с половиной" были воспроизведены почти один к одному. Главный герой — тоже

кинорежиссёр и тоже в состоянии творческого кризиса. Его так же осаждают критики, продюсеры, зрители, актёры. Он так же разрывается между двумя прежними возлюбленными, но при этом не прочь заводить и новых. Депрессия так же настигает его на вершине успеха. Как и у Феллини, фильм сделан чёрно-белым. И любая из возлюбленных могла бы сказать про главного героя то, что у Феллини Клавдия Кардинале говорит про Марчелло Мастрояни: "Он не умеет любить… Он не умеет любить…"

БАС: Вслед за "Звёздной пылью", которая является данью Феллини, Вуди Аллен делает картину по мотивам комедии Бергмана: "Улыбки летней ночи". Свой вариант он назвал "Комедия секса в летнюю ночь". Сценарий был написан за неделю, съёмки завершены за летние месяцы. Как и у Бергмана, костюмы актёров воспроизводят моды начала 20-го века, а сюжет — возникающие и распадающие любовные отношения между несколькими парами, проводящими отдых на природе. Работу оператора, Гордона Виллиса, критики сравнивали с живописью Ренуара. Но широкая публика не сумела оценить её, и финансового успеха "Летняя ночь" не имела. Зато в судьбе режиссёра картина сыграла важную роль: в его жизнь вошла актриса Миа Фэрроу.

ТЕНОР: Роман между ними начался раньше, летом 1980 года. В глазах Вуди Миа Фэрроу была частью голливудской легенды, кружившей ему голову в юные годы. Её мать, Морин О'Салливан, играла Джейн в фильмах про Тарзана. Её первым мужем был кумир Вуди — Фрэнк Синатра. После развода с ним она восемь лет была замужем за другой знаменитостью — дирижёром Андре Превином. После развода с Превином газетные сплетни связывали её имя с Романом Полянским, Юлом Бриннером, Кёрком Дугласом. На экране она уже сыграла главную роль в таких фильмах как "Дитя Роз-Мари" и "Великий Гэтсби". И вот теперь мальчик из Бруклина встречал эту звезду после спектаклей в Бродвейском театре и увозил в своём ролс-ройсе в лучшие рестораны Манхеттена или в свою роскошную квартиру на Пятой авеню.

БАС: Миа была на десять лет моложе Вуди Аллена, но оба они к моменту знакомства уже имели набор привычек, пристрастий и фобий, которые нелегко было изменить. Например, Вуди не сам договаривался с новой возлюбленной о свиданиях, а поручал делать это секретарше. Каким-то образом он убедил Мию, что для него невозможно спать в одной комнате с другим человеком, так что после страстных объятий она должна была снова одеваться и уезжать в свою квартиру, находившуюся на западной стороне Центрального парка. Для Мии главным

наполнением её жизни были дети — родные и приёмные. Их у неё уже было семеро, причём удочеряла и усыновляла она преимущественно детей из Азии, как правило — с каким-нибудь физическим недостатком. Вуди же с самого начала объявил ей, что ни свои, ни чужие дети его совершенно не привлекают и вряд ли он будет общаться с её потомством.

ТЕНОР: Разница характеров обнаружилась и при работе над их первым совместным фильмом: "Комедия секса в летнюю ночь". Миа всё ещё была неуверенна в своём актёрском таланте и очень нуждалась в словах поддержки и одобрения из уст знаменитого режиссёра. Но на это Вуди Аллен был абсолютно неспособен. Будучи сам прирождённым нытиком, он не выносил жалобы и нытьё других. Кроме того, ему нравилось показывать свою полную власть над актёрами. Превосходной актрисе Джеральдин Пэйдж во время съёмок "Интерьеров" он заявил на репетиции: "Нормальные люди так не говорят. Этими интонациями пользуются в мыльных операх". Семидесятидвухлетнего Хозе Феррера заставил тридцать раз пересниматься в сцене, где тот говорил всего одну фразу: "Это не мои зубы". Кончилось тем, что Феррер наотрез отказался делать новые дубли.

БАС: Многие рассказывали о том, как тяжело было работать актёрам с Вуди Алленом. Часто он заставлял их быть просто марионетками, выполняющими его волю. И меня всегда поражало: почему даже знаменитые летели на его зов и соглашались сниматься в его картинах порой за ничтожную плату? Не потому ли, что над его головой светился нимб независимого художника, бунтаря против всемогущества Голливуда? Или они чувствовали, что для него их актёрское занятие — самое главное на земле? Посмотрите: больше половины его фильмов посвящено шоу-бизнесу, а в остальных непременно найдутся персонажи, поприщем которых является сцена или экран.

ТЕНОР: Миа Фэрроу оказалась идеальной партнёршей для него, ангелом долготерпения. Она прощала ему все его странности и капризы. И в начале их сожительства он умел ценить это. Своему биографу, Эрику Лаксу, он рассказывал: "Миа — великолепная актриса… Она вовремя является на съёмочную площадку и делает точно то, что нужно. Попросишь её сыграть скандалистку — она сыграет её. Попросишь сыграть соблазнительницу — сделает и это… Потом возвращается к своему вышиванию, до тех пор пока не настанет время надеть тёмные очки и парик и прокричать перед камерой нужные строчки".

БАС: Миа Фэрроу внесла в творчество Вуди Аллена

человечность и теплоту, которых раньше ему недоставало. Из тринадцати фильмов, сделанных ими вместе, я больше всего ценю "Ханна и её сёстры". Это некий гимн семейной жизни средних американцев, начинающийся и кончающийся семейным обедом в День Благодарения. Основные съёмки проходили в квартире Мии, и несколько её детей получили небольшие роли. Мать Мии поначалу была возмущена тем, что сценарий в какой-то мере использовал драматические коллизии, перекликавшиеся с историей семейства Фэрроу. Но Вуди Аллен дал ей роль матери трёх сестёр, и она исполнила её с таким успехом, какой не выпадал на её долю за всю её долгую карьеру. Критики признавали, что в этом фильме если кто и повлиял на Вуди, то это были никак не знаменитые европейские режиссёры, а скорее американский сентиментальный художник Норман Роквелл.

ТЕНОР: Фильм "Ханна и её сёстры" получил семь номинаций на премию Оскар и принёс студии "Юнайтед Артистс" 40 миллионов долларов. Но далеко не все картины Вуди Аллена, сделанные в 1980-е годы, имели успех у публики. В картине "Бродвей Дэнни Роуз" он дал Мие Фэрроу исполнить совершенно необычную для неё роль: страстной и решительной племянницы мафиозного босса. Несмотря на погони и стрельбу, гангстеры предстают в этом фильме безобидными клоунами на заднем плане. В центре — судьба маленького ньюйоркского антрепренёра, которого открытые им эстрадники бросают, как только он подсадит их на первую ступеньку успеха. Другой очаровательный фильм этого периода "Дни радио" тоже был посвящён в значительной мере шоу-бизнесу и тоже едва покрыл затраченные на него деньги.

БАС: Я бы сказал, что в этом фильме Вуди Аллен явно вдохновлялся Феллиниевским "Амаркордом". Воспроизвести в кино собственное детство — тема, соблазнявшая многих режиссёров. Но Феллини-художник имеет гораздо более широкую эмоциональную палитру. Он "вспоминает" и светлое, и тяжёлое: арест отца фашистами, смерть матери, безумного дядюшку, мочащегося, не расстегнув штанов. Память же Вуди Аллена работает избирательно. В 1940-е годы его герои проводят полжизни у своих радиоприёмников, но каким-то образом они ухитряются ни разу "не услышать" сводки с фронтов, передававшиеся каждый день.

ТЕНОР: Возможно, это соответствует избирательной памяти подростка. Вот вся страна, затаив дыхание, слушала репортаж об усилиях спасателей извлечь из колодца провалившуюся туда девятилетнюю девочку — и он запомнил, и в фильм попала тягостная тишина, наступившая в момент горестного сообщения о

гибели девочки. А сводки с фронтов — они просто не зацепились в воображении подростка.

БАС: Да? А каким же образом он мог "запомнить" шикарную встречу Нового 1944 года в дорогом ресторане, куда ни ему, ни его родным доступа не было? Это длинная финальная сцена, не имеющая никакой сюжетной привязки к судьбе бруклинского семейства, о котором идёт рассказ. Вуди Аллен часто пренебрегал сюжетом, и его много раз спасал замечательный редактор, с которым он проработал десять лет, Ральф Розенблум. Но главная проблема была в другом: Вуди Аллен не мог позволить себе сделать передышку, серьёзно задуматься над фильмом, отсрочить завершение. И вовсе не из-за финансовых обстоятельств. Создание фильмов было его единственным лекарством от вечной депрессии. Он должен был делать их непрерывно — оттого-то в списке созданного им так много картин пустых, проходных.

ТЕНОР: Союз Вуди Аллена и Мии Фэрроу казался артистическому миру Нью-Йорка плодотворным и прочным, несмотря на то, что формально они не были женаты и жили порознь. При этом многие изумлялись тому, как могли уживаться столь непохожие люди. Сам Вуди однажды так описал разницу их характеров: "Я люблю город, она обожает деревню. Меня интересуют спортивные состязания, ей они безразличны. Она предпочитает обедать дома и рано, часов в шесть, я — поздно и в ресторанах. Она не может спать при включённом кондиционере, я не могу заснуть при выключенном. Она любит домашних животных, я их терпеть не могу. Она может проводить часы и часы со своими детьми, я предпочитаю свою работу. У неё отношение к жизни оптимистическое и приемлющее, у меня — негативное и пессимистическое. Она растит кучу детей, и это никак не травмирует её, я же живу в постоянной тревоге, ношу с собой термометр и меряю себе температуру каждые два часа".

БАС: Миа рассказывала, что не было на свете человека, более озабоченного своим здоровьем, чем Вуди. Для каждой части тела у него был свой отдельный врач, и их телефонные номера он всегда носил с собой. Закончив очередной фильм, он приглашал на просмотр докторов с жёнами, и просмотровый зал бывал при этом забит. Также носил пластиковую коробочку с набором всевозможных таблеток. В картине "Преступления и проступки" он пародирует себя, изображая человека, раздавленного страхом перед диагнозом "опухоль мозга". Диагноз не подтвердился, персонаж ликует — но недолго. До него доходит, что всё это ведь только отсрочка, и он погружается в тоску по поводу нашей неотменимой смертности — тоску, с которой Вуди Аллен был так хорошо знаком.

ТЕНОР: Чтобы иметь летнюю дачу для детей, Миа купила в Коннектикуте небольшое поместье "Фрог Холлоу", с домом на берегу озера и лесным участком. Вуди изредка приезжал туда, но общение с детьми не доставляло ему удовольствия. Какой-то контакт у него установился с сыном Превина, Флетчером, он снимал его в фильме "Дни радио". Приёмные же дети из Азии всегда были ему чужими. Миа упрекала его за это, между ними вспыхивали ссоры, в результате которых она меняла замок на дверях ньюйоркской квартиры и номер телефона. Потом наступало примирение, и Вуди снова получал доступ в её семейное гнездо.

БАС: Может быть, дух состязания подтолкнул Вуди Аллена на неожиданную затею: тоже купить загородный дом. Специально нанятая для этой цели дама подыскивала ему подходящие поместья на Лонг-Айленде, Кэйп Коде, в штатах Мэн, Род Айленд. Так как Вуди боялся летать в маленьких самолётах, для осмотра найденного дома каждый раз арендовали самый большой, какой только мог принять местный аэродром. В конце концов был куплен и обставлен мебелью шикарный особняк на берегу океана в Ист-Хемптоне (Лонг-Айленд). Мие и детям дом очень понравился, но Вуди во время осмотра оставался мрачен. Наутро семья уехала, и дом вскоре был продан со всем, что было внутри, за несколько миллионов.

ТЕНОР: Появляясь перед теле- и фотокамерами в своём помятом пиджаке и рыбацкой шапке, Вуди Аллен тщательно сохранял облик простого и непритязательного выходца из бедного бруклинского квартала. Но его реальная жизнь была бесконечно далека от этого портрета. Он имел роскошную двухэтажную квартиру с окнами от пола до потолка, глядевшими на Центральный парк. Она была украшена персидскими коврами и старинной французской мебелью. Его обслуживал собственный повар, секретарша принимала телефонные звонки, личный шофёр возил его всюду в лимузине с дымчатыми стёклами. На стадионе Мэдисон Сквер Гарден у него были четыре абонемента на все баскетбольные матчи, а в модном ресторане "Элейн" его всегда ждал свободный столик.

БАС: В 1987 году Мие удалось уговорить Вуди Аллена исполнить её давнишнюю мечту — одарить её новым ребёнком. Но родившийся у них мальчик Сашель не улучшил отношений знаменитой пары. Вуди упорно отказывался взять его на руки, избегал прикасаться к нему. Зато он неожиданно полюбил приёмную дочь Дилан — хорошенькую блондинку, на два года старше его сына. При каждом визите он старался проводить время только с ней. Сидя перед телевизором, он прижимал её к

себе, давал ей сосать его большой палец, а на остальных не обращал внимания. Он являлся в квартиру Мии рано утром и ждал, когда Дилан проснётся, чтобы позавтракать с ней. Вечером, когда Миа укладывала дочь спать после ванны, он забирался в постель вместе с девочкой в одних трусах, чтобы читать ей сказку. Мию тревожила настойчивость, с которой он повсюду следовал за ребёнком, пытался погладить её при всяком удобном случае. Вуди не обращал внимания на её протесты или возмущался тем, что она слишком много внимания уделяет новорожденному Сашелю, а дочерью пренебрегает.

ТЕНОР: В 1990 году дело дошло до того, что оба ребёнка, Сашель и Дилан, были обследованы клиническим психологом. После разговоров с детьми доктор Сьюзан Коатс вызвала Вуди для беседы и объяснила ему, что нашла много неподобающего в его поведении. Ему не следует зарываться лицом в паховую область Дилан. Не следует давать ей сосать свой палец. Не следует помогать ей мазаться кремом против загара и при этом запускать ладонь между ягодицами. Вуди пообещал следить за собой и исправиться. Но обещания остались пустым звуком. Между тем водитель его лимузина должен был возить детей к психологам и домой чуть ли не каждый день.

БАС: Тревожась за младших, Миа не обращала внимания на то, что происходило с её корейской приёмной дочерью Сун-Йи. Девочку подобрали на улицах Сеула, где она в компании других беспризорных добывала себе пропитание в отбросах. Известно было, что она сбежала от избивавшей её матери-проститутки. В католический приют она попала истощённой, покрытой болячками, шрамами и вшами, едва способной внятно отвечать на вопросы. Возраст её установить не удалось. Андре Превин и Миа удочерили её в 1977 году после долгих хлопот, связанных с тем, что у них уже было двое приёмных детей из Вьетнама и это исчерпывало разрешённую тогда квоту для одной семьи. Девочке было трудно войти в новую жизнь, тем более в тот момент, когда отношения между супругами Превин зашли в тупик. Учёба давалась ей с трудом, к занятиям музыкой она оказалась неспособна. Тяжелое детство сделало её недоверчивой к людям.

ТЕНОР: В учёбе с шестого по двенадцатый класс ей помогала специалистка по обучению отсталых детей. Она оставила такую характеристику девочки: "Сун-Йи имеет серьёзные трудности в общении со сверстниками и взрослыми. Порой проявляет чрезмерную наивность. Речь окружающих она воспринимает буквально, аллюзии и метафоры ей недоступны. Отношения между людьми часто интерпретирует неправильно". Другим детям Мии было нелегко с Сун-Йи. Флетчера, например, она так

невзлюбила, что однажды пыталась засунуть его голову в унитаз. С приёмной матерью часто была скрытной, на расспросы отвечала неохотно. Но та игнорировала эмоциональную напряжённость, веря, что доброта и ласка, в конце концов, преодолеют все трудности.

БАС: Мы уже говорили о том, что автобиографические мотивы сильно окрашивают фильмы Вуди Аллена. Красота юности всегда имела большую власть над ним. Это проявилось и в выборе жён, и в выборе подруг. Хотя Миа Фэрроу в момент знакомства с Вуди была взрослой тридцатипятилетней женщиной, на вид ей трудно было дать больше двадцати. В фильме "Манхеттен" у героя, роль которого исполняет сорокапятилетний Вуди Аллен, роман со старшеклассницей, которую играет Мариэль Хемингуэй. В 1991 году снимался фильм "Мужья и жёны", и там уже два пожилых персонажа (в исполнении Вуди Аллена и Сидни Поллака) имеют романы со студентками. Да и отношения с маленькой Дилан указывают на то, что страсти Гумберта Гумберта были близки и понятны знаменитому режиссёру.

ТЕНОР: Другой повторяющийся мотив в фильмах Вуди Аллена: муж затевает тайный роман с сестрой жены. Этот сюжетный поворот всплывает уже в фильме "Интерьеры". В фильме "Ханна и её сёстры" персонаж, роль которого исполняет Майкл Кэйн, влюбляется в сестру своей жены, и они несколько раз предаются страсти в номере гостиницы. В другую сестру Ханны влюбляется её бывший муж, роль которого исполняет сам Вуди Аллен. Впоследствии выяснилось, что и в жизни он легко загорался на сестёр своих подруг. Это испытали на себе сестра Дайан Китон и сестра Мариэль Хемингуэй. Сестра Мии Фэрроу, Стефани, была тоже предметом ухаживаний Вуди, он снял её в трёх своих фильмах.

БАС: Мне вдруг вспомнился рассказ Акутагавы Рюноскэ, затрагивающий тему "гений и злодейство". В нём речь идёт о знаменитом художнике, который получил заказ написать картину, изображающую загоревшуюся карету с людьми внутри. И этот художник так предан искусству, что он не может обойтись одним только воображением. Нет, ему нужно увидеть своими глазами, что будет происходить с путешественниками, гибнущими в пламени. И он устраивает поджог кареты с пассажирами и переносит его на холст со всеми ужасными деталями. Так как Вуди Аллен ставил художественное творчество превыше всего, он вполне мог пускаться на аморальные затеи только для того, чтобы потом воспроизвести полученные наблюдения в своих фильмах. В его картине "Пули над Бродвеем"

один персонаж говорит: "Чувство вины — буржуазный пережиток. Художник создаёт свою собственную моральную вселенную".

ТЕНОР: В зрелые годы он всерьёз интересовался мировой литературой и поднимаемыми ею этическими проблемами. В 1989 году выходит в свет фильм "Преступления и проступки". Сюжетная канва повторяет роман Теодора Драйзера "Американская трагедия": герой решается на убийство возлюбленной, чтобы сохранить высокое положение в обществе. Но в морально-религиозном плане фильм представляет собой явную полемику с романом Достоевского "Преступление и наказание". Режиссёр как бы показывает нам на примере Джуды Розенталя, успешного офтальмолога, культурного и совестливого человека, что все обещания неизбежных мук совести и возмездия за преступление, содержащиеся в религиозных проповедях и знаменитых романах, — миф. Нужно только уметь держать себя в руках и спокойно отвечать на вопросы следователя, а не разваливаться на части, как Раскольников перед Порфирием. К теме успешного — то есть нераскрытого — преступления Вуди Аллен вернётся пятнадцать лет спустя, снова возродив Драйзеровский сюжет в фильме "Матч-Пойнт".

БАС: Уже в фильме "Всё, что вы хотели знать о сексе" страх быть пойманнм и разоблачённым изображён как мощный эротический стимулятор. Я уверен, что Вуди Аллен прекрасно сознавал моральную недопустимость того, что он делает, начиная роман с семнадцатилетней Сун-Йи. Но привкус преступления только возбуждал его. Девочка не блистала ни красотой, ни артистическим талантом. Зато она таяла перед богатством и известностью Вуди, безотказно смеялась его шуткам, сделалась такой же страстной баскетбольной болельщицей, каким был он. Он брал её на игры, устроил ей работу на съёмочной площадке, подвозил туда на лимузине. Устроил ей и подругам роскошное празднование семнадцатилетия в ресторане "Русская чайная".

ТЕНОР: С какого-то момента Миа стала замечать перемены в поведении Сун-Йи. Девочка становилась всё более независимой, часто выражала презрение к мнениям приёмной матери. По викендам она с утра одевалась нарядно, накладывала косметику и исчезала из дома. Говорила, что у неё завелась взрослая приятельница и они вместе отправляются за покупками в магазин Блумингдейл. Назвать имя приятельницы отказывалась. На предложения пригласить в дом и познакомить с остальной семьёй отвечала гневными протестами. Впоследствии выяснилось, что она прямиком шла через Центральный парк в квартиру Вуди, где прислуга видела её не раз.

БАС: Ситуация с маленькой Дилан тоже только ухудшалась.

Обычно она была весела, приветлива, разговорчива. Но когда автомобиль Вуди появлялся на въездной дорожке, девочка начинала бегать по дому с криком: "Спрячьте меня! Спрячьте меня!". Иногда запиралась в туалете и сидела там часами. В общении с Вуди, она замыкалась, отказывалась смотреть на него, отвечать на вопросы. Если он настаивал, она начинала что-нибудь напевать, лаять по собачьи, лепетать, как дитя. Отказывалась сказать ему "спокойной ночи", и тогда он прижимал её плечи к кровати и тряс, пока она не выдавливала из себя требуемые слова. При этом он обвинял Мию в том, что она своей преувеличенной реакцией на "нормальное" поведение внимательного отца настраивает ребёнка против него. А она так привыкла считать его умнее себя, что готова была поверить ему и в этом.

ТЕНОР: В 1991 году Вуди Аллен выразил желание официально сделаться приёмным отцом Дилан и пятнадцатилетнего мальчика Мозеса. Его адвокаты взялись за работу и подготовили документацию, которая позволяла обойти юридические препоны — а их было немало. Требовалось только согласие Мии. Она всё ещё любила Вуди и боялась, что отказ может привести к разрыву их отношений. В течение двенадцати лет он запрещал ей сниматься у других режиссёров, так что профессионально и финансово она находилась в зависимости от него. Всё же она заставила его пообещать, что Дилан никогда не будет оставаться с ним в доме наедине. Он клятвенно заверил её, что никогда не будет требовать этого, и она подписала нужные бумаги. Накануне Рождества 1991 года судья объявила Вуди Аллена приёмным отцом двух детей.

БАС: Но уже через месяц Миа горько пожалела о содеянном. То, что случилось 13 января 1992 года, настолько выходило за пределы её представлений о допустимом в среде цивилизованных людей, что она оказалась абсолютно не готовой к крушению мира, бережно создававшегося ею в течение двенадцати лет. Был обычный день, и она, по расписанию, привела сына Сашеля в квартиру Вуди на сеанс собеседования с психиатром. В ожидании уселась в боковой комнате с книгой в руках. Позвонил Вуди, и они приветливо поболтали о том, о сём, как делали это по нескольку раз каждый день. Бродя по комнате, Миа заметила пачку полароидных снимков на каминной полке. Взяла их, стала рассеянно рассматривать. На снимках была изображена обнажённая женщина, лежащая навзничь на кровати, с раздвинутыми ногами. Через секунду Миа осознала, что это была Сун-Йи.

ТЕНОР: Впоследствии Миа пыталась понять: случайно ли

снимки оказались на виду? Или Вуди хотел, чтобы она нашла их? За двенадцать лет совместной жизни она имела возможность изучить его привычки и знала, что небрежность и неаккуратность он не выносил. Все вещи должны были иметь своё место. Значит, нарочно? Оставил в таком месте, где и прислуга могла найти их? Но зачем? Намеренно причинить боль? Но за что?

БАС: Сын Мозес высказал такое предположение: Вуди Аллен, будучи ипохондриком, испытывал неодолимое желание разрушить или отравить всё доброе и любовное, что встречалось ему в жизни. Радость общения с другими людьми была ему недоступна. Соблазняя Сун-Йи, он разрушал семейный мир, любовно созданный Мией. Он действовал как террорист, бросающий гранату в дом, где семья иноверцев мирно сидела за столом. И я склонен согласиться с мнением этого мальчика. Тем более, что, по свидетельству личного шофёра Вуди, побочных связей у него было в те годы предостаточно. Вспомним также тему страха как мощного эротического стимула.

ТЕНОР: Если это был сознательный акт морального терроризма, результат его превзошёл все ожидания злоумышленника. Миа потеряла контроль над собой. Вместо того, чтобы успокоиться и собраться с мыслями, она сразу позвонила на студию и прокричала: "Я нашла снимки! Убирайся из нашей жизни!". Забрала сына, вернулась в свою квартиру и не нашла сил сдержаться — тут же сообщила о своём открытии старшим детям. Потом ворвалась в комнату Сун-Йи. "Что ты наделала?! Как ты могла!" Та, рыдая, только повторяла: "Я скверная девчонка… Я плохая…".

БАС: Дверь квартиры отворилась, и вошёл Вуди. Он был взволнован, но пытался словесной пеной погасить пожар. "Я люблю только тебя… Хочу остаться с тобой… Это недолгое увлечение не будет иметь продолжения… Мы используем случившееся как трамплин для новых отношений… Мне казалось, это пойдёт ей на пользу… Добавит уверенности в себе… Только не говори Андре… Пусть всё останется как было…" В этот момент из Калифорнии позвонил приёмный отец Сун-Йи, Андре Превин. "Не говори ему! — умолял Вуди, катаясь по полу и держась за живот. — О, это так унизительно!"

ТЕНОР: Вуди говорил не умолкая несколько часов. Обещал исправиться, обещал сделать Мию счастливой, обещал даже жениться на ней. Миа плакала, отталкивала его, умоляла уйти. В какой-то момент спросила: "Когда это началось?". "Несколько месяцев назад, — заявил Вуди. — Я не помню точно. Я говорил ей, чтобы она ни на что не рассчитывала, чтобы завела роман со сверстником". Впоследствии на суде он отрицал свои слова,

утверждал, что отношения с Сун-Йи стали интимными лишь после 17 декабря 1991 года. То есть после того, как он получил отцовские права над Мозесом и Дилан. Если отношения с сестрой детей начались раньше, суд мог отменить акт усыновления.

БАС: Экранный персонаж Вуди Аллена остаётся практически одним и тем же из фильма в фильм. Актёрского дара перевоплощения он лишён. И всегда он играет человека, воображающего, что словами можно заделать любую дыру в человеческих отношениях, вывернуться из любой трудной ситуации, затуманить любую моральную диллему. На экране этот персонаж умело заговаривает зубы полицейским, возлюбленным, продюсерам, гангстерам. То же самое пытался проделать в тот день реальный Вуди Аллен: подвергнув многочасовой словесной обработке Мию, явился к обеду, сказал всем "хай", уселся рядом с Дилан, вёл себя как ни в чём не бывало. Но старшие дети, один за другим, взяли свои тарелки и молча разошлись из столовой.

ТЕНОР: Однако с Мией тактика словесной бомбардировки на какой-то период сработала. Она согласилась хранить происшедшее в секрете. Она участвовала в завершении съёмок фильма "Мужья и жёны". Она продолжала появляться с Вуди в ресторанах. Сун-Йи вернулась в свой колледж, и Вуди обещал не звонить ей и не искать встреч. Миа сделала вид, что верит ему. Но демонстрация раскаяния длилась недолго. Весной 1992 года Вуди уже снова настаивал на регулярных встречах с Дилан и вёл себя при этом с ней хуже прежнего. Если Миа возражала или плакала, он грозил упрятать её в сумасшедший дом и отобрать детей. Эти угрозы наполняли Мию неодолимым ужасом. И жизнь показала, что страхи её имели основания. Два года спустя высокооплачиваемые адвокаты О-Джей Симпсона сумели убедить американский суд передать двух детей-подростков их отцу, избивавшему, а потом и зарезавшему их мать.

БАС: В какой-то момент пятнадцатилетний Мозес написал своему приёмному отцу: "Ты не сможешь заставить меня жить с тобой… Ты совершил ужасный, непростительный, безобразный, глупый поступок и разрушил доверие к себе. Надеюсь, ты почувствуешь такое унижение, что покончишь с собой… Всякий понимает, что человек не должен заводить роман с сестрой своего сына… К сожалению, Сун-Йи не имела опыта серьёзных отношений и поверила тебе, что это будет "окей". Хочу, чтобы ты знал: я больше не считаю тебя своим отцом. Это было замечательное чувство — иметь отца. Но ты разбил эту мечту своим поступком. Можешь гордиться".

ТЕНОР: Между тем слухи о случившемся начали просачиваться в прессу. Встревоженный Вуди уговаривал Мию

выступить с совместным заявлением перед журналистами. "Мы объявим всему свету, что у нас прекрасные отношения. Что осенью мы вместе начнём работу над новым — четырнадцатым! — фильмом. Полароидные снимки мы сожжём вместе и забудем об этом эпизоде. Но если ты не согласишься, я вынужден буду защищаться. И мой психиатр, и мой адвокат говорят, что я не должен позволить выставить себя к позорному столбу. Я найму таких экспертов, которые докажут, что ты психически неуравновешена и что детей нельзя оставлять на твоём попечении. А история с Сун-Йи? Да, двое взрослых людей, не состоящих ни в биологическом, ни в формальном родстве, полюбили друг друга несмотря на разницу в возрасте. Старо как мир".

БАС: Семья, как обычно, выехала на лето в поместье "Фрог Холлоу" в Коннектикуте. Вуди, используя своё право видеться с приёмными детьми, регулярно навещал их там. Миа строго следила за тем, чтобы он не оставался с младшими наедине. Но по утрам он тайком прокрадывался в комнату детей и укладывался на пол рядом с кроватью Дилан. В той же комнате спала приёмная дочь Тэм, слепая вьетнамка двенадцати лет. Однажды она проснулась и пошла в туалет, однако по дороге наступила на распростёртого Вуди. Её испуганный визг разбудил весь дом.

ТЕНОР: Пытаясь порвать связь между Вуди и Сун-Йи, Миа уговорила её на лето поступить работать помощницей воспитательницы в детском лагере в штате Мэн. Увы, в июле пришло письмо от директора лагеря, извещавшее о том, что Сун-Йи была уволена. Причина? Бесконечные телефонные звонки от некоего мистера Саймона не давали ей возможности уделять нужное время своим обязанностям. Вуди, под нажимом, сознался, что "мистер Саймон" — это он, но заявлял, что понятия не имеет, куда уехала Сун-Йи и где она находится.

БАС: В роковой день 4-го августа Миа, взяв некоторых детей, отправилась за покупками. В доме, кроме приехавшего Вуди, оставалось несколько взрослых: учительница французского, молодая няня Кристи Гротеке, гостившая приятельница и бэбиситер её детей по имени Элис. На следующий день Вуди уехал, а встревоженная приятельница позвонила Мие и сказала, что Элис, случайно зайдя в гостиную, застала Вуди в странной позе: на коленях перед кушеткой, зарывшись лицом в подол сидящей там Дилан. Обмирая от ужаса, Миа схватила портативную телекамеру и учинила допрос семилетней дочери. "Да, Вуди делал это, — отвечала та. — Он громко дышал мне между ног… И ещё он трогал меня тут и тут… Он держал меня за

талию, так что я не могла встать… Потом он увёл меня в мансарду и стал вставлять палец туда… Мне было больно, но ведь мы должны слушаться старших… Мама, твой отец делал с тобой такое?.. Вуди говорил, что возьмёт меня в Париж и будет снимать в своём фильме, если я никому не скажу… Я не хочу сниматься в его фильме… Или я должна?"

ТЕНОР: Подхватив дочь на руки, Миа помчалась к их педиатру. Медицинский осмотр не обнаружил следов изнасилования. Но, выслушав рассказ девочки, врач объявила, что по закону она обязана сообщить о случившемся властям. Миа умоляла её не делать этого. Она всё ещё надеялась, что скандальное поведение Вуди можно будет изменить уговорами. Огласка грозила полным крушением её мира, её семьи. Но в какой-то момент она осознала, что её возлюбленный неспособен контролировать свои порывы. И что её долг — защищать свою дочь любой ценой. Няня Кристи подтвердила, что 4-го августа она в какой-то момент потеряла из виду Дилан и Вуди. Их искали и в доме, и на участке в течение двадцати минут, но не могли найти.

БАС: Вуди Аллен не стал дожидаться, когда ему предъявят обвинение в растлении малолетней. Уже через неделю он нанёс опережающий удар. К дому "Фрог Холлоу" подъехал автомобиль, и судебный служащий вручил Мие пакет из Верховного суда штата Нью-Йорк. Бумаги, содержавшиеся в пакете, извещали её о том, что ей предъявлен гражданский иск. Мистер Вуди Аллен обвиняет её в том, что она препятствует его законным встречам с приёмными детьми. Что, будучи психически неуравновешенной, она представляет серьёзную угрозу для своих детей. Что из ревности она подбила Дилан выдвинуть против него нелепые и клеветнические обвинения в растлении ребёнка. И что он просит суд передать под его опеку троих детей — Сашеля, Дилан и Мозеса — для воспитания в нормальной семейной обстановке, которую он может и хотел бы создать для них. Примерно то же самое он повторил журналистам в телевизионном интервью.

ТЕНОР: Была нанята целая команда адвокатов, чтобы вести это дело. Также частные детективы шныряли повсюду, пытаясь собрать сведения, чернящие Мию и её близких. Они подъезжали с расспросами к соседям, прислуге, родственникам, работникам киностудии. От них и от журналистов с фотокамерами не было прохода ни Мие, ни её детям. По телефону раздавались звонки с угрозами. Неизвестные люди въезжали на территорию и похищали мешки с мусором из баков, видимо надеясь отыскать там что-то компрометирующее. Полиция Коннектикута тем временем начала своё расследование обвинений в адрес Вуди. Команда следователей осматривала комнаты во "Фрог Холлоу",

снимала отпечатки пальцев в мансарде, собирала волоски и ворсинки, допрашивала свидетелей.

БАС: Был момент, когда Миа взмолилась по телефону и просила Вуди прекратить затеянную им тяжбу, перестать травмировать её и детей. "Прекратить?! — воскликнул Вуди. — Да я ещё не начал всерьёз. Ты уже стала посмешищем для всей страны. А когда я покончу с тобой, от тебя вообще ничего не останется". "Но ты ведь не сможешь повторить в суде под присягой ту неправду, которую ты несёшь по телевиденью." "Правда неважна, — заявил Вуди. — Важно то, чему люди верят". Газеты и журналы состязались в погоне за новостями пикантного скандала. Он даже затмил и оттеснил на задний план откровения Дженифер Флауэрс, рассказавшей в те же месяцы о своём романе с кандидатом в президенты, Биллом Клинтоном.

ТЕНОР: Миа начала опасаться, что непредсказуемый Вуди может решиться на какой-то отчаянный поступок. Например, похитит детей и улетит с ними в Париж. Она наняла специалистов по безопасности, установивших в ньюйоркской квартире и во "Фрог Холлоу" камеры наблюдения и сигналы тревоги. Они же проверили, нет ли в комнатах тайных микрофонов. Все эти работы обошлись Мие в двадцать тысяч долларов. И всё равно она не чувствовала себя полностью защищённой от шпионов. Для важных разговоров она и её собеседники уходили на берег озера и там шептались, как секретные агенты в детективных фильмах.

БАС: Тяжёлым ударом для Мии явились интервью, которые давала журналистам Сун-Йи. Журналу "Тайм" она заявила, что не возвращается домой, потому что боится, что мать накинется на неё с побоями. "Она не та, за кого себя выдаёт, не такая мать, которой должна была быть. Мои братья и сёстры не скажут этого, потому что боятся и до сих пор зависят от неё. Это невозможно — растить одиннадцать детей, уделяя достаточно внимания каждому. Моя мать легко впадает в ярость, и мы все страдали от этого." Стиль речи этих заявлений был настолько непохож на обычную речь Сун-Йи, что было ясно: адвокаты Вуди Аллена готовили текст для неё. Но всё равно, Мие было больно читать его.

ТЕНОР: Рассмотрение петиции мистера Аллена в суде началось в марте 1993 года. "Нью-Йорк Таймс" дала подробный отчёт об одном из заседаний: "Адвокат мистера Аллена пытался охарактеризовать мисс Фэрроу как женщину, потерявшую голову от ревности. Связь возлюбленного с Сун-Йи якобы вызвала в ней такой гнев, что она превратилась в мстительную фурию и готова была пойти на всё, чтобы очернить его. Но нарисованный

адвокатом портрет совершенно не вязался с обликом женщины, сидевшей в кресле для свидетелей. Скромно одетая она напоминала ученицу католической школы и спокойно отвечала на все вопросы долгого допроса. Печальная картина взаимного охлаждения и отчуждения, возникавшая из её рассказа, была встречена сочувственной тишиной зала".

БАС: Во время допроса самого Вуди судья Эллиот Вилк спросил его, принимал ли он во внимание моральный ущерб, который его роман с Сун-Йи может нанести её братьям и сёстрам. Вуди заявил, что он считал эти отношения их личным делом, не касающимся никого другого. Адвокат Мии, Элеанор Олтер, повела свою атаку не с моральной позиции, а с фактической. Вы хотите получить опеку над тремя детьми? Что вы знаете о них и об их жизни? Какое участие вы принимали в ней до сих пор? Знаете ли вы имена их учителей в школах? Имена врачей и болезни, которыми они болели? Имена их друзей и клички их любимых домашних животных? Вуди не знал ничего. "Правда ли, что однажды, рассердившись на Дилан за что-то, вы прижали её лицо к горячим макаронам в тарелке? А сыну Сашелю грозили поломать ноги? Знаете ли вы, что Дилан однажды оказалась свидетелем вашего полового акта с Сун-Йи?".

ТЕНОР: Слушанья тянулись шесть недель и подробно освещались в газетах. В июне 1993 года судья Вилк вынес своё постановление. В нём, среди прочего, говорилось: "Мистер Аллен продемонстрировал полное непонимание душевных связей, возникающих между приёмными детьми. Его стратегия в данном разбирательстве была направлена на то, чтобы восстановить их против матери и друг против друга. Занятый только собой и своими интересами, он оказался неспособен осознать, какую глубокую душевную травму его действия и его иск наносят семье мисс Фэрроу. Обвинения, выдвинутые им против неё, не были подтверждены ни фактами, ни свидетельскими показаниями. Её поведение по отношению к детям заслуживает только одобрения и похвалы. Единственное, в чём её можно упрекнуть: она слишком долго позволяла мистеру Аллену быть членом её семьи".

БАС: Иск Вуди Аллена был найден необоснованным, поэтому ему было приказано покрыть судебные издержки противной стороны, что превысило миллион долларов. Встречаться ему было разрешено только с биологическим сыном Сашелем, но обязательно под наблюдением. Тем временем закончилось расследование в Коннектикуте. Прокурор Мако объявил, что у него нет сомнения в том, что акт растления имел место и что он уже подготовил ордер на арест мистера Аллена. Но, щадя чувства восьмилетней девочки и её матери, он решил не предъявлять

обвинение, чтобы избавить их от мучительной процедуры долгого судебного разбирательства.

ТЕНОР: Конечно, для Вуди Аллена это был наихудший вариант: его публично объявили растлителем, но лишили возможности защищаться в суде. В ярости он созвал пресс-конференцию, в которой обрушился на "губительный сговор мстительной матери с трусливым, бесчестным, безответственным штатным прокурором и его полицией". Он заявлял, что власти штата Коннектикут отказались предъявить ему обвинение не из гуманных соображений, а потому что знали: у них нет шансов выиграть в суде. С экрана телевизора он взывал к Дилан, обещал, что одолеет врагов, разлучивших их, что у всех прокуроров мира не хватит силёнок, чтобы оторвать его от любимой дочери.

БАС: В конце конференции он воззвал и к Мие тоже. Он призывал её оставить раздор позади и заключить немедленный мир. Он приносил извинения за причинённые ей страдания. Он объявлял её замечательной актрисой и прекрасной женщиной. Он говорил, что верит в широту её души. "Если израильтяне и арабы смогли помириться, неужели не сможем мы?" Но его адвокаты в эти же дни обжаловали решение суда, а это означало, что оплата судебных издержек откладывается на время аппеляции.

ТЕНОР: Аппеляционный суд, в конце концов, поддержал решение судьи Вилка, а судебные инстанции штата Коннектикут оправдали поведение прокурора Мако. В общей сложности судебные баталии стоили Вуди Аллену около семи миллионов долларов. Если учесть, что последние его фильмы не делали болших кассовых сборов, становится непонятно, откуда у него брались деньги на эти затраты и на поддержание роскошного образа жизни. В воспоминаниях Кристи Гротеке мелькает сообщение, проливающее свет на эту загадку. Миа рассказала ей, что однажды Вуди подарил ей миллион долларов. Оказалось, что он принял участие в рекламном ролике крупной японской фирмы и получил за это семь миллионов. Так что все психиатры, помогавшие Вуди Аллену бороться с постоянной депрессией, могли не тревожиться о том, что их счета останутся неоплаченными.

БАС: Несмотря на поражение в суде, Вуди продолжал подавать петиции, требуя расширения своих прав на встречи с детьми, но успеха не имел. Наоборот, в конце 1995 года суд запретил ему даже встречи с биологическим сыном Сашелем, потому что мальчик заявил своему психиатру, что отец позволил себе насильственные действия по отношению к нему и что он его боится и ненавидит. Весь жизненный путь Вуди Аллена окрашен бегством от ситуаций, в которых он терял контроль над

происходящим. Похоже, он свято верил в то, что деньги и адвокаты помогут ему добиться своего. То, что ни Дилан, ни Сашель не желали его видеть, просто не принималось им во внимание.

ТЕНОР: Любая знаменитость, желающая охранять свою репутацию от вторжений пронырливых журналистов, может воспользоваться той или иной рекламной фирмой, контролирующей контакты с прессой. Вуди Аллен пользовался для этой цели ньюйоркским отделением голливудской фирмы Пэ-эМ-Кей, платя ей за услуги сорок тысяч долларов в год. Тот, кто хотел получить от него интервью, должен был обращаться не к нему непосредственно, а в Пэ-эМ-Кей. Фирма имела обширные досье на журналистов, и горе тем, кто зарекомендовал себя способным касаться опасных тем и задавать острые вопросы. Такому доступ к знаменитостям был закрыт, а это означало серьёзное сужение круга доступных тем. Немудрено, что многие журналисты остерегались попасть в чёрные списки Пэ-эМ-Кей.

БАС: С помощью Пэ-Эм-Кей в течение многих лет Вуди Аллен успешно блокировал попытки биографов проникнуть в его личную жизнь. Те, кто пытался сделать это без его разрешения и согласия, кто пробовал расспрашивать его сотрудников, актёров, родственников, натыкались на стену молчания. "Рэндом Хауз" хотел заключить договор на публикацию воспоминаний Луизы Лассер, но Вуди оказал такое давление на бывшую жену, что она предпочла не вызывать его гнев и отказалась от проекта. Другую книгу о себе он зарубил через суд, сославшись на многочисленные нарушения законов о копирайте в её тексте. Наконец, в середине 1980-х он выбрал автора, который был ему послушен во всём. Биографию, написанную Эриком Лаксом и вышедшую в 1991, один рецензент назвал "дымовой завесой", но даже её Вуди считал недостаточно комплиментарной.

ТЕНОР: Однако разрыв с Мией Фэрроу и связанные с этим судебные разбирательства пробили такую брешь в защитной стене, скрывавшей подлинного Вуди Аллена, что требовалось произвести срочные ремонтные работы по восстановлению облика простого и привлекательного неврастеника, немного экстравагантного, но неспособного на злые или нечестные поступки. В 1996 году решено было сделать часовой документальный фильм и показать в нём знаменитого режиссёра, запросто путешествующим по Европе в составе небольшого джазового оркестра, со своим верным кларнетом и юной подругой Сун-Йи. Перебрав несколько кандидатур известных режиссёров-документалистов, остановились на Барбаре Копл, прославившейся картинами о бастующих шахтёрах в Кентукки и

рабочих мясокомбината в Миннесоте. Несколько недель съёмочная группа следовала за гастролёрами по Парижу, Мадриду, Милану, Риму и другим городам.

БАС: Вуди Аллен и киношники использовали для путешествия частный реактивный самолёт и лимузины, музыканты поспешали за ними коммерческими рейсами и автобусами. Отели для тех и других тоже снимались разные. Сун-Йи, видимо, чувствовала неловкость ситуации и советовала Вуди время от времени говорить их спутникам несколько добрых слов. Он не понимал, зачем это нужно, старался вообще не разговаривать с другими джазистами, не помнил их имён. На экране Сун-Йи выглядит уверенной в себе молодой женщиной, способной распоряжаться своим возлюбленным, побуждать его к заплывам в бассейне и упражнениям на тренажёре. Приходится только удивляться тому, что Вуди Аллен разрешил Барбаре Копл представить его таким скучным занудой, говорящим одни банальности, засоряющим речь бесконечными "you know, you know". Зато в фильме нет ни слова о Мие, о её детях, о скандале. Один рецензент написал, что это всё равно, как если бы кто-то стал делать документальную ленту об О-Джей Симпсоне, не упоминая погибшую Николь.

ТЕНОР: Семья Мии Фэрроу постепенно оправлялась от пережитого кошмара. К началу 1997 года один из старших сыновей стал адвокатом, другой — специалистом по компьютерам. Старшие сёстры вышли замуж и родили Мие троих внуков. Флетчер и Мозес учились в колледже. Слепая девочка Тэм делала успехи в математике и увлекалась садоводством: она наощупь умела определять любой цветок или сорняк. Дилан, сменившая имя на Элайза, полюбила чтение и рисование, участвовала в школьных спектаклях, отлично училась. Сашель, сменивший имя на Хамонд, стал настоящим домашним философом. Животный мир в поместье "Фрог Холлоу" включал двух коров, пять кошек, собаку, куриц, различных птиц, кроликов, хомяков, тропических рыбок в аквариуме. Планировалась также покупка пони.

БАС: Вуди Аллен теперь открыто жил с Сун-Йи и в 1997 году женился на ней. Событие это вызвало бурю саркастических откликов в прессе. Телеведущий Джей Лено сказал, что Вуди, женившись на своей дочери, ухитрился стать собственным зятем. Другой телешутник объявил, что "нет большего удовольствия в жизни, чем заиметь бывшую любовницу в качестве тёщи". Андре Превин, только что получивший рыцарское звание в Англии, говорил, что не знает худшего человека на планете, чем Вуди Аллен.

ТЕНОР: В фильме "Манхеттен" бывшая жена героя (её играет Мэрил Стрип) публикует разоблачительные мемуары о жизни со своим мужем. Как и многое в картинах Вуди Аллена, этот сюжетный поворот оказался пророческим. В 1998 году были опубликованы воспоминания Мии Фэрроу "То, что уходит прочь". Издательство "Даблдэй" заплатило ей три миллиона долларов. Публикация их была окутана тайной до последнего момента. Критикам и рецензентам не были разосланы предварительные экземпляры. Иначе адвокаты Вуди Аллена могли бы придраться к тексту и судебными ходами затормозить выпуск книги, как это сделал Сэлинджер. 5 февраля ящики с мемуарами были доставлены в сотни книжных магазинов, и продажа началась почти без рекламы. Книга стала бестселлером.

БАС: На какое-то время Миа сблизилась с писателем Филипом Ротом, жившим неподалёку от неё в Коннектикуте. В своё время Рот был возмущён тем, что Вуди Аллен без разрешения использовал его идею превращения человека в женскую грудь, лёгшую в основу его романа 1972 года: одна из новелл в фильме "Всё, что вы хотели узнать о сексе, но боялись спросить" посвящена охоте за гигантской грудью, нагло скользящей по зелёным полям, как опустившийся аэростат (её пытаются поймать с помощью гигантского бюстгальтера). Видимо, из рассказов Мии Рот узнал подробности растления Дилан и вставил эту историю в роман "Людское клеймо": там трагическая судьба героини начинается с того, что богатый и властный отчим начал использовать свою падчерицу как сексуальную игрушку с момента, когда ей было восемь лет.

ТЕНОР: Та же история всплывёт позже в другом романе Рота "Унижение" (2009). Герой, в прошлом знаменитый актёр Сайман Аксель, знакомится в психиатрической лечебнице с матерью девочки, которая пыталась покончить с собой, когда узнала, *что* её муж проделывал со своей восьмилетней падчерицей. Совпадение деталей и подробностей не оставляет сомнений в том, что Рот услышал рассказ из уст самой Мии. Своё отношение к происшедшему писатель выразил тем, что в романе позволил несчастной женщине застрелить мужа-растлителя.

БАС: Вуди Аллен продолжал ставить по фильму в год с переменным успехом. Первоклассные актёры по-прежнему слетались на его зов, находились и продюсеры готовые вкладывать деньги в его проекты. Из картин этого периода одна, по-моему, стоит особняком. Вообразите, что вы участвуете в киновикторине и слышите вопрос: "В каком фильме в качестве сюжета взята судьба бродячего артиста, разъезжающего по стране с послушной помощницей, потом оставляющего её, а в конце

горько сожалеющего о своём поступке?". Что бы вы ответили?

ТЕНОР: Конечно, это фильм "Дорога" Федерико Феллини.

БАС: Совершенно верно. Но по той же сюжетной канве сделан и фильм Вуди Аллена "Сладкий и гадкий" (1999). Там в качестве героя взят экстравагантный гитарист Эммет Рэй, разъезжающий по Америке в трудные 1930-е годы. Его великолепно исполняет Шон Пенн. Рэй предан своему искусству, но в жизни не стесняет себя никакими моральными запретами. Он сутенёр, клептоман, пьяница, лгун. Его любимые развлечения: смотреть на проезжающие товарняки и стрелять из пистолета по крысам на свалке. В качестве подруги за ним увязывается немая прачка. Не отразилась ли тут мечта самого Вуди Аллена *о полной послушности и безмолвности спутницы жизни?* В какой-то момент Рэй покидает девушку, его уносит в пучину невероятных приключений (опять с гангстерами, погонями и стрельбой). В конце он снова встречает свою идеально безмолвную подругу, но у неё уже есть новый друг и новорожденный ребёнок. Так же, как Энтони Квин у Феллини, Рэй осознаёт, какое сокровище он упустил, и в пьяном отчаянии разбивает гитару о дерево.

ТЕНОР: Да, вспоминаю. Он там говорит очередной мимолётной даме: "Я совершил ошибку. Я совершил серьёзную ошибку". Вправе ли мы истолковать этот эпизод как запоздалое раскаяние самого Вуди Аллена? Как сожаление о том, что он утратил такую преданную, такую послушную, такую любящую подругу? Рэй несколько раз повторяет фразу, которую мог бы сказать про себя и его создатель: "Я артист. От меня нельзя ждать постоянства. Я артист".

БАС: Женитьба на Сун-Йи имела неожиданный побочный эффект: Вуди Аллен перестал ходить к психиатрам. Да, объяснял он, теперь они стали мне не нужны. "Но были ли они по-настоящему нужны вам с самого начала?", спросили его. "Пожалуй, нет. Они способны помочь в преодолении конкретного эмоционального кризиса. Но изменить душевный настрой они не умеют." Правда, близким друзьям он дал и другое объяснение разрыва с последним шринком: тот упрекнул Вуди в постоянном сокрытии своих подлинных чувств, что делало плодотворный контакт врача с пациентом невозможным.

ТЕНОР: Переступив порог 21-го века, Вуди Аллен всё чаще выбирает местом действия своих фильмов Европу. В 2005 году он ещё раз разрабатывает сюжет "преступление без наказания" в фильме "Матч-пойнт", перенеся его с берегов Гудзона на берега Темзы. В других картинах объектив его камеры ведёт нас по улицам Барселоны, Парижа, снова Лондона, Рима. Может быть, в какой-то мере на этот выбор повлияла его обида на Америку. Но

возможна и другая причина: летописец Нью-Йорка наконец-то был покорён очарованием Старого света и захотел включить новые краски в свою палитру. Блистательная работа кинооператора Вилмоса Зигмонда очень помогала ему в этом. Нельзя отбросить и третий стимул: люди с увлечением смотрят кино про путешествия, и европейские красоты могли привлечь новых зрителей.

БАС: Во многих воспоминаниях о Вуди Аллене отмечен тот факт, что он не любит смотреть свои старые картины, не любит говорить о них и тем более — читать рецензии на них и критические разборы. Может быть, это способствует тому, что он без конца повторяет одни и те же сюжетные коллизии, поднимает в диалогах одни и те же философские темы, использует одни и те же готовые характеры, как их использовали кукольные театры Средневековья: сам он — всегда Пьеро, соперничает с уверенным в себе Арлекином, кругом вьётся одна или несколько Коломбин. Как мы уже говорили, его персонажам позволено всерьёз переживать только по поводу двух вещей: любовных отношений и художественного творчества. В фильме "Вики Кристина Барселона" главный герой — испанский художник, по очереди и одновременно соблазняющий двух подруг, двух юных американских туристок. Но ведь сюжет нуждается в закрутке-раскрутке. Вот вам, пожалуйста: из Америки приезжает жених одной из подруг, а бывшая жена художника — женщина страстная и непредсказуемая — врывается к нему в студию как раз тогда, когда он собрался одарить своим вниманием другую. В конце дело доходит даже до стрельбы.

ТЕНОР: Пенелопа Круз, играющая бывшую жену, была осыпана премиями за эту роль, и я считаю — заслуженно. Но должен согласиться с вами: фильм назойливо подносит нам изобразительное искусство как некий главный элексир и оправдание человеческой жизни. Тут вам и архитектура Гауди на улицах Барселоны, и статуи Миро, и толпа на выставках, и картины самого героя. Мало того: оказывается, что и бывшая жена — тоже гениальная художница, и она тут же на экране что-такое бессмертно-абстрактное малюет. А одна из подруг вдруг открывает в себе талант фотографа. И все три — ослепительные красавицы. Ну, что ещё нужно, чтобы зритель ушёл из зала счастливым?

БАС: Желание осчастливить зрителя ещё яснее проявилось в фильме 2011 года "Полночь в Париже". Там сказочное такси уносит американского визитёра — конечно, тоже начинающего писателя — с улиц сегодняшней французской столицы на восемьдесят лет назад. И, совершив скачок во времени, он имеет

возможность встречаться с такими же молодыми и ещё не очень знаменитыми гениями, избравшими этот город своим пристанищем в начале 20-го века: Хемингуэем, Фитцджеральдом, Гертрудой Стайн, Пикассо, Сальватором Дали, Луисом Буниэлем, Томасом Элиотом, Матиссом и прочими. Все эти сложные, порой трагические, фигуры представлены весёлыми и беззаботными прожигателями жизни, кочующими по парижским кафе и ресторанам, с готовностью принимающими американского гостя в свою компанию.

ТЕНОР: Публика была в восторге от этого фильма. Я бы назвал этот жанр позднего Вуди Аллена "киносказками для взрослых". Конечно, с хорошей эротической приправой и со счастливым концом: рукопись молодого писателя одобрили Хемингуэй и Гертруда Стайн! Вернувшись в современный Париж, он порывает с невестой далёкой от всяких художественных устремлений и уходит под тёплый летний дождь с новой девушкой, полной очарования и умеющей ценить настоящий классический джаз.

БАС: Давайте всё же не будем заканчивать наш разговор саркастичным брюзжанием. Вуди Аллен ещё жив, и не исключено, что он сумеет сойти с тупиковой тропинки повторений самого себя. В том документальном фильме, где мы увидели его на гастролях в Европе столь безнадёжно печальным, погружённым в глубины своей "ангедонии", были и светлые кадры. Я имею в виду лица людей в зрительных залах — улыбающиеся, смеющиеся на любую его реплику, даже самую непритязательную. На них лежал отблеск счастливых воспоминаний о минутах и часах весёлой беззаботности, которой он одаривал их в течение нескольких десятилетий. Во времена, когда экраны мира заполнены картинами бушующей кровавой вражды на Земле, мы должны признать этот дар — миллионам от одного — нешуточным и заслуживающим нашей искренней благодарности.

ТЕНОР: Обнадёживает и тот факт, что чувство иронии и самоиронии до сих пор присуще ему. На кинофестивале в Каннах один журналист, беря у него интервью, назвал его гением. "Ну что вы, — возразил Вуди. — Гении — это Бергман, Феллини… А я просто снимаю картины… Иногда хорошие… (Многозначительная пауза) Иногда *очень* хорошие…"

Билл Клинтон (1946-)

ТЕНОР: Сознаюсь вам, мне страшновато обсуждать в открытом эфире такую крупную и влиятельную фигуру. У Билла Клинтона и его жены до сих пор много могущественных сторонников во всех эшелонах власти, и, если им не понравится то, что мы будем говорить о бывшем президенте и его похождениях…

БАС: Не бойтесь: Клинтонам доводилось слышать и читать о себе такое, что обычного человека могло бы довести до самоубийства. Например, их ближайший друг, Винс Фостер, таки покончил с собой, когда газета "Уолл-Стрит Джорнел" начала печатать недружелюбные статьи о нём. Мы же не собираемся вести новое тайное расследование финансовых и амурных проделок Билла Клинтона, подсылать частных детективов, разыскивать новых дам, готовых поделиться своими воспоминаниями о нём. В нашем распоряжении — только опубликованные книги, статьи, документы. Политики нам запрещено касаться. Только черты характера, личные отношения, семья, рассекреченные возлюбленные.

ТЕНОР: Начать с детства? Но ведь об этом мы знаем только из его собственных мемуаров. Рос в бедной семье в Арканзасе. Отец, только что вернувшийся со Второй мировой войны, погиб в автомобильной аварии, когда Биллу не было и года. Его машина не столкнулась с другой — просто слетела в канаву. Видимо, водитель заснул или перебрал лишнего. До четырех лёт маленький Билл жил у бабушки с дедушкой, которые его обожали, а он — их. (Не напоминает ли это нам детство Барака Обамы?) Фамилия Клинтон — от отчима. Этот был запойным, жену и пасынка поколачивал. Рождение маленького брата не улучшило семейных отношений. Однажды четырнадцатилетний Билл, услыхав крики матери, вбежал в комнату с гольфовой клюшкой в руках и пригрозил обрушить её на голову отчима, если тот не прекратит избиение. В другой раз папа Клинтон во время ссоры просто выстрелил в жену, стоявшую с ребёнком на руках, но пуля ударила в стену. Только после этого мать Билла подала на развод.

БАС: Однако потом горячий стрелок вымолил прощение и вернулся в семью. Вообще, принято считать, что те, кто сталкивался в детстве с насилием, сами вырастут насильниками. Однако я знаю много примеров обратной реакции: в человеке созревает инстинктивное отвращение ко всякому мучительству и злодейству. О Клинтоне написаны тома, брани и обвинений

полно, но я не помню, чтобы кто-нибудь ловил его на намеренной жестокости.

ТЕНОР: Нет, такого не было. Он рос обычным подростком шестидесятых, увлекался Элвисом Пресли и Битлами, сам неплохо играл на саксофоне, участвовал в демонстрациях против войны во Вьетнаме. В двадцать два года он уже в предвыборной команде сенатора Мак-Говерна, сражающегося за кресло в Белом доме с Ричардом Никсоном. С этого момента американская политическая борьба становится его страстью, призванием, делом всей жизни.

БАС: Из наших университетов и колледжей люди выходят дипломированными инженерами, врачами, учителями, агрономами. Дипломированных политиков не бывает. Чаще всего в эту профессию идут люди с дипломами юридического факультета. И это печально. Получается, действительно, не власть народа, а власть адвокатов. Причём, во всех трёх ветвях: исполнительной, законодательной, судебной.

ТЕНОР: Здесь мы вторгаемся на запрещённую для нас территорию политических дебатов. Давайте лучше перенесёмся через те годы, когда молодой адвокат, член демократической партии Билл Клинтон, управлял штатом Арканзас из губернаторского особняка в городе Литл-Рок, и окажемся…

БАС: О, нет! Выбросить из нашей истории двенадцать лет страстного романа с Дженифер Флауэрс? Мы и так из-за нехватки времени опускаем учёбу нашего героя в Йельском университете, где он познакомился со своей будущей женой, Хилари Родэм. А годы с Дженифер — это, безусловно, своего рода академия, в которой Билл Клинтон имел возможность изучить самый важный предмет: самого себя. Пока их роман был темой скандальных разоблачений предвыборной компании 1992 года, пока их имена летали по страницам газеты "Стар", журнала "Пентхауз", звучали в радио-шоу Говарда Стерна, всё тонуло в буре обвинений, издевательств, насмешек. Однако через несколько лет шум утих, Дженифер выпустила свою книгу "Страсть и предательство", и их любовь предстала в совершенно новом свете.

ТЕНОР: Но можно ли верить рассказу женщины, которая должна была чувствовать себя использованной и потом отброшенной за ненадобностью? Что она должна была пережить, когда слушала, как её обожаемый Билл на экране телевизора, перед всей страной публично объявлял её лгуньей и заявлял, что не имел с ней никаких отношений, кроме редких деловых встреч?

БАС: Обиду, горечь, унижение — всё так. И она не скрывает этих чувств. Но в ней нет злопамятства, поэтому она оказалась способной описать и то счастье, которое ей давала эта любовь.

Мелкие детали, штрихи отношений, драгоценные пустяковины, радовавшие обоих, так спонтанны и непредсказуемы, что становится ясно — это не выдумки сочинителя, помогавшего ей готовить текст, а бесхитростное перелистывание альбома собственной памяти. Включающее и отблески интимнейших моментов, сексуальных игр, нежных и смешных названий, придуманных ими для детородных органов: у него — "Виллард", у неё — "бесценная".

ТЕНОР: Похоже, им часто не хватало друг друга, и они заполняли разлуку бесконечными телефонными разговорами. Секс по телефону — видимо, будущий президент уже тогда пристрастился к этой разновидности запретных удовольствий. И когда Дженифер объявила, что им пора расстаться, он со слезами умолял её хотя бы не порывать телефонную связь.

БАС: Появляться вместе на людях они не могли — что же им оставалось делать? Но, конечно, когда она решила тайно записать на плёнку несколько их разговоров, тут в ней явно проснулась библейская Далила. Предать могучего возлюбленного врагам — есть в этом для многих женщин какой-то манящий импульс.

ТЕНОР: Мне запомнился один эпизод, как бы не совпадающий с привычным образом Билла Клинтона, каким мы привыкли его видеть: уверенным, улыбающимся, благодушным, довольным собой. Помните, это произошло во время очередного свидания в квартирке Дженифер. Они уже легли в постель и были готовы заняться друг другом, когда он внезапно вскочил, отбежал к стене, прижался к ней спиной и начал безудержно рыдать. Она пыталась обнять его, успокоить, расспросить о причине. Он не мог ничего ответить — только дрожал и плакал. Она так и не узнала, что было причиной его смятения.

БАС: Похожий случай был в жизни Льва Толстого. Тоже ночью, во время поездки в город Арзамас, на него напал необъяснимый страх. Он ясно-ясно почувствовал рядом с собой чьё-то присутствие и понял, что это Смерть. Ему ничего не грозило, он был крепок здоровьем, но смерть была совсем рядом — и сердце его болезненно сжималось. Он вспоминал потом это состояние (оно случалось ещё несколько раз) и называл его "ужас Арзамасский". Может быть, Билл Клинтон хранит в подвалах памяти эту ночь как "ужас Арканзасский"?

ТЕНОР: Меня всегда интересовало, знала ли Хилари о шалостях своего мужа на стороне и как она к этому относилась.

БАС: Скорее всего, их отношения к этому моменту наиболее полно описываются понятием "открытый брак". Ходили слухи, что у Хилари был роман с другом семьи, Винсом Фостером, или даже, что она вообще предпочитала женщин, а с мужем в постели была

холодна. Но обоих связывала одна общая страсть: политика. Разрыв, развод означал бы крушение политических амбиций для обоих. Поэтому он исключался. А когда у них родилась дочь, Клинтон был на седьмом небе от счастья и бестактно делился своей радостью с Дженифер, которая с горечью и сожалением вспоминала, как в начале их романа избавилась от его ребёнка.

ТЕНОР: Пожалуй, годы его губернаторства в Арканзасе оказались плохой тренировкой для переселения в Вашингтон. Провинция жила по старинке: губернатор был власть и мог позволять себе нарушать многие запреты, даже бравировать этим. Когда Пола Джонс вчинила свой иск о сексуальных домогательствах, дело поначалу попало к судье, назначенному Клинтоном, и тот легко смёл его под ковёр. Другой иск об использовании губернатором казённых средств для оплаты любовных утех с пятью поименованными дамами местная пресса не посмела освещать, и он лежал под сукном вплоть до Вашингтонской бури. Дженифер Флауэрс он устроил на работу в штатный административный аппарат, в обход другой сотрудницы. Та подала жалобу, но и это дело было как-то замято. Телохранители губернатора всё знали о его похождениях, но помалкивали. Можно сказать, что Арканзас избаловал Билла Клинтона своей снисходительностью и он вообразил себя неуязвимым.

БАС: Что сослужило ему плохую службу, когда он попал в Белый дом.

ТЕНОР: Итак, мы переносимся в 1992 год? И оказываемся в изумлённом Вашингтоне, встречающем нового президента, сумевшего победить на выборах самого Джорджа Буша Старшего, только что разгромившего в аравийских пустынях злодея Саддама Хуссейна.

БАС: Победа молодого кандидата, не имевшего ни военного, ни дипломатического опыта, действительно, ошеломила многих. И как тревожно начиналось его правление! В феврале 1993 года — первая попытка взорвать Мировой торговый центр в Нью-Йорке, шесть погибших, тысяча госпитализированных. Апрель — трагедия в Техасском городе Вэйко, гибель восьмидесяти человек при штурме убежища сектантов, уверовавших в самозванного пророка Дэвида Кореша. Июль — самоубийство ближайшего друга семьи Клинтонов, Винса Фостера, последовавшего за ними из тихого Арканзаса в опасный Вашингтон. Октябрь — гибель американских рэнджеров в боях в Сомали. В том же месяце в Москве танки стреляют по новому русскому парламенту, и весь мир в страхе ждёт, не приведёт ли это к возрождению диктатуры и возобновлению холодной войны. В феврале следующего года

самолёты НАТО бомбят сербов под Сараево. В апреле — миллион зарубленных в Руанде. И наконец ноябрь — полный разгром демократов на промежуточных выборах, республиканцы завоёвывают большинство в обеих палатах Конгресса.

ТЕНОР: Да, посреди таких эпохальных событий президент вряд ли мог встревожиться по поводу судебного иска, вчинённого против него какой-то дамочкой в родном Арканзасе. Сексуальные приставания? Он, губернатор, повёл себя непристойно с сотрудницей, с подчинённой? Ох, пусть с этой ерундой разбираются его адвокаты. У него есть дела поважнее.

БАС: В деле, затеянном Полой Джонс, я больше склонен верить показаниям телохранителя Клинтона, чем ей. Он так просто и убедительно рассказал, как он болтал с Полой и её подружкой в вестибюле отеля, где проходила конференция, как обе девицы, хихикая, восхищались наружностью губернатора и как Пола заявила, что была бы непрочь завести с ним более близкое знакомство. Мог ли верный телохранитель не передать её слова своему боссу? И мог ли любвеобильный губернатор пропустить такой случай? Поле Джонс было сообщено, в каком номере симпатичный босс будет ждать её визита. Конечно, потом она заливала присяжным, будто не знала, зачем её вызывают, будто шла не по своей воле, а под конвоем вооружённого охранника. На самом же деле, сама вошла в лифт, сама поехала на волнующее свидание. А уж что там происходило в номере, обнимал ли её Клинтон без спроса, снимал ли с себя штаны, не получив её разрешения, просил ли осчастливить его актом минета — кто это может проверить? Охранник показал, что она вышла из номера полчаса спустя спокойная и ничуть не расстроенная.

ТЕНОР: Что примечательно в этой истории — готовность, с которой губернатор откликнулся на подвернувшуюся ситуацию. Для молодого человека, взрослевшего в шестидесятые, седьмая заповедь была пустым звуком. Дженифер Флауэрс уверяла, что он просто не мог пропустить ни одной юбки, превращал эти приключения в спорт.

БАС: Думается, что и первые встречи президента с молодой сотрудницей Белого дома в 1995 году не произвели на него сильного впечатления. Да, хорошенькая, да, всегда сияет, когда видит его, да, полна неподдельной весёлости и несбыточных надежд. Но моложе него на двадцать пять лет! Правда, Клинтон любил цитировать какого-то психиатра, который уверял, что каждый человек с рожденья имеет определённый возраст и в нём и остаётся всю жизнь. Себя он считал вечным шестнадцатилетним, Хилари — сорокалетней, Монику —

семнадцатилетней. Ровесники! Когда смотришь на фотографии Моники Левинской, сделанные тем летом, возникает впечатление, будто у этой девушки не было — и быть не может! — чёрных дней, чёрных мыслей, чёрных чувств.

ТЕНОР: Как и в истории с Дженифер, тонкая ниточка интимных отношений, возникшая между ними, должна была с самого начала пульсировать под покровом тайны. При всей его готовности к донжуанским приключениям, Клинтон оставался любящим мужем и отцом, стремился любой ценой сохранить семью, не причинять близким ненужных страданий. Он извещал Монику телефонным звонком о времени, когда он будет один в кабинете. Она заготавливала пачку деловых бумаг, приносила их секретарше и исчезала за дверью. Но страх, что кто-нибудь может войти или позвонит телефон, висел над обоими и оказывал парализующее действие.

БАС: Есть в этом что-то парадоксальное. Самый могущественный человек в стране не мог себе позволить того, что было доступно каждому из простых граждан. Он живёт словно в тюрьме с прозрачными стенами — всегда на виду, всегда под прицелом фото- и телекамер, всегда в окружении жадно распахнутых глаз и ушей. Немудрено, что в любовном романе Билла и Моники телефон опять стал главным местом встреч и общения, этакой тайной электронной беседкой. Даже любовное слияние им гораздо чаще выпадало в телефонном варианте, а не во время встреч в кабинете. Причём даже и тогда горячий влюблённый отдавал предпочтение рту подруги, а не другим природным дарам. Ещё в бытность губернатором Клинтон рассказывал своему телохранителю, что он провёл специальное исследование Библии и обнаружил, что оральный секс там не считается прелюбодеянием.

ТЕНОР: Я верю Монике, когда она рассказывает, что уже в первые месяцы романа её возлюленный мучился угрызениями совести, пытался порвать с ней. Но, видимо, пульсирующая нить, связавшая их, была уже слишком прочна. Они часами рассказывали по телефону друг другу о детстве и родителях, об обидах и победах, о старых друзьях и новых знакомых. Иногда у меня вообще возникает впечатление, что люди заводят любовные связи для того, чтобы излить кому-то душу, поделиться тем, чем невозможно поделиться с супругом. Вожделение отступает на второй план. Объятия — это просто символический знак предельной близости, воскурения на алтаре любви, после которых только и можно всласть наговориться.

БАС: Моника порой забывает, что её возлюбленный — довольно занятый человек, что у него на плечах — гора забот и

обязанностей. В январе 1996 года двадцать тысяч американских миротворцев входят в Боснию, в Афганистане талибы вот-вот захватят власть, в Шотландии террористы взрывают авиалайнер, другая бомба взрывается на Олимпийских играх в Атланте. В мае суд в Литл-Рок выносит обвинительный приговор супругам Макдугал, деловым партнёрам Клинтона, которому тоже грозит быть втянутым в эту тяжбу. Плюс нужно все силы отдавать предвыборной компании. Но Моника видит и слышит только одно: возлюбленный, её "пригожий", не звонил уже два, три, четыре дня, не звонил целую неделю! Ко дню её рождения он обещал позвонить из Лос-Анджелеса и поиграть для неё на саксофоне, но не сумел выполнить обещание. Слёзы, упрёки, горькая обида, злые слова…

ТЕНОР: Зато оба явно получали удовольствие от обмена подарками к дням рождения, к Рождеству и другим датам. Моника бережно хранит подаренный ей томик стихов Уитмена "Листья травы", каменную голову медведя, булавку ручной работы, индейское одеяло. Сама она тоже выбирала подарки очень тщательно и радовалась, когда видела своего "пригожего" на экране телевизора в подаренном ею галстуке или купленных специально для него солнечных очках.

БАС: Как ни таились влюблённые, сотрудники Белого дома не могли не заметить особый свет, который вспыхивал на их лицах при виде друг друга. Секретарша Клинтона, Бетти Карри, знала о романе и помогала им встречаться. Но главный администратор, дама строгая и решительная, опасаясь слухов и перешептываний, поспешила устроить перевод Моники на работу в Пентагон. После этого возможностей видеть друг друга стало ещё меньше. Могла ли молодая женщина, полная бурлящих чувств, затаиться в тени и терпеливо ждать, когда возлюбленный сумеет вырезать хотя бы полчаса на телефонный звонок? Конечно, нет. И она стала одаривать своей благосклонностью прежних и новых возлюбленных, даже забеременела от одного осенью 1996 года. А главное — ей была абсолютно необходима наперсница, с которой она могла бы делиться сердечными переживаниями. И — на своё несчастье — она нашла её.

ТЕНОР: Да, её сотрудница по Пентагону, Линда Трипп, оказалась той самой колдуньей из сказок, которая умеет манить неопытных принцесс румяным яблочком несбыточных надежд. К моменту их знакомства волна звонков от Билла пошла на убыль, в разгаре предвыборной компании он не мог уделять Монике достаточно внимания. Он также тяготился чувством вины перед семьёй, не раз говорил возлюбленной, что им следует расстаться. Близкие родственники, знавшие о романе, тоже уговаривали её

поставить точку, переехать в Нью-Йорк, найти там работу и начать жизнь с нового листа. И только колдунья Трипп говорила то, что Моника жаждала услышать: "Нет, не кончено! Звёзды говорят, что ты женщина для него! Его любовь к тебе не умерла, она возродится, как только политические бури дадут ему передышку". Могла ли она не довериться такой наперснице?

БАС: Поднявшись на верхнюю ступеньку власти, Билл Клинтон обнаружил, что он не может сделать для своей новой возлюбленной того, что так легко ему удавалось делать для Дженифер Флауэрс и других избранниц в Арканзасе. О возвращении её на работу в Белом доме не могло быть и речи — там они были слишком на виду. Но даже его попытки устроить Монику в канцелярию американского посла в ООН или в другие государственные учреждения буксовали и не приносили результатов. Доведённая до отчаяния, подзуживаемая Линдой Трипп, Моника написала своему "пригожему" письмо, в котором просьбы о помощи, жалобы на холодность завершались угрозой: рассказать всё родителям, чтобы они, наконец, поняли причину её подавленности, которая их очень тревожила.

ТЕНОР: В ответ на это послание Клинтон вызвал её к себе в кабинет и устроил настоящий разнос. Он говорил о том, что угрожать президенту США — деяние противозаконное. Что она не смеет обращаться к нему в таком тоне и тем более — доверять злые слова бумаге. Что он пытался помочь ей устроиться на работу, а она не проявляет никакой благодарности. Моника пыталась возражать и спорить, но потом не выдержала — расплакалась.

БАС: И сцена мгновенно изменилась. Через минуту грозный президент уже обнимал девушку, гладил по волосам, уговаривал не плакать. "Такие люди, как мы с тобой, — говорил он, — носят жар в сердце и чреслах, а остальные не понимают этого и не знают, как к нам относиться. Мы полны сильных страстей, но и гневаемся сильнее других, и нам необходимо учиться подавлять безрассудный гнев." Нечего и говорить, что вся сцена на следующий день была описана незаменимой Линде. И не знала бедная Моника, что её рассказ с тихим шуршанием ложится на змеиные кольца магнитофонной ленты.

ТЕНОР: Всё же непонятно: что двигало злой колдуньей? Любовь к интригам? Желание привлечь к себе внимание? Как и Моника, она росла в семье разорванной разводом. С ушедшим отцом не разговаривала тридцать лет. Завидовала младшей сестре, которой удалось закончить колледж на деньги, полученные матерью при разводе. Сама тоже прошла через развод и растила двух детей без мужа. Но с дочерью-школьницей

отношения были такие тяжёлые, что однажды она выгнала девочку из дома.

БАС: Поначалу её разговоры с молодой сослуживицей сводились к двум темам: как похудеть и где искать интересный антиквариат. Неясно, в какой момент она начала делать комплименты Монике и уверять, что её красота — именно того типа, который нравится президенту. Мол, стоит ей только вернуться в Белый дом — и она завоюет сердце Билла Клинтона. Знала она уже об их романе? Ловила слухи? Или просто кидала крючок с наживкой наугад? Во всяком случае, уже летом 1996 года она вела переговоры с литературным агентом о книге, которая показала бы изнанку Белого дома при президенте Клинтоне.

ТЕНОР: К вопросу о том, какой тип женщин нравился нашему президенту. Дженифер Флауэрс в своих воспоминаниях говорит, что её в Арканзасе несколько раз принимали за Хилари Клинтон. Но если посмотреть на её фотографии, сделанные до того, как она перекрасилась из брюнетки в блондинку, её сходство с Моникой Левинской бросается в глаза. Не говорит ли это о том, что в облике всех трёх женщин было что-то сходное и бесконечно манящее для любвеобильного Билла?

БАС: Всем троим он сумел доставить много счастливых и много горестных минут, часов, дней. Но Моника, в этом плане, кажется настрадавшейся больше других. Подумать только! Два самых знаменитых любовника Америки за два года романа так ни разу и не имели возможности спокойно раздеться и одарить собою друг друга. Президентская клетка оказалась куда теснее губернаторской. Любовь урывками, любовь по телефону, любовь взаймы, любовь под вечным чувством вины и страхом разоблачения.

ТЕНОР: Строгие моралисты не замечают, какую малую, почти подсобную роль играл в их отношениях эрос. Сколько раз "пригожий" Билл говорил ей, что им надо — пора — расстаться! И сколько раз она пыталась оторвать его от своего сердца, заменить другим, уехать. Ничего не помогало. Какая-то таинственная сила кидала их друг к другу — и всё ближе к завершающей катастрофе.

БАС: Она проводила ночи без сна в ожидании его звонка, никогда не зная, раздастся ли он или нет. Однажды он позвонил в половине третьего ночи. Она была готова тут же мчаться в Белый дом. Он пытался объяснить, что в такой час это невозможно, что он просто хотел выговориться, облегчить душу. Она была не в силах сдержать разочарование. Начались опять упрёки, обвинения, слёзы, перешедшие в перепалку на полтора часа. В

конце он прокричал ей ужасные слова: "Знал бы, что ты за человек, никогда бы не связался с тобой!". Но на следующий день им удалось ненадолго встретиться в его кабинете, и он был сама нежность, приветливость, доброта. "Как я счастлив тебя видеть", сказал он.

ТЕНОР: Но даже эти мимолетные встречи им приходилось устраивать по законам детективного жанра. Например, однажды секретарша Бетти Карри вызвала Монику телефонным звонком и велела ждать в её автомобиле, отпаркованном рядом с Белым домом. По неизвестной причине автомобиль оказался запертым, и девушка ждала под холодным дождём. Наконец, Бетти появилась, незаметно провела её внутрь здания и пустыми коридорами — в малый кабинет президента. Боясь привлечь чьё-нибудь внимание, Моника не зажигала света, ждала в темноте. А Клинтон, не зная, что она уже в кабинете, занимался делами в соседней комнате. В результате, из-за бестолковости секретарши, им удалось провести вместе только несколько минут, потому что Клинтон спешил на официальный обед по случаю визита президента Мексики. Короткие объятья, поцелуй, вручение очередного подарка от неё: старинное пресспапье с картинкой Белого дома — в добавление к коллекции Билла.

ТЕНОР: Выбирать подарки друг для друга доставляло обоим особое удовольствие, никогда не было пустой формальностью. Даже если это были просто лекарственные травы или пилюли от простуды, Моника именовала их "пилюлями памяти" и вкладывала в пакетик "инструкцию по применению": "Первую пилюлю принять утром, чтобы вспомнить, как ты бываешь счастлив, когда видишь меня. Вторую — днём — чтобы вспомнить мой неотразимый облик. Третью — вечером — чтобы порадоваться воспоминанию о моём голосе, произносящем нежные слова по телефону".

БАС: Не будем забывать, однако, что этот роман протекал на фоне неослабевающих атак на президента Клинтона, начавшихся уже в первый год его правления. Пресса пестрела сенсационными заголовками и расследованиями. Почему застрелился помощник советника президента Винсент Фостер? Не было ли это на самом деле убийством, замаскированным под самоубийство? Как были замешаны супруги Клинтон в спекуляциях земельными участками Уайтвотер в Арканзасе? Может ли Пола Джонс предъявлять иск действующему президенту за сексуальные приставания, имевшие место во время его губернаторства? Правду ли говорят телохранители бывшего президента, что им много раз приходилось выступать в роли шофёров, в чью обязанность входило возить его к различным дамам и ждать под окнами?

Каким образом молодой Билл Клинтон сумел увернуться от призыва на войну во Вьетнаме?

ТЕНОР: Трудно понять, каким образом в такой атмосфере президент мог управлять страной и вести дипломатические переговоры. В 1994 году, находясь с официальным визитом в России и Украине, он позвонил своим помощникам в Вашингтоне и воззвал: "Я пытаюсь укрепить наши отношения со странами бывшего коммунистического блока, я веду сложные переговоры, а пресса и здесь осаждает меня вопросами про Уайтвотер. Сделайте что-то, дайте мне возможность нормально работать!".

БАС: Даже в лагере демократической партии всё громче раздавались голоса, требовавшие назначить независимого прокурора для расследования этого запутанного дела. Большинство сотрудников Клинтона тоже считали, что это единственный правильный выход. Только советник Нусбаум яростно выступал против. У него был опыт работы в комиссии, расследовавшей Уотергейтский скандал вокруг президента Никсона, и он знал, как упорно и бесцеремонно ведутся подобные расследования. "Вы с Хилари не совершили ничего незаконного в этой сделке, — говорил он, — только потеряли 60 тысяч долларов. Но независимый прокурор не сможет удовлетвориться этим, он будет считать своим долгом откопать хоть что-нибудь. Имея огромную власть, он станет вызывать на допросы всех ваших друзей и деловых партнёров. Безгрешных, безупречных людей не бывает. Что-нибудь за кем-нибудь обнаружится, клубок станет разматываться дальше и может привести к непредсказуемым результатам." Но большинство собравшихся, включая Хилари Клинтон, не согласились с аргументами Нусбаума, называли его истериком. Решено было объявить о создании специального следовательского комитета во главе с независимым прокурором. Впоследствии Билл Клинтон называл это решение самой большой ошибкой своей политической карьеры.

ТЕНОР: Такого же мнения придерживается знаменитый адвокат, Элан Дершовиц. Он считает, что в тяжбе с Полой Джонс адвокаты Клинтона давали ему плохие советы. Что ни в коем случае нельзя было идти на открытое судебное разбирательство, подвергать себя допросу её адвокатов под присягой. Ведь именно тогда, в январе 1998 года, ему был задан вопрос "имели ли вы любовную связь с Моникой Левинской?", и он решительно ответил "нет, не имел". Лжесвидетельство под присягой есть реальное нарушение закона, подсудное дело.

БАС: Дершовиц называет советы адвокатов "ошибочными", но, из лояльности к своей профессии, не упоминает причину этих "ошибок". Он считает, что Клинтону надо было уладить дело

путём переговоров вне суда и заплатить Поле Джонс какие-то отступные. Да, это подпортило бы его политическое реноме, но вскоре дело забылось бы. Однако Дершовицу прекрасно известно, что переговоры вне суда можно осуществить за два часа, а судебное разбирательство и подготовка к нему могут занять недели, если не месяцы. Услуги адвоката оплачиваются в соответствии с затраченным им временем. Ему выгодно раздувать любую тяжбу и выставлять своему клиенту счёт на сотни часов. Так что адвокаты Клинтона прекрасно осознавали свои цели, подбивая его на судебную борьбу.

ТЕНОР: И, конечно, ни Клинтон, ни его адвокаты не могли знать, что к этому моменту Линда Трипп уже передала магнитофонные записи своих разговоров с Моникой специальному комитету независимого прокурора, Кеннета Старра.

БАС: Что мы знаем об этом человеке?

ТЕНОР: Нет никакого сомнения в том, что его политические пристрастия сближали его с республиканской партией. Рональд Рейган назначил его судьёй одного из аппеляционных судов, в администрации Буша он получил пост заместителя генерального прокурора, среди его друзей и покровителей было много влиятельных республиканцев. Сомневаюсь, чтобы такой прокурор мог беспристрастно вести расследование деятельности президента-демократа. Получив в своё распоряжение ленты Линды Трипп, он мгновенно понял, каким образом можно использовать их для обвинительного заключения. Оставалось только оказать давление на Монику Левинскую и заставить её сотрудничать со следствием в качестве свидетеля.

БАС: У меня не хватает воображения представить себе тот ужас, который досталось пережить Монике 16 января 1998 года. Пентагон, обеденный перерыв, она привычно отправляется на ланч. И вдруг к ней подходят два вооружённых агента ФБР, ведут в соседний отель Карл-Ритц, поднимают на лифте в комнату 1012 и усаживают перед командой следователей с каменными лицами и ледяными глазами. Как сквозь сон она слышит перечень обвинений, которые ей собираются предъявить: лжесвидетельствовала при даче показаний на процессе Полы Джонс, препятствовала ходу правосудия, оказывала давление на свидетелей, сговаривалась о даче ложных показаний и так далее. Всё вместе может потянуть на 27 лет тюрьмы. Но если она согласится сотрудничать с комитетом независимого прокурора, они постараются сократить срок заключения до пяти лет.

ТЕНОР: Впоследствии Моника красочно описала своё состояние в этот момент: "Я чувствовала себя так, будто мне

разрезали живот и льют кислоту на открытую рану. Мучительная боль и всеобъемлющий ужас. Происходило что-то сюрреальное. Я не могла понять, как это могло случиться".

БАС: Она потребовала, чтобы ей разрешили позвонить адвокату. Последовал отказ. Причина? Её сотрудничество с комитетом должно быть тайным, никто не должен знать о нём. Ей придётся встречаться с сотрудниками Белого дома, имея спрятанный под одеждой микрофон. Делать телефонные звонки, может быть, даже президенту, которые будут секретно записываться. Моника пришла в ужас и заявила, что на такое сотрудничество она не согласится никогда. Тогда ей сказали, что имеющиеся у них плёнки её разгворов с Линдой Трипп дают им возможность привлечь к судебной ответственности и её мать. Ведь та давала ей советы, как лжесвидетельствовать и уничтожать улики. Моника разрыдалась.

ТЕНОР: Всё же поразительно: двенадцать часов полдюжины опытных стражей закона закручивали гайки, запугивали и шантажировали молодую женщину, не знающую ни прав своих, ни правил ведения следствия, и она, порой обливаясь слезами и дрожа, выстояла, не поддалась давлению, вынудила их отпустить её домой. Вести допрос без адвоката было незаконно. Не объявить при задержании, что она имеет право не отвечать на вопросы (так называемое "правило Миранды") было незаконно. Закон штата Мэриленд запрещает записывать телефонные разговоры без ведома собеседника — любой судья отбросил бы ленты Линды Трипп и предъявил бы обвинение ей, а не Монике. Но независимому прокурору всё сошло с рук.

БАС: Страшный день в комнате 1012 был только началом долгой и мучительной эпопеи. Отец Моники, видный врач, живущий в Лос-Анджелесе, предложил своему другу, адвокату Гинзбургу, взять на себя роль юридического представителя семьи, а может быть и защитника, если дело дойдёт до суда. Гинзбург вылетел в Вашингтон, получив от доктора Левинского аванс в 25 тысяч долларов. Начавшиеся переговоры между адвокатом и комитетом Старра вращались вокруг одного: если Моника согласится дать правдивые показания о своих отношениях с президентом, получит ли она взамен иммунитет от судебного преследования за совершенные ею нарушения закона?

ТЕНОР: Нельзя забывать, что у Левинских перед глазами уже был пример того, как комитет может карать непокорных. Близкая приятельница Клинтонов по Арканзасу, Сьюзан Макдугал, отказалась свидетельствовать против друзей, и Кеннет Старр отправил её в тюрьму на восемнадцать месяцев.

БАС: Гинзбург объяснил Монике и её матери, что он

планирует выставить Клинтона коварным соблазнителем и женоненавистником, воспользовавшимся неопытностью молодой девушки. Эти планы привели Монику в отчаяние. Она кричала на адвоката и требовала, чтобы он и думать не смел поворачивать дело таким образом. Она по-прежнему любила своего "пригожего". Каково же ей было услышать, как несколько дней спустя Клинтон вовсеуслышанье объявил с экрана телевизора: "Я никогда не был в интимной связи *с этой женщиной*".

ТЕНОР: День за днём мать и дочь проводили в своей квартире часы под гнётом невыносимого страха. Они боялись позвонить кому-нибудь, потому что верили, что телефон прослушивается. Им было запрещено обсуждать дело даже друг с другом. О важных вещах они говорили, запершись в ванной и включив струю воды. В любую минуту ждали ареста или нового вызова на допрос. Подумывали даже о бегстве за границу. Полагаю, именно парализующий страх помешал им в эти дни разрезать на куски и выбросить то синее платье с пятном президентской спермы, которое потом сыграло роковую роль в расследовании. Ведь это было бы *уничтожение важной улики* — ещё одно преступление, удлиняющее срок возможного тюремного заключения.

БАС: Но изначально Моника хранила это платье как сувенир, как боевой трофей. Во всяком случае, в разговоре с Линдой Трипп она заявила, что не расстанется с ним никогда.

ТЕНОР: Журналисты, фотографы, телевизионщики устроили настоящую охоту за семейством Левинских и их друзьями. Газеты пестрели обвинениями и издевательствами в адрес Моники. Республиканцы обзывали её развратницей, демократы объявляли стокером, шантажировавшим президента. Насмешкам подвергались её внешность, одежда, вкусы, манеры. Однажды, когда Моника ехала в машине вместе с отцом, седан полный фотожурналистов протаранил их сзади. Отец позвонил в полицию, и полицейские посоветовали им ни в коем случае не выходить из машины, если они не хотят попасть под вспышки фотокамер.

БАС: Но самым ужасным для Моники были страдания, которым подверглись её близкие. Её мать заставили давать показания перед Большим жюри. В какой-то момент та чуть не потеряла сознание — пришлось вызвать медсестру с инвалидным креслом. Отцу грозили вызовом в суд, устроили проверку его финансовых документов, пытались найти уклонения от уплаты налогов. Одного за другим допрашивали друзей, грозя тюрьмой за отказ от дачи показаний или за сокрытие каких-то фактов. И всё это делалось для того, чтобы заставить Монику стать свидетелем обвинения против Клинтона. Можно ли осуждать её

за то, что в конце концев она поддалась нажиму?

ТЕНОР: Отчёт специального комитета подробно воспроизводит появление Моники перед следователями, а потом и перед Большим жюри, после того как ей было обещано освобождение от судебного преследования. Стоя перед двадцатью тремя незнакомыми людьми, она должна была отвечать на вопросы о самых интимных моментах её отношений с возлюбленным. "Сколько раз и в какие дни имел место оральный секс с президентом?.. Какие части одежды при этом снимались?.. Кто расстёгивал молнию на брюках и на юбке?.. Гладил ли он вас по груди?.. Была ли она обнажена при этом?.. Запустив руку под трусы, пытался ли он мастурбировать вас?.. Применялась ли при этом сигара?.." И вопреки имевшейся договорённости с адвокатами Моники, все эти детали намеренно делались доступными журналистам, чтобы усилить давление в сторону импичмента президента.

БАС: В одной из своих статей Элан Дершовиц справедливо ставит вопрос: "Кто представляет более серьёзную опасность для американских свобод — президент, имевший роман с молодой сотрудницей и пытавшийся скрыть его? Или независимый прокурор, который шантажирует свидетеля, тайно передаёт прессе показания, данные Большому жюри, произвольно расширяет границы порученного ему расследования Уайтвотерских сделок, вовлекая десятки людей, не имевших к этим сделкам никакого отношения?" Если наш президент не выше закона, то уж наверное и независимый прокурор не выше него. Однако кто же имеет власть контролировать независимого прокурора?

ТЕНОР: Монику заставили передать комитету все подарки, полученные ею от президента, в том числе и те, которые не упоминались в разговорах с Линдой Трипп. Тогда же пришлось сдать и синее платье, которое в разговорах упоминалось. Лаборатория ФБР провела анализ пятна на нём и обнаружила, что ДНК оставленной спермы совпадает с ДНК президента. Отпираться дальше было невозможно. Клинтону пришлось признаваться в своих грехах перед всей страной и просить прощения за ложь.

БАС: Его покаянные слова, слетавшие с экрана телевизора, будили во мне странные чувства. "Я допустил грубейшую ошибку… Несу за неё полную ответственность… Причинил боль своей семье… Нанёс ущерб престижу государства… Приложу все силы, чтобы исправить содеянное…" Стыд, горечь, гнев, растерянность… И вдруг до меня дошло: это же говорит вечный подросток! Тот самый, которому всегда будет шестнадцать лет.

Подростки шестидесятых выросли, получили право голоса и избрали в президенты *своего*. Уклонявшегося от призыва, курившего марихуану, игравшего на саксофоне, блудившего направо и налево. Все разоблачения со стороны дам, снискавших его внимание, в глазах этого поколения оборачивались только дополнительной предвыборной рекламой. Когда летом 1992 года были опубликованы рассказы Дженифер Флауэрс, одна проницательная дама в Голливуде воскликнула: "Ну теперь, после такого пиара, он точно победит на выборах!".

ТЕНОР: Однако в Конгрессе всё ещё заседали люди другого поколения. И, ознакомившись с отчётом Кеннета Старра, нижняя палата проголосовала за импичмент. Как мы знаем, импичмент это лишь акт предъявления обвинения. Окончательное решение остаётся за сенатом. Сторонникам свержения президента оставалось набрать две трети голосов в верхней палате, но это не удалось. Голоса сенаторов разделились ровно пополам: пятьдесят против пятидесяти. Клинтон удержался в президентском кресле. Иск Полы Джонс был отвергнут верхней инстанцией апелляционного суда, но её адвокатам всё же удалось содрать с ответчика 800 тысяч долларов отступного.

БАС: Со времён Уотергейта охота за крупными политическими фигурами стала азартным спортом для журналистов и адвокатов. Под Картера пытались вести подкоп в связи с делами его арахисовой фермы в Джорджии, под Рейгана — в связи с деньгами, незаконно переданными никарагуанским антикоммунистам, раздавались призывы судить бывшего вице-президента Дика Чейни за пытки, якобы применявшиеся к пойманным террористам. А уж список выброшенных из политической борьбы в связи с любовными приключениями исчисляется десятками и растёт с каждым днём. Я не понимаю, откуда ещё берутся смельчаки, решающиеся выставлять свои кандидатуры под эти безжалостные прожектора.

ТЕНОР: Угроза сексуальных разоблачений использовалась в политике и раньше, но это делалось втайне. Комиссия сенатора Маккарти вынюхивала гомосексуалистов в левых кругах и шантажом заставляла их свидетельствовать против друзей. При Гувере ФБР собирало подробные досье на каждого мало-мальски заметного деятеля. Мартина Лютера Кинга пытались вынудить уйти от общественной деятельности, угрожая обнародовать его связь с белой женщиной.

БАС: И это поветрие, эта охота за власть имущими не ограничивается Америкой и не ограничивается сексуальной сферой. Бывших правителей стало модно судить за что угодно. Во Франции привлекали к суду бывшего президента, Жака Ширака,

пытаются судить и Саркози, в Италии — премьера Сильвио Берлускони, в Израиле осудили бывшего президента Моше Кацава, в Украине — бывшего премьер-министра Юлию Тимошенко. Чтобы чувствовать себя в безопасности нужно быть Фиделем Кастро, Уго Чавезом, Ким Чен Иром, Мугабе.

ТЕНОР: Загорается красный свет, дребезжат звоночки тревоги — мы пересекли установленные границы и вторглись в сферы политики. Давайте лучше вернёмся к нашим героям. Опубликование отчёта комитета Старра принесло Монике новое горе. Болтая с Линдой Трипп, она часто роняла саркастические замечания в адрес друзей и родных. Теперь расшифрованные ленты были вынесены на свет и оттолкнули от неё многих дорогих ей людей. Даже восстановившиеся было отношения с отцом вновь порвались. Вина и раскаяние терзали Монику. Она боялась, что и сенат станет вызывать свидетелей и ей придётся давать показания под дулами телевизионных камер. В холодильнике она хранила две бутылки: водку "абсолют", чтобы набраться духу в случае вызова, и шампанское "Вдова Клико" — отпраздновать, если вызова не будет.

БАС: Кажется, она, в отличие от Дженифер Флауэрс, никак не использовала свою всемирную известность. "Я ничем на заслужила её, — говорила она, — не совершила ничего, чем можно гордиться." Работала в телешоу, жила за границей. Замуж так и не вышла. Представьте себе мать, к которой придёт сын и объявит, что он женится на Монике Левинской? Через знакомых просачиваются слухи, что она до сих пор любит своего "пригожего" и рада была бы принять его обратно.

ТЕНОР: Не кажется ли вам поразительным, что эта драма способствовала необычайному взлёту Хилари Клинтон? При запуске космического корабля обе ракеты-носителя, выполнив свою задачу, падают в океан. Так и Билл с Моникой: выпали из игры, а Хилари устремилась в политический космос: В 2001 она уже сенатор от штата Нью-Йорк, в 2008 — реальный претендент на номинацию в президенты США, в 2009 — министр иностранных дел.

БАС: Но надо отдать должное её прозорливости уже в молодые годы. Когда она поддалась уговорам юного адвоката Клинтона и уехала к нему в Арканзас, близкая подруга назвала её сумасшедшей. После Нью-Йорка и Вашингтона? Где у неё начиналась блестящая карьера? В провинциальную глушь, к безвестному адвокату? "Ты ничего не понимаешь, — ответила Хилари. — Этот человек станет президентом Соединённых Штатов."

ТЕНОР: В своих мемуарах Клинтон описывает, как жена

вступалась за него в первые недели после начала скандала. И как тяжело ему было сознаться ей и дочери, что все разоблачения в прессе — правда. "Утром в субботу, 15 августа, накануне дачи показаний перед Большим жюри, после тягостной бессонной ночи, я разбудил Хилари и рассказал ей правду о моих отношениях с Моникой Левинской. Она смотрела на меня так, будто получила удар кулаком в живот. Она была разгневана на меня не только за то, что я сделал, но и за то, что солгал ей в январе… Я говорил ей, что люблю её и что не хотел причинить боль ей и дочери и что страшно сожалею… Потом пришлось сознаваться и Челси… В какой-то мере это было ещё тяжелее. Рано или поздно дети узнают, что их родители — не совершенство, но эта ситуация, конечно, выходила за пределы нормального… Я опасался, что не только мой брак будет разрушен, но я потеряю любовь и уважение своей дочери".

БАС: Много писалось и говорилось о том, какой ущерб нанесла эта история престижу Америки за рубежом. На несколько месяцев мы стали посмешищем для всего мира. Но президенты приходят и уходят, они уносят с собой свои глупые ошибки и позорные промахи. Что остаётся — глубокий след, вмятина, проделанная в нашей юридической структуре тем или иным прецедентом применения закона. И я согласен с Эланом Дершовицем, когда он называет деятельность специального прокурора Старра "сексуальным маккартизмом". "Неужели мы не понимаем, что давать специальному прокурору право расследовать сексуальную жизнь президента гораздо более опасно для демократии и свободы, чем всё, что вменялось Биллу Клинтону? Неужели, действительно, готовы создать постоянный комитет сексуальных расследований, который будет публиковать отчёты о частной жизни политиков и простых граждан? Неужели готовы дать этим сексуальным ищейкам право одаривать судебным иммунитетом одного партнёра, чтобы получить показания на другого?".

Библиография

(В список не включены романы и повести писателей, о которых рассказывается в книге)

Alexander, Paul. *Salinger. A Biography*. Los Angeles: Renaissance Books, 1999.

Bailey, Blake. *Cheever. A Life.* New York: Knopf, 2009.

Baker, Carlos. *Ernest Hemingway. A Life Story*. New York: Charles Scribner's Sons, 1969.

Baker, Carlos, editor. *Ernest Hemingway. Selected Letters 1917–1961*. New York: Charles Scribner's Sons, 1981.

Bloom, Claire. *Leaving a Doll's House. A Memoir*. Boston: Little, Brown & Co., 1996.

Bragg, Melvyn. *Richard Burton. A Life.* Boston: Little, Brown & Co., 1988.

Branden, Barbara. *The Passion of Ayn Rand.* New York: Doubleday & Co., 1986.

Branden, Nathaniel. *My Years with Ayn Rand.* San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1999.

Brauner, David. *Philip Roth.* Manchester and New York: Manchester University Press, 2007.

Cheever, John. *The Journals of John Cheever*. New York: Knopf, 1991.

Cheever, Susan. *Home Before Dark*. Boston: Houghton Mifflin Company, 1984.

Cheever, Susan. *Note Found in a Bottle. My Life as a Drinker*. New York: Simon & Shuster, 1999.

Clinton Bill. *My Life.* New York: Knopf, 2004.

Cook, Blanche Wiesen. *Eleanor Roosevelt. Vols. I & II.* New York: Penguin Books, 1992.

Dershowitz, Alan M. *Sexual McCarthyism. Clinton, Starr, and the Emerging Constitutional Crisis.* New York: Basic Books, 1998.

Farrow, Mia. *What Falls Away*. New York: Bantam Books, 1997.

Fisher, Eddie. *Eddie. My Life, My Loves.* New York: Harper & Row, 1981.

Flowers, Gennifer. *Passion and Betrayal.* Del Mar, Calif.: Emery Dalton Books, 1995.

Gormley, Ken. *The Death of American Virtue. Clinton vs. Starr*. New York: Crown Publishers, 2010.

Groteke, Kristi. *Mia and Woody. Love and Betrayal.* New York: Carol and Graf Publishers, 1994.

Gurewitsch, Edna P. *Kindred Souls. The Friendship of Eleanor Roosevelt and David Gurewitsch.* New York: St. Martin's Press, 2002.

Hamilton, Ian. *In Search of J.D. Salinger*. New York: Random House, 1988.

Heller, Anne C. *Ayn Rand and the World She Made*. New York: Doubleday, 2009.

Hemingway, Mary. *How It Was*. New York: Alfred A. Knopf, 1976.

Hobhouse, Janet. *The Furies*. New York, Doubleday, 1993.

Kashner, Sam and Schoenberger, Nancy. *Furious Love. Elizabeth Taylor, Richard Burton, and the Marriage of the Century*. New York: Harper, 2010.

Kert, Bernice. *The Hemingway Women*. New York: W.W. Norton & Co., 1983.

Lash, Joseph P. *Eleanor: the Years Alone*. New York: W.W. Norton & Co., 1972.

Lash, Joseph P. *A World of Love. Eleanor Roosevelt and Her Friends 1943–1962*. New York: Doubleday & Co., 1984.

Maynard, Joyce. *At Home in the World. A Memoir*. New York: Picador, 1998.

Meade, Marion. *The Unruly Life of Woody Allen. A Biography*. New York: Scribner, 2000.

Moorehead, Caroline, editor. *Selected Letters of Martha Gellhorn*. New York: Henry Holt and Co., 2006.

Morton, Andrew. *Monica's Story*. New York: St. Martin's Press, 1999.

Nadel, Ira. *Critical Companion to Philip Roth: A Literary Reference to His Life and Work*. New York: Facts on File, 2011.

Persico, Joseph E. *Franklin and Lucy*. New York: Random House, 2008.

Roth, Philip. *The Facts. A Novelist's Autobiography*. New York: Farrar, Straus & Giroux, 1988.

Salinger, Margaret A. *Dream Catcher. A Memoir*. New York: Washington Square Press, 2000.

Shostak, Debra. *Philip Roth — Countertexts, Counterlives*. Columbia, SC: University of South Carolina Press, 2004.

Sinyrd Neil. *The Films of Woody Allen*. New York: Exeter Books, 1987.

Slawensky, Kenneth. *J.D. Salinger. A Life*. New York: Random House, 2010.

Stewart, James B. *Blood Sport. The President and His Adversaries*. New York: Simon & Schuster, 1996.

Streitmatter, Rodger, editor. *Empty Without You. The Intimate Letters of Eleanor Roosevelt and Lorena Hickok*. New York: Free Press, 1998.

Указатель имён

Августин, святой — 107
Авишай Бернард — 164
Александр Великий — 153
Александр Поль — 130
Аллен Вуди — 133, 176–196
Андерсон Шервуд — 45, 49, 74, 111, 112
Антоний — 137–139, 148, 153
Ануй Жан — 141, 145
Апдайк Джон — 102, 105, 114
Арвин Ньютон — 95
Аристотель — 72, 76
Армстронг Нил — 83

Байрон Джордж Гордон — 99, 136
Бак Перл — 69, 74
Бакал Лорен — 135
Бальзак Оноре — 155
Барбюс Анри — 45
Бардо Роберт — 127
Бартон Кэйт (дочь) — 137, 144
Бартон Мария — 144, 150
Бартон Ричард — 133–153, 162, 164, 167
Бартон Сибил — 135, 136, 139–142, 152
Бартон Филип — 134, 135
Батиста Фульхенсио — 69
Бах Иоганн Себастьян — 144
Баэз Джоан — 119
Бекет Томас — 141, 150, 153
Бен-Гурион Давид — 38
Берлускони Сильвио — 209
Бергер Хелмут — 149
Бергман Ингмар — 44, 179, 180, 196
Бергман Ингрид — 137
Бернет Кэрол — 176
Бетховен Людвиг — 75
Бёрджес Энтони — 46
Бижо Женевьев — 145
Битлы — 119, 197
Блум Клэр — 136, 142, 155, 162–171
Богарт Хамфри — 135
Болдуин Джеймс — 94

Босх Иероним — 39
Брази Россано — 73
Бранден Барбара — 73, 75–84
Бранден Натан — 74–84
Брандо Марлон — 141
Бриннер Юл — 180
Бродский Иосиф — 78
Брэдбери Рэй — 80
Буллит Вильям — 13
Буниэль Луис — 195
Буш Джордж (старший) — 199, 205
Вагнер Рихард — 151-53
Вайнберг Генри — 149, 150
Валли Алида — 73
Ван Гог Винсент — 45, 56, 144
Ватерсон Сэм — 179
Велтер Сильвия — 110, 128
Видал Гор — 171
Вилк Эллиот — 190, 191
Виллис Гордон — 179, 180
Вилсон Эдмунд — 49
Вильсон Вудро — 6
Вильямс Эмлин — 134, 135
Вольтер — 78
Воннегут Курт — 90
Ворхол Энди — 149
Вулф Вирджиния — 69, 141–143
Вулф Томас — 74, 75

Галлисон Патриция — 80–83
Гальс Франс — 39
Гамильтон Ян — 128–130
Гарбо Грета — 135
Гарднер Ава — 142
Гарланд Джуди — 133, 135
Гастон, шофёр — 145
Гауди Антонио — 195
Геббельс Йозеф — 111
Геллхорн Марта — 32, 37, 38, 41, 57–64, 70
Генрих Восьмой — 153
Гессе Герман — 174
Гёте Иоганн — 155, 175
Гибсон Уильям — 149
Гилгуд Джон — 134, 135, 146

Гинзбург Билл — 206
Гитлер Адольф — 17, 18, 58, 59, 60, 69, 80, 109, 110
Гладстон Вильям — 8
Гоген Поль — 45, 56, 78, 159, 195
Гоголь Н.В. — 130, 171
Гойя Франсиско — 39
Гончаров И.А. — 99
Готорн Натаниэль — 161
Грановский Тадеуш — 163
Грейвс Роберт — 99
Грин Грэм — 57, 145, 152
Гротеке Кристи — 188, 189, 191
Гувер Герберт — 14
Гувер Эдгар — 34, 209
Гуно Шарль — 175
Гурганус Элан — 104
Гуревич Граня — 38, 40
Гуревич Дэвид — 34–43
Гуревич Мария — 43
Гуревич Эдна — 36–43
Гюго Виктор — 74, 79

Дали Сальватор — 195
Де Голль Шарль — 18, 19
Дега Эдгар — 144, 195
Делано, семья — 2, 26
Делон Ален — 149
Делон Натали — 149
Дершовиц Элан — 205, 207, 210
Джеймс Генри — 161, 163
Джеймс Цецилия (Сис) — 133
Джеймс Элфед — 133
Джексон Майкл — 133
Дженкинс Ричард — см. Ричард Бартон
Дженкинсы, семья — 133
Джойс Джеймс — 48
Джойс Элейн — 127
Джонс Джим — 84
Джонс Пола — 199, 200, 204–206, 208
Джонсон Линдон — 43, 169
Джонсон Пол, миссис — см. Люси Мерсер
Дзеффирелли Франко — 133, 144
Дикерман Марион — 22–27
Диккенс Чарльз — 87, 99, 163

Дилан Мэт — 125
Димаджио Джо — 67
Дитрих Марлен — 142
Донн Джон — 136
Дос Пасос Джон — 49, 52, 56
Достоевский Ф.М. — 163, 185
Драйзер Теодор — 185
Дрейфус Альфред — 3
Дуглас Кёрк — 180
Дуглас Клэр — см. Клэр Сэлинджер
Дэнис Санди — 142
Дэниэлс Джозефус — 6, 8, 10
Дювалье Папа Док — 145

Жуков Г.К. — 80

Замятин Е.И. — 80
Занук Даррел — 141
Захер-Мазох Леопольд — 156
Зигмунд Вилмос — 195
Зильберман, владелец галереи — 39
Зиммер Макс — 104
Золя Эмиль — 78

Ибарури Долорес — 59
Иванчич Адриана — 64–67, 70
Ирвинг Джон — 105

Казан Элия — 115
Какутани Мичико — 174
Камю Альбер — 96, 129, 174
Каплан Элен — 165
Капоте Трумен — 93, 130
Кардинале Клавдия — 180
Карри Бетти — 202–204
Карсон Джонни — 176
Картер Джимми — 169, 208
Катер Вилла — 69
Кастро Фидель — 60, 69, 80, 119, 209
Кафка Франц — 48, 92, 171
Кацав Моше — 209
Квин Энтони — 194
Кеннеди Джон — 43, 69, 80, 119
Кеннеди Жаклин — 114, 144

Кеннеди Роберт — 83
Керр Дебора — 142
Кидман Николь — 125, 173
Кизи Кен — 68
Ким Чен Ир — 209
Кинг Мартин Лютер — 83, 209
Кинси Альфред — 36
Киплинг Редьярд — 87
Китон Дайана — 178, 179
Китс Джон — 136
Клеопатра — 137–141, 148
Клинтон Билл — 120, 169, 190, 197–210
Клинтон Хилари — 120, 198–200, 202–205, 209
Клинтон Челси — 210
Коатс Сьюзан — 183
Ковард Ноэл — 151
Коллинс Джоан — 135
Копл Барбара — 192, 193
Кореш Дэвид — 84, 199
Кранах Старший — 39
Крим Артур — 178, 179
Круз Пенелопа — 195
Кук Нэнси — 22–27
Кундера Милан — 163
Купер Гари — 74
Куровски Агнес фон — 52–53, 70
Кьеркегор Сёрен — 92, 109
Кэйн Майкл — 184

Лакс Эрик — 181, 192
Ланг Доналд — 102
Ланге Хоуп — 99-101
Ланкастер Берт — 97
Лассер Луиза — 177, 178, 192
Левински Моника — 200–210
Левински, семья — 207
Левинский Бернард — 206
Ле Карре Джон — 142, 145
Леман Эрнст — 142, 143
Леннон Джон — 126, 127
Лено Джей — 193
Лессинг Дорис — 69
Лехэнд Маргарита — 12–17
Ли Харпер — 130

Линдберг, семья — 26
Линдберг Чарльз — 172
Литвинова Татьяна — 97
Лойб Гарольд — 47–49, 62
Лонгворт Николас — 8
Лонгворт Элис — см. Элис Рузвельт
Лондон Джек — 70, 79
Лорен Софи — 145, 149
Лоуренс Дэвид Герберт — 95
Лоуэлл Роберт — 128
Лука, евангелист — 134
Лэнхем, полковник — 63
Лэш Джозеф — 33, 34, 39, 40

Мак-Говерн Джордж — 197
Макдугал, супруги — 201
Макдугал Сьюзан — 206
Маккалерс Карсон — 69, 74, 141
Маккарти Джозеф — 80, 209
Мако Фрэнк — 191
Манкиевич Джозеф — 137, 138, 140
Манн Томас — 74, 155, 161
Марло Кристофер — 145
Марти Андре — 59
Мастрояни Марчелло — 180
Матисс Анри — 195
Махараши Раман — 123
Мелвил Герман — 163
Мерсер Люси — 6-11, 13–21, 27
Микоян А.И. — 69
Миллер Эрл — 23–26, 32, 41
Мильтон Джон — 161
Миро Хуан — 195
Мисси — см. Лехэнд Маргарита
Митчел Маргарет — 69, 74, 130
Михаэльсон Маргарет — 155
Молотов В.М. — 33
Моне Клод — 39, 144
Мор Томас — 143
Мохаммед Пятый — 38
Моцарт Вольфганг — 90
Моэм Сомерсет — 146
Мугабе Роберт — 209
Музиль Роберт — 48

Муссолини Бенито — 58
Мэйлер Норман — 90, 102, 155
Мэйнард Джойс — 119–125, 127, 129, 130
Мэйсон Джейн — 55–58, 70

Набоков В.В. — 93, 112, 145, 155
Ней Мишель — 63
Неру Джавахарнал — 38
Николс Майк — 143, 145
Никсон Ричард — 169, 197, 204
Нил Патриция — 74
Нобель Альфред — 63
Нортон Питер — 130
Нусбаум Бернард — 204, 205

Обама Барак — 197
Овидий — 105
О'Коннор Фланнери — 69, 74
О'Коннор Фрэнк — 73–79
Олби Эдвард — 141, 143, 146
Олдинг Дороти — 129
Олдингтон Ричард — 45
Оливье Лоуренс — 109, 115, 137, 146
Олтер Элеанор — 190
Онасис Аристотель — 144
О'Нил Колин — см. Колин Сэлинджер
О'Нил Уна — 110
О'Нил Юджин — 110
Орвел Джордж — 145
О'Салливан Морин — 180
Осборн Джон — 145, 146
О'Хара Джон — 62

Пакула Элан — 100
Паркер Дороти — 69
Паунд Эзра — 45,
Пенн Шон — 194
Перкель Эдна — см. Эдна Гуревич
Пикассо Пабло — 144, 146, 195
Пинтер Гарольд — 163
Платон — 72
Платт Сильвия — 69
Поллак Сидни — 184
Полянский Роман — 180

Понти Карло — 149
Портер Кол — 135
Портер Кэтрин Энн — 69
Превин Андре — 180, 184, 187, 193
Превин Сун-Йи — 184–194
Превин Флетчер — 184, 193
Пресли Элвис — 133, 197
Пруст Марсель — 48
Пушкин А.С. — 78, 155
Пфайфер Вирджиния — 59
Пфайфер Полина — см. Полина Хемингуэй
Пэйдж Джеральдин — 179, 180

Разерфорд Барбара — 17
Разерфорд Винтроп — 17
Разерфорд Люси — см. Люси Мерсер
Риббентроп Иоахим — 33
Редгрэйв Майкл — 146
Рейган Рональд — 169, 205, 208
Рейнольдс Дебби — 137
Ремарк Эрик Мария — 45
Рембо Артюр — 130
Рембрандт Ван Рейн — 75, 144
Ренуар Огюст — 39, 45, 144, 180
Ричардсон Ралф — 146
Ричардсон Хедли — см. Хедли Хемингуэй
Робеспьер Максимилиан — 156, 168
Родэм Хилари — см. Хилари Клинтон
Розен Харлен — 177, 178
Розенблум Ральф — 182
Роквел Норман — 181
Роллан Ромен — 74, 75
Рорен Нед — 97, 98, 101
Росселини Карло — 137
Ростан Эдмон — 74
Рот Герман — 165
Рот Сэнди — 165
Рот Филип — 93, 137, 155–175, 193, 194
Рубенс Питер Пауль — 39, 63
Рудди Ал — 84
Рузвельт Анна — 5, 17–21, 23, 26, 30, 37, 42
Рузвельт Делано Сара — 4, 5, 10, 11, 22
Рузвельт Джеймс — 25, 27
Рузвельт Джон — 7, 25, 42

Рузвельт Теодор — 2, 4, 8
Рузвельт Франклин — 2-21, 22–24, 32
Рузвельт Холл — 7
Рузвельт Элеанор — 2-43, 57
Рузвельт Эллиот — 3, 13, 26, 29, 40, 42
Рузвельт Элис — 5
Рузвельты, семья — 26
Руссо Жан Жак — 107
Рэнд Айн — 72–85
Рюноскэ Акутагава — 184

Сад, маркиз де — 156, 168
Сароян Уильям — 90
Сассета Стефано ди Джованни — 39
Сезанн Поль — 45
Сент-Экзюпери Антуан — 125
Сёра Жорж — 45
Сигал Джордж — 142
Симпсон Николь — 193
Симпсон О-Джей — 188, 193
Синатра Фрэнк — 180
Скофилд Пол — 143
Славенски Кеннет — 132
Смит Альфред — 13, 14, 23
Смит Кэйт — 56
Солженицын А.И. — 74
Спенсер Сара — 97
Спиллейн Микки — 74
Стайгер Анна — 163, 166
Стайгер Род — 137, 162
Стайн Гертруда — 45, 49, 195, 196
Сталин И.В. — 18, 59
Старр Кеннет — 205, 206, 208, 209
Стейнбек Джон — 62, 74, 172
Стендаль — 155
Стерн Говард — 198
Стерн Лоренс — 94
Страсберг Сьюзен — 149
Стрип Мэрил — 120, 193
Стэплтон Морин — 179
Суверст Мари — 3
Сэлинджер Джером — 90, 93, 98, 108–132, 133, 155, 157, 193
Сэлинджер Дорис (сестра) — 129
Сэлинджер Клэр — 112–118, 122, 126, 127, 131

Сэлинджер Колин (третья жена) — 128, 129
Сэлинджер Маргарет (Пегги) — 113, 115, 117, 121, 123, 124, 126, 128, 130–132
Сэлинджер Мэри (Мириам, мать) — 121
Сэлинджер Мэтью — 115, 121, 124, 128

Твисден Дафф — 47–50, 70
Теккерей Уильям — 94
Тимошенко Юлия — 209
Тинторенто Якопо — 63
Тито Иосип Броз — 38, 153
Тициан — 94
Тодд Лиза — 144
Тодд Майк — 137
Толстой Л.Н. — 45, 54, 74, 79, 92, 107, 133, 163, 178, 199
Томас Дилан — 136, 146, 153
Трип Линда — 202, 205–209
Тробридж (выдуманная семья) — 112
Троцкий Лев — 153
Труман Гарри — 20, 34, 35, 43
Тулуз-Лотрек Анри — 195
Тургенев И.С. — 49
Тэйлор Элизабет — 137–153, 164, 167
Тютчев Ф.И. — 92

Уайлдер Джин — 177
Уайлдер Торнтон — 74
Уильямс Теннесси — 141, 145
Уитмен Уолт — 201
Уолтерс Барбара — 127
У-Тан — 43
Утрилло Морис — 144
Уэллс Герберт — 57
Уэлш Мэри — см. Мэри Хемингуэй

Фаст Говард — 34
Феллини Федерико — 180, 181, 194
Феррер Хозе — 180
Филдинг Генри — 49, 87, 94
Фитцджеральд Зельда — 55
Фитцджеральд Скотт — 49, 55, 59, 74, 112, 195
Фитцджеральд Элла — 31
Фишер Эдди — 137–140, 142
Флауэрс Дженифер — 189, 198–200, 202, 203, 204, 208, 209

Флобер Гюстав — 87, 96, 99
Фолкнер Уильям — 74, 87
Фосбург Лэйси — 125
Фостер Винс — 197, 199, 204
Фостер Джоди — 127
Франк Анна — 172
Фэрроу Дилан (Элайза) — 183–193
Фэрроу Миа — 177, 180–194
Фэрроу Мозес — 186, 187, 188, 193
Фэрроу Сашель (Хамонд) — 183, 186–191, 193
Фэрроу Стефани — 184
Фэрроу Тэм — 188

Хаббард Рон — 84
Хаксли Олдос — 80
Хант Сьюзен — 150, 151
Харди Томас — 163
Харрис Эд — 173
Харрисон Рекс — 137
Хассет Билл — 20
Хемингуэй Грегори — 54
Хемингуэй Грэйс (мать) — 46
Хемингуэй Джон Никанор — 46, 50
Хемингуэй Кларенс Эдомондс (отец) — 55
Хемингуэй Мариэль — 184
Хемингуэй Мэри — 57, 61–71
Хемингуэй Патрик — 54
Хемингуэй Полина — 50–55, 65, 70
Хемингуэй Хедли — 45, 46, 48–52, 65, 70
Хемингуэй Эрнест — 32, 37, 44–71, 87, 90, 92, 109, 111, 112, 148, 160, 174, 195, 196
Хёрт Джон — 152
Хикок Лорена — 26–34, 36, 57
Хинкли Джон — 127
Хобхауз Джейн — 161, 162, 169
Хопкинс Энтони — 173
Хоуп Боб — 176
Христос — 109, 134, 158
Хрущёв Н.С. — 41
Хуссейг Саддам — 199
Хэвилленд Оливия де — 135
Хэй Салли — 151-53

Цезарь Юлий — 137

Чавез Уго — 209
Чаплин Чарли — 110, 136, 176
Чейни Дик — 208
Чернышевский Н.Г. — 79
Черчилль Уинстон — 19, 146, 153
Чехов А.П. — 87, 91, 101, 163
Чивер Айрис (невестка) — 88
Чивер Бен (сын) — 101, 106
Чивер Джон — 70, 86-107
Чивер Мэри (жена) — 86, 89–92, 95, 98, 100
Чивер Мэри Лили (мать) — 87
Чивер Сьюзен (дочь) — 89–91, 95, 96, 100–106
Чивер Федерико (сын) — 100, 101
Чивер Фред (брат) — 87, 88, 102
Чивер Фредрик Линкольн (отец) — 87
Чэпмен Марк — 127

Шаш Томас — 68
Шварц Лоренц — 86
Шейфард Ребекка — 127
Шекспир Уильям — 75, 87, 133–136, 141, 144, 145
Шелли Перси — 136
Шеллинг Фридрих — 2
Ширак Жак — 209
Шлезинджер Артур — 21
Шолохов М.Н. — 45
Шон Уильям — 119, 128
Шоу Ирвин — 61, 90
Шпигельгласс, майор — 90
Шуматова Елизавета — 19, 20, 34
Шульц Бруно — 163

Эббот Генри — 102
Эйзенхауэр Дуайт — 19, 43, 80, 169
Экклезиаст — 133
Элиот Джордж — 163
Элиот Томас — 136, 195
Элкинс Хиллард — 162
Эппис Бетти — 126

Юстис, семья — 8